

Анна Шнайдер

Тьма императора. Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большой черный ворон парил в потоках ледяного ветра. Плавно взмахивая крыльями, он летел в сторону императорского дворца, рассекая воздух и осматривая окружающее пространство зорким взглядом темных глаз.

Птица не успела даже вскрикнуть, за мгновение снесенная стеной ослепительного огня. Пламя ударило вертикально вверх, в небо, образуя прямоугольную клетку, а затем понеслось в центр, выжигая все — дома, деревья, животных и людей. Наткнулось на полупрозрачный купол щита, созданного будто бы из воздуха, заревело сильнее — и начало стремительно уничтожать этот купол. С каждой секундой он иссякал, становясь тоньше, и в конце концов, торжествуя вспыхнув, пламя ринулось дальше, сжигая то, что находилось в центре огненной клетки. Несколько мгновений побесновалось, подняв с земли тонны черного раскаленного пепла, и опало — словно и не пламя это было вовсе, а вода, ушедшая теперь под землю.

Остался только пепел.

Угольно-черный, обжигающе горячий — будто след от огромного сгоревшего костра на месте четырех домов в центре Старой Грааги. Он оседал мучительно медленно, не давая ни на шаг приблизиться к тому, что сияло там, впереди, в самом сердце пепла.

Ослепительная яркость абсолютного энергетического щита была обманчива — казалось, что в этом сиянии нет места смерти, но смерть там все же была.

Вано Вагариус, ощущая нестерпимую боль в груди, отвернулся и посмотрел на стоящего рядом охранника.

— Юст, что с докладом Дайду и его величеству?

— Я все сделал, как вы просили, — сказал мужчина. Голос его слегка дрожал. — Передал сигнал немедленной тревоги всем постам, императору в том числе.

— Хорошо, — кивнул Вано. Что ж, теперь оставалось только ждать.

Вагариус вновь посмотрел вперед, на оседающий пепел. Контурный щит светился не менее ярко, чем раньше, обжигая своим свечением глаза Вано.

— Софи, — прошептал он почти неслышно. — Бедная моя девочка.

Услышав, что возле Императорского музея открылась порталная ловушка, император, попросив Анну остаться с Александром, сразу шагнул в камин и начал строить пространственный лифт к крыльцу музея. Двадцать секунд на построение лифта, вписанная константа перемещения... и стены лифта осыпались. Перенос был заблокирован.

Арен, выругавшись, попробовал другие координаты, чуть подальше от здания музея. То же самое. Тот, кто готовил ловушку для Агаты, хорошо все продумал, понимая — если император успеет перенестись, успеет и спасти дочь.

Но Арен не успевал.

Он пробовал координаты все дальше и дальше от музея, теряя драгоценное время, и к моменту, когда император наконец смог вписать константу и стены лифта засветились, перенос его в город, прошло уже почти две минуты.

Переместиться получилось только в конец улицы — за десять домов от музея, — и Арен, дождавшись, пока стены лифта истаяли, со всех ног побежал вперед, туда, где пульсировала темная энергия Геенны. Он не обращал внимания на людей, застывших посреди улицы с открытыми ртами и глазами, полными ужаса — он просто бежал. Так быстро, как мог. Браслет связи на запястье вибрировал, но отвечать или смотреть на экран Арену было некогда.

Император видел, что огонь порталной ловушки удерживается на месте щитом родовой магии Вано, но не иссякает. Значит, пламя еще не достигло цели, не нашло носителя

портального ключа и не сожгло его.

И только Арен подумал это — как огонь исчез, будто и не было ничего, оставив после себя черную дыру из горького пепла.

— Ваше величество! — крикнул Вагариус, наконец заметив несущегося сломя голову с другого конца улицы императора. Арен не остановился — пробежал мимо Ваню, нырнул в пепел и едва не споткнулся, вдруг осознав, что именно находится перед ним.

Император ощущал дочь родовой магией, он понимал, что она должна быть жива, и бежал сейчас к ней. И там, впереди, действительно была Агата, живая и невредимая — только не отзывалась ментально, словно находилась в глубоком обмороке. И тело ее светилось...

Арен моргнул, вздохнув впервые с того момента, как вбежал в сожженную порталной ловушкой зону. Пепел вошел в легкие, и император закашлялся — родовая магия защищала его от жара, но не от пепла. Быстро поставил воздушную преграду и пошел дальше, сжав зубы.

Он прекрасно знал, как выглядит кокон абсолютного энергетического щита, хоть и не видел его ни разу до этого момента.

И прекрасно чувствовал, чей именно контур оплетает тело дочери.

София...

Арен опустился на колени рядом с Агатой, ощущая, как режет глаза. Их словно ножом кололо, а в груди вместо сердца бился комок боли.

София...

Сквозь сияние энергетического контура император видел бледное лицо дочери — Агата была обнаженной, но пепел на ее тело не ложился — долетая до щита, сворачивал в сторону, не трогая светящуюся паутину.

София...

Хотелось завывать, как дикому зверю.

Арен протянул руку к щеке дочери и коснулся кончиками пальцев того, что осталось от его маленькой аньян. Горячий, но не обжигающий, чистый свет... который, скорее всего, иссякнет через пару секунд.

Абсолютный энергетический щит должен исчезнуть, как только исчезнет опасность.

Арен нахмурился, не понимая...

Но она уже исчезла. В тот самый миг, как иссякла порталная ловушка — пепел Агате был уже не страшен.

Однако щит продолжал светиться.

После того как император вошел в пепел, прошла еще минута — и возле здания музея наконец стали загораться пространственные лифты. Из самого первого вышел бледный и злой как тысяча демонов Гектор Дайд.

— Где его величество? — буркнул он, подходя к Вагариусу. Ваню кивнул на то, что осталось на месте ловушки.

— Ясно. — Морщины на лбу главного дознавателя чуть разгладились. — Он не отвечает по браслету, я уже думал, что... — Гектор осекся, вглядываясь в оседающий пепел. — Это...

— Да, — сказал Ваню, потирая грудь. — Абсолютный энергетический щит. Моя София...

— Демоны! — выругался Дайд, глядя на эти движения, и, оборачиваясь к своим подоспевшим сотрудникам, заорал: — ВРАЧЕЙ СЮДА, БЫСТРО!!!

Бригада скорой помощи из Императорского госпиталя вышла из пространственного лифта еще секунд через тридцать, и Гектор, усадив побледневшего безопасника на землю, передал его докторам, а сам поспешил к зданию музея, изумленно оглядываясь на то, что осталось от травы и деревьев возле близлежащих зданий. Растения словно тоже тронуло огнем порталной ловушки, хотя на самом деле это был вовсе не огонь, а родовая магия императрицы.

Она сама обнаружилась лежащей на скамейке возле входа в музей. Рядом стоял мрачный охранник. Увидев Гектора, он вытянулся по стойке «смирно» и доложил:

— Ее величество в обмороке, айл Дайд.

— Сюда тоже нужен врач, — пробормотал дознаватель. — И возможно, не один... Еще пострадавшие из выживших имеются?

— Нет. В основном все находились в здании музея, вход был перекрыт по приказу Вагариуса, как только... это началось. На улице было человек десять, они тоже сейчас внутри.

— Отлично. Пока не выпускать, — кивнул Гектор. Вернулся к площадке для пространственных лифтов, нашел еще одну бригаду врачей, послал их к императрице, распределил работу для собственных сотрудников, а после, убедившись, что пепел достаточно остыл, пошел к его величеству.

Шло время, но сияние абсолютного энергетического щита не иссякало.

И Агата в себя тоже не приходила.

Арен не понимал, что все это значит. Он пытался позвать дочь ментально, но она молчала, а слишком сильно давить на сознание император боялся.

Исследование щита ничего не дало. Он был таким, как на изображениях — кокон из энергетического контура, сияющий и плотный. Но почему-то не исчезал.

— Ваше величество...

Арен обернулся — к нему сквозь пепел шел Гектор Дайд, и эмоции его так сильно горчили, что император немедленно поставил эмпатический щит.

— Доложи обстановку, — сказал Арэн хрипло.

— Императрица в обмороке, у Вагариуса сердечный приступ и магическое перенапряжение, — отчеканил дознаватель, хмуро глядя на Агату. — Прочее число... пострадавших уточняется. Я отправил своих осматривать территорию и опрашивать свидетелей. Ваше величество... — Гектор вновь посмотрел на императора. — Я думаю, вам с ее высочеством, императрицей и Ваном надо в госпиталь.

— Да, Викторию и Ваном можно отправить пространственным лифтом. Как... — Арэн запнулся — дышать было демонски трудно, а говорить — еще труднее. — Как Ваном?

— Жив, — буркнул Дайд. — Больше ничего хорошего я не могу сказать.

Император кивнул, понимая, что эмпатический щит сегодня точно лучше не снимать — иначе эмоции окружающих, особенно Вагариуса, могут начисто снести ему разум. А Арэн и так с трудом держался.

— Как думаешь, почему он не иссякает? — спросил он, вновь глядя на дочь в сиянии контурного щита.

— Я не знаю, ваше величество, — ответил Гектор, и в голосе его была печаль. — Я впервые вижу подобное. Могу лишь предположить...

— Предполагай.

— Посмотрите на руки, — продолжил Дайд после секундной заминки. — Руки ее высочества. Видите? Пальцами она цепляется за контур. Вероятно, именно это не позволяет щиту исчезнуть.

Арен опустил взгляд — и понял, что Гектор, скорее всего, прав. И как он сразу не заметил? Агата с силой сжимала кулаки, держась за паутину контура так, словно на ее месте были руки Софии.

София...

Император, вновь ощутив, что не способен дышать, на секунду закрыл глаза, пытаясь справиться с собственными чувствами.

— Ее высочеству нужно в госпиталь, — продолжал между тем Гектор задумчиво. — Но как ее туда доставить? Выдержит ли контурный щит транспортировку...

«Контурный».

Арен распахнул глаза, неожиданно почувствовав, что вновь может дышать. Кольнуло надеждой — глупой, хрупкой, почти не осуществимой...

— Гектор, вызови сюда Эн Арманиус, — прохрипел император с трудом. — И поскорее.

Эн Арманиус в настоящий момент была единственным в Альганне специалистом по восстановлению сломанных энергетических контуров. В случае с абсолютным энергетическим щитом о восстановлении речь не шла, но... надо же было с чего-то начать?

Эн вышла из пространственного лифта в сопровождении главного врача Императорского госпиталя Брайона Валлиуса через пару минут после того, как Арэн приказал Гектору вызвать ее. Дознаватель проводил их с главврачом к месту, где находились император с Агатой, и сам остался здесь же, глядя на то, как Эн садится рядом с наследницей и задумчиво изучает рисунок контурного щита. Потом она и вовсе достала из сумки перчатки из драконьей кожи, надела их и начала осторожно щупать контур. Без перчаток дотрагиваться до него, не рискуя получить ожог, могли только члены семьи Альго.

— С наследницей все в порядке, — сказала она спустя минуту, поглядев сначала на Валлиуса, а затем на Арена. — По крайней мере в настоящий момент. Что же касается щита... Он не исчезает, потому что ее высочество держит контур и питает его своей жизненной силой. Как только отпустит — щит иссякнет.

Императору показалось, или дочь сильнее сжала кулаки?

— Она сможет держать контур подобным образом примерно трое суток, — продолжала Эн. Голос ее был типичным голосом врача — спокойным и бесстрастным. — Если хотите, я могу сделать так, что ее высочество отпустит контур прямо сейчас. Ну или вы можете ментально сами попросить ее об этом. Я думаю, она вас услышит.

Арена затоснило. Попросить Агату отпустить Софию? Чтобы она потом всю жизнь считала себя виноватой в ее смерти?!

— Эн, — произнес он сипло, — ты считаешь, здесь ничего нельзя сделать?

Она чуть нахмурилась, поглядев на императора с удивлением.

— Такого не бывает, — сказала Эн резко. — Всегда можно что-нибудь сделать. Я только не гарантирую результат.

— Я понимаю. Сделай, если можешь, Эн. Я прошу.

Наверное, она в этот момент была поражена — Арэн видел по глазам, но эмоций не ощущал, закрытый эмпатическим щитом.

— Тогда аккуратно выносите ее высочество к площадке для лифтов, — произнесла Эн, поднимаясь. — И переноситесь в госпиталь.

— А можно переноситься? — уточнил Арэн. — Контур не...

— Нет. Контур не исчезнет, пока его не отпустит Агата, ваше величество. Сознательно не отпустит. Пространственные лифты на это никак повлиять не могут.

— Хорошо. — Император повернулся к Дайду. — Гектор, я ухожу. Прошу тебя взять все под контроль и доложить о результатах вечером либо по мере необходимости. Ваню и его величество?..

— Они уже в госпитале, — отозвался дознаватель, а Валлиус добавил:

— С обоими все в порядке. Ваша жена пришла в себя, с ней работают психотерапевты.

— Ваше величество... — Вновь заговорил Гектор. — Что делать с... родственниками Софии Тали?

— Пока ничего не сообщать. Позже, — ответил император, наклоняясь над Агатой.

Брать ее на руки было страшно. Алена даже холодный пот прошиб — он опасался, что-нибудь случится либо с дочерью, либо с контуром Софии.

София... неужели он больше никогда ее не увидит?

Император осторожно подхватил Агату на руки и медленно, боясь дышать, поднял с превращенной в пепел земли. Все осталось, как и прежде — дочь не двигалась, и контур облеплял ее тело, словно вторая кожа.

— Идемте к лифтам, — сказала Эн, и в ее голосе Алену почудилось сочувствие. — Я сама перенесу вас с Агатой.

— Спасибо, — проговорил император, прижимая к себе дочь.

— Пока не за что, — вздохнула Эн.

Обычно по выходным в госпитале было чуть спокойнее, чем в будни, но не в эту субботу. По сигналу тревоги, включенному по приказу Вагариуса, были мобилизованы все службы, в том числе и Императорский госпиталь. Заведующие отделений, которые в обычном режиме по выходным на работе отсутствовали, были вынуждены в срочном порядке явиться в госпиталь, и теперь толпились возле зала для переносов, ожидая главного врача. Прошло еще слишком мало времени для того, чтобы слухи разошлись в полном объеме, поэтому большинство сотрудников оказались не в курсе произошедшего и ждали дальнейших указаний.

Император с Агатой на руках, Эн и Валлиус вышли из двух лифтов одновременно. Главврач, оглядев застывших в изумлении сотрудников — не каждый день видишь императора, еще и с такой странной ношей, — скомандовал:

— Заведующий реанимационным отделением идет с нами. Остальные пока могут расходиться по своим рабочим местам. Домой никто не уходит.

Вперед вышел высокий мужчина с густыми черными волосами и направился следом за императором, Эн и Валлиусом, которые уже следовали к лифтам.

— Алекс, в какую палату? — спросила Эн, не оборачиваясь.

— Четыреста пять.

Ален этого почти не слышал — он нес Агату как можно осторожнее, стараясь не забывать про эмпатический щит. Ощущать сейчас чужие эмоции он совершенно не хотел — своих было слишком много.

Контур, коконом окружавший его дочь, не мерцал и не пульсировал — просто светился, и так же ярко, как и прежде, когда Агата лежала на земле среди пепла. И императору казалось, что он несет на руках не только дочь, но и Софию тоже.

Милая маленькая София. Неужели больше никогда?..

— Сюда, — сказала Эн, распахивая перед Ареном створки белой больничной двери.

Палата, в которую вошел император, была очень просторной, с удобной и почти двуспальной койкой, широкой тумбочкой, столом у окна, парой стульев и даже шкафом для одежды — но Арэн этого и не заметил. Он аккуратно, не дыша, положил Агату поверх белоснежного покрывала и с тревогой взгляделся в лицо дочери — бледное и по-прежнему безучастное. Она словно спала, но это точно был не сон — иначе Арэн уже дозволялся бы ее.

— Около получаса назад возле Императорского музея была активирована порталная ловушка, — заговорил главврач. — Ее высочество осталась невредима благодаря тому, что... — Он на секунду запнулся, будто эта мысль его удивляла. — ...что ее аньян стала контурным щитом.

— Аньян? — А вот в голосе реаниматолога было не то, что удивление, а настоящий шок.

— Аньян, — вмешалась Эн. — Но давайте не будем терять время. Алекс, вы не могли бы распорядиться, чтобы мне принесли необходимую аппаратуру? Мне нужен «колпак» и...

— Стоп-стоп, — перебил ее заведующий отделением, — вы что собираетесь делать? Я не очень понимаю. Я не против обеспечить вас оборудованием, но хотел бы знать, что вы планируете предпринять. Я ведь отвечаю за то, что происходит в моем отделении.

— Я пока не знаю, что собираюсь делать, — ответила Эн спокойно. — Это невозможно решить за десять минут. Надо подумать.

— Я прошу прощения, но, на мой взгляд, здесь все ясно. Три варианта — либо катализировать сознание медикаментозно, либо физически, либо ментально, заставив девочку отпустить контур. И чем скорее она его отпустит, тем лучше.

— Замолчите.

В палате повисла тишина. Арэн напряженно смотрел на дочь, теперь уверенный в том, что ему не показалось, и Агата действительно сильнее сжала кулаки.

А еще в уголках глаз он заметил слезы.

«Агата, — позвал император мысленно. — Агата, радость моя, ты слышишь?»

В голове зазвенело от истошного крика.

«НЕТ!»

И вновь тишина.

Арэн с трудом сделал вдох — в груди болело так, словно у него самого был сердечный приступ, — и холодно сказал:

— Во-первых, я прошу вас всех контролировать то, что вы говорите при моей дочери. Она слышит и переживает. Во-вторых — я не желаю слышать ни слова о том, что она должна отпустить контур.

— Ваше величество... — начал реаниматолог тоном человека, который собирается уговаривать, но его перебила Эн.

— Агата! — произнесла она громко, делая шаг к койке, и остановилась у императора за спиной. — Меня зовут Эн, три года назад я вылечила твоего дядю Арчибальда. Не волнуйся, я постараюсь сделать все, чтобы вернуть твою аньян. — Девушка запнулась, задержав дыхание, а потом ответила: — Да, я обещаю.

Значит, Агата говорила с ней ментально? Арэн не успел спросить — Эн прояснила все сама.

— Но больше не обращай ко мне мысленно, иначе быстро устанешь. И расслабь немного руки. Не бойся, контур от этого не исчезнет, наоборот, тебе станет легче его

держат.

Кулаки дочери после этих слов действительно чуть разжались.

— Алекс, давайте выйдем, я все вам объясню, — продолжала Эн. — Брайон, и вам тоже. Ваше величество... вы пока можете побыть здесь, я потом еще раз отдельно вам все расскажу.

В другой день Арен улыбнулся бы этому «вы пока можете» по отношению к императору. Но не сегодня. Он вообще был не уверен в том, что теперь когда-нибудь сможет улыбаться.

Арен кивнул, и трое врачей тихо вышли в коридор. Они разговаривали минут пять, и их было почти не слышно — только заведующий реанимационным отделением один раз возмущенно воскликнул «Эн!», но потом все вновь стихло.

Император сел на койку рядом с Агатой и погладил дочь по руке, задевая и энергетический щит Софии. Чистое и теплое сияние... Неудивительно, что она смогла превратиться в подобное. Она ведь была чистейшим созданием...

«Нет, — подумал Арен, снова начиная задыхаться, — никаких «была». София есть. Она еще не исчезла».

Тихо открылась дверь, и в палату вошла Эн. Приблизилась к койке и, встав рядом, негромко сказала:

— Ваше величество, я могу... объяснить, что собираюсь сделать?

— Да, конечно, — глухо ответил Арен, не подняв головы — он продолжал смотреть на дочь. — Рассказывай.

— Есть такой врачебный постулат — мага нельзя считать мертвым, пока у него светится контур. Этот постулат позволяет мне... скажем так — совершать некоторые манипуляции, поскольку пока человек жив, врач обязан его лечить. И сейчас мы по сути не можем отказать в лечении. Неважно, по какой причине контур светится и откуда берется жизненная сила. Именно это я и сказала Алексу. Но так как случай беспрецедентный, завтра мне придется выступить на врачебном консилиуме, изложить аргументы и продемонстрировать план лечения. Которого у меня, правда, пока нет. Но я думаю, будет. А сейчас я собираюсь подсоединить вашу дочь к силовым накопителям, чтобы она не тратила жизненную энергию на поддержание контура, поставить «колпак», чтобы можно было следить за ее физическим состоянием, ну и... да, составлять план. Так что вы, в принципе, можете идти. Я теперь буду с Агатой. Там, кстати, перед палатой уже куча охраны, Гектор прислал. Поэтому можете не волноваться.

Император наклонился и, коснувшись ладони дочери — а заодно и контура Софии — губами, поднялся с койки.

— Я зайду позже. Если будет необходимость, связывайся со мной по браслету.

Эн кивнула и, мгновение помешкав, неуверенно спросила:

— Напомните, пожалуйста... как ее звали? Вы называли имя, когда говорили с Гектором, но я забыла. Простите.

— София, — ответил император, не понимая, какое отношение это имеет к лечению. — Ее зовут София.

— София... — повторила Эн, глядя на сияющий кокон, в котором находилась Агата. — Спасибо, ваше величество.

Возле палаты действительно стояли четверо безопасников, вытянувшихся по струнке, как только Арен вышел в коридор.

Теперь первым делом нужно было навестить Викторию и Вану, но где они сейчас,

император не имел понятия.

— Вы знаете, где Вагариус и моя жена? — поинтересовался Арен у старшего из охранников.

— В терапии, ваше величество, — ответил мужчина. — Густав вас проводит.

— Есть, — услужливо кивнул молодой парень, но император остановил его, покачав головой.

— Не надо. Оставайтесь на посту. Я перенесусь туда. Какой этаж?

— Второй, ваше величество.

Через полминуты Арен вышел из лифта посреди коридора в терапевтическом отделении. Именно здесь работала Эн, но поместить сюда Агату сейчас не могли — всех, кто находился без сознания, отправляли в реанимацию.

Проходящие мимо императора врачи и медсестры здоровались и кланялись, глядя на него кто сочувственно, кто с любопытством, но были и испуганные взгляды. Причем чаще всего эти взгляды принадлежали врачам-аристократам.

— В какой палате лежит моя жена? — спросил Арен у невысокого коренастого мужчины в белом халате. Только когда тот ответил, император подумал, что главный врач наверняка должен был написать ему на браслет связи и, покосившись на экран, действительно увидел отчет от Валлиуса. Совсем голова не работает... хотя это не удивительно.

Вагариус и Виктория находились в соседних палатах, и Арен, помешкав, зашел сначала туда, где лежал безопасник. Неизвестно, сколько продлится разговор с женой — если она, конечно, способна разговаривать, — а вот встреча с Ваном долгой точно не будет.

Хмурый и недовольный Вагариус обнаружился у окна больничной палаты. Он пил морс из большой белой чашки и был почти полностью одет — только китель висел на спинке стоящего рядом стула.

— Ваше величество, — сказал Ван, сразу поставив чашку на подоконник, — я хотел бы узнать...

— Энергетический контур Софии так и не исчез, — перебил его император. В груди вновь все сжалось, но Арен не обратил на это внимания. Некогда. — Я перенес Агату сюда, она сейчас в реанимации. Моя дочь держит твою внучку, Ван.

Безопасник смотрел на него широко открытыми глазами, в которых на самом дне императору чудилась надежда.

А еще эти глаза были такими же серыми, как...

— Сейчас ими обеими занимается Эн Арманиус, — продолжил Арен с трудом. — Я не знаю, что она собирается делать. И она пока не знает. Но она обещала и мне, и моей дочери, что постарается вернуть Софию.

Вагариус сглотнул.

— Ваше величество...

— Не надо, Ван, — оборвал его император. — Не говори ничего. Я не собираюсь тебя обнадеживать — абсолютный энергетический щит считается невозвратным заклинанием.

— Магов со сломанным контуром раньше тоже считали безнадежно больными. Но Эн ведь нашла решение, вылечила вашего брата... — сказал Вагариус негромко — он, как и Арен, цеплялся за соломинку.

— Ван, — вновь прервал безопасника император, — что говорят врачи? Тебе можно уйти из госпиталя или лучше оставаться здесь?

— Мне нужно уйти из госпиталя. — Вагариус упрямо поджал губы. — Неважно, что они говорят.

— Важно. Я не хочу потерять тебя. Мне нужна твоя помощь, Ваню. Что они говорят?

Глава Комитета безопасности чуть слышно вздохнул.

— Говорят, что лучше подождать хотя бы до вечера. Но кто-то ведь должен сообщить матери Софии.

— Да. — Император на пару мгновений задумался. — Тогда иди сейчас к ней. Приведешь сюда, все расскажешь, можете поговорить с Эн. Когда я освобожусь, тоже пообщаюсь с мамой Софии. А затем ты будешь лежать в госпитале как минимум до завтра.

Вагариус поморщился, но кивнул.

— Да, ваше величество. А... насколько все я могу рассказывать? Кем работала София — могу?

— Можешь. Пока в сохранении этой тайны нет никакого смысла. А потом разберемся.

Идти к Виктории не хотелось до тошноты несмотря на эмпатический щит. Для полноты счастья Арену только истерики ее и не хватало.

Морщась от предчувствия очередного скандала, император изучил отчет Валлиуса о состоянии Виктории. Физически она была в порядке, а вот эмоционально...

Однако поговорить с женой было нужно, поэтому Арен, на всякий случай еще немного укрепив щит, открыл дверь в палату, где лежала Виктория, и шагнул внутрь.

Она сидела за столом у окна и смотрела на улицу. Как и Вагариус, Виктория так и не переделалась. Услышав шаги, она немедленно вскочила с места и посмотрела на императора широко распахнутыми заплаканными глазами.

— Арен...

— С Агатой все в порядке, — сказал он быстро. — Я знаю, тебе сообщили, но на всякий случай повторяю еще раз. Она осталась цела и невредима благодаря Софии.

Виктория моргнула — глаза ее постепенно заполнялись слезами, — открыла рот, но так ничего и не произнесла, громко разрыдавшись и оседая на стул.

Тошнота усилилась, но Арен уже не обращал на нее внимания — подошел к жене, наклонился и обнял, вновь поставив на ноги.

— Вик, не плачь, — произнес он безжизненным голосом. — Все хорошо. Агата жива и здорова. Не надо плакать.

— Я не могу-у-у, — провыла Виктория ему в грудь. — Я все время вспоминаю этот огонь...

— Он был на крови Аарона, — перебил ее император, желая чем-то отвлечь. — Я ощутил, пока бежал по улице к портальной ловушке. Не смог перенестись к зданию музея.

Она затихла, сжав ладони на его плечах.

— Кровь Аарона? — переспросила Виктория с ужасом. — Но...

— Он мертв, да. Значит, оставил кому-то... запасы. Что лишний раз доказывает — Гектор не всех арестовал. Впрочем, мы в этом и не сомневаемся. Вик, — Арен отстранился и заглянул жене в глаза, — я очень прошу. Не отказывайся от помощи психотерапевта. Она тебе сейчас необходима.

По правде говоря, раньше она тоже была необходима, но все восемь лет Виктория категорически отказывалась от подобных предложений, еще и обижалась на него. Арен ожидал, что и сейчас она тоже будет сопротивляться и кричать, но жена просто кивнула.

— Да. Я... мне это очень нужно, да.

Удивляться император сегодня был не способен, поэтому лишь вздохнул с облегчением.

— Я могу навестить Агату? — продолжила Виктория с робостью. — Я хотела, но меня не пустили, попросили остаться в палате до твоих указаний. И во дворец ей уже можно или пока нет?

Навещать дочь жене было категорически нельзя — про то, что контур Софии так и не исчез, император рассказывать не собирался. Виктория наверняка начнет возмущаться, что Агату нужно немедленно заставить отпустить контур, не подумав о том, каково придется после этого их девочке. Арен опасался — если он услышит подобное, может сорваться и сжечь что-нибудь.

— Нельзя. Ни во дворец, ни навестить. Прости, Вик. Зато во дворец можно тебе. Я сейчас распоряжусь, чтобы тебя туда перенесли. С Алексом осталась Анна, присоединяйся к ней. Одна не сиди ни в коем случае. Поняла?

— Да, — вздохнула Виктория. — Но, Арен... с Агатой действительно все в порядке?

— Действительно.

— Почему ее тогда нельзя навестить?

Правдоподобный ответ никак не придумывался, поэтому император просто сказал:

— Нельзя, Вик. Я все объясню позже. Главное ты знаешь — Агата жива и здорова, с ней ничего не случится.

Глаза Виктории вновь начали стремительно наполняться слезами. Она опустила голову и пробормотала:

— Да, Арен.

Надо бы спросить, в чем опять дело, но императору хотелось поскорее уйти.

— Я поговорю с врачами о твоей дальнейшей терапии, а потом тебя перенесут во дворец. До вечера. И пожалуйста, пообедай.

— Ты тоже, — произнесла она негромко, так и не подняв головы, и Арен, поцеловав жене руку, покинул палату.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На улице по-прежнему дул ледяной ветер, но теперь еще и дождь добавился. Мелкий, противный, колкий, словно крошечные иглы, впивающиеся в кожу.

Покинув госпиталь, Ваню Вагариус вздохнул и поморщился, раскрыв над собой выданный в регистратуре зонт. Заведующий терапевтическим отделением отпустил его не более, чем на два часа, выписав пропуск только благодаря просьбе императора, и, хмурясь, посетовал, что на тот свет пациенты торопятся больше, чем в столовую. Вагариус пообещал, что быстро вернется, на что врач только рукой махнул.

Синтия Тали... да, не так он представлял себе их первую встречу, совсем не так. Ваню надеялся, что со временем мама Софии привыкнет к его присутствию в жизни девочки, наслушается рассказов о нем и однажды разрешит зайти в гости. А получилось вот что.

Вагариус не знал, стоит ли надеяться на возвращение внучки, или лучше перестать мучить собственное сердце. Эн Арманиус... Он много слышал о ней и от Арчибальда, и от нескольких коллег, которым она восстановила энергетический контур. Знал, что она очень талантливая, понимал, что Эн будет стараться сделать все возможное, но... но одно дело — восстановить то, что есть, пусть и сломано, и совсем другое — вернуть исчезнувшее. Она ведь не богиня.

Ваню разговаривал сам с собой, уговаривая перестать надеяться, но не получалось.

Эн ведь не сказала сразу, что дело безнадежное, не отказалась. Она же сообразительная девочка, стала бы она заниматься тем, что не имеет смысла? Нет, конечно. Но почему тогда? Неужели она видит какую-то возможность?..

Жалея, что сам не поговорил с Эн, Вагариус заказал магмобиль и через пять минут уже выходил возле цветочной лавки Синтии Тали. Здесь было два входа — первый в лавку, а второй — в жилые комнаты, и Ваню, помешкав, все же зашел в первую дверь.

В нос сразу ударил запах цветов, и безопасника затошнило. Он ненавидел этот запах с тех тройных импровизированных похорон — пусть хоронить было нечего, от отца, матери и тети Ализы остался один пепел, традицию необходимо было соблюсти, и похороны организовал Комитет безопасности — место работы обоих его родителей. Цветов тогда многочисленные знакомые и коллеги принесли море, и запах в храме, где проходил обряд прощания с усопшими, стоял удушающий.

Ваню огляделся, пытаясь найти среди ваз с цветами Синтию, но ее здесь не было — за прилавком стояла какая-то молодая светловолосая девушка.

— Здравствуйте, — сказала она любезно, — чем я могу вам помочь?

— Я ищу айлу Тали, — ответил Вагариус. — Мне необходимо с ней поговорить.

— А, — кивнула девушка, — у вас, наверное, заказ на определенную дату? Да, айла Тали ведет запись сама. Она сейчас наверху, но я ее позову.

Цветочница чуть наклонилась и нажала что-то под прилавком, и сразу после этого на втором этаже послышался негромкий перезвон колокольчика.

Сердце вновь неприятно кольнуло. Вот, сейчас, еще минута, и бедная мама Софии все узнает. Как ему вообще говорить ей об этом? Какими словами?

Хлопнула дверь, послышались быстрые шаги. Ваню оглянулся — Синтия вышла из другого конца лавки, на ходу поправляя чуть растрепавшиеся волосы и, увидев его, застыла, резко побледнев.

Она была очень красивой, неудивительно, что Атор положил на нее глаз. Даже сейчас, уже не такая молодая, она сохранила и прекрасную фигуру, и ровную чуть смуглую кожу почти без морщин, и густые блестящие темные волосы, и большие карие глаза, в которых Ваню увидел страх.

— Здравствуйте, — сказал он спокойно, наклонив голову, — мне нужно поговорить с вами, айла Тали. Но желательно, не здесь.

Синтия бледнела все сильнее, и Ваню уже начал опасаться, что она упадет в обморок.

— Где София? — выдохнула она, задрожав всем телом. — Где моя девочка?..

— Давайте не здесь, — попросил Вагариус, краем глаза заметив, как с любопытством косится на них помощница Синтии. — Я знаю, у вас на первом этаже есть кухня, София говорила. Лучше там.

Это было нагло, но Ваню не видел другого выхода. Не в кафе же им идти, в самом деле?

Синтия явно колебалась, не желая с ним разговаривать, но стремление узнать, что с дочерью, оказалось сильнее.

— Идемте, — произнесла она в конце концов шепотом. — Мэг, звони, если что.

— Да, айла Тали.

Мама Софии развернулась и пошла в другой конец лавки. Открыла небольшую дверь, которую Ваню еле рассмотрел за вазами с цветами, и зашла внутрь. Он последовал за ней и сразу оказался на кухне.

Здесь пахло уже по-другому, и от этого запаха у Вагариуса заболели глаза.

Это был запах дома. Настоящего дома, которого у него уже давно не было. Теплый аромат хлеба, сладкий — варенья и булочек, и терпко-горький — запах самой Софии. Ваню легко мог представить, как она сидит здесь, за этим столом овальной формы, накрытым бежевой скатертью, улыбается и смеется.

— Говорите, — сказала Синтия резко, обходя стол, словно хотела использовать его в качестве защиты. — Где моя дочь? Что вы с ней сделали?

Вагариус вздохнул. Демоны, как же сложно говорить... Держать щит над порталной ловушкой и то было легче.

— София — аньян детей императора, — еле выдавил он из себя то, что было проще всего.

— Защитница, — охнула Синтия, опускаясь на ближайшую табуретку и глядя на него широко раскрытыми изумленными глазами. — Как же это... Она не говорила...

— Она не могла сказать. Его величество ставит печать молчания на всех служащих дворца.

— Ох...

— Сегодня утром ее высочество Агата и София отправились на выставку в Императорский музей. На магмобиле. По пути они попали в порталную ловушку. — Ваню загнуло — сердце в груди билось, как шальное, и говорить было невыносимо трудно. — Агата выжила благодаря Софии. Ваша дочь превратилась в абсолютный энергетический щит.

Синтия смотрела на него с ужасом, но Ваню видел, что она не понимает. Она ведь не была магом.

— Абсолютный энергетический щит — очень редкое явление. В момент опасности, если маг сильно желает кого-то спасти, он может превратиться в такой щит. Бессознательно.

— А-а-а... — Глаза Синтии наполнились слезами. — А обратно?..

— Считается, что это невозможно, — произнес Ваню, но продолжить не успел — губы женщины задрожали, а потом она заплакала, закрыв лицо руками.

— Софи-и-и... бедная... моя... девочка-а-а...

Вагариус не выдержал — обошел стол и встал перед Синтией на колени.

— Простите. Я не уберег ее.

Она явно не слышала, продолжая плакать.

— Еще не все потеряно, — сказал он громко, дотронувшись ладонью до локтя Синтии. — Энергетический щит должен был исчезнуть, когда минует опасность, но в этот раз он не исчез. София не исчезла. Вы слышите меня?

Рыдания стихли.

— Не... исчезла?

— Нет. Этим... вопросом занимаются в Императорском госпитале. Нам с вами сейчас нужно туда. Посмотреть на Софию и поговорить с ее лечащим врачом.

Синтия подняла голову.

— С врачом? Значит, она...

— София не исчезла, — повторил Ваню. Сказать «умерла» он был не в состоянии. — Пойдемте. Увидите все сами.

Она всхлипнула.

— Девочки... Надо их с кем-то оставить... Сейчас... Свяжусь с подружкой, подождите...

Вагариус кивнул и поднялся.

— Я подожду снаружи. Уладите все и выходите. Пока закажу нам магмобиль.

— Да, хорошо, — пробормотала Синтия и, вновь всхлипнув, вытерла мокрые щеки.

Пообщавшись с Валлиусом, Арен договорился о сеансах психотерапии для жены. Поскольку врач должен был приходиться во дворец, император решил запросить у Гектора подробное досье, но написать дознавателю не успел — браслет завибрировал, и Арен, поглядев на экран, понял, что связаться с ним пытается как раз Дайд.

— Мне нужно поговорить с вами, ваше величество, — сказала хмурая проекция Гектора. — И лучше прямо сейчас. Я перенесусь. С Валлиусом я уже общался, он распорядился подготовить нам с вами помещение для разговора. Палата сорок шесть. Это...

— Рядом с Агатой. Хорошо, я иду туда и жду тебя.

Дознаватель появился через пару минут, и вид имел не просто недовольный, а очень недовольный.

— У меня две новости, — начал Гектор, как только они с императором разместились за столом в палате, и Арен на всякий случай поставил кровное заклинание глухоты на помещение. — К сожалению, обе так себе. Начну с главной. Слух о произошедшем возле музея распространяется по городу со скоростью света, и хоть официальных объявлений еще не было, многие уже в курсе дела. И до института артефакторики этот слух дошел в первую очередь.

Арен подобрался.

— Адриан?..

— Он сбежал, — сказал Гектор с такой яростью, словно мечтал лично свернуть племяннику императора шею. — Сбежал еще до того, как мы пришли туда, чтобы с ним поговорить. Услышав новости, пошел к залу для переносов, оттуда построил лифт на Дворцовую площадь, а уже с площади перенесся дальше, и демоны его знают, куда.

— А постовые что? Ворон считали? — процедил император и поморщился, когда Дайд ответил:

— Адриан нацепил иллюзорный амулет. Постовые засекали только высокого

темноволосого мужчину под сильным амулетом, передали дежурным в комитет, а те уже мне. Я сразу подумал, что это может быть Адриан, но... поздно.

Что ж, теперь все понятно.

Портальная ловушка, которая строится при помощи артефактов, заблокированная для императора возможность переноса, кровь Аарона, отца Адриана, и этот побег. Очевидно.

И как хорошо спланировал свой уход! Конечно, в институте артефакторики не обратили внимания на принца, ушедшего в зал для переносов, тем более, что время было обеденное. Поставые — дежурные дознаватели на Дворцовой площади, контролирующие в том числе переносящихся через пространственные лифты, — заметили мужчину под подозрительно сильной иллюзией, сообщили для проверки, но к тому времени Адриан построил еще один лифт. А отследить координаты переноса на общественной площадке для лифтов — это утопия. Там их слишком много, и одна формула переноса перекрывает другую.

Однако существовал еще кровный поиск, и сейчас Арен, закрыв глаза, прислушался к нему.

— Гнида, — прошипел он через несколько секунд, — перенесся на север, как можно ближе к Геенне. Это все, что я могу сказать, Гектор. Я ощущаю Адриана очень слабо.

— Я так и знал. Попытка уже его найти обыкновенным поисковым заклинанием — демона с два. Геенна все глушит. Поэтому и хотел с вами поскорее поговорить — думал, может, вы почувствуете.

Император покачал головой, понимая — если бы он сейчас почувствовал Адриана, то, скорее всего, до вечера племянник бы не дожил.

— Еще кое-что, ваше величество. Виго Вамиус.

— Тоже сбежал?

— Да, причем, по-видимому, ночью. Он живет с родителями и сестрой, накануне слежка его проводила до дома, как обычно. Оттуда Вамиус не выходил, браслет связи всю ночь молчал и по координационным показаниям находился на одном месте. Мои ребята заподозрили неладное только к полудню, но подумали — вдруг Виго просто спит так долго? Мало ли, бывает. Подождали еще час, а потом узнали про ловушку и сразу мне отчитались. Я наведалься к Виго. Родственники его сами не знают, где он, не могут отыскать. Браслет, на который Вамиус накинул заклинание глухоты, мы обнаружили в его комнате. В прихожей — след пространственных координат, который ведет на городскую площадь Ритайлы*. (*Ритайла — город недалеко от столицы.) Ритайльские поставые зафиксировали в час ночи перенос неизвестного мужчины под слабым иллюзорным амулетом. Он спокойно сошел с площадки и отправился в город. Дальнейший его путь неизвестен, но скорее всего, в Ритайле Вамиуса уже нет. Либо в этом городе живет один из членов заговора, либо бывший начальник охраны дворца нашел где-то возможность перенестись обратно в Граагу — в любом случае он наверняка сейчас в столице.

— Значит, Виго и Адриан... — протянул император задумчиво. — Что ж, мозаика сложилась.

— Не совсем, ваше величество.

— Что? — Арен поднял брови. Гектор глядел на него, хмурясь и поджимая и так тонкие губы.

— Это мелочь, я понимаю, и совсем не доказательство. Но все же. Виго Вамиус сбежал ночью, когда о портальной ловушке еще никто не знал. Значит, он сам знал точно, и понимал, что рискует быть не то, что арестованным — испепеленным. Но Адриан сбежал сегодня, только после того, как услышал новости от коллег. Почему? Ваш племянник такой трус, что должен был унести ноги одновременно с Вамиусом, если не раньше.

— Возможно, он опасался, что я догадаюсь и никуда не отпущу Агату.

— Да, такой вариант есть, — кивнул Гектор. — Но вы все же не шаман-прорицатель, ваше величество. Учитывая характер Адриана, вы скорее подумали бы, что он где-то загулял, чем предположили покушение на свою дочь.

— Это точно, — пробормотал Арен. — Думаешь, он не знал? Убежал тогда зачем?

— Наверное, полагал, что вы не будете разбираться, и просто испепелите всех, кто мог иметь отношение к портальной ловушке. И его — в первую очередь.

— Это глупо, Гектор.

— Глупо, ваше величество. Но эта глупость вполне могла прийти в голову вашему племяннику.

— Согласен. У тебя все?

— Из срочного — все, — подтвердил Дайд. — Остальное я доложу ближе к вечеру. Пока собираем информацию.

По дороге в госпиталь Вагариус рассказывал Синтии о том, что такое портальная ловушка. Оказалось, что она впервые слышит это понятие, и Ваню поблагодарил Защитника за то, что это именно так — все же мама Софии пока не понимала истинного масштаба трагедии и ей было проще надеяться на положительный исход, чем ему.

— Портальная ловушка — это что-то вроде магической клетки. Попавшие туда не могут перенестись пространственным лифтом, да и не успевают чаще всего — стены клетки вспыхивают огнем и пламя стремится внутрь, сжигая все на своем пути.

— Значит, эту ловушку создают маги? — спросила женщина испуганно. — Четыре мага?

— Нет. — Ваню покачал головой. — Четыре артефакта, установленных в четырех углах клетки. Артефакты, конечно, делает маг. Чтобы ловушка сработала, нужен еще порталный ключ. Пока этот ключ не попадает в определенную пространственную... э-э-э... в общем, пока он не попадает в определенную точку на местности, и он, и эти артефакты как бы спят. А как только попадает — ловушка активируется.

Синтия задумалась, морща лоб и кусая губы. Ваню не представлял, о чем она думает — наверное, это все звучало для нее, обычного человека, очень странно.

— Получается, четыре артефакта — в углах клетки, а ключ — внутри. Да?

— Да.

— А как он попадает внутрь?

— Чаще всего порталный ключ подкладывается тому, на кого рассчитана ловушка. В этот раз, я думаю, он был у охранника ее высочества. Подложить что-то, например, в аптечку, проще всего. Агата и София на магмобиле доехали до нужной точки, ключ активировался, ловушка сработала.

— Ясно, — пробормотала Синтия, опуская глаза. Она вообще старалась лишней раз не смотреть на Вагариуса, а если все же смотрела, то быстро отводила взгляд, бледнея. — А... Получается, это нельзя обнаружить заранее? Ключ, артефакты...

— Ключ нельзя. Ну, если только знать точно, что вот на этом предмете есть формула портальной ловушки. А артефакты обнаружить можно, на расстоянии примерно в метр они начинают фонить силой, и это можно засечь другими артефактами, если проверять местность.

— Не проверяли?

Ваню грустно усмехнулся.

— Проверяли. Но мы проверяли улицу, на которой стоит Императорский музей. А артефакты для портальной ловушки были заложены на соседние улицы, из-за чего при активации они снесли четыре жилых дома.

Вот теперь она посмотрела на него.

— Четыре дома?!

— Да.

— Это... — Синтия запнулась. Голос ее внезапно осип. — Сколько же погибших?

— Много. Точной цифры я пока не знаю, но предполагаю, что не меньше двухсот человек.

— Защитница, — прошептала она с ужасом. — Неужели это все только для того, чтобы убить наследницу?

— Это для того, чтобы убить императора. Не физически, так морально. — Магмобиль остановился, и Ваню покосился в окно. — Выходим, приехали.

Возле двери в палату, где находилась Агата, стояли четыре охранника, и Синтия, пока шла по коридору, все сильнее сжималась и втягивала голову в плечи. Ей явно было не по себе.

— Мы хотели бы поговорить с лечащим врачом, — обратился Ваню к старшему из охранников. — Передайте, пожалуйста, айле Арманиус, что пришли родственники аньян ее высочества.

Мужчина на пару мгновений заглянул в палату, а затем кивнул Вагариусу.

— Проходите.

Ваню не ожидал, что Эн пустит их настолько быстро, поэтому слегка напрягся. Как отреагирует Синтия, когда увидит, что стало с Софией? Он так и не понял, осознала ли она, что произошло с ее дочерью.

Эн стояла возле койки, держась одной рукой за спинку, когда Ваню и Синтия зашли в палату. На столе позади нее безопасник заметил какие-то книги, тетради, листы бумаги, на одном из которых был зарисован кокон энергетического щита.

— Здравствуйте, — сказала девушка. Вагариус тоже негромко поздоровался, косясь на Синтию — не упадет ли в обморок?

Она не падала. Бледная, как снег, смотрела на сияющий контур вокруг тела Агаты и дрожала.

— Софи... — прошептала, делая шаг вперед, словно намеревалась подойти, но была остановлена мягким, но решительным голосом Эн.

— Не трогайте, пожалуйста. Обожжетесь.

Только после этого Синтия обратила внимание на врача.

— Это... это и есть щит, да? То, во что превратилась моя девочка?

— Да, — ответила Эн, кивая на стулья возле стола. — Садитесь, пожалуйста. И вы, айла Вагариус, тоже. Кстати, охранник сказал, что пришли родственники. То есть, вы оба?

— Оба, — сказал Ваню, усаживая Синтию, но сам садиться не стал, застыв рядом. — Айла Синтия Тали мама Софии, а я ее дедушка.

— Очень хорошо. — Кажется, Эн обрадовалась. — После нашего с вами разговора пойдете в процедурную, сдадите кровь.

— Зачем? — уточнил Вагариус.

— Я собираюсь использовать кровные артефакты. Кровь Софии достать невозможно, хотя бы ближайших родственников. Отец ее, как я понимаю...

— Он умер. — Ваню опустил глаза на Синтию, которая продолжала изучать фигуру Агаты в коконе щита. — Вы думаете, что-то можно сделать?

Эн тоже взглянула на Синтию, чуть слышно вздохнула, а затем громко произнесла:

— Айла Тали, посмотрите на меня.

Мама Софии вздрогнула, поднимая голову.

— Я хочу, чтобы в первую очередь вы услышали то, что я сейчас скажу, — продолжила Эн тише и гораздо мягче. — Услышали и поняли. Я постараюсь говорить понятнее — вижу, что вы не маг. Если что-то все равно будет неясно, спрашивайте меня, хорошо?

Синтия неуверенно кивнула. На Эн она смотрела так, будто девушка была самой Защитницей.

— Вы спросили, можно ли что-то сделать. Что-то сделать всегда можно. Не бывает, чтобы совсем ничего нельзя было предпринять. Но результата это не гарантирует главным образом потому, что подобная ситуация уникальна. Впервые в истории абсолютный энергетический щит не иссяк сразу после использования. Соответственно, мне в своих врачебных изысканиях почти не на что опереться.

— Но как же тогда... — прошептала Синтия, и Эн пояснила:

— «Почти» — это еще не «совсем». Щит контурный, а знаний о энергетических контурах у меня достаточно.

— Значит, шанс есть? — не выдержал Ваню. Он понимал, что слишком торопится, задавая подобный вопрос, но так хотелось услышать «да»!

— Скажите, айл Вагариус... когда вы увидели этот щит, почему сразу решили, что перед вами София? — ответила Эн вопросом на вопрос. Безопасник на секунду замешкался.

— Я... не знаю, — произнес он немного растерянно. — Просто сразу понял.

— Я задавала этот вопрос императору и Дайду, — продолжала девушка. — Оба ответили то же самое. Император толком и внимания не обратил на мой вопрос, Гектор весьма озадачился, но у обоих не было времени рассуждать.

— Я тоже чувствую, что это София, — вмешалась Синтия, и Ваню заметил, что она чуть порозовела. Да, этот разговор явно идет ей на пользу. — Не знаю, может, оттого, что... айл Вагариус сказал... Но я чувствую, правда.

— Вы все ее знали, — сказала Эн. — Поэтому определили сразу и безошибочно. В конце концов, если бы София вошла сюда... м-м-м... обладая телом, вы бы тоже сразу поняли, что это она, и ни с кем бы не перепутали. Но вот я... я ее не знала. Наверное, именно поэтому я ощущаю все несколько острее. Здесь, — девушка кивнула на Агату, — не один человек. Не только ее высочество. Я не могу безошибочно определить, как определили вы, что это именно София. Просто чувствую, что здесь есть еще один человек.

Ваню и Синтия удивленно молчали. Они понимали, что хочет сказать им Эн, но до конца не осознавали, как это связано с лечением.

— Я никогда не видела энергетический контур отдельно от человеческого тела, как сейчас. Но я видела погасшие контуры и у живых людей, и у мертвых. Мертвый человек не ощущается так, как сейчас ощущается София. Понимаете? Вы чувствуете ее живой. И я чувствую. Только тела нет.

А ведь действительно...

Вагариус вновь взглянул на контур, теперь понимая, почему Эн взялась за это дело, казавшееся безнадежным. Он тоже видел умерших людей и знал, что от них идет энергетический холод.

София — точнее, ее контур — был теплым, как контур живого человека.

— Этот эффект возникает из-за того, что Софию держит ее высочество? — спросил Ваню громко, как никогда боясь услышать ответ.

— Нет, айл Вагариус. Агата только не дает ему погаснуть, да и держит она его по причине того, что тоже ощущает Софию. Думаю, еще более живой, чем мы.

Эн посмотрела на койку, где лежала принцесса, и улыбнулась.

— Она сейчас сказала: «Да!»

— Ее высочество... говорит с вами? — выдохнула Синтия. — Мысленно?

— Говорит. Она мне вообще уже много всего рассказала, — Эн улыбнулась шире. — У меня были вопросы к Агате по поводу ощущений от удерживания контура. И она подтвердила мои догадки, сказав, что чувствует Софию очень живой и теплой — как будто ваша дочь ее обнимает. Только тела нет, — повторила Эн. — Но я постараюсь что-нибудь придумать, обещаю. А сейчас, пожалуйста, идите в процедурную, сдайте кровь, она точно пригодится.

— А потом... можно прийти сюда? — спросила Синтия робко. — Я бы хотела немного побыть здесь. Если вы не возражаете.

— Не возражаю. Только вам, айл Вагариус, лучше вернуться в палату. Насколько я помню, вас сегодня доставили с сердечным приступом и магическим перенапряжением.

Поймав удивленный взгляд Синтии, Ваню чуть улыбнулся и успокаивающе погладил женщину по плечу. К его радости, она не отшатнулась, даже не вздрогнула.

— Верно, Эн. Я сдам кровь и вновь лягу, не переживайте.

— Отлично. А вы, айла Тали, после процедурной сходите в столовую. Обед уже закончился, но вас накормят. Скажете только, что так велел зам главврача.

— Зам главврача? А это кто?

— Это я, — ответила Эн, усмехнувшись.

Звукоизоляция в госпитале была отличная — чтобы не мешать больным отсыпаться, пока по коридору круглосуточно кто-то бежит и гремит, — и тишина в палате за закрытой дверью казалась Виктории просто оглушительной. А еще — вязкой, неприятной, словно болото, в котором можно было задохнуться и утонуть.

Находиться здесь, в одиночестве, было мучительно. Но Виктория почему-то не ощущала привычного раздражения. Ей было тоскливо, хотелось плакать и даже выть, как раненой волчице, но злости она не чувствовала. Да и на кого злиться? На Арена, что запер ее здесь? Ну так для ее же блага, да и ненадолго это, скоро обратно во дворец. На лечащего врача, который задавал вопросы вежливым до тошноты голосом и фиксировал ответы в блокнот? Он просто выполнял свою работу.

А может, злиться стоило на себя?

Виктория всхлипнула и прижала ладони к щекам. Да, только на себя и стоило бы злиться. Это ведь она сказала за столом про поездку на выставку, она! Дура, где были ее мозги?! Если бы не София...

София.

Подумав об аньян, Виктория все же расплакалась, толком не понимая, почему. Ревновала ведь ужасно, еще накануне страшно злилась, и утром тоже. Но сейчас ревность даже головы не поднимала — то ли умерла в ней, то ли переродилась во что-то другое.

Софию было жаль. Виктория не знала, обоснована ее ревность или нет — теперь ей казалось, что скорее нет, чем да, — но это и все равно. Все равно! В любом случае — смерти София не заслужила, и она действительно любила Агату с Александром. Даже абсолютным щитом смогла стать... А ведь для этого нужно по-настоящему искреннее

чувство.

И как теперь будет Агата?.. Бедная ее девочка! Она ведь будет жить, понимая, что София умерла за нее. Конечно, Агата не виновата, но разве от этого легче?

Виктория вздохнула, вытирая слезы рукавом платья, что совсем не подобало делать императрице, но она себя ею сейчас и не чувствовала. Она чувствовала себя до ужаса несчастной, и почему-то — очень-очень виноватой перед всеми. И не только потому что сказала про выставку за обедом, а просто из-за самого факта своего существования на этом свете.

Лучше бы она ехала в том магмобиле с Агатой и стала энергетическим щитом, а София осталась бы жива.

Виктория всхлипнула и потянулась за стаканом с водой.

Энергетическим щитом? Нет, она никогда не смогла бы им стать. Не настолько у нее чистая душа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проводив Викторию во дворец и убедившись, что все в порядке и с Анной, и с Александром, император решил еще раз зайти к Эн.

День начинал клониться к закату, и когда Арен вошел в палату, помещение было залито ярко-оранжевым солнечным светом. Удивительно для такого пасмурного дня, каким был сегодняшний. Но к вечеру распогодилось, небо поглубело, тучи разошлись, остался лишь ветер — холодный, резкий и неприятный. Правда, император об этом ветре не имел ни малейшего понятия — с момента, как они с Эн перенесли в госпиталь, он не был на улице.

На стуле возле Агаты сидела женщина, и как только Арен открыл дверь и шагнул внутрь, она вскочила, испуганно глядя на него, и неловко поклонилась.

— Ваше величество...

— Садитесь, айла Тали, — сказал император. Женщина медленно опустилась на стул, нервно сглатывая и не отрывая от него напряженного, полного опаски взгляда.

Арен подошел ближе, наклонился и поцеловал дрогнувшую руку.

— Спасибо вам, — произнес он тихо, не спеша выпрямляться. — За Софи. Независимо от того, что случится дальше, я обещаю — вы никогда не будете нуждаться.

Несколько мгновений император смотрел в смятенные глаза айлы Тали, не выпуская из своей ладони ее руку. Женщина молчала, быстро-быстро моргая, словно боялась расплакаться, и Арен, чтобы не смущать ее еще больше, все же выпрямился и повернулся к Эн.

— Тебе есть, что сказать мне? — обратился он к девушке, которая что-то стремительно записывала на листке бумаги, не поднимая головы.

— Угу, — кивнула Эн. Оторвалась от своего увлекательного занятия и, вздохнув, произнесла, глядя на маму Софии: — Побудьте здесь несколько минут, пожалуйста, айла Тали. А я пока пообщаюсь с его величеством.

Арен сразу понял, что Эн не хочет разговаривать при Агате, и кивнул.

— В соседней палате можно.

Девушка поднялась, и они проследовали в соседнюю комнату, где Эн, даже не садясь, сразу быстро заговорила:

— Консилиум назначен завтра на полдень. Мне нужно, чтобы вы пришли раньше, к одиннадцати хотя бы, а лучше к десяти. Я расскажу все, что смогла разработать. Консилиум имеет смысл проводить только в том случае, если вы будете согласны меня поддержать.

— Я согласен, — сказал Арен спокойно, и Эн покачала головой.

— Завтра, ваше величество. Решите завтра, после того, как все услышите.

— Хорошо, — согласился император так же спокойно. Он мог бы возразить, что согласен на все, кроме риска жизнью Агаты, но у него не было сил на пустые препирательства.

— Вас самого врачи-то смотрели? — поинтересовалась Эн, мгновение помешкав. — Или?..

— Нет.

— Вы же не бессмертный, — сказала она укоризненно. — У Вагариуса был сердечный приступ, не хватает только, чтобы он и у вас случился. Это ведь десять минут, ваше величество.

— У меня нет десяти минут. Ты что-то еще хотела сказать, или это все, Эн?

Кажется, она рассердилась.

— Так нельзя, понимаете? Если вы сами свалитесь, уже никого не спасете, ни Софию, ни Агату, ни Альганну. Вы хоть ели?

Арен промолчал. В любой другой день ему было бы смешно, что Эн настолько беспокоится, да и странно тоже. Он до сих пор не мог понять, почему ее прежняя ненависть к нему так и не вернулась.

— Ясно. И не ели. Да вы так себя сами угробите, без помощи заговорщиков, — продолжала возмущаться Эн. — Вот они рады-то будут!

— Этого и добиваются.

— Что? — она нахмурилась.

— Убить императора очень сложно. — Демоны, как же трудно говорить, в груди будто камень вместо сердца. — Есть способы, конечно, но они сопряжены с огромным риском, а главное — с человеческими жертвами. Жертвами среди заговорщиков. Куда проще, если император угробит, как ты выразилась, себя сам. Сойдет с ума, например. Или просто будет настолько морально дезориентирован, что не сможет удерживать Венец. На это нужны силы, Эн, и не только магические.

— Тем более! — Теперь она даже покраснела от негодования. — Так, все. Сейчас пойдем в смотровую, и я вас сама посмотрю. Это пять минут! А потом в столовую. И сама поем, и вы тоже поедите.

— В смотровую — согласен, — уронил Арен тяжело. — В столовую — нет. Я потом поужинаю. Не переживай.

Эн пыхла и словно пыталась просверлить его разгневанным взглядом. Но в конце концов сдалась и проворчала, делая шаг к двери:

— Она была бы недовольна вашим поведением.

— Кто?

— София.

Арен на секунду закрыл глаза, пережидая приступ боли в груди и неспособность дышать.

— Верни ее мне, — попросил он тихо и хрипло, останавливая Эн кратким прикосновением к плечу. — Пожалуйста. Верни.

— Я очень постараюсь, — ответила она так же тихо, замерев возле двери. — Обещаю.

Арен еще раз осторожно погладил девушку по плечу, а затем они вышли из палаты.

Слава Защитнице, с императором оказалось все в порядке, и Эн, быстро перекусив в столовой, вновь пошла к принцессе. Прежде, чем идти домой, нужно было сделать кое-что еще.

— Ну и где ты гуляешь, — пробурчал Рон Янг, увидев девушку. Эн еще днем попросила его прийти в госпиталь сразу после работы. — Я тебя уже заждался. В палату эти изверги меня не пускают, — он покосился на невозмутимых охранников. — Говорят, либо император должен указание дать, либо ты. Практически приравняли тебя к его величеству.

Эн фыркнула.

— Ужинала я. Пошли, Рон. Ребята, он со мной.

— Ужинала она... А я вот не ужинал, — пожаловался друг, но тут же запнулся и замер, глядя на сияние абсолютного контурного щита. На сидящую рядом с койкой Синтию он даже внимания не обратил. — Защитник...

— Спасибо вам, айла Тали, — сказала Эн, вежливо улыбаясь женщине. — Вы можете идти. Вам, наверное, уже нужно?

— Да, — женщина кивнула, засуетившись. — Я пойду, надо забрать дочек у подруги... А завтра можно будет прийти к Софии?

— Конечно. Но не раньше полудня.

Эн проводила глазами Синтию и, дождавшись, пока дверь в палату закроется, обратилась к Рону, который все это время стоял посреди помещения и смотрел на принцессу в коконе энергетического щита, застыв каменным изваянием.

— Ро-о-он... Отомри.

Он громко выдохнул.

— Эн... это невероятно...

— Согласна. Но я тебя сюда позвала не для того, чтобы щит рассматривать. Мне...

— Демоны! — Рон взъерошил волосы и улыбнулся шальной улыбкой. — И ведь я даже обсудить с тобой ничего сейчас не могу из-за этой печати молчания! Хоть во дворец переносись.

Теперь пришла очередь Эн замирать и удивленно таращить глаза.

Потом девушка нахмурилась и вновь посмотрела на Агату в коконе. Затем на Рона. И опять на Агату.

Постепенно выражение ее лица менялось, становясь понимающим.

— А-а-а... Нет, но как... Бессознательный характер применения ведь...

— Значит, придумали что-то, чтобы был сознательный! Поэтому и не свет, а огонь.

— Похоже... Но, Рон, — Эн помотала головой, — давай потом это обсудим, хорошо? Сейчас я про другое. Ты можешь к утру понедельника сделать мне пять связных игл? Кровных. Органических*.

(*Связные иглы — артефакты для установления связи между двумя объектами. Кровные — на крови, органические — способные к растворению, попадая в ткани человека.)

— Пять?! Зачем столько? Обычно же одна игла нужна.

— Если тело все-таки появится от моих, — Эн вздохнула, — манипуляций, то думаю, что отдельно от контура. Его нужно будет пришить, и я хочу использовать принцип связного артефакта. И оставить иглы в теле, как ты когда-то сделал с Бертом.

— В этом есть смысл, — протянул Рон. — Пять — по числу конечностей плюс голова?

— Да.

— Ладно, сделаю.

— Спасибо. На крови троих человек нужно. Двое уже сдали, сейчас отдам пробирки, а у третьего я завтра сама возьму.

— Император? — уточнил Рон понимающе, и Эн кивнула.

Арен поддался на уговоры Эн по одной простой причине.

Он прекрасно помнил, как отец после смерти матери сообщил, что начал чувствовать тяжесть собственной головы. «Венец давит, — так он тогда объяснил. — Чтобы его удерживать, нужна не только магия. Горе делает слабее волю, разрушает тебя изнутри, а что изнутри разрушено, то гнилое. На гнилом ничего не держится».

С середины дня Арэн начал ощущать нечто похожее, какую-то тяжесть на лбу и в висках.

Словно он носит головной убор, который ему мал на несколько размеров, и поэтому давит со всех сторон.

Эн сказала, что все нормально. Значит, проблема только в моральном состоянии, но Арен не представлял, как его исправить. Он просто старался не думать слишком много, не отчаиваться и заниматься делом. Дела отвлекали его от мыслей. Так было всегда.

Вот и сейчас — Гектор написал, что готов доложить о расследовании, и Арен отправил ему в ответ зеленый сигнал, попросив перенестись сразу во дворец. Пообщается с Дайдом и пойдет к Виктории с Алексом.

С момента их последнего разговора главный дознаватель, увы, не повеселел.

— Начну с мелочи, — сказал он сразу, как они сели на диван в кабинете Арена, и Гектор положил перед императором небольшую папку. — Вы просили собрать досье на лечащего психотерапевта Виктории, мои ребята порылись, я тоже посмотрел. Чисто, я бы сказал, девственно. Валлиус ручался. Да и не аристократ он.

— Еще немного — и я действительно начну избегать титулованных, — пробормотал Арен, взяв папку. — Спасибо, Гектор, я посмотрю.

Дознаватель кивнул и продолжил:

— Теперь к покушению. Около полудня Агата, София, охранники и водитель садятся в магмобиль и едут к Императорскому музею, куда можно попасть только одним путем, объезд исключен. Через десять минут они попадают в порталную ловушку. Вопрос первый — откуда к заговорщикам пришла информация о посещении наследницей музея? Руководство было не в курсе, их не оповещали, это ведь не в рамках официального мероприятия. Знали немногие, и информация могла прийти, на мой взгляд, с двух фронтов. Ваша жена упомянула эту поездку во время обеда — первый фронт, а второй — охрана. Как бы Вагариус ни старался обезопасить и засекретить предстоящее, в сопровождении было слишком много охранников и незамеченными их приготовления оказаться не могли. Тем более, что Дэйва срочно поменяли местами с дежурным охранником — это вообще прямое указание на то, что планируется какая-то поездка. Подробности до наших заговорщиков могли и не дойти, но этого и не требовалось. Время для срабатывания порталной ловушки значения не имеет — только место.

— Значит, ты считаешь, что и здесь замешаны мои родственники? — спросил Арен прямо. — Не учитывая тот факт, что Адриан сбежал.

— Я считаю, что это однозначно. Просто потому что больше неоткуда было взять информацию об Императорском музее — только со слов ее величества. Никто из охранников, даже Дэйв, не знал, куда именно поедет наследница. Водителям Вагариус сообщил только утром, перед выездом. Да, улицу патрулировали, но ведь туда должна была поехать и императрица. По этой же причине охраняли сам музей.

— Не нужно было пускать Агату... — пробормотал Арен.

— Не вините себя. Это действительно невозможно было предусмотреть. Закладывать артефакты на соседние улицы, понимая, что вместе с наследницей погибнут и другие люди... Это преступление не только против вас — против всей страны. В числе погибших и аристократы есть, немного, но есть. И если раньше идеи заговорщиков находили поддержку среди титулованных, то после сегодняшних событий симпатий стало на порядок меньше.

— В этот раз они думали, что достигнут цели, поэтому и решили сыграть по-крупному, поставить на кон все, что есть. Демоны, я уже как Аарон стал говорить.

— Да, ваш брат был игроком, но игроки проигрывают, ваше величество. Он проиграл. И эти... последователи... тоже. Получилось так, что они сыграли против самих себя. И цели не достигли, и людей, в том числе аристократов, повернули в вашу сторону.

— Как бы теперь стычки не начались, — Арен покачал головой. — Ситуация и так патовая, они еще добавили. Сколько погибших?

— Двести шесть.

— Защитник...

— Не считая Софию, ваше величество.

Сердце кольнуло, и император поморщился.

— Ясно. Что ж, давай дальше.

— Кто-то, кто был на том обеде, — продолжил Дайд, — дал заговорщикам информацию. Артефакты могли быть изготовлены и вне дворца, а вот порталный ключ нужно было подсунуть к кому-то, кто ехал сегодня с Агатой. Это явно была задача Виго, раз он так оперативно сбежал. Проще всего было что-то подложить своим же коллегам-охранникам, да и несложно это. Раздевалка у них общая, аптечки и форму они оставляют там же, причем ящики не закрывают — а зачем, если нечего красть? За это их еще ваш новый начальник охраны взгреет. Амулеты-то закрыты, но и остальное нужно обезопасить. Аптечки и амулеты проверяются перед каждой сменой, чтобы все было в наличии и исправно. Достаточно было просто заменить что-то из содержимого аптечки — любой пузырек с лекарством или блистер с таблетками, да хоть шприц, неважно. Формула порталной ловушки может быть записана на любом предмете.

— Понятно. — Арен потер нюющие виски. — Роль Виго здесь ясна. В прошлый раз, когда Агату пытались отравить, думаешь, это он заходил в комнату Софии, а оттуда в детскую?

— Полагаю, что да, ваше величество.

— Я никогда не ощущал от него ни ненависти, ни презрения, — сказал Арен задумчиво. — Но ладно ненависть... хоть какой-то негатив должен был быть. Если только его Аарон научил справляться с этим.

— Простите, ваше величество... — Гектор чуть наклонил голову. — Но на мой взгляд, вы, как и все эмпаты, чересчур полагаетесь на свою эмпатию. Можно быть преданным идее, но не испытывать ненависти и презрения к тем, кто ей не предан. Можно испытывать неприязнь, но тем не менее не предавать и не пытаться убить. Я думаю, Вамиус не чувствовал к вам ничего, ваше величество. Он служил сначала Аарону, затем — тому, кого ваш брат оставил после себя. Вас он не ненавидел. Вы же не ненавидите сорняк, который собираетесь выполоть?

— Он боялся, — вспомнил вдруг Арен. — Иногда и совсем немного. Когда я злился, он боялся.

— Ну, это не удивительно. Когда вы злитесь, и я боюсь.

— Нет, Гектор. Ты никогда не боялся меня. Ты боялся за меня — тогда, на площади. Но мы отвлеклись. Давай дальше.

— Артефакты, заложенные в четырех углах ловушки, сгорели дотла, мы не нашли даже частичек. Но нашли другие артефакты, из-за которых вы не смогли перенестись к Императорскому музею сразу. Это был действительно умный ход — если бы не они, возможно, вы успели бы спасти хотя бы Агату с Софией и Дэйвом.

Впервые за последние несколько часов Арену захотелось кого-нибудь убить — он вспомнил, как раз за разом строил пространственные лифты к Императорскому музею. Для обычных людей перенос в черте города был разрешен лишь на специальные площадки, но император мог перенестись куда угодно. Подобная возможность закладывалась в артефакты, которыми блокировался перенос в черте города — носитель Венца прописывался как исключение из общего правила.

— Как им это удалось?

— Обыкновенные артефакты пространственной блокировки, но не для всех, а конкретно для носителя Венца. Усилены кровью вашего брата. Если бы не это, они бы так долго не выдержали. С пару минут все же продержались. И перенеслись вы не потому что нашли незаблокированную точку, а потому что артефакты не выдержали, сломались. Кровь Аарона, конечно, это кровь Альго, но вы сильнее.

— Двух минут там было достаточно. Я все равно опоздал.

— Двух минут должно было хватить Дэйву для построения нейтрализатора. И на нем, и на Софии, и на Агате были щитовые амулеты Ваню. Объединившись, они дали охраннику дополнительное время. Но... амулет-нейтрализатор с вашей кровью был неисправен.

Арен посмотрел на Гектора с удивлением.

— Откуда ты это знаешь? Дэйв погиб, Агату ты не опрашивал. Откуда?

Дайд вздохнул и заговорил с неожиданной злостью:

— Потому что они все неисправны, ваше величество. Все до единого! Пусть ваш брат вечно горит в огне Геенны, а Вигу пусть пожрут все ее демоны! — Дознаватель вздохнул еще раз, ноздри его расширились, а затем он сказал уже тихо и почти спокойно: — Прошу меня извинить.

— Ничего, — ответил Арэн ровно. — Продолжай.

— Амулеты-нейтрализаторы с каплей вашей крови выдаются охранникам при необходимости, после окончания смены сдаются и хранятся в сейфе в кабинете начальника охраны. Либо он, либо его заместители выдают эти амулеты. Чтобы было понятно, в рабочем состоянии амулет или нет, в них встроены красный кристалл — он светится, если внутри амулета живая кровь императора, которую можно использовать для нейтрализации чего угодно, в том числе порталной ловушки. Всего таких амулетов десять штук, считая тот, что был у Дэйва. И все светятся. И тем не менее — они неисправны.

— Каким образом?

— Очень хитрым, что доказывает нам — среди заговорщиков есть искусный артефактор. Мои ребята сейчас опрашивают арестованных, возможно, кто-то что-то знает, ведь амулеты были заменены на бракованные еще при Аароне. Сейчас сделать это никто бы не успел. А ваш брат мог заменять их постепенно, по одному, без всякой определенной цели — просто надеясь на то, что когда-нибудь они пригодятся и очень вовремя не сработают. Что же касается способа... В вашу кровь была добавлена частичка крови Аарона. Очень маленькая частичка. Для того, чтобы амулет перестал светиться, этого оказалось недостаточно, а вот чтобы он не сработал — да. При нейтрализации нужна чистая кровь, а не разбавленная.

— Вот же гнида, — покачал головой Арэн. — Рильо накануне говорил, что все, выданное при Аароне, следует заменить. Он даже начал, но до нейтрализаторов не добрался.

— Такие амулеты три дня делаются, ваше величество, и даже если бы добрался — их не успели бы сделать к выставке.

— Получается, последователи моего брата знали о том, что он заменил амулеты, и воспользовались этим знанием. Действительно, хитро... Но я не думаю, что среди арестованных есть артефактор, который делал бракованные нейтрализаторы. Полагаю, он принадлежит к новой волне.

— Да, это скорее всего. Иначе информация уже всплыла бы. После смерти Аарона большинство его соратников предпочли как можно быстрее рассказать все, что им известно, опасаясь за свои жизни. Кроме того... вы же помните мою версию об участии в заговоре Арвена Асириуса? Он прекрасный артефактор, один из лучших.

— Помню. Но наличие в деле большого количества уникальных артефактов — не доказательство, Гектор. С тем же успехом их мог сделать мой племянник. Просто из вредности и желания насолить.

— Кстати, насчет Адриана... Я никого за ним не отправлял. Отправить?

— Нет. Если он окажется чуть дальше от Геенны, я почувствую, тогда и решим. А сейчас это все равно, что искать иголку в стоге сена. Дознаватели нужнее здесь.

Дайд согласно кивнул.

— Да, ваше величество. У меня пока все.

— Завтра Эн расскажет мне, что планирует делать дальше, затем будет врачебный консилиум. Не знаю, сколько это займет времени. Но после зайдешь, доложишь, как идут дела. В первую очередь — с поиском Виго.

— Да, ваше величество, — повторил Гектор со спокойной обреченностью человека, который знает, что спать ему сегодня не придется.

После того как Арен перенес Викторию обратно во дворец, она весь день провела с Александром, Анной и ее дочерью Адель. Наверное, если бы не они, императрица бы так и не смогла отделаться от навязчивых печальных мыслей о случившемся, но дети не давали на них сосредоточиться. Алекс, конечно, спрашивал про Агату с Софией, и Виктория, не представляя, как лучше ответить, сказала, что его сестра и аньян пока задерживаются на выставке. Может, завтра утром Агата вернется во дворец, и врать Алексу не понадобится вовсе?

А еще Виктории почему-то весь день казалось, что Анна смотрит на нее с осуждением, но спрашивать, в чем дело, она так и не решилась. Вдруг действительно кажется? Или сестра Арена тоже думает о том, что это именно Виктория сказала про выставку за обедом?..

Ненадолго, ближе к вечеру, забежал Арчибальд. Поиграл с Александром и, сообщив, что скоро перенесется на север, где ночью должна проснуться Геенна, ушел.

— Пастилы привезешь? — поинтересовался Алекс, глядя на дядю с любопытством. Геенна для него пока была не более чем игрой, он еще не понимал, что Арчибальд может и не вернуться. В отличие от Агаты, которая поняла это уже давно.

Агата... Как там ее девочка? Думая о ней, Виктория вздыхала и очень старалась не плакать. Сказал ли Арен правду, и с их дочерью на самом деле все хорошо? Или он скрыл что-то, поэтому Агата и не возвращается во дворец?

— Брат скоро придет, — произнесла Анна, бросив взгляд на браслет связи. — Написал мне, что сейчас поговорит с Гектором, а потом перенесется.

Виктории вновь захотелось плакать, и она изо всех сил сжала зубы, чтобы не разреветься. Ей-то Арен ничего не написал...

Злости не было, да и обиды почему-то тоже. Просто боль, ясная и резкая, от понимания того, что она ему совершенно не нужна. Как мать Агаты и Александра только нужна, но не как... любимая женщина. И Арен с ней общается лишь по необходимости, и никогда — по желанию. И так было всегда.

«Врешь, — подумала вдруг Виктория. — Сама себе врешь. Забыла, как он приходил к тебе в первые два месяца после свадьбы? Каждый вечер приходил. Уставший, замученный. Не всегда оставался на ночь, но всегда сажал тебя на колени и что-нибудь спрашивал, и слушал твои ответы. Разве не было такого?»

Было. И Виктория, вспомнив то время, замерла от нежности и желания вернуть его. Она тогда еще стеснялась Арена, и он постепенно приручал ее, стараясь сделать так, чтобы жена привыкла не только к разговорам, но и к прикосновениям. Ведь до свадьбы он Викторию почти не трогал, а тут вдруг... так резко все... Странно и неловко. Она помнила, как поначалу застывала на его коленях, но потом расслаблялась. И совсем скоро начала ждать вечера с нетерпением — ей нравилось и разговаривать с Ареном, и касаться его самой, и ощущать прикосновения мужа. После первой брачной ночи он не позволял себе ничего, кроме поцелуев, первую неделю, а потом...

Ох, как же сладко было потом! Еще слаще, чем в первый раз. А началось все с рассказа о практике в оранжерее, во время которого Арен вдруг стал расстегивать Виктории платье на груди.

— Продолжай, Вик, — сказал он невозмутимо, когда она запнулась. — Я слушаю.

Продолжать толком не вышло — как тут продолжишь, когда горячие губы целуют шею и грудь, а нежные руки расплетают косу, лаская затылок.

— Ты... хочешь...

— Хочу. Но главное, чтобы хотела ты. Если тебе не понравится, я почувствую.

Ей нравилось. Ох, как же ей нравилось! Особенно нравилось ощущать его в себе, потому что это давало иллюзию того, что Арен принадлежит ей, и только ей. Он — такой замечательный, сильный и красивый — ее муж. Викторией доставляла удовольствие эта мысль.

— Папа! — воскликнул Александр, и императрица отвлеклась от воспоминаний, обернувшись к камину.

Арен вышел из огня, и Виктория закусил губу, наблюдая за тем, как он медленно идет навстречу сыну и малышке Адель, подхватывает их на руки, прижимает к себе и ласково целует обоих в макушки, вздыхая и закрывая глаза.

Муж не улыбался. И вообще выглядел так, словно только что всех похоронил.

— Рассказывайте, как день прошел.

— А я думал, ты с Агатой и Софи плидешь, — пожаловался Алекс, болтая ногами. Адель молчала, с интересом щупая золотые пуговицы на мундире Арена. — А где они и когда плидут?

— Агата и Софи ненадолго уехали, но скоро вернутся, — ответил император ровным голосом, который даже не дрогнул от этой лжи. — И привезут вам с Адель подарок.

— Да-а-а? — Кажется, мальчик никак не мог определиться, радоваться или огорчаться. — А... почему без меня? И без Адель?

— Вы еще маленькие. Быстро устанете.

— Вот так всегда, — вздохнул ребенок. — Как что-то интелесное, так я маленький.

— Наоборот, Алекс. Все самое интересное — маленьким, а тем, кто побольше, остается только скучать. — Арен на секунду оторвался от диалога с детьми и посмотрел на сестру. — Ани, можешь идти. Адель давно пора спать.

— Мы ждали тебя, — сказала Анна мягко и, подойдя ближе, обняла императора. — Очень ждали, Арен.

Виктория заморгала, вновь изо всех сил пытаясь не разрыдаться. Что же она такая дура?.. Почему сама не подошла к мужу, не обняла?.. Даже не подумала!

— Иди, — повторил император, передавая Анне на руки Адель. — Я завтра зайду. Сегодня не смогу.

— Я понимаю, — ответила она с той же мягкостью и, на мгновение коснувшись ладонью щеки брата, все же направилась к выходу из детской.

Как только Анна вышла, Александр широко зевнул, и Арен, внимательно поглядев на ребенка, заключил:

— Тебе тоже пора спать.

— Не-е-е, — заканючил наследник. — Ты только плишел! Давай поиграем. Постлоим галаж для магмобилей.

— Недолго, Алекс. А потом спать.

— Холошо!

Виктория, пока они играли, сидела рядом и смотрела на Арена. Иногда сын подбегал к ней что-то показывать, но она толком не слушала, глядя на мужа.

Такой уставший, почти мертвый. Так хотелось сказать или сделать что-то, чтобы ему стало легче. Но что она может? Да ему и не надо от нее ничего.

Через полчаса Александр уснул среди игрушек, и император, подняв сына, негромко сказал, бросив на Викторию краткий взгляд:

— Я помогу ему умыться и уложу. Иди спать, Вик, ты тоже устала.

— Ты... — Спрашивать было неловко и почему-то стыдно. — Ты потом зайдешь ко мне?

— Не сегодня, — ответил Арен спокойно и ушел в ванную с Алексом на руках.

Несколько секунд Виктория стояла посреди детской, чувствуя себя так, будто муж в нее плюнул, и больше всего на свете желая упасть на пол и зарыдать.

Но постепенно, по капле, это желание проходило.

«Он просто устал. Устал гораздо больше, чем ты».

Остаться? Попытаться поговорить? Только вот о чем?

Виктория сама не знала, почему так хочет что-то сказать Арену. И что именно, она тоже не могла понять.

В конце концов, вытерев рукавом заслезившиеся глаза, Виктория покинула детскую, признав, что даже если она останется, это ни к чему не приведет. Осознавать, что все ее действия будут бесполезными и легче от них Арену не станет, оказалось очень мучительно.

Император помог сыну умыться, но несмотря на то, что десятью минутами ранее Алекс уснул во время игры, он еще долго возился в кровати, капризничал и никак не хотел засыпать без Агаты. Пришлось читать ему книгу, стараясь не отвлекаться на воспоминания о том, как София пела детям колыбельную всего лишь два дня назад. Прекрасным, чистым и чуть дрожащим голосом, пытаясь не смотреть на императора, но все равно иногда поднимая взгляд — чтобы тут же его опустить.

Думать о Софии было мучительно, но не думать Арен не мог. И когда Александр уснул, император тихо вышел за дверь спальни, шагнул в камин и начал строить лифт в ее комнату.

Арен знал, что его маленькой аньян там нет, и возможно, больше никогда не будет. В этом переносе не было никакого смысла... практического смысла — никакого. Но туда неизмеримо тянуло, словно там, в той комнате, осталось что-то важное.

Тишина и темнота — вот что увидел Арен, когда вышел из камина. Свет был только от пламени, и император не стал зажигать светильники — боялся заметить то, что изменилось здесь со вчерашнего дня. Дознатели, конечно, тут побывали, не могли не побывать. Неважно, что это ничего не дало — таков порядок.

Арен вздохнул — в легких было тесно и почему-то горячо, — и подошел к столу, на котором лежала стопка рисунков Софии. Она не могла оставить все так, значит, это сделали коллеги Дайда или он сам.

Император запустил в воздух огненный шар магического светильника, протянул руку и взял верхний рисунок.

Озеро Чол, куда они переносились с Софией... кажется, в среду. Защитник, кажется, что с тех пор прошла целая вечность.

Следующий рисунок — Коралловое море. Нежные и радостные краски, ощущение безмятежности и полета... Сейчас Арену казалось, что той поездки не было вообще.

Император отложил листок бумаги в сторону — и задохнулся, замер, увидев на рисунке самого себя, улыбающегося, счастливого, в плавках и с капельками воды по всему телу. Все было выписано с педантичной точностью, в мельчайших подробностях, и Арен даже дотронулся до капелек воды ладонью — не намокнет ли?

Не намокла.

Он закрыл глаза, пытаясь справиться с собой. Отчаяние захлестывало, накрывало с

головой, и впору бы ставить эмпатический щит внутри собственной души — но это, к сожалению, невозможно.

Невозможным было и еще кое-что. Вместо пустоты, поселившейся в нем со дня смерти Агаты Арманиус, в груди теперь будто бы полыхал костер. Пламя обжигало до боли, до кровавых всполохов в глазах, до дрожи во всем теле, и сердце билось, стучало, бесновалось в грудной клетке, словно мечтало порвать ее и вырваться наружу.

И правильно. Зачем ему это сердце, если Софии больше нет?

Арен, глухо застонав, положил на место рисунок и отвернулся. Дурак! Почему не замечал этого раньше? Окунался в ее эмоции, пил их, как ключевую воду, не понимая, что они не только ее — и твои тоже! Поэтому и не мог в последние дни отделить Софию от себя, поэтому и чувствовал ее с собой единым целым. От искры может разгореться пламя, а София была гораздо больше, чем искра.

— Она не была, — прошептал Арен, хватаясь за виски, которые неимоверно сдавило. — Она есть. Она не исчезла!

«Веришь в чудеса? Веришь, что Эн сможет воссоздать тело из энергетического контура? Ты не просто дурак — ты хуже».

Арен задыхался, метаясь из угла в угол, злился на себя, брата, заговорщиков — на всех, кто был виновен в том, что его жизнь давно превратилась в ночной кошмар.

Через несколько минут у него появилось ощущение, что он сейчас спалит не то, что эту комнату, а весь дворец, и Арен, шагнув в камин, перенесся в Императорский госпиталь, в палату Агаты.

Дочь по-прежнему лежала на больничной койке, только теперь была заботливо укрыта одеялом и выглядела бы просто спящим ребенком, если бы не кокон абсолютного щита. Арен лег рядом с Агатой — кровать здесь была достаточно широкой, и он легко на ней поместился, — обнял дочь и поцеловал ее. И ее, и контур Софии.

«Папа?» — тихий и ласковый шепот.

— Отдыхай, моя радость, — ответил Арен хрипло и погладил Агату по волосам. Дотронулся до сияющего щита кончиками пальцев, и их тепло защекотало. — Я просто не хочу оставлять тебя одну.

«Я не одна».

— Я не хочу оставлять вас с Софи одних, — поправился Арен.

«Ты ее чувствуешь?»

— Да, моя радость.

«Мы ее спасем?»

— Конечно, Агата. Мы ее спасем.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Император проснулся от знакомого ненавистного ощущения пробудившейся Геенны. Посмотрел в окно — темно, только возле линии горизонта — тонкий ободок более светлого неба, как знак того, что рассвет все же приближается.

Арен сел на постели и глянул на экран браслета связи. Короткий отчет Арчибальда, конечно, уже поступил.

«Размер квадрата 300 метров, пространственные координаты... Демонов пока нет».

Хоть демонов пока нет. Но вряд ли это надолго.

Император обернулся к Агате и, наклонившись, погладил дочь по голове, задевая сияющие нити контура. Эн объяснила, что девочка находится в состоянии, которое называется магической комой — она не бодрствует, но и не спит, и все слышит. Магический колпак, под которым лежала Агата, считывал все жизненные показатели и передавал их на экран центрального аппарата — он находился здесь, в палате, — дежурному врачу в ординаторскую и на браслет связи Эн. Но Арен знал, что его дочь все равно проверяют каждые два часа на всякий случай. Странно, ведь прошло больше двух часов. Неужели никто не заходил?

И только император подумал так, дверь палаты тихонько открылась и внутрь шагнула Эн.

— Проснулись, — произнесла она шепотом, закрывая дверь и проходя дальше. — А так крепко спали два часа назад. Что-то разбудило?

— Геенна, — ответил Арен кратко. В предрассветном полумраке он с трудом мог разглядеть лицо девушки, но кажется, она поморщилась.

— Ясно. Поспите еще. С Агатой все в порядке, не волнуйтесь. А с Геенной пусть Арчибальд разбирается. Это его работа, а вам бы отдохнуть.

— Кто бы говорил. Разве ты сегодня дежурный врач, Эн?

Она пару секунд молчала.

— Нет.

— Я не сомневаюсь в этом. Или ты думаешь, я не помню законы, которые сам подписываю? Пять лет назад ночные дежурства были запрещены беременным женщинам.

— Я не смогла уйти, — прошептала она, глядя прямо на императора и не опуская головы. — Точнее, я ушла, но потом вернулась. Буду здесь, пока ситуация не разрешится.

— И что на это сказал Берт?

Она улыбнулась.

— Он был недоволен. Но я обещала, что не стану перенапрягаться и буду спать.

— Надеюсь, что ты сдержишь слово, Эн, — сказал Арен с горечью. — Я не хотел бы быть виноват перед тобой еще и в этом.

Она вздрогнула и, вздохнув, спросила чуть дрожащим голосом:

— Вы ели?

Эмпатический щит мешал императору уловить ее эмоции — да он и не хотел их знать.

— Эн... иди спать.

— Я так и думала, — пробормотала она укоризненно. — Вот... в этом вы виноваты! Я

сейчас принесу вам еду.

— Я не хочу.

— Да я даже спрашивать вас не собираюсь! — почти воскликнула она. — Но раз вы так капризничаете, скажу — от вашего физического и морального состояния зависит, вернем мы Софию или нет!

Сердце кольнуло, словно Эн вонзила туда иглу.

— Ты говоришь правду?

Она вновь вздохнула, но уже раздраженно.

— Нет, я вас обманываю! — возмутилась девушка и, резко развернувшись, почти выбежала из палаты.

«Папа...»

Арен обернулся и погладил Агату по щеке.

— Не волнуйся, моя радость. Я сделаю все, что говорит наша врач.

«Эн хорошая».

Вновь стало больно в груди, но теперь уже по другой причине.

— Очень хорошая.

Эн вернулась минут через десять — с подносом, на котором стояли тарелка с кашей, стакан чая и лежали два бутерброда с сыром. Есть не хотелось совсем, но Арэн решил сделать то, что нужно — сначала выпил немного чая, чтобы смочить сухое, словно наждак, горло, а затем уже взялся за ложку.

— А что, у вас тут дежурные повара есть? Половина пятого утра на часах.

— Нету, — буркнула Эн и тут же постаралась сменить тему: — Давайте-ка ешьте. Чтобы все съели. Если надо будет, я еще принесу.

И тут Арэн догадался.

— Ты сама приготовила?

— Ешьте, — повторила девушка твердо, отворачиваясь, и направилась к выходу. — И вообще прекратите издеваться над собой. Над вами и так постоянно издеваются другие, еще и вы сам добавляете.

Она уже дошла до двери, когда император тихо сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — пробурчала Эн, останавливаясь на пару мгновений. — И пожалуйста, потом ложитесь спать. Надо не только есть, но и спать тоже.

— Хорошо. Лягу.

— Так-то лучше.

Через несколько минут, доев все до крошки, Арэн лег спать рядом с Агатой, чувствуя себя чуть более живым, чем накануне.

Браслет связи вновь завибрировал около шести утра, и император, с трудом разлепив глаза — и как он умудрился уснуть настолько крепко? — принялся изучать отчет Арчибальда о появившихся демонах. На этот раз они напоминали огромные шары,

пульсирующие от темной энергии, и сами были черными, словно дырки в пространстве. Перекатывались, как мячи, гудели, как сигнальные амулеты, и превращали в пепел все, чего касались. Их удалось остановить, но уничтожить пока не получалось.

Арен, прочитав это, вздохнул с облегчением. Не худший вариант. Если, конечно, эти «шарики» не окажутся какими-нибудь яйцами, которые не решат вылупиться в неподходящий момент, и из них не полезет что-нибудь похуже. Было уже нечто подобное года три назад... именно тогда Арчибальд сломал энергетический контур. Чудо, что на месте не погиб.

Император развеял проекцию отчета и повернулся к дочери.

— Я сейчас перенесусь во дворец, моя радость, — сказал он тихо, касаясь ладонью ее мягких волос. — Надо разобрать кое-какие документы, потом разбудить Алекса и маму. Но я обязательно вернусь.

«Да, пап».

— Умница моя. — Арен поцеловал дочь в щеку, встал и, построив лифт, перенесся в свой рабочий кабинет. Вышел из камина и поморщился, увидев большую стопку бумаг, оставленных секретарем. Демоны, за полтора часа он может и не успеть разобраться во всем этом.

Арен сел за стол и принялся за бумаги. Возможно, он и успел бы, но половина восьмого утра браслет связи вновь завибрировал, и на этот раз не от будильника — с императором пытался связаться Берт Арманиус, муж Эн.

Руки у Арена чуть похолодели, когда он принимал вызов. Неужели все-таки что-то случилось с ребенком?

— Я слушаю.

— Арен, — Берт выглядел очень недовольным, даже злым, — извини, я понимаю, что сейчас не очень подходящее время, но ты должен знать. Я быстро. Ты же помнишь, в студенческой среде конфронтации всегда были сильнее всего, особенно в моем университете. Так вот, со вчерашнего дня все гудело, обсуждалось случившееся возле музея — и тихо, и громко, по-всякому. Я предполагал, что будет нечто подобное, но думал, может, пару дней еще побродят. Но нет. В шесть утра вышел новый номер газеты «Золотой орел», и то, что вчера было лишь слухом — покушение на Агату — теперь подтвердилось официально. Эти новости сыграли роль катализатора, и в общежитии началась массовая драка. Нетитулованные пошли бить титулованных за правду, наследницу и императора. А с учетом того, что в общежитии большинство магов — нетитулованные, аристократам пришлось несладко.

— Все живы? — Арен устало вздохнул. Массовая драка... а он-то думал, чего же еще ему не хватает для полного счастья?

— Живы, но если бы я не вмешался, может, и не выжили бы. Я сейчас буду собирать всех студентов в общем зале, попробую прочистить им мозги. Но, Арен... На территории университета подобные вещи, конечно, можно контролировать, однако сам факт того, что это произошло...

— Я понял тебя, Берт. Спасибо, что сообщил.

Недовольный Арманиус кивнул, и Арен отключился.

Что ж, это закономерно и понятно. Последователи Аарона хотели ударить императора, но ударили больше самих себя. Вряд ли у них нет несведущих родственников, которые могут пострадать в стычках между магами. Теперь под ударом не только они сами, но и их дети.

Арен нахмурился и покачал головой. Глупая слепая вера в то, что другой человек на троне не продолжит его политику, и этим сразу решатся все проблемы. Стоило давно посмотреть правде в глаза — да, ни Анна, ни Алвар, наиболее вероятные претенденты на трон, не будут действовать так же решительно, как он, но это не решение проблем, давно созревших в обществе. Даже если Алвар не будет действовать вообще, а Анна будет, но

гораздо медленнее, чем Арен — и тот, и другой вариант окажутся бомбами замедленного действия. Ни Аарон, ни его последователи никогда по-настоящему не понимали угрозы гражданской войны, она вызывала у них презрительные усмешки. Мы же аристократы, великие маги с родовой силой, мы справимся с этими плебеями.

Ну да, конечно, справятся они. Как бы не так.

Арен покосился на часы на браслете связи и кивнул. Он даст им день, всего лишь день, чтобы почувствовать силу народного гнева после попытки убить его маленькую дочь. И только потом примет меры.

Около восьми утра император перенесся в спальню Виктории.

Жена уже не спала — сидела за туалетным столиком и заплетала в косу густые золотые волосы. Когда Арен вышел из камина, Виктория посмотрела на него заплаканными и очень несчастными глазами, и он с трудом удержался от раздраженного вздоха.

Скорее бы с ней начал полноценно работать психотерапевт.

— Пойдем будить Алекса, — сказал император, подхватывая жену на руки, и пошел к камину. Виктория обняла его за плечи и, приподнявшись, вдруг поцеловала в губы.

Арена кольнуло неприязнью.

— Не надо, Вик, — произнес он холодно, отворачиваясь. Поставил супругу на пол и начал строить пространственный лифт. На секунду отвлекся, посмотрел на нее — и едва не ошибся в формуле, увидев, как она безмолвно плачет, опустив голову.

Защитник! Ну что опять?! С Агатой все в порядке, с Алексом тоже, и сама Виктория совершенно здорова, и Арен здесь, целый и невредимый. Почему она рыдает?!

Разбираться в этом не хотелось. Проблем и так выше неба, а если еще сейчас на истерику нарваться, то у него не будет сил на их решение. Ну уж нет. Пусть в Виктории копается психотерапевт. Все равно у Арена за восемь лет так и не получилось ее понять.

Выйдя из камина в детской, император поставил жену на мягкий ковер и спокойно проговорил:

— Сейчас разбудим Алекса вместе, а потом я уйду. На завтрак не останусь, времени нет.

Виктория удрученно кивнула. Она уже не плакала, но глаза все равно были на мокром месте.

Нет, это невыносимо!

— Почему ты плачешь?

Зачем, зачем, ну зачем он спросил? Сейчас начнется...

— Я не знаю, что мне делать, — пробормотала Виктория, отводя взгляд. — Я такая бесполезная.

Защитник, что это за бред?

— Ты не бесполезная, — ответил император как мог терпеливо. — Не выдумывай. Сегодня останешься с Алексом, завтра, если захочешь, проведешь день в оранжерее. Я попрошу Анну с ним побыть.

Виктория закусил губу и совсем тихо произнесла:

— Нам, наверное, нужна новая... анян.

В груди стало холодно и больно, словно ее проткнули ледяным кинжалом.

— Нет, — ответил Арен слишком резко. — Никто нам пока не нужен. Все, хватит. Пошли будить Алекса.

Удивительно, но жена не возразила, не возмутилась. Наверное, до сих пор не отошла от шока после вчерашнего, когда думала, что Агата сгорела в порталной ловушке. Но ничего, отойдет потом, превратится в прежнюю себя и еще порадуется гибели Софии.

Арен сжал зубы. Ну уж нет! Никакой гибели. Где бы ни была его маленькая аньян, его солнечное счастье, он вытащит ее. Обязательно вытащит. Чего бы ему это ни стоило.

Разбудив Александра и немного повозившись с ним, Арен перенесся в госпиталь, оставив сына на попечении жены. Виктория к тому времени, насмотревшись на ребенка, чуть повеселела, перестала плакать и начала улыбаться. Правда, встречаясь взглядом с Ареном, все равно виновато опускала голову, но он старался не обращать на это внимания и вообще не думать. Правда, пусть психотерапевт разбирается в смятенных мыслях супруги, может, хоть он там что-нибудь поймет.

Когда Арен вошел в палату Агаты, Эн уже была здесь, и не одна, а вместе с Ваном Вагариусом. Безопасник, одетый не в форму, а в обычные темные штаны и белую рубашку, которые при необходимости выдавались сотрудниками госпиталя, выглядел чуть более бодрым, чем накануне.

— Ваше величество, — сказали Эн и Вано хором, почтительно наклоняя головы. Арен кивнул.

— Как ты себя чувствуешь, Вано?

— Хорошо, — ответил Вагариус. — Мой лечащий врач сказал, что сегодня выпишут. Но порекомендовал хотя бы в течение месяца магически не перенапрягаться, иначе может случиться рецидив.

— Хотя бы, — фыркнула Эн. — Айл Вагариус, старайтесь не менее трех месяцев. Месяц — это минимум и слишком оптимистично. Коллега, при всем моем уважении, слегка не учел специфику вашей работы. Я понимаю, что вы не можете повлиять на преступников, но постарайтесь все же, чтобы щиты держал кто-нибудь другой. Помоложе и без сердечных приступов в анамнезе.

— Я за этим прослежу, — сказал Арен, не дожидаясь ответа Вано. — Эн, ты готова рассказать мне все сейчас?

Девушка посмотрела на императора со странной мрачностью.

— Готова. Айл Вагариус, посидите тут немного вместе с Агатой и Софией, хорошо? А мы с его величеством отлучимся.

— Конечно, Эн.

— Я распоряжусь, чтобы вам сюда завтрак принесли. Пойдемте, ваше величество.

Она подхватила со стола стопку каких-то бумаг и тетрадей, подошла к двери, распахнула ее и шагнула в коридор. Арен вышел вслед за ней — и замер, услышав, как Эн невозмутимо говорит одному из охранников:

— Яронг, будьте добры, принесите из столовой завтрак в две палаты — четыреста пять и четыреста шесть. И попросите, чтобы порции побольше сделали.

— Хорошо, — кивнул мужчина и поспешил выполнять поручение. Император, понимая, что второй завтрак предназначается ему, возражать не стал — бессмысленно, да и права Эн, надо все-таки есть. Неважно, хочется или нет — надо.

Зайдя в соседнюю палату, девушка подошла к столу у окна, положила на него свои бумаги, опустила на стул и, дождавшись, пока Арен тоже сядет, начала говорить, раскрыв перед ним одну из тетрадей.

— Эту схему проходят на первом курсе университета, ваше величество. Помните? Аристократы во время занятия обычно еще нос задирают.

Арен кивнул, рассматривая быстрый пронумерованный рисунок. Это была основа антропологии — схема сущности человека.

— Первый уровень — физическое тело, — сказала Эн, ткнув пальцем в цифру один в центре нарисованного человека. — Физическая форма со всеми внутренними органами, кровью, мозгом и так далее. Второй уровень — сознание, то есть, то, что составляет знание человека о себе самом, о том, что отличает его от другого такого же индивидуума. Третий уровень — душа. — Девушка указала сначала на цифру два во лбу рисунка, а затем — на цифру три — облако, окружавшее изображение. — Душа — бессмертное творение Защитника, переходящее из смерти в жизнь в бесконечном круге перерождений. Люди, обладающие телом и душой, но не сумевшие удержать в себе сознание, называются сумасшедшими. Первые три уровня есть у всех людей, четвертый и пятый — только у магов. Четвертый уровень, естественно, энергетический контур, вместилище магической силы, пятый — кровная родовая магия. — Эн усмехнулась. — Отдельный этаж для аристократии, как любит шутить Валлиус. Он пятый уровень не признает, считая его свойством четвертого. Но сейчас это не суть важно. Из этих четырех уровней — пятый не берем, поскольку София нетитулованная, да и абсолютный щит не имеет отношения к родовой магии, — у нас с вами есть только один — четвертый. Энергетический контур. — Эн обвела пальцем тонкую паутинку внутри нарисованного человеческого тела. — Таким образом, нам необходимо не просто вернуть Софию. Нам нужно вернуть ее в трех аспектах существования — тело, сознание и душа.

Уже от этого рассуждения Арэн погрузился в такое отчаяние, что впору было бросаться головой вниз с самой высокой дворцовой башни.

— Звучит так, словно это невозможно, Эн.

— Невозможного не бывает. Вы сейчас поймете, почему я начала с этой теории. Возвращение Софии надо рассматривать именно так — сначала по отдельности, и только затем вместе.

Она вздохнула, открыла рот, чтобы продолжить — но тут в палату зашел охранник с подносом, и девушка замолчала. Дождалась, пока мужчина поставит свою ношу на стол, отодвинула бумаги и тетради, и сказала:

— Ешьте, ваше величество. А я пока буду рассказывать дальше.

Охранник вышел, и Арэн послушно взялся за приборы. Съел ложку каши и пробормотал:

— Ты вкуснее сварила.

— Я рада, что вы это заметили, — ответила Эн со слабой улыбкой. — Нет, не потому что это приятно. Значит, вы немного ожили, раз ощутили вкус еды, еще и смогли его сравнить. Очень хорошо. Но давайте продолжим. Упомянув, что у нас есть энергетический контур, я была не совсем точна. У нас есть не он, а энергетический щит, это разные вещи. Контур — это сосуд, наполненный силой в том количестве, в котором ее отмерил маг Защитник. Резерв Софии составлял пятнадцать магоктов. Какой резерв у щита? Абсолютный. Сто. Значит, мы не можем говорить об энергетическом контуре — мы должны говорить об энергетическом щите. Получается, нам все же предстоит вернуть Софию во всех четырех аспектах, только, в отличие от остальных уровней, которые необходимо буквально воссоздать из ничего, здесь у нас есть основа — щит должен преобразоваться в контур.

Ложка стукнулась о тарелку. Надо же, проглотил всю кашу, даже не заметив этого — так заслушался.

— Как возникает абсолютный щит? Маг, осознавая смертельную опасность, настолько хочет спасти того, кого любит, что бессознательно превращает в щит самого себя. Тело при этом расщепляется, контур наполняется силой до краев, то есть, до абсолютности. Но откуда берется эта сила? Один из постулатов магической науки — что-то не может возникнуть из ничего, всегда нужно иметь основу. У Софии было пятнадцать магоктов, а стало сто. Откуда?

— Энергия появилась от расщепления тела?

— Почти. Но не совсем. Помните постулат про то, что магическая сила может быть заменена жизненной? А что такое вообще жизненная сила? Это энергия, заключенная в живом, — Эн постучала по схеме, — человеку. Энергия его тела, сознания и души. Это все, что есть человек. Понимаете? Это ВСЁ. То есть, абсолютное. Отсюда и щит на сто магоктав, потому что он — все, что есть София.

Пока Арен пытался осознать то, что говорит Эн, она повторила:

— Понимаете? Щит, окружающий Агату, содержит в себе всю Софию. Ее тело, сознание, душу и энергетический контур. В нем есть все, что нам нужно.

— Понимаю, — произнес император медленно. — Но как достать?..

Эн тяжело вздохнула.

— То, что я буду говорить вам дальше — это всего лишь теория, ваше величество. Теория, основанная на моих знаниях. Я могу ошибаться. И возможно, нет пути обратного, как... в случае с моим мужем.

Арен удивленно поднял брови.

— Ты решила сдаться и больше не пытаться вернуть Берту резерв?

— Пока нет, — она усмехнулась, — но я стала допускать эту мысль. Что же касается Софии... То, на чем я основываюсь в своей теории — это бессознательный характер применения абсолютного щита. София, желая защитить вашу дочь, расщепила тело и стала щитом бессознательно. А что, если обратный процесс все-таки возможен? Но в таком случае его необходимо как-то запустить, заставить Софию воссоздать собственное тело. И мне приходит в голову только один способ.

— Какой же?

— Представьте себе человека, который находится в обмороке. Чтобы его из этого обморока вытащить, можно дать понюхать нашатырь, но если нашатыря нет, что делают тогда? Хлопают по щекам. Нашатырь в нашем случае не сработает — проснется Агата, но не София.

Арен начал догадываться, к чему клонит Эн, но спрашивать не спешил, чтобы не сбивать девушку с толку.

— Что отличает живого человека от мертвого? Способность чувствовать физическую боль. София сейчас абсолютный щит, но она жива, а не умерла. Следовательно, каким-то образом она способна чувствовать боль. Но так как тела у нее нет, она будет ощущать боль того, кто держит ее контур.

— Агаты, — уронил император тяжело, и Эн покачала головой.

— Нет, конечно. Девочка не выдержит подобного. Она должна передать контур тому, кто выдержит.

— Я согласен, Эн, — спокойно сказал Арен. — Как я понимаю, это именно то согласие, которое ты хотела получить?

— Не только. Я еще не закончила. Да, вы все верно поняли — Агата передаст вам контур Софии, и все дальнейшие манипуляции я буду осуществлять только с вами и вашим телом. И больно будет очень. Мне придется вколоть вам катализатор сознания, чтобы вы не упали в обморок, иначе отпустите контур. Но я все равно не уверена, что этот план сработает.

— Попробуем.

— Хорошо, тогда рассказываю дальше. Если в результате этих действий тело появится, скорее всего, контур в нем не будет закреплен должным образом. Возможно, вообще отдельно от тела будет болтаться. Я хочу его пришить при помощи кровных связных игл.

Иглы должны быть сделаны на крови матери и деда Софии, а еще — на вашей крови, так как она — лучший не только катализатор, но и стабилизатор.

— Я понял. Дать кровь я тоже согласен.

— Теперь самый слабый пункт в моей теории. Самый слабый из остальных слабых... Душа и сознание Софии. Их болью не вернешь. Тело появится, контур я пришью, но я не знаю, что при этом станет с душой и сознанием. Если получится, придется импровизировать в процессе. Мне бы не хотелось, но возможно, нам пригодится мама Софии — вдруг сможет разбудить? Необходимо, чтобы София проснулась и осознала себя, но как это точно сделать, я не знаю. Вы все равно готовы попробовать?

— Да, Эн.

В это мгновение Арен почему-то вспомнил, как сам раз за разом спрашивал ее «Ты передумала?», надеясь, что она все же не выдержит и сдастся. Да, история повторяется. Но, в отличие от него, Эн надеялась на обратное — что он выдержит и не сдастся. Император видел это по ее глазам.

— И последнее, ваше величество. — Она вздохнула и закусила губу, словно говорить об этом было неловко. — Я думаю, все может получиться только при одном условии. Еще раз про особенности абсолютного щита... Весь его смысл в том, что маг отдает жизнь за кого-то другого. Это плата. София отдала свою жизнь за Агату. И мы не сможем ее вернуть уже хотя бы поэтому.

Арен нахмурился, не понимая.

— Тогда зачем ты...

Она перебила его:

— Чтобы вернуть Софию, кто-то должен отдать за нее жизнь. Жизнь за жизнь — только так. Не обязательно всю, но хотя бы часть. У вас... — Эн запнулась и чуть покраснела. — У вас длинная жизнь, ваше величество. Вы можете отдать часть ее Софии. Ничего от этого не изменится, ни резерв, ни что-либо еще, просто проживете одну жизнь на двоих.

Впервые за последние сутки Арен чуть заметно улыбнулся.

— И в третий раз я говорю тебе, что согласен, Эн. Оставь мне хотя бы лет пятьдесят — чтобы я смог закончить с этим законом о титулах.

— У вас будет больше, — ответила она со всей серьезностью, смотря на него с пониманием и сочувствием. — Вы же очень сильный маг. Останется лет сто, не меньше.

— Этого более чем достаточно.

Они молчали несколько мгновений, глядя друг другу в глаза.

— Все, — сдавленно выдохнула Эн в конце концов. — Я все рассказала. Сейчас вернусь к Агате, подготовлюсь к консилиуму, он уже скоро. Вам лучше присутствовать, потому что без вашей поддержки...

— Я понял. Слишком сомнительная теория, кроме того, небезопасная для правящего монарха. А консилиум так необходим?

— Да, ваше величество. Во-первых, такие правила, а во-вторых — там все же не идиоты соберутся, вдруг у кого-то будут здравые мысли по поводу процедуры. Возвращение сознания и души — два белых пятна.

— Что ж, тогда пойдем на твой консилиум.

— Сначала допейте чай и доешьте бутерброд. А потом я у вас кровь возьму.

— Хорошо, Эн. Как скажешь.

Эн вышла, а Арен, доев завтрак, уже собирался покинуть палату, когда внутрь вдруг зашел высокий светловолосый мужчина.

— Доброе утро, ваше величество, — проговорил он густым баритоном, — меня зовут Силван Нест, я лечащий психотерапевт вашей супруги.

Император уже и сам его узнал — вспомнил портрет в досье, собранном дознавателями.

— Брайон Валлиус сказал, что перед тем, как переноситься во дворец, я должен буду зайти к вам за печатью молчания.

— Все верно, — ответил Арен и коснулся ладонью плеча мужчины. — Готово. Можете идти. После сеанса постарайтесь найти меня и доложить о результатах.

— Да, ваше величество.

Силван Нест удалился, а император вновь направился в палату к дочери. Зашел и застыл у двери, услышав, о чем говорят Ваню и Эн.

— Нет, айл Вагариус, — голос девушки был полон сожаления, — вы не смогли бы держать контур так, как это делает Агата. И дело здесь не в возрасте. Удерживать абсолютный щит подобным образом, я думаю, способны только Альго.

— Почему? — поинтересовался Вагариус — и тут же замолчал, заметив императора.

— Продолжайте. Мне тоже интересно.

Эн вздохнула и пожала плечами.

— Я полагаю, причина в связи с Геенной. Поэтому члены семьи Альго могут трогать контур, а остальные — нет, стогят. Абсолютный щит не причиняет вреда простыням или приборам, потому что они неживые, а вот все живое сжигает.

— Я не очень понимаю, как это связано с Геенной, — пробормотал Ваню. — В принципе, я понимаю, что как-то должно быть связано, но как...

— Если бы я сама понимала, я бы объяснила вам, айл Вагариус, — сказала Эн, хотя Арен видел, что она понимает гораздо больше, чем хочет показать. — Просто примите это, как данность. Вы не смогли бы удержать абсолютный щит своей матери.

— Спасибо вам, Эн, — произнес Вагариус искренне. — Ваше величество, я пойду. Мне скоро должны принести выписку, и я сразу в комитет.

Арен кивнул и попросил:

— Подготовь приказы о награждении орденами Славы первой степени всех, кто в этот день сопровождал мою дочь.

Ваню понимающе наклонил голову.

— И передай, пожалуйста, в Финансовый комитет — к завтрашнему утру, не позже, чтобы был готов проект указа о финансовой помощи семьям погибших. Размер помощи пусть определяют исходя из возможностей казны, но это должно быть что-то приличное.

— Да, ваше величество.

Вагариус вышел, и Арен вопросительно посмотрел на Эн.

— Пятнадцать минут, — сказала она, перебирая бумаги. — Потом возьму у вас кровь и пойдем на консилиум. Посидите пока с Агатой, переведите дух. Сейчас еще мама Софии должна прийти, я хотела оставить ее в палате на время консилиума, чтобы Агате было не скучно. Вчера айла Тали ей даже что-то пела, — Эн легко улыбнулась. — Хорошая мама у Софии. А на кого ваша... анян больше похожа? На маму или на Вагариуса?

Сделав вид, что не заметил запинки после слова «ваша», Арен ответил:

— На Ваню. София рыженькая и с серыми глазами.

Эн улыбнулась шире.

— Буду рада с ней познакомиться.

«Надеюсь, что это случится», — подумал император, но промолчал — боялся разрушить хрупкую надежду, сковавшую его душу и сердце с тех пор, как он увидел, что абсолютный щит не исчез.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Александр очень отвлекал Викторию от всех мыслей, и она с удовольствием играла с сыном все утро. Ближе к полудню в детскую вошла Анна с Аделью на руках, обняла подбежавшего к ней Алекса и кивнула Виктории.

— Скоро придет твой врач, Вик. Арен распорядился, чтобы вам подготовили салон. Ты можешь идти туда, а я посижу с детьми.

Голос Анны казался Виктории очень холодным, и она в очередной раз подумала — нет, все же что-то не так, сестра мужа сердится на нее.

— Что случилось? — спросила императрица негромко, чтобы дети не слышали, поднимаясь с дивана. — Я... чем-то обидела тебя?

— Не меня, — ответила Анна так же холодно, а затем отвернулась и обратилась к детям: — А гулять пойдем? Погода сегодня теплая, лучше, чем вчера.

«Не меня»... Виктория закусил губу, пытаясь понять, о чем говорила Анна. Или о ком. Об Арене, может? Да, скорее всего, так и есть. Она очень любит брата, а Виктория доставляет ему одни проблемы.

Она оставила Александра с Анной, а сама прошла в салон. Виктория немного нервничала, поэтому налила себе чаю — большой фарфоровый чайник, чуть запотевший, стоял на столе, и удержаться было невозможно. Напиток пах мятой и ромашкой, и Виктория, выпив сразу половину чашки из-за переживаний, потянулась еще и за шоколадными конфетами.

Она помнила, как Арен несколько раз просил ее принять помощь психотерапевта, помнила и то, как обижалась на это, но сейчас не могла сообразить, почему обижалась. Да и обида ли это была? Скорее, гнев. Виктория сердилась на мужа за подобные предложения.

— Я не сумасшедшая! — Кажется, именно так она тогда сказала.

— Я не считаю тебя сумасшедшей, — ответил Арен терпеливо. — Но ты из-за чего-то сильно нервничаешь, Вик. Тебе нужна помощь.

— Не нужна!

Эта его терпеливость... она раздражала сильнее всего, ведь настолько терпеливым можно быть только к тому, кто тебе безразличен. Вот и Аарон, когда Виктория однажды, где-то через месяц после свадьбы, восхитилась, сколько у мужа терпения, фыркнул: «Это не терпение, а равнодушие».

Эти слова проникли в нее, словно яд в кровь. И Виктория, присматриваясь к Арену, начала замечать то, на что не обращала внимания раньше.

Он всегда слушал ее, но будто бы не слышал. Легко решал ее проблемы, просто-напросто отмечая их двумя-тремя фразами и не углубляясь ни во что. Если Виктория хотела лишь пожаловаться, Арен сразу пытался найти выход из ситуации, не понимая, что ей нужно не это, а немного его сочувствия.

«Ты что, — смеялся Аарон, — мой брат не любит слезы, сопли и жалобы, к нему бесполезно приходить с этим. Хочешь пожаловаться — иди к кому-нибудь другому, но только не к Арену. Он на жалость не способен. Да он даже в детстве ни разу не плакал, камень, а не человек!»

Виктория вздохнула и сжала чашку. Какой же она была глупой тогда, верила Аарону, каждому его слову... Верила просто потому что он был дружелюбен, улыбался, шутил, сочувствовал. И ведь даже упрекнуть его ни в чем нельзя: он не лгал ей, рассуждая о характере Арена. Лишь подавал все так, как это было выгодно ему. А она верила — словно он купил ее веру своими улыбками.

Во рту стало горько, и Виктория поставила чашку на стол. Ну почему, почему она не

сообразила это гораздо раньше? Почему не рассказала Арену, не поговорила с ним? Хотя... о чем она могла ему рассказать? Аарон общался с ней очень осторожно, и только теперь Виктории стало ясно, что он виртуозно дурил ей голову, при этом абсолютно не используя ложь. Если только самую капельку...

Дверь открылась, и в комнату вошел психотерапевт, с которым Виктория общалась накануне. Это был молодой нетитулованный маг одного возраста с ее мужем, довольно-таки симпатичный, со светлыми волосами, правильными чертами лица и мягкой вежливой улыбкой. Вчера она поначалу смущалась его — Виктория вообще не привыкла к откровенностям, тем более с незнакомыми мужчинами, а вопросы, которые задавал Силван Нест, были очень личными, — но постепенно это ощущение уходило. Возможно, дело было в том, что ей действительно становилось легче, когда она обсуждала свои тревоги, и вместе со страхами уходило и смущение. Тем более, что она ни разу не заметила, чтобы Силван осуждал ее — ни словом, ни взглядом. Даже наоборот — он со своей мягкой улыбкой создавал ощущение надежной подушки, в которую можно поплакать, и которая не будет за это на тебя ругаться и никому ничего не скажет. Ну или почти никому.

Именно тот факт, что Нест решил поговорить с ней о своих отчетах Арену, оказался для Виктории решающим в пользу симпатий к этому психотерапевту. Ведь мог бы и промолчать, понимая, что она и так все знает. Но накануне, перед тем, как отпустить ее во дворец, Силван сказал, глядя на нее серьезными серыми глазами:

— Ваше величество, обычно я могу гарантировать, что никто, кроме меня и пациента, не узнает ничего из содержания наших бесед. Но сейчас особенный случай, я думаю, вы это понимаете.

Виктория кивнула, вновь немного смущаясь. Да, знать, что Арену обо всем доложат — да он при желании и прослушать может через браслет, — было не слишком приятно. Иногда это мешало расслабиться.

— Но я могу гарантировать вам другое. — Голос врача из мягкого вдруг стал твердым и внушительным, напомнив Виктории голос Арена. — Да, я обязан отчитываться императору, но отчитываться можно по-разному. Я не стану говорить ничего лишнего. И постараюсь сделать так, чтобы его величество вошел в ваше положение. Чтобы он вас понял. Это не пойдет во вред вашим отношениям — только на пользу.

— Не беспокойтесь, айл Нест, — произнесла Виктория, вздохнув. — Я восемь лет живу с эмпатом, который читает меня, как открытую книгу.

— Эмпаты не могут читать людей, как книги, — возразил психотерапевт, вновь мягко улыбнувшись. — Кроме того, если бы это было так, вам бы не понадобилась моя помощь.

— Да... вы правы.

Виктории понравилось то, что Силван решил уточнить с ней этот момент. После этого разговора у нее создалось впечатление, что он придерживается в первую очередь ее интересов, а потом уже выполняет приказ императора. Наверное, так и должно быть у врачей, вот только она давно не верила, что может быть кому-то интересна.

Нест, пройдя в салон, поздоровался с Викторией, поклонившись, и сел на диван в метре от нее. С любопытством оглядел накрытый служанками стол, доставая из сумки через плечо блокнот и ручку, и сказал:

— Вчера мы с вами уже кое-что выяснили, и я хотел бы узнать, как вы чувствуете себя сегодня, ваше величество.

— Глупо, — ответила Виктория, не задумавшись. Силван еще в госпитале объяснил ей, что так и надо отвечать — честно и не задумываясь.

— Отчего же глупо?

— Оттого, что я слушала не того, кого нужно было слушать, — вздохнула она. — И вместо того, чтобы обсудить с мужем свое беспокойство, я обсуждала все с другим человеком, и слушала его.

— Расскажите мне, что вас беспокоило, ваше величество. Что вы обсуждали с другим человеком?

Стало неловко. Рассказывать вчера о страхе потерять дочь было как-то проще, хоть и очень больно.

— Меня беспокоил тот факт, что муж меня не любит.

Если врач и удивился, то виду не подал, сохранив нейтрально-вежливое лицо.

— Почему вы так решили?

— Это очевидно.

— И все же, ваше величество. Необходимо, чтобы вы сказали это. Почему вы решили, будто вас не любит муж?

— Потому что он всегда относился ко мне, как к вещи. Он женился на мне не по любви, а только по необходимости — император должен быть женат. Выбрал, как породистую кобылу. А потом... Что бы я ни делала — он всегда оставался равнодушным, спокойным и терпеливым. Ни разу я не замечала в нем вспышки чувств, только расчет.

— А что вы делали, ваше величество?

Виктория не сразу поняла вопрос.

— Вы о чем?

— Вы сказали — «что бы я ни делала». Что вы делали? Тогда, когда этот вопрос начал вас беспокоить, что вы стали делать?

Она почувствовала, как горят щеки — словно их кто-то вдруг начал усиленно тереть чем-то колючим. Неловко... как о таком рассказывать? Еще и мужчине!

— Ваше величество, — произнес он мягко, — я врач. Вы можете рассказать мне все. Я не намерен осуждать вас, я хочу вам помочь.

— Я... — Виктория закусила губу, помялась в нерешительности, но в конце концов продолжила, тяжело вздохнув: — Я очень хотела вызвать в Арене... в муже чувства. Хотела, чтобы он показал, что все же небезразличен, что любит... хотя бы немного. Сначала я решила... прийти к нему в кабинет, когда он работал. Я попыталась его... соблазнить. Но Арен только посмеялся, сказал, что для таких вещей существуют ночи, а если он сейчас отвлечется, то на совещании станет клевать носом. Он... никогда не хотел меня так же сильно, как я его.

Лицо врача оставалось таким же беспристрастным, и от этого, как ни странно, Виктории было чуть легче откровенничать.

— Потом я начала капризничать. Смотрела его реакцию, пыталась вывести из себя, но Арен всегда был совершенно спокоен. И я тогда подумала... что у него, как у моего отца, наверное, есть любовница. У отца их было много — и пока мать была жива, и после ее смерти тоже, и не одна, а сразу несколько. Я начала следить за Ареном, пытаюсь найти доказательства...

Виктория чувствовала себя прорванной плотиной — так ей вдруг захотелось все-все рассказать. И о своей безумной ревности, и о недоумении мужа — даже здесь он остался равнодушен! — и о постоянном раздражении, с которым почему-то не получалось бороться, и об отравленной горничной, и об истериках, которые становились еще более яростными во время беременности.

Врач слушал, задавая ненавязчивые вопросы, хотя Виктории они были и не нужны — она говорила, говорила и говорила, не замолкая, наверное, целый час, пока не почувствовала себя абсолютно опустошенной, выпотрошенной и вывернутой наизнанку.

— Ваше величество, — сказал психотерапевт, когда Виктория замолчала и потянулась за водой, — я приду завтра в то же время, и мы продолжим. Но у меня есть для вас

домашнее задание.

— Домашнее задание? — переспросила она с недоумением.

— Да. Вы начали рассказ с утверждения, что вас не любит муж. Я прошу вас подумать до завтра и дать мне ответ на вопрос, любите ли вы своего мужа. Да или нет. Не надо рассуждений. Просто — да или нет.

— Я могу ответить сейчас.

— Сейчас не надо, — он легко улыбнулся, вставая с дивана. — Завтра.

На врачебном консилиуме собрались все заведующие отделениями и ведущие специалисты — всего около двадцати человек, — и он показался Арену не менее невыносимым, чем Советы архимагистров. То, что Эн рассказала ему за тридцать минут, на совещании врачей превратилось в два часа. Она объясняла и обосновывала каждое будущее действие, показывала формулы и схемы артефактов, отвечала на вопросы. Господа врачи сомневались и кидали недоумевающие взгляды на императора, который заявил о своей поддержке еще в начале совещания. Арэн, чтобы избежать кривотолков, объяснил стремление вернуть свою аныан переживаниями дочери, которая ни в какую не хочет отпускать контур — и кажется, ему поверили. По крайней мере уточняющих вопросов задавать не стали, сосредоточившись на сути самой процедуры, которая повергла всех в шок.

Но, быстро пережив этот шок, господа врачи начали ругаться.

— Эн, — покачал головой заведующий реанимацией, разглядывая схему подачи электрического тока, — этой процедурой мы ставим под угрозу здоровье его величества, а возможно, и жизнь. Я решительно против подобного риска.

— Здоровью, а уж тем более жизни императора ничего не грозит, — возразил заведующий терапевтическим отделением. — Дозы рассчитаны точно, они не могут повлиять на энергетический контур его величества. Речь идет только о болевом эффекте. Неприятно будет, конечно, но это не то, что не смертельно, даже не травмоопасно.

— Меня крайне сложно убить, — сказал Арэн холодно. — Тем более током. Но чтобы не было сюрпризов, перед уходом я поставлю на всех присутствующих печати молчания.

— Это обязательно, — кивнул главный врач. — По этой же причине протокол консилиума мы не ведем.

— Запишите только ключевые моменты и итоговое решение после окончания совещания и передайте мне для тайного архива, — уточнил император. — Совсем без документов мы обойтись не можем, но все будет засекречено.

— Эн, позвольте вопрос, — вновь вмешался заведующий реанимацией, — допустим, тело вы воссоздадите, но душа и сознание не вернуться. Останется только оболочка. И как тут быть?

— Это маловероятно, коллега, — сказал ведущий психиатр, опередив с ответом Эн. — Девушка ушла в абсолютный щит вся, вся и должна вернуться. Если мы запускаем обратный процесс, то запускается он в полном объеме, либо не запускается вообще. Эксперименты Эн с энергетическими контурами это доказывают — резерв к магам возвращается в полном объеме.

— Эн, по поводу использования медикаментозного катализатора сознания, — произнес заведующий терапией. — Я не уверен, что от подобного вмешательства не станет хуже. Лучше не рискуй, а уж если решишь рисковать, то хотя бы не сразу.

— Да, я так и планирую сделать.

— Правильнее будет, если девушка очнется сама. В том случае, если ты выдернешь ее сознание резко при помощи лекарств, от этой резкости оно может помутиться. Поэтому я бы не стал рисковать с катализатором. Попробуй использовать внешний раздражитель, только не боль, а родных и любимых людей, голоса и прикосновения которых могут повести ее сознание за собой. И вообще, — мужчина хмыкнул, — вспомни сказку о

спящей принцессе.

— Э-э... — Кажется, Эн смутилась. — Я плохо разбираюсь в сказках.

Несколько врачей улыбнулись, а заведующий терапией, ничуть не удивившись, продолжил:

— Спящую принцессу заколдовала злая ведьма, и спала эта принцесса много-много лет, пока не пришел ее возлюбленный и не разбудил девушку поцелуем. Если у вашей подопечной есть такой возлюбленный, можно его использовать.

Эн кашлянула.

— Спасибо, я учту. Брайон, — она посмотрела на главврача, — что вы скажете? Можем мы назначить процедуру на завтра?

— Предприятие, конечно, сомнительное, — протянул Валлиус. — Но раз жизни и здоровью его величества ничего не грозит... Что ж, давайте завтра, в десять утра. Я буду присутствовать. Еще кто-нибудь нужен, Эн?

— Только император. Родственников я тоже позову, но они лучше пусть будут в коридоре сначала.

— Хорошо. Алекс, — главный врач обратился к заведующему реанимацией, — подготовь две смежные палаты, чтобы можно было потом перетащить в соседнюю... остальных потерпевших. В основной палате хватит и одной койки, в соседней должно быть две.

— Да, Брайон.

— Все. Ваше величество, ставьте печати. И расходимся.

Сразу после консилиума к Арену подошел психотерапевт его супруги и сказал, что готов отчитаться. Поднявшись наверх, в реанимацию, и расположившись в палате четыреста шесть, император кивнул, косясь на браслет связи — там уже нетерпеливо мигали отчет Арчибалда и просьба об аудиенции от Дайда.

— Я слушаю вас, айл Нест.

— Серьезных психических отклонений у вашей супруги нет, ваше величество. Сейчас мы имеем симптомы депрессии — чрезмерное чувство вины и собственной никчемности, подавленность, плохой сон и аппетит, нерешительность и мысли о смерти.

— О смерти? — Арен слегка удивился. Он никогда не замечал у Виктории склонности к суициду.

— Я не имею в виду самоубийство. Эти мысли связаны с чувством ненужности и бесполезности для окружающих, особенно для вас. Вчера ваша жена сказала — лучше бы я сама ехала в том магмобиле вместе с дочерью.

Арен удивился еще больше. Интересно, чем же это было бы лучше? Погибла-то ненавистная Виктории София, а не Агата.

— И что со всем этим делать?

— Работать, естественно. Причины состояния вашей жены находятся в ее детстве, в отношениях с отцом, в его изменах матери. Неосознанно ее величество проецирует свое мнение об отце на вас. Возможно, это бы прошло со временем, но мысли вашей супруги кто-то направлял. Я пока не знаю, случайно или нет, подробности я не выяснял, еще рано.

Арен понимающе кивнул. Что ж, вот это как раз не удивительно. Братец Аарон... конечно, он что-то говорил Виктории.

— Странно, что она никогда не рассказывала об этом «направителе» мне, — пробормотал император, и Силван Нест пояснил:

— Она вам не доверяет, поэтому и не рассказывала.

Арен вновь удивился.

— Не доверяет? Но по какой причине? Я ничего от нее не скрывал, всегда был как на ладони и давал ей все, о чем она просила.

— Ваше величество... Простите, что я так говорю, но вы смотрите не с той стороны, — сказал психотерапевт, понимающе улыбнувшись. — В этом нет ничего странного, так делают все, просто иногда люди заходят слишком далеко, оттого и не могут договориться. Как вы с ее величеством. Она смотрит со своей стороны, вы — со своей. И видите вы разное. Причина недоверия супруги состоит не в ваших поступках или действиях, а в проецировании отношений между ее отцом и матерью на ваши отношения, в навязчивых идеях, которые, к тому же, поддерживались кем-то извне. И очень умело поддерживались. Ваша жена — это клубок из комплексов, чувства собственной никчемности и неумения адекватно оценивать реальность. Она на все смотрит через призму своих комплексов. Если вы отвергаете ее, то не потому что устали или заняты, а потому что не любите и она вам не нужна. Если горничная хмурится, то не потому что у нее голова болит или дома проблемы, а потому что ей не нравится прислуживать императрице. Помочь тут может только систематическая терапия, ну и кое-какие лекарства я ей назначил. Ничего серьезного, вот, посмотрите. — Врач протянул Арену копию рецепта. — Сейчас я временно буду встречаться с вашей супругой каждый день, пока это необходимо, в дальнейшем сеансы станут реже. У меня к вам большая просьба — если вдруг ее величество захочет поговорить с вами, обсудить какие-то свои действия и поступки, не отталкивайте ее. Собственно, у меня все по поводу сегодняшней встречи. Только один вопрос. Мне каждый раз так отчитываться или?..

— Каждый раз не надо, — Арен покачал головой, глядя на список успокоительных и витаминов. — По мере необходимости. Если вам будет что сообщить, подойдете к моему рабочему кабинету, секретарь со мной свяжется, и я вас приглашу.

— Да, ваше величество.

После ухода Силвана Неста император быстро просмотрел отчет Арчибальда. Брат выяснил, как можно уничтожить появившихся демонов, но на это требовалось время и силы. По его расчетам — трое суток. И если обойдется без сюрпризов, то на этот раз человеческих потерь не будет.

Арен вздохнул с облегчением и прислушался к себе. Геенна вновь уснула и, судя по всему, проснется вновь она примерно через неделю. Хоть что-то хорошее... и жертв нет. Хватает того, что произошло в столице.

Двести шесть человек... сумасшедшие.

— Гектор, переносись во дворец, — сказал император, связавшись с Дайдом, — и подходи к кабинету.

— Хорошо, — буркнул угрюмый Гектор. Выглядел он из рук вон плохо, и видела бы это Эн...

Покосившись на стену, за которой должна была находиться сейчас сама девушка, Арен набрал номер браслета главного дворцового управляющего.

— Бруно, распорядись, чтобы в мой рабочий кабинет доставили обед на две персоны. Можно без десертов, лучше побольше мяса и чая.

— Будет сделано, ваше величество.

Эн точно была бы довольна его поведением.

Только увидев всю принесенную горничными еду, Арен по-настоящему понял, насколько

проголодался. Ни вчера, ни сегодня он практически не ел, и теперь организм напомнил о себе легким головокружением и спазмами в желудке.

В результате к моменту, когда в кабинет зашел Гектор, император уже расправился с закуской и первым блюдом и приступал ко второму.

— Ничего себе, — бледный, со здоровенными синяками под глазами Дайд изумленно улыбнулся, оглядывая заставленный стол, — неужели вы это все съедите?

— Я — нет, — ответил Арен, не прекращая жевать — и плевать ему было на приличия и манеры. — А вот мы с тобой — да. Присоединяйся. Я прекрасно понимаю, что ты не только не спал, но и не ел тоже.

— Да когда тут есть и спать, — пробормотал Гектор, усаживаясь рядом и без обиняков принимаясь накладывать себе еду. — Тут и в туалет сходить некогда.

Арен хмыкнул — да, такая проблема ему самому была хорошо знакома.

— Есть новости, Гектор?

— Навалом, ваше величество. Не к столу будет сказано, но Виго Вамиуса мы нашли. Точнее, он сам нашелся. Всплыл сегодня около одиннадцати утра на окраине столицы.

— Всплыл в прямом смысле? — поинтересовался император невозмутимо.

— Ага, — столь же невозмутимо кивнул Гектор, не отрываясь от салата. — В Тудааге. Река выбросила его на берег. Он совершенно голый, даже без белья. Сейчас выясняем, в каком месте и кто его подбросил в реку, но пока без результатов. Причиной смерти был один из видов крысиного яда, добавленный в вино. Думаю, это весьма символично. Крыса убежала из дворца, но крыса не должна была этого делать. Полагаю, Виго обязан был оставаться здесь, ведь последователям вашего брата нужен свой человек во дворце. А Вамиус решил, что хватит рисковать своей шкуркой, пока остальные отсиживаются в тылу, вот и дал деру. Свои же и убрали.

— Думаешь, он запаниковал?

— Вряд ли, Виго не был склонен к панике. Скорее начал шантажировать заказчика. Это, конечно, пока только предположение. Думаю, он понимал, что терять ему уже нечего, вот и решил выйти из игры — забрать деньги и смыться подальше. Ему дали от ворот поворот, он заявил, что пойдет и все расскажет — вот его и убрали. Первая крыса, сбегавшая с тонущего корабля. — Гектор весьма злобно усмехнулся. — Это хорошо. Но убил Виго явно не Арвен Асириус. По его приказу, возможно, но точно не он сам.

— Почему?

— Потому что Арвен архимагистр, ваше величество. Он умеет сжигать людей так, чтобы от них оставались горстки пепла. Это куда проще, чем сбрасывать труп в реку. Сжег, пепел смел под коврик — нет улики, нет проблем.

— Да, так действительно было бы гораздо проще. Может, Арвен не замешан?

— Вряд ли. Он был слишком дружен с Аароном. И сейчас он ведет себя слишком уж осторожно. Невинные так себя не ведут. Он старается постоянно быть на виду, демонстративно выставляясь напоказ, не говорит ничего лишнего и при любой попытке повернуть разговор на политическую тему так или иначе отстраняется. Ему тоже дорога своя шкурка.

— Если она так им всем дорога, какого демона они полезли убивать мою дочь? — выдохнул император с яростью. — Что-то здесь не стыкуется, Гектор.

— Не стыкуются здесь только два неучтенных заговорщиками фактора. В первом случае неучтенным фактором была наблюдательность Агаты, во втором — присутствие в магмобиле Софии Тали, которая настолько любила вас и вашу дочь, что оказалась способна стать абсолютным щитом.

— Гектор... — почти прорычал император, бросив полный гнева и боли взгляд на

главного дознавателя.

— Я говорю это не для того, чтобы сделать вам больно, ваше величество, — продолжил Дайд спокойно. — Я говорю только о том, что преступники оба раза были очень близко от достижения цели. И во второй раз все должно было получиться со стопроцентной вероятностью. Амулеты-нейтрализаторы испорчены, порталная ловушка на крови Аарона, артефакты, заложенные на соседних улицах, чтобы их нельзя было обнаружить. Идеально. Я крайне сомневаюсь в том, что после гибели дочери в огне порталной ловушки вы смогли бы удержать Венец.

— Но что дальше? У них ведь нет лидера среди Альго. Допустим, меня, потерявшего Венец и ослабленного, они бы убили. Но для осуществления такой политики, какую хотел проводить Аарон, нужен лидер. А его нет.

— Не обязательно лидер. Достаточно влияния. Конечно, Аарон проводил бы свою политику сам. Сейчас же, если вас не станет и на трон сядет кто-то другой, этого человека можно будет осторожно направить туда, куда надо, и я полагаю, что особого сопротивления он не окажет. Думаете, Алвару хочется рисковать жизнью ради нетитулованных магов? И при всем моем уважении к принцессе Анне — она тоже пошла бы на попятную, особенно в условиях угрозы жизни ее детей. Главное для последователей вашего брата — убраться вас, а что делать дальше, они бы разобрались.

— Согласен, — кивнул Арен. — Особенно теперь, после такого количества погибших. Никому из моих родственников не захочется столкнуться с подобными... вещами. Проще будет отменить налогообложение для охранителей, разработать послабления по оплате за обучение для талантливых нетитулованных, и вновь отменить браки. Чтобы не рисковать родовой магией.

— Да, ваше величество. Таким образом вторая попытка убить Агату, которая сорвалась совершенно случайно, была нацелена не только на ваше ослабление, но и на предупреждение для будущего императора. Весьма красноречивое предупреждение. Кстати, раз уж об этом зашла речь... Я не стал отправлять вам отчет о беспорядках в империи, решил сам рассказать, но точно знаю, что Арманиус с утра уже пожаловался на своих студентов.

— Много стычек? Погибшие есть?

— Стычек много, — Гектор поморщился. — До смертоубийства пока не дошло, только до криков и мордобития. Но если вы не вмешаетесь, может и дойти. Народ пока только набирает обороты. Мы с безопасниками стараемся гасить, но в одном месте потушишь, в другом разгорится. Даже в институте артефакторики вспышка была, но там Янг всех спеленал еще до нашего прибытия, молодец. Сказал мне потом, что сам чуть в гущу не полез, так аристократишек побить хотелось, но остановился «исключительно из-за уважения к его величеству».

— Я вмешаюсь, Гектор. Но завтра утром.

Дайд понимающе вздохнул.

— Хотите дать последователям вашего брата возможность прочувствовать всю глубину ямы, в которую они сами себя загнали?

— Ты все верно понимаешь.

— Тогда вы должны знать еще кое-что. По столице пошел слух, что вчерашние события были организованы именно вами.

Арен чуть не подавился чаем.

— Что?! Гектор, что это за ерунда?!

— Это ерунда, если знать подробности, как мы с вами. Но простые люди ничего не знают. Они знают только факты, напечатанные в газетах — попытка убить наследницу, двести шесть человек погибших, однако наследница жива. А может, Агаты там вообще не было, в том магмобиле? Или была, но все организовали так, чтобы девочка не погибла.

— И за каким... зачем мне это? — поинтересовался Арен, устало потерев занывшие виски. — Устраивать порталную ловушку в центре города, недалеко от музея, где собрались представители других стран... неужели кто-то в это верит?

— Конечно, — произнес Дайд сочувственно. — Еще как верят. Аристократия особенно, да и некоторые нетитулованные... которые без мозгов. Вспомните, что творилось на Дворцовой площади почти четыре месяца назад. Чтобы устроить союзников Аарона, вы его испепелили на глазах у сотен людей. Что вам двести человек, если вы брата не пожалели?

— Аарон пытался меня убить. На глазах у сотен людей.

— Я не обвиняю вас, ваше величество. Я рассказываю вам легенду, которую используют наши заговорщики для того, чтобы хоть как-то обелить себя. Думающие люди, конечно, понимают, что правдой это быть не может, но далеко не все люди умеют думать. И они вполне способны поверить в то, что подобным образом вы пытаетесь заставить аристократию подчиниться вашим реформам.

— Я понял, Гектор. У тебя все?

— Да, ваше величество.

Поначалу Виктории казалось, что Силван Нест задал ей очень простой вопрос. Любит ли она мужа? Ну конечно же, да. Как тут можно сомневаться?

Но шли часы, и у Виктории возникало все больше сомнений насчет собственного ответа на этот вопрос. Не зря же психотерапевт его задал! Значит, есть какой-то подвох. Но какой?

— Анна, — сказала Виктория тихо, пока Алекс и Адель вместе рисовали на большом листе бумаги, окуная пальцы в краску, — как ты думаешь, я люблю Арена?

Сестра мужа посмотрела на нее с откровенным удивлением.

— Вик, я же эмпат. Или ты забыла?

— Я поэтому и спрашиваю.

Анна покачала головой.

— Нет, ты не любишь его, Вик. Ты любишь себя. И давай на этом закончим. Я не считаю, что вправе вмешиваться в ваши отношения. Поговори лучше с Ареном.

«Ты не любишь его. Ты любишь себя».

Эти слова обидно жглись изнутри — Виктории казалось, что они несправедливы. Она прекрасно помнила, как восемь лет назад, практически сразу после свадьбы, она стала боготворить мужа. Ей нравилось в Арене абсолютно все — его голос, улыбка, запах, большие и теплые ладони, нежные, но настойчивые губы... Все-все! Она ловила каждый его взгляд, и ей так хотелось, чтобы и он тоже восхищался ею.

Разве это была не любовь? Виктория никогда в жизни не испытывала подобных чувств. Ей очень хотелось быть рядом с Ареном постоянно, но она не смела мешать ему днем, когда он был занят. Но и вечером муж не всегда оставался с ней. Это очень обижало — Виктория мечтала о том, чтобы Арен ночевал с ней каждую ночь, но такое было редкостью. Почти всегда он уходил к себе, и Виктория ничего не говорила по этому поводу — боялась рассердить, опасалась, что муж потом вовсе перестанет приходить. А ей так нравилось, когда Арен ночевал с ней! Невообразимо нравилось. Она обожала прижиматься к нему, нюхать, целовать, трогать. Но еще слаще, чем ночь, было утро, когда муж ласкал ее, и в этой сонной неге Виктории казалось, что он действительно любит ее. Особенно когда Арен говорил, что она красивая.

Разве это была не любовь? Никто другой не был ей нужен, Виктория ни на кого не смотрела — ждала только мужа, но как же мало времени он ей уделял! Конечно, у Арена

и не было больше, но ей все равно было мало!

Она очень хорошо помнила, когда именно поняла, что влюбилась. Нет, это случилось не во время помолвки — тогда они с Ареном виделись один-два раза в неделю, и это были слишком официальные встречи. Чаще всего он водил ее в театр или на концерты, пару раз — в ресторан, и Виктории все нравилось, но сильных чувств она не ощущала.

А потом была свадьба. И во время церемонии, и после, на дворцовом приеме, она ощущала поддержку Арена. Он во всем старался облегчить ее участь, и это было настолько заметно, что она даже растрогалась.

Но от страха перед первой брачной ночью ничего не спасало. Виктория прекрасно знала, что происходит в супружеской спальне, да и заставала пару раз отца с любовницами — ничего, кроме брезгливости, у нее этот процесс не вызывал. Она приходила в ужас, когда представляла, что ей скоро предстоит нечто подобное.

— Не бойся, — сказал Арен перед тем, как они отправились в ее спальню, — тебе не будет неприятно, я обещаю.

Она помнила, как смутилась в тот момент, осознав, что муж должен чувствовать ее страх.

— Будет больно, — прошептала Виктория, глядя на него с опаской.

— Это ненадолго, — улыбнулся Арен, и в этой улыбке не было ничего обидного — только ласковая теплота. — Пойдем.

В спальне у Виктории от страха начался озноб. Она стояла посреди своей комнаты, тогда еще совсем незнакомой, и тряслась так, что зубы стучали.

Арен молча обнял ее и поцеловал в макушку, как маленькую, и продолжал обнимать, согревая, пока она не перестала трястись.

— Может, не надо? — прошептала Виктория, и он засмеялся, но и смех этот обидным не был.

— Тебе будет хорошо, Вик. — Он вдруг сделал шаг ей за спину и начал расстегивать платье. — Стой, не двигайся.

Раз, два, три... десять крючков. Она ожидала, что Арен сразу снимет платье, но он не стал этого делать. Вместо этого он погладил ее по спине теплыми ладонями — медленно, тягуче, и от этих движений Виктории вдруг захотелось застонать.

Арен ласкал ее спину, плечи, шею — сначала только руками, но затем к ним присоединились и губы. И когда Виктория почувствовала первый поцелуй возле лопатки, она сдавленно охнула, задрожав, но уже не от страха. Ей захотелось, чтобы Арен прикоснулся не только к спине. Но даже говорить о таком было стыдно.

А он все медлил, все гладил и целовал, и с каждым движением, с каждым прикосновением Виктория ощущала, как быстрее колотится сердце, учащается дыхание, а внутри все сильнее и сильнее скручивается тугой и жаркий узел чего-то невероятно приятного.

Да, именно тогда все и началось. Той ночью, когда Арен, сам того не ведая, навсегда избавил Викторию от страха перед физической близостью. Она ведь так боялась! Но настал момент, когда она, не выдержав, прошептала:

— Еще... — и замолчала, не зная, как сказать о таком. Как объяснить, что хочет, чтобы он наконец снял с нее это дурацкое платье?

— Я чувствую, что тебе приятно, Вик, — произнес Арен, разворачивая ее лицом к себе. — Но раз ты просишь, сейчас будет еще приятнее.

Приятнее? Нет, это не то слово. Она просто горела от страсти и желания, пока он целовал и трогал ее, всю и везде, и не заметила никакой боли. Кровь была, и утром Виктория с изумлением рассматривала большое алое пятно на простыне. Судя по нему,

ей должно было быть очень больно. Но ей не было!

— Ты убрал боль как-то... ментально? — спросила она Арена вечером следующего дня, и он покачал головой.

— Нет, Вик. Я просто хорошо тебя подготовил.

Она смутилась, и он засмеялся, этим смехом разрушив ее смущение.

Разве же это не любовь?.. Нет-нет, конечно, она очень любит Арена. И всегда любила.

Но почему, почему же тогда психотерапевт задал этот вопрос?

Попросив Хозяйственный комитет обеспечить ему связь на следующий день в девять утра, Арен перенесся к сестре. Она уже давно была в своих покоях, сидела на мягком бронзовом ковре и играла с Адель в куклы. Император поцеловал сначала племянницу, потом сестру, и сел рядом с ними.

— На, — сказала Адель, протянув ему одну из кукол — свою любимицу, светловолосую красавицу Анжелику. Правда, это имя Адель в свой год и четыре месяца выговорить не могла, называя куклу Икой. — Иай.

— Играю, — кивнул Арен и сделал вид, что ходит куклой по полу. Адель важно кивнула и отошла к игрушечным качелям, где сидели еще три куклы. Плюхнулась рядом и начала их качать, что-то напевая себе под нос.

— Как ты? — спросила Анна, глядя на него с беспокойством. — Ты хоть ел, Арен? А то я же тебя знаю...

— Ел, не волнуйся.

— Расскажи мне, что с Агатой, — попросила сестра тихо, оглядываясь на Адель — но девочка была занята и не обращала внимания на взрослых. — Я же понимаю — если она не возвращается во дворец...

— С Агатой все в порядке, она цела. Дело в абсолютном щите, в который превратилась София. Моя дочь держит его, и он не исчезает.

— Что?..

Арен кратко поведал сестре обо всем, кроме одного. О своем решении отдать Софии часть собственной жизни он говорить не стал. Ни к чему ей это знать, впрочем, как и всем остальным.

— Ох, Арен... — вздохнула Анна, покачав головой. — Это та самая Эн, с которой ты танцевал на приеме в честь Праздника перемены года?

— Да.

— Я помню ее, и от Арчибальда много слышала. Она, конечно, талантливая, но... А если не получится?

— Если не получится, мы все будем жить дальше. Так же, как живем сейчас.

Беспокойство из взгляда Анны так и не уходило.

— Виктория с ума сойдет, когда узнает.

— Демоны с ней. Она в любом случае будет ревновать и закатывать истерики. Не один повод, так другой.

— Повод? — Губы Анны искривила ироничная усмешка. — Не припомню, чтобы ей для этого был нужен повод. Она их всегда сама придумывала.

— Ани, я знаю, ты ее не любишь, — вздохнул Арен, — но...

— Как я могу ее любить? — перебила его сестра. — Все эти годы она портит тебе жизнь.

Я трижды пыталась поговорить с ней, объясняла, что эмпатам нужен эмоциональный покой. Но безрезультатно. Она заиклена на себе, своих проблемах и обидах. И...

— Ани, — он прервал поток возмущений, прикоснувшись к ладони сестры, — сейчас Вик занимается с психотерапевтом, он просил меня не отталкивать ее, если она захочет поговорить. А я прошу в свою очередь тебя.

— Хорошо, — Анна поморщилась. — Сегодня она у меня, кстати, спрашивала, как я думаю, любит ли она тебя.

От удивления Арен даже онемел на секунду.

— А ты что ответила?

— Что я могла ответить? Сказала, что нет, и вообще ей лучше у тебя спросить. Вот жди теперь этот вопрос.

— Ясно, — он хмыкнул, — спасибо, что предупредила.

Когда Арен перенесся в детскую, настало как раз время для ужина, и он поел вместе с Алексом и Викторией, расспрашивая сына о прошедшем дне. Мальчик скучал по Агате с Софией и очень интересовался, когда они вернутся.

Про Агату спросила и жена, как только они с трудом, но все-таки уложили Александра спать. И во время ужина, и после, и сейчас Виктория вела себя на удивление тихо, но что она при этом чувствовала, Арен не имел понятия — он по-прежнему держал эмпатический щит, не ослабляя его ни на секунду. Опасался, что любой взрыв посторонних эмоций может поспособствовать его собственному срыву. Особенно если это будут эмоции Викторией.

— Агата вернется скоро, — ответил Арен спокойно и, подхватив жену на руки, понес к камину. — Не беспокойся. Она жива и совершенно здорова.

— Ты не хочешь, чтобы я навещала дочку, из-за того, что она эмпат? — уточнила Виктория чуть дрожащим голосом. Глаза ее уже начинали наполняться слезами, и Арен глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

В этом была вся Виктория. Не «из-за того, что я не умею контролировать свои чувства», а «из-за того, что наша дочь эмпат». Вот обязательно ей все с ног на голову перевернуть.

— Так просто будет лучше, — сказал Арен, выходя из камина в спальне жены, и медленно поставил ее на ноги. — Не волнуйся. Ты увидишь Агату совсем скоро.

— Арен... — Виктория потянулась к нему, обняла и прижалась губами к щеке. — Не уходи, пожалуйста!

Она осыпала лихорадочными поцелуями его лицо, а император сдерживался изо всех сил, чтобы не оттолкнуть ее. Неприятно было до тошноты и ломоты в висках.

Защитник, ему самому скоро психотерапевт понадобится. Ну почему он все время должен пересиливать себя, сдерживаться и чем-то жертвовать? Почему?!

— Прости. — Он осторожно отцепил руки жены от своей шеи и покачал головой, отстраняясь. — Я уйду, потому что хочу сейчас быть в другом месте.

— В каком? — спросила Виктория робко. Вспышки ревности или гнева Арен не заметил, но на всякий случай все же укрепил эмпатический щит.

— С Агатой.

— Возьми меня с собой! Это ведь и моя дочь тоже! — попросила жена. — Пожалуйста!

— Мы говорили на эту тему, Вик. Ты увидишь Агату, но позже.

Она вздохнула и опустила голову.

— Ты тоже считаешь, что я тебя не люблю, да? — И столько тоски в голосе, что Арен моментально понял — Виктория очень хочет, чтобы он ее пожалел и сказал «нет».

— Прежде, чем отвечать на этот вопрос, надо разобраться, что такое любовь, — произнес он так спокойно, как мог, хотя внутри все полыхало от ярости и раздражения. — Вик, у меня был тяжелый день, и завтра, скорее всего, будет еще тяжелее. Я понимаю, тебе хочется поговорить, особенно после первого сеанса с психотерапевтом. Но давай отложим это хотя бы ненадолго.

Она удрученно кивнула, опуская голову ниже.

— Хорошо, Арен.

Защитник, и почему он сейчас чувствует себя так, будто ребенка обидел?

— Мы обязательно поговорим с тобой, но чуть позже, — сказал император, отворачиваясь к камину. И, не выдержав, бросил перед тем, как войти в огонь: — А пока попробуй для разнообразия пожалеть не себя, а кого-нибудь другого.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Арен вновь ночевал с Агатой, обнимая дочь, но уснуть никак не получалось, и он все смотрел и смотрел сухими глазами в пространство, ощущая внутри одновременно безумное отчаяние и бесконечную надежду.

Император сказал Анне, что они будут жить дальше, даже если ничего не получится, но при этом он не представлял, как будет жить без Софии. Эти дни Арен держался только на вере в то, что его солнечное счастье вернется. Но ведь этого может и не случиться.

Что тогда?

Ничего. Все то же самое, чем он жил последние годы — беспросветная тьма, долг и нескончаемые обязанности. Останутся только дети, которых он должен будет защитить во что бы то ни стало.

Арен вздохнул и положил руку на один из сжатых кулачков Агаты, погладил ее нежную кожу, коснулся светящейся паутины абсолютного щита. София... искренний и чистый человек, его человек, которому хватило глубины собственного сердца, чтобы превратиться в чудо. Хватит ли ему сил, чтобы вернуть ее? Арен не знал, но надеялся, что бесконечное чувство, подаренное ему кем-то свыше, поможет возродить Софию. Он очень хотел, чтобы она жила.

Этой ночью император почему-то вдруг вспомнил тот день, когда умирающий отец позвал его к себе и попросил не отречься от престола, зная, что Арен думал на эту тему.

— Почему ты решил, что Венец выберет меня? — спросил он тогда с недоумением. — У нас с Аароном и Анной одинаковый резерв, но они старше меня, следовательно, должны быть сильнее. Венец выберет Аарона.

Отец покачал головой, глядя на него мутными черными глазами. Такая муть считалась предвестником скорой смерти.

— Венец сделал свой выбор, когда тебе было три года, Арен.

Он так удивился, что даже промолчал.

— Ты не помнишь этого, — продолжал отец. — Но я приносил вам с Аароном и Анной Венец, вы хотели посмотреть. Точнее, хотели они, а ты... Ты просто подбежал и схватил его, я даже не успел ничего сделать. Аарон попытался отнять, но артефакт обжег его.

Арен продолжал ошеломленно молчать, пытаясь выудить из собственной памяти этот эпизод. Безуспешно.

— Я уже тогда понял — Венец выбрал тебя. И я с ним согласен. Императором должен быть ты. Ты — сильнейший.

Теперь, вспоминая разговор с отцом, Арен усмехался. Да, все оказалось именно так, как он говорил — Арен почувствовал притяжение Венца, как только императора не стало. И во время Дня Альганны он ощущал сопротивление артефакта, который совершенно не желал ложиться на голову Аарона, словно обладал волей и сознанием.

«Надо было позволить Венцу опуститься на голову брата, — подумал Арен с горечью. — Скорее всего, он сжег бы Аарона без моей помощи».

Но император тогда не хотел никого убивать и надеялся, что брат остановится. Если бы он только знал...

Когда Арен все же задремал, дверь с тихим шорохом открылась, и в палату вошла Эн. Он не видел ее, но почему-то ощущал, что это именно она.

И тихо спросил, не открывая глаз:

— Почему ты не сказала на консилиуме о том, что мне нужно будет отдать часть своей жизни?

Вздых, и такое же негромкое:

— Потому что это только ваше дело. Никто, кроме меня и вас, не узнает.

— А Валлиус?

— Брайон будет на процедуре, и он, скорее всего, догадается. Но ничего не скажет.

Арен молчал несколько секунд. Хотелось что-то сказать, но что? В словах не было никакого смысла.

— Спасибо, Эн.

— Спице, — прошептала она умоляюще. — Используйте ментальную магию, если не можете уснуть. Вам нужно набраться сил. Если не получается ради себя, спите ради Агаты с Софией.

Он кивнул, и как только Эн вышла, сделал так, как она сказала — усыпил себя, погрузившись в спокойную темноту сна, где не было ни тревог, ни мыслей.

Проснувшись в шесть утра, как и всегда, император перенесся во дворец, перебрал оставленные секретарем документы и пошел будить Алекса, не захватив с собой Викторию. Он специально решил не заходить к ней, чтобы не сбивать себе настроение. Потом разберется с претензиями.

Отдав проснувшегося сына Анне и попросив сестру позавтракать вместе с Викторией, Арен вернулся в кабинет и, пока было время, быстро написал на листке бумаги план будущей речи. Без подробностей, только тезисы. Можно было бы обойтись и без этого, но император опасался, что сегодня он может что-нибудь забыть. Ему все же было слишком не по себе перед предстоящей процедурой.

Ровно в девять часов утра Арен встал возле окна и, используя браслет связи, открыл канал передачи собственной проекции для всех жителей Альганны, достигших шестнадцатилетнего возраста.

— Доброе утро всем, кто меня слышит, — сказал Арен, глядя прямо перед собой в туманную дымку ответных чар. — К сожалению, ситуация в стране в настоящее время такова, что я вынужден обратиться к гражданам.

Позавчера в центре столицы было совершено покушение на мою дочь. Я хочу выразить соболезнования всем, кто потерял в этот день своих близких. Организаторы пока не пойманы, но у меня нет никаких сомнений в том, что эти люди имеют отношение к заговору моего брата Аарона. В связи с произошедшим я прошу всех, кому известна какая-либо информация, поделиться ею с дознавателями. Даже если вы причастны к этому преступлению, в случае сотрудничества с властями вам будет даровано помилование. Остальных ждет смертная казнь. — Арен на мгновение замолчал, решив дать возможность осмыслить его слова. — Я прошу тех, кого переполняет возмущение из-за этих событий, помнить о том, ради чего я принимал закон о передаче титулов. Главной причиной был мир. Мир в нашей стране. Я не желаю никакой войны. Я не желаю, чтобы социальное неравенство, сложившееся в нашем обществе, привело к столкновениям и жертвам. Неважно, что вами движет и на какой стороне вы находитесь — если вы идете бить и убивать, вы приравниваетесь к преступникам. К тем самым, которые убили двести шесть человек мирных граждан и хотели убить мою дочь. Поэтому я прошу тех, кто уважает меня и мою политику, удержаться от каких-либо конфликтов. Проигнорировавшие мои слова будут наказаны по всей строгости закона, невзирая на наличие или отсутствие титулов. Я стою на страже мира в Альганне и прошу вас делать то же самое.

Подождав секунду, глядя в туманную дымку абсолютно черными глазами, Арен прервал связь.

Просмотрев отчет Арчибальда об уничтожении демонов Геенны, император быстро позавтракал — Эн предупредила, что это необходимо будет сделать в день процедуры, — а затем шагнул в камин и построил пространственный лифт в коридор госпиталя.

В реанимационном отделении царила суэта. Повсюду туда-сюда носились врачи и медсестры, и только охранники, находившиеся здесь сегодня на каждом шагу, сохраняли спокойствие и невозмутимые лица.

— Ваше величество... ваше величество... — шелестели приветствия со всех сторон, люди склоняли головы, но император даже не смотрел и не кивал, всем существом стремясь скорее попасть в палату к Агате и Софии. И только он собирался войти внутрь, как дверь открылась, и в коридор вышла Эн, казавшаяся бы совершенно невозмутимой, если бы не необычайная бледность лица.

— Здравствуйте, ваше величество, — сказала она слегка дрожащим голосом. — Идите внутрь. Айл Вагариус, вы пока оставайтесь здесь. Нам нужно перенести Агату в другую палату, а потом я вас приглашу. Айла Тали, прошу вас находиться в коридоре, что бы ни случилось, до тех пор, пока я или главный врач госпиталя вас не позовем.

Арен на секунду оглянулся и обнаружил за спиной очень взволнованных Вану Вагариуса и Синтию Тали. Синтия сидела на скамейке, а безопасник стоял рядом, положив руку ей на плечо, и выглядело это так просто и естественно, будто бы они уже давно знали друг друга. Он кивнул обоим и тут же, не мешкая, зашел в палату. Вслед за ним шагнула и Эн.

Агата по-прежнему лежала на койке, окруженная сияющей паутиной абсолютного щита, а Брайон Валлиус в перчатках отсоединял от нее датчики «колпака».

— Берите дочь на руки, — произнесла Эн уже более твердо. — И идите в палату четыреста десять, это напротив. Там все уже готово.

Арен молча подошел к Агате, наклонился и очень осторожно поднял ее, прижимая к себе и ощущая приятное тепло от энергетического контура Софии.

«Папа...»

— Не волнуйся, моя радость, — прошептал он, целуя и Агату, и Софию, — все будет хорошо.

Он обернулся, Эн распахнула дверь, и император вышел в коридор. Эн шмыгнула за ним, распахивая теперь уже двери палаты напротив, и махнула рукой Вану:

— Идемте.

Новая палата была просторнее и светлее, и если бы не жуткий аппарат с металлическими рычагами, издававший треск и гудение, помещение даже показалось бы уютным. Справа от выхода оказалась еще одна дверь — она была открыта, и за ней Арен заметил две застеленные койки и какие-то приборы. Он прекрасно понимал, что находящееся там предназначено уже не для Агаты и Софии, а для них с Эн.

Император опустил дочь на койку — здесь она была не менее широкой, чем в прежней палате, а от свежих простыней пахло чем-то цитрусовым, — и выпрямился, вопросительно глядя на Эн, Вану и Брайона.

Валлиус сразу подошел к трещащему аппарату и начал там что-то проверять, шелкая рычагами, а Эн села на койку рядом с Агатой и заговорила со спокойной ласковостью:

— Давай еще раз повторим, что тебе нужно делать, Агата. Твой папа сейчас по команде перехватит контур Софии, и как только он это сделает, тебе нужно будет проснуться. Если ты не сможешь сделать это сама, мы поможем, это не больно. Просыпаешься, отпускаешь контур, а потом мы с Вану осторожно вытащим тебя оттуда. Вану отнесет тебя в ту палату, где ты уже лежала, и побудет с тобой до тех пор, пока не придет папа. Вот и все. Запомнила?

Видимо, Агата ответила утвердительно, потому что Эн встала с койки и повернулась к императору и Вану.

— Айл Вагариус, мы все с вами обсуждали ранее, маленькая деталь — на столе лежат перчатки из драконьей кожи, надевайте их. Рядом с ними — халат, завернете в него Агату, как только она вылезет из контура. После того как вы занесете ее в палату, к вам зайдут заведующие терапией и реанимацией, они осмотрят девочку. Пижаму, теплые носки и тапочки вам принесут, поможете ей одеться. У Агаты будут болеть ладошки, не волнуйтесь, это нормально. — Эн вздохнула, переводя дух. — Насчет того, можно ли ей есть и что именно, вам скажут заведующие. Вроде бы все.

— Не волнуйтесь, Эн, — сказал Вагариус. — Я все понял. Справлюсь.

— Хорошо. Ваше величество... вам нужно раздеться. Желательно до нижнего белья, иначе мы не сможем поставить датчики.

Арен кивнул и молча снял с себя все, оставшись в одних трусах, положил одежду на стул, стоявший возле окна, и сел на койку рядом с дочерью.

— Сейчас поставим датчики, подождите пока.

Эн и Валлиус вдвоем быстро прикрепляли к нему металлические круглые пластинки — шипы, они присасывались к коже. Виски, шея, плечи, грудь, запястья, бедра, щиколотки... Арен их не считал. Один только раз он поднял глаза от Агаты, посмотрел на Эн — и заметил, что щеки ее из бледных стали розовыми. Император ничуть не удивился, понимая, что без одежды напоминает Эн кое о чем неприятном.

Но ему это сейчас было все равно.

— Мы ставим датчики рядом с узловыми точками вашего контура, — заговорила она вдруг, словно пытаясь отвлечь саму себя от лишних мыслей. — Так воздействие будет более эффективным. На самом деле узловых точек больше, и я специально разрабатывала схему, на какие лучше опираться, исходя из своих прежних исследований. Между ними не должно быть слишком большого расстояния, но и частить тоже не нужно — воздействовать необходимо равномерно на все тело, без перекоса в ту или иную область.

— Ясно, Эн.

— Готово, — выдохнула девушка, вновь бледнея от волнения. — Ваше величество, перехватывайте контур насчет «три» недалеко от кулачков Агаты. Вот здесь и здесь. — Арен кивнул, непроизвольно чуть выпрямляясь и сглатывая. — Раз. Два. Три!

Это было несложно. Император уже трогал контур Софии, и сейчас нужно было только изо всех сил сжать тонкую паутину, которая оказалась неожиданно податливой и упругой, словно человеческая кожа.

— Все. Агата, просыпайся и отпускай контур.

Молчание. Они вчетвером напряженно уставились девочке в лицо, и поначалу казалось, будто оно не меняется. Но потом Агата вздохнула глубже, и ресницы ее задрожали.

— Молодец, молодец! — похвалила наследницу Эн. — Давай, открывай глазки.

Медленно, вздыхая и облизывая сухие губы, Агата открыла глаза, которые сразу же заслезились.

— Отвыкла от света, — пробормотал Валлиус за спиной Арена. — Можешь зажмуриться, если тебе сложно. И разжимай пальцы на руках.

Агата застонала, морщась, лицо ее исказилось, кулаки задвигались, но пальцы разжать у нее не получалось.

— Двое суток контур держала, не удивительно, — вздохнула Эн, наклонилась и стала помогать наследнице, массируя ее кулачки и аккуратно разжимая маленькие пальчики. — Умница моя! Вот сейчас все разожмешь, потом водички попьешь, съешь

что-нибудь вкусное...

— Боль-но...

Арену и самому было больно смотреть, как мучается его маленькая девочка, но он ничем не мог помочь, только тоже начать разговаривать с ней.

— Зато ты спасла Софи, моя радость. Ты держала ее, поэтому тебе больно сейчас. Ты умница, и я тобой горжусь.

Агата замерла на секунду — и наконец разжала руки.

— Отлично! — обрадовалась Эн. — Ваше величество, держите, не отпускайте.

— Я не отпущу.

— Агата, мы сейчас сделаем тебе небольшое, скажем так, отверстие для выхода возле головы. Просунешь туда макушку, а дальше мы тебя подхватим и вытащим. Совсем несложно. Брайон...

Арен с изумлением наблюдал за тем, как Эн и главный врач госпиталя осторожно раздвигают в разные стороны светящиеся нити контура и скрепляют их металлическими зажимами, чтобы не вернулись на место. Минута — и рядом с головой Агаты оказалась «дырка».

— Просовывай сюда голову, — сказала Эн, прикоснувшись ко лбу девочки и направляя ее в сторону отверстия в контуре. — Ваню, помогите вытащить.

Безопасник, склонившись, сначала потянул Агату вверх, аккуратно обхватив голову в районе ушей, затем переместил ладони под плечи, и в конце концов вытащил наследницу наружу.

— Папа... — просипела Агата, пытаясь открыть слезящиеся глаза.

— Не волнуйся, моя радость, — сказал Арэн тепло и спокойно, как никогда жалея сейчас, что не может обнять свою девочку. — Побудь пока с Ваню, а потом и я приду.

— Софи... — Агата пыталась рассмотреть, что творится вокруг, морщилась — глаза открыть не получалось, а Вагариус в это время заворачивал наследницу в халат.

— Мы постараемся ее вернуть. Будь умницей, слушайся Ваню и докторов.

— Да... папа...

— Айл Вагариус, уносите, — произнесла Эн немного нервно. Арэн посмотрел ей в лицо — она вновь была очень бледной, даже слегка зеленоватой, будто ее тошнило.

Ваню с Агатой на руках вышел из палаты, и на пару секунд в помещении повисла такая тишина, что треск жуткого аппарата с металлическими переключателями показался Арену оглушительным.

— Ваше величество... — Эн кашлянула. Она явно изо всех сил пыталась справиться с голосом, который дрожал и рвался, словно слишком сильно натянутая струна. — Вы все-таки хотите попробовать?

— Да, Эн, — ответил Арэн со спокойной твердостью. — И Защитника ради, не тяните.

Она кивнула, отворачиваясь, и пошла к столу, где главный врач уже открывал небольшой медицинский чемодан и доставал оттуда шприц и ампулу.

— Это катализатор сознания, — сказал Валлиус, набирая в шприц мутно-зеленую жидкость. — Чтобы вы его ни в коем случае не потеряли. Вы, в отличие от Агаты, не в коме находитесь, и если отключитесь, контур выпустите. А отключиться вы можете — это нормальная реакция организма на боль. — Врач подошел ближе и, быстро найдя вену на руке императора, ввел препарат, а затем, вынув иглу, залечил ранку магией.

— Окружающее стало ярче, — заметил Арэн, оглядываясь. — И как будто светлее.

— Так действует катализатор, — подтвердила Эн, подходя ближе, а Брайон, наоборот, отошел к аппарату. — Сейчас начнем. Только вам лучше лечь на койку, сидеть будет сложнее. Ложитесь вот сюда, рядом с щитом, можно на бок, лицом к контуру Софии и ко мне. Я буду рядом, следить за вашим состоянием. Если вам покажется, что вы не выдерживаете и слишком больно, скажете «стоп», и мы сразу прекратим... процедуру.

— Хорошо, — Арен медленно и аккуратно лег на койку боком, продолжая сжимать в кулаках контур Софии.

— Вам удобно? Нужно лечь как можно удобнее, так будет легче держать.

— Удобно, не волнуйся.

Не волноваться Эн явно не могла — она кусала и облизывала сухие губы, сглатывала, и глаза ее постоянно бегали туда-сюда, словно девушка проверяла, все ли они сделали правильно.

— Я включу первый уровень тока на счет «три», — произнес Валлиус, щелкнув одним из переключателей, отчего аппарат загудел. — Всего этих уровней десять. Естественно, с первым ничего не получится, в лучшем случае — с девятым-десятым. Но сразу включить высокий уровень нельзя, иначе риск потери сознания возрастет даже несмотря на катализатор. Все, готово. Ваше величество?

— Я тоже готов, — подтвердил Арен, глубоко вздыхая, словно в последний раз. Нервничал он не из-за себя, боль его не волновала. Он переживал только за Софию. Смогут ли они вернуть ее?

Только бы получилось.

— Раз... два... три...

Щелк. И через датчики, закрепленные на императоре, в его тело полилась боль. Она ощущалась, как легкое напряжение в венах и артериях — их словно чуть натянули, и незря он сделал глубокий вдох — дышать теперь оказалось тяжеловато.

— Второй уровень.

Боль усилилась, но ненамного.

— Третий.

Заныло в висках.

— Четвертый.

В груди закололо, и Арен поморщился — неприятно, как будто кто-то иголки втыкает.

— Пятый.

Теперь в груди еще и запекло, словно иголки внезапно раскалились.

— Шестой.

Появилось напряжение в глазах, и Арен закрыл их, чтобы было легче.

— Седьмой.

Начало сводить мышцы.

— Восьмой.

— Ваше величество, вы как? — спросила Эн с беспокойством, пока император пытался сделать вдох. Мышцы сводило все сильнее, особенно в груди, и ужасно хотелось растереть ее.

— Продолжайте, — прохрипел Арен с трудом и все же вздохнул, и звук от этого вздоха получился такой, что ему самому стало не по себе.

— Девятый...

Затрещал и лопнул эмпатический щит, и это оказалось куда хуже, чем все остальное — император сразу ощутил волны ледяной тревоги от Эн и Валлиуса. Держать контур стало труднее, и Арен изо всех сил сжал кулаки, чтобы не выпустить, ни в коем случае не выпустить.

— Десятый.

Защитник! Это демонски напоминало День Альганны, когда брат направил через Венец энергию университета, чтобы убить Арена. Тогда он чувствовал такую же беспомощность, и даже больно было почти так же. Хотя... нет, тогда было больнее.

— Не получается... — прошептала Эн, и император с трудом открыл глаза. Все осталось по-прежнему — он лежал на койке, ощущая, как пот градом катится по раскаленной коже, сжимая в руках контур Софии, который находился перед ним — светящаяся паутина в форме человеческого тела.

— Выключать? — услышался голос Валлиуса от аппарата, и Арен громко и резко сказал, неизвестно, откуда взяв силы:

— Нет! Продолжайте.

— Ваше величество... — Эн, кажется, трясло, но видел он плохо — глаза заливало потом. — Дальнейшее повышение напряжения...

— Продолжайте. Это приказ.

— Эн...

— Брайон, у меня есть версия, что София вернется только в том случае, если боль будет запредельной. Абсолютный щит возникает, если опасность смертельная, вот и боль должна быть...

— Ваше величество! — Голос Валлиуса был полон возмущения, а эмоции — страха. — Вы понимаете, что...

— Я понимаю. Продолжайте. Пока ничего запредельного. Я даже могу говорить.

Эн всхлипнула.

— Вы можете говорить не потому что вам не больно, а потому что это вы, — сказала она прерывающимся голосом, и от нее к Арену вдруг пошла волна нежности — ему даже чуть легче стало. — Брайон, поставьте одиннадцатый уровень.

— Мы все тут ненормальные, — пробормотал главный врач, щелкнув переключателем, и у императора потемнело в глазах. — Одиннадцатый.

Защитник, как же колотится сердце.

— Еще, — прохрипел Арен. Чужой страх усиливался вместе с его болью, и он ощущал теперь не только сердце, но и все внутренние органы, и даже энергетический контур.

— Двенадцатый, — простонал Валлиус. — Ваше величество, вы же себя угробите!

— Сначала должен сломаться контур, — сказала Эн с отчаянием в голосе. — Смерть наступает сильно позже. Контур я вам восстановлю, если что.

— Эн!!!

— Продолжайте! — потребовал император сипло. — Ну же!

Щелк.

— Тринадцатый!

— Смотрите, — выдохнула Эн. — Арен, Арен! Смотри!

Глаза будто бы слиплись, но все же император открыл их, и от того, что он увидел, даже боль на секунду отступила.

Сила... сила в абсолютном щите начала двигаться с бешеной скоростью, и свечение увеличилось настолько, что нити контура почти слились между собой.

— Дальше! — взвизгнула Эн. — Брайон, еще!!!

— Четырнадцатый!

Арен зажмурился — свечение стало нестерпимо ярким.

— Еще, еще!!!

— Пятнадцатый!

— А-А-А-А-А-А!!! — заорала Эн, Валлиус громко выругался, и император тоже хотел бы заорать или выругаться, но он уже ничего не мог — ни говорить, ни ругаться, ни дышать. Все его существо заполнила боль, такая же абсолютная, каким вдруг стало свечение контура Софии — оно проникло даже сквозь зажмуренные веки, почти ослепляя, а его собственный контур начал дергаться, растрачивая силу и пытаясь сломаться сразу в нескольких местах.

Свечение погасло так же неожиданно, как и появилось, и после этого Эн завизжала еще громче, чем раньше:

— ДЕРЖИ-И-И, ДЕРЖИ-И-И ЕЁ!!!

Ее?..

Арен вздрогнул, осознав, что вместо упругих нитей контура он сжимает чьи-то ладони.

София!

— Брайон, выключайте, выключайте!!! — кричала Эн, и император понял, что она рыдает. — Скорее, скорее!!!

— Энни, успокойся, успокойся! — орал главный врач, щелкая переключателями как сумасшедший, и с каждым разом Арену становилось все легче и легче, боль уходила, оставляя онемение в теле и тяжесть в груди. — Ты беременна, не забывай об этом!

— Я помню, — девушка всхлипнула. — Ваше величество...

Арен наконец смог открыть глаза и, моргнув несколько раз — вокруг все было мутным, словно он смотрел на отражение в воде, — сосредоточиться на том, что оказалось перед ним.

София. Обнаженная. Живая.

София.

— Держите ее, не отпускайте, еще нельзя, — сказала Эн испуганно, и он кивнул, чувствуя себя таким счастливым, что даже глазам стало влажно. Но через секунду Арен понял, что это не слезы, а кровь из-за магического перенапряжения. Она же текла и из носа, и из ушей, и во рту был металлический вкус.

— Все, — выдохнул Валлиус, щелкнув переключателем в последний раз. — Ноль. Ваше величество, вы можете говорить?

— Могу, — произнес Арен каким-то чужим, тихим и глухим голосом. — С трудом.

Зрение становилось все лучше, и он с удивлением рассматривал контур Софии, который, как Эн и предполагала, находился отдельно от тела девушки. Единственным местом, где он лежал, как необходимо, были ее ладони там, где их сжимал Арен — только здесь контур был внутри тела, а не снаружи.

— Сейчас нужно вернуть Софии сознание, — Эн шмыгнула носом, и император, подняв

голову, заметил, что она действительно вся в слезах и с красными глазами. — Только тогда имеет смысл пришивать контур и... все остальное. Надо разбудить Софию. Попробуйте сделать это как-нибудь. Позовите ее. Только не пользуйтесь пока ментальной магией, у вас и так перенапряжение.

— У меня сейчас ощущение, что я никогда не смогу пользоваться магией. Любой.

— Можете. Контур в порядке. — Эн вздохнула, вытерев лицо ладонями, а затем достала из нагрудного кармана платок и стерла кровь и пот с лица и шеи Арена. — Ну и сильны же вы, ваше величество... Ни один человек бы не выдержал.

И она, и Брайон больше не чувствовали страха, хотя и немного беспокоились. Только беспокойство Валлиуса было направлено скорее на Эн, ее же тревога разбавлялась нежностью. Но удивляться по этому поводу у Арена не было сил.

— Софи, — позвал он, придвигаясь чуть ближе и чувствуя, как дрожит тело из-за сведенных мышц, — Софи, просыпайся.

Она не откликнулась, и дыхание осталось ровным, размеренным, а глаза — закрытыми.

— Софи...

— Ложитесь, — перебила его Эн, — ложитесь прямо на нее. Дальнейшим нашим действиям вы не мешаете, а она... будет лучше чувствовать.

— Разврат, — хмыкнул Валлиус, и Арен бы улыбнулся, но на лице мышцы тоже сводило, и улыбаться он не мог. Разговаривать и то с трудом получалось.

Не выпуская из рук ладони Софии вместе с ее контуром, император лег сверху на девушку. Это было не слишком легко из-за рук, которые приходилось держать на уровне живота, и Арен едва не рухнул от напряжения.

— Поднимите ее руки вверх и прижмите их к груди, — посоветовал Брайон. — Так вы сможете расслабить хотя бы ноги. Пока вы держите ее, ничего не случится. Двигаться можно.

Император сделал так, как сказал Валлиус, и чуть не застонал — настолько сразу стало легче.

— Софи, — прошептал он, склоняясь к губам девушки, — Софи, вернись ко мне.

Молчание.

— Софи... — Он все же поцеловал ее — сначала в щеку, мягкую и теплую, а затем в сладкие губы. — Счастье мое, вернись, прошу тебя.

Ресницы ее задрожали, и Арен поцеловал девушку еще раз.

— Софи, ты слышишь меня? Просыпайся, пожалуйста. Это я, Арен.

Она резко распахнула глаза и, открыв рот, выдохнула:

— Арен...

Тут же зажмурилась и, всхлипнув, просипела, почти как Агата получасом ранее:

— Больно...

— Держите ее, ваше величество, — услышал император голос Валлиуса, и они с Эн заходили, забегали вокруг койки. — Не отпускайте!

— Я держу.

— Я сейчас вколю Софии снотворное, — сказала Эн, и он, подняв голову, увидел шприц в ее руках. — Ее лучше поскорее усыпить, чтобы сознание закрепилось в теле.

Блеснула игла — и София, расслабившись, закатила глаза и вновь спокойно и ровно

задышала.

— Она точно не уйдет... обратно?

— Нет. Раз она проснулась, узнала вас и ощутила боль — не уйдет. Чуть-чуть осталось, еще пара минут, ваше величество.

— Я держу, держу.

Арен следил за тем, как Эн и Валлиус растягивают контур по телу Софии — сначала по ногам, а затем, взяв две большие иглы с длинными сияющими нитями, пришивают к ступням. Причем не только к ее, но и к его тоже. Закончив, они оставили связные иглы в теле Софии.

То же самое Брайон и Эн сделали с руками. Пришитый контур быстро впитывался в тело, уходил внутрь, как ему и полагалось, становясь частью тела девушки. Валлиус после этого отошел в сторону, а Эн, достав из медицинского чемоданчика последнюю и самую большую иглу, попросила императора наклониться и начала пришивать контур к голове Софии. Закончив, она сделала несколько стежков и на голове Арена, прошептав:

— Терпите, сейчас опять будет больно. Не так, конечно. И старайтесь не морщить лоб.

Не морщить получалось с трудом, потому что Эн царапала что-то резкими движениями иглы — полилась кровь, намочив брови и ресницы, и Арен услышал удивленный возглас Валлиуса:

— Эн, ты что делаешь?

— Это формула отдающего. — Она прекратила выводить узоры на лбу императора и переключилась на лоб Софии. — А это — формула принимающего. Константа — жизнь. Брайон, иначе никак, иначе она умрет, как только Арен ее отпустит.

— И вы, естественно, согласны, ваше величество, — вздохнул главный врач устало и повторил: — Мы все здесь сумасшедшие.

— Согласен, — подтвердил император обе мысли и охнул, ощутив резкую, но короткую боль от вошедшей в лоб иглы.

— Все. Можете отпускать Софию. И вставайте.

— Ты уверена?

— Я ни в чем не уверена. Но мы сделали все, что могли, и если даже после этого не получится...

— Ваше величество, отпускайте, — вмешался Валлиус. — Софии надо поставить капельницу. И под «колпак».

Арен медленно разжал одну руку. Ничего не произошло — София осталась лежать на месте, и ее контур на прежние пятнадцать магоктов тоже был здесь, внутри ее тела.

Сглотнув, император разжал вторую ладонь. И вновь все осталось по-прежнему.

Арен улыбнулся и облегченно выдохнул, услышав, как Эн и Брайон сделали то же самое. Ласково погладив Софию по щеке, он встал и, выпрямившись, еще раз внимательно на нее посмотрел.

Цела. Не исчезает.

Не исчезает!

— Получилось... — прошептала Эн, и ее эмоции, полные облегчения, вдруг погасли. Арен, понимая, что это может значить, резко развернулся — и успел прижать к себе потерявшую сознание девушку.

— Демоны! — рявкнул Брайон. — Ее надо отнести в соседнюю палату, я сейчас вызову...

— Я сам отнесу, — покачал головой император. — Вы пока займитесь Софией, а потом уже вызовите нам обоим кого надо.

— Да вы же...

— Я отнесу.

Кажется, главный врач вновь хотел возразить, но в итоге только рукой махнул.

— Идите. Только, Защитника ради, не упадите, ваше величество.

— Не упаду.

Валлиус поспешил к выходу, и через пару секунд Арэн, опуская Эн на одну из застеленных коек в соседней палате, услышал, как Брайон громко и четко раздает указания врачам и медсестрам.

— Арэн... — пробормотала Эн, не открывая глаз. — Получилось... Да?

— Получилось, — подтвердил он, почти рухнув на пол рядом с койкой, и прижался щекой к ладони девушки. Идти до соседней кровати не хватало сил. — Спасибо.

Ее пальцы дрогнули, словно погладив его, и Арэн, внезапно до крайности разозлившись на себя, поднял голову — и снес с Эн одну из печатей молчания.

И только потом он, так и не встав, дополз до второй койки и забрался туда, ощущая дрожь и ломоту во всем теле.

И отключился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда Арен открыл глаза в следующий раз, вокруг были врачи и медсестры. Кто-то подсоединял к нему датчики «колпака», кто-то вводил иглу в вену, кто-то гремел капельницей, и над всем этим раздавался громкий голос Валлиуса:

— Рори, все показатели его величества на экран в течение двух минут. Клара, витамины для Эн, и противорвотное ей добавь. Лэйн, ты снотворное его величеству ввела через катетер? Я же сказал — три кубика норпродола ему, и чем скорее, тем лучше. Он вон, уже проснулся, и если ему ничего не вколоть, он встанет и побежит.

— Брайон... — прохрипел Арен, пытаясь возразить. Спать? У него нет времени спать и лежать под капельницами.

— Лэйн, вводи немедленно!

Больше ничего сказать император не успел — глаза сами закрылись.

Следующее пробуждение случилось будто через секунду, но Арен сразу понял, что на самом деле прошло какое-то время. Чтобы понять, какое, он покосился на браслет связи и едва не застонал — полтора часа! Да сколько можно спать! Хватило бы и пятнадцати минут, чтобы восстановиться. А полтора часа для него сейчас непозволительная роскошь.

Арен, раздраженно вздохнув, приподнялся на постели и прищурился, заметив возле окна чей-то силуэт. Моргнул — и расплывающаяся перед глазами картинка наконец прояснилась.

— Что вы делаете? — спросила Эн негромко, подходя ближе. Эмоции ее были прохладными от тревоги. — Не надо вставать. Еще полчаса капельница будет капать, только потом можно встать.

— Но ты-то уже поднялась, — возразил Арен по-прежнему хрипло. — Демоны, что с голосом...

— Это пройдет. Я поднялась, потому что я всего лишь перенервничала. А у вас чуть энергетический контур не сломался.

— Но не сломался же.

Эн улыбнулась, и тревога сменилась нежностью.

— Не сломался. Но вам нужно полежать под капельницей еще полчаса. Потерпите. И с Агатой, и с Софией все в порядке. Ваша дочь разговаривает с Вагариусом и айлой Тали — Вану рискнул позвать ее в палату, сказал, что вы не будете против.

— Я не против. А София?

— Она спит, и будет спать еще несколько часов. Мы всем сообщили, но пока к ней никого не приглашали.

Арен кивнул.

— Я сам их приведу. Когда наконец смогу встать.

— Через полчаса, — повторила Эн твердо. — Поверьте, за это время мир не рухнет. А вот если вы не долежите, сами потом рухнете.

— Я понял. С твоим ребенком все в порядке?

— Да. — Она почему-то отвела взгляд, и в эмоции добавилось смущение. Эмпатический щит бы поставить, но Арен опасался пока пользоваться магией. — Все хорошо.

Она замолчала, и смущение усилилось.

— Я хочу спросить, — выпалила Эн секунд через пять, вздохнув, и закусил губу. — Я не понимаю... Первым, что я почувствовала, когда пришла в себя, оказалось отсутствие одной из печатей молчания. Я не понимаю... — повторила Эн с отчаянием и в голосе, и в эмоциях. — Зачем?!

Печать молчания... Точно, он ведь снял ее перед тем, как упасть в кровать.

— Я не знаю.

Эн нахмурилась.

— Что?..

— Я не знаю, — повторил Арен, усмехнувшись. — Или ты думаешь, что я исключительно расчетлив? Не могу совершить импульсивный поступок безо всякой причины?

Судя по изумленному лицу, именно так она и думала.

— Тебе не комфортно? Если хочешь, я поставлю ее назад.

— Нет! — Эн помотала головой, глядя на императора вытаращенными глазами. — Не надо! Я просто... я думала, есть какая-то причина...

Интересно, это у него во рту горчит, или просто горько?

— Причина... Что ж, раз я настолько расчетливое существо, изволь получить эту причину. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вижу свою печать молчания и вспоминаю о том, что сделал. Мне хотелось бы, чтобы этого никогда не было. Не было той ночи. Хотелось бы стереть ее из нашей общей памяти так же легко, как я стер сегодня печать молчания. Я...

Император, задохнувшись, замолчал — нахлынувшие на него чужие эмоции были такими сильными, что он на пару мгновений потерял и способность рассуждать, и умудрился забыть, о чем еще хотел сказать.

— Договорились, — произнесла Эн дрожащим голосом, будто бы обнимая его своей нежностью. Яркой, сияющей, почти как у Софии, только приправленной горечью и сожалением. — Договорились...

Она на секунду коснулась его руки кончиками пальцев, а после, развернувшись, выбежала из палаты, оставив Арена наедине с ощущением рухнувшей с плеч горы.

Эн в сопровождении серьезного и строгого Валлиуса вернулась ровно через полчаса, как раз когда капельница закончилась и император всерьез начал раздумывать над тем, чтобы встать и уйти. Но на пару минут все же пришлось задержаться — Эн и главный врач смотрели показатели «колпака», а потом еще долго и нудно рассказывали ему о том, что сегодня лучше не делать, чем питаться и сколько часов надо спать.

— Я понял.

— Сейчас покажете Агате, Ване и Синтии Софию, а потом пообедаете, — заключила Эн грозно. — И только после этого можете идти по своим делам. Но, пожалуйста, не переборщите с пространственными лифтами. Сегодня лучше побольше ходите по коридорам и лестницам.

— Я понял, понял.

Судя по лицам Валлиуса и Эн, им очень не хотелось выпускать императора из палаты, но при этом они оба понимали, что он не может лежать в кровати дольше, чем уже пролежал. И так два часа прошло. Да и зачем лежать, если контур в порядке и сила в нем практически восстановлена? Мышцы только до сих пор немного сводило, но Эн же сказала, что такой «побочный эффект» будет продолжаться еще пару дней.

— Хорошо. Тогда я отсоединяю «колпак» и вынимаю катетер. Одежда ваша вон, на стуле.

Через несколько минут Арен, наконец одевшись, в сопровождении главврача и Эн направился в палату напротив, где находились его дочь, Ваню Вагариус и Синтия Тали.

Когда Брайон распахнул перед императором дверь, все трое сидели на койке — Агата уже была одета в розовую пижаму, — и синхронно обернулись. Наследница, до этой секунды что-то увлеченно рассказывающая, широко улыбнулась — и Арен даже опомниться не успел, как дочь прыгнула на него с радостным визгом, повисла на шее и заболтала ногами.

— Папа-а-а-а!!!

— Моя радость, — он поцеловал Агату в щеку и глубоко вздохнул, зарываясь носом в ее волосы. Его маленькая девочка почему-то пахла не больницей, а сладкими булочками. — Как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит?

— Нет! — Она помотала головой и восторженно повторила: — Папа, папа!

— Агата очень ждала вас, ваше величество, — раздался рядом теплый голос Вагариуса. — Только про вас и говорила.

— Папа, ты хочешь кушать? — поинтересовалась девочка, заглядывая ему в глаза почти со взрослой серьезностью. — Ты же, наверное, не ел, как всегда!

Где-то сзади фыркнула Эн.

— А Синтия угостила меня булочками! Они такие вкусные! Давай мы сейчас сходим к Софи, а потом ты съешь булочку. Да?

Арен улыбнулся, пытаясь не засмеяться. Ему было немного страшно из-за ощущения нахлынувшего вдруг счастья. Не чужого, а его собственного.

— Твой папа съест не только булочку, а целый обед, — сказала Эн строго, но голос ее чуть дрожал, и эмоции были теплыми, радостными, искрящимися. — И ты тоже, Агата.

— Хорошо, Энни, — кивнула наследница, глядя на Эн через плечо Арена. — Я все сделаю, как ты скажешь!

— Умница какая. — Кажется, Валлиус умилился. — Ты только сейчас, когда к Софии пойдешь, не шуми и не кидайся на нее. Обниматься будете завтра, хорошо? Сегодня можно только смотреть.

— Я понимаю. Я не буду шуметь и кидаться, дядя Йон, честно.

Дядя Йон, Энни... Видимо, эта маленькая лисичка за последние два часа успела всех очаровать.

— Тогда пойдешь, моя радость, — сказал Арен и, прикоснувшись губами к щеке дочери еще раз, понес ее в палату к Софии. — Синтия, Ваню, вы тоже с нами.

Агата обняла руками его шею, прижалась, нетерпеливо болтая ногами — и громко, ошеломленно вздохнула, как только они вошли в палату напротив:

— Софи...

Арен поднес дочь ближе, усадил на кровать рядом с Софией — его маленькая аньян спала, накрытая одеялом до подбородка, — и Агата наклонилась, уткнулась лицом в грудь девушки, а потом всхлипнула и тихо заплакала.

— Ну ты что, — император сел рядом на корточки и погладил дочь по спине. — Все позади, Софи жива, видишь?

— Да, — всхлипнула Агата. — Но я так боялась, пап, так боялась, что она умрет! Она же просто... схватила за руки, засветилась и исчезла. Мне только чудилось, что Софи меня обнимает, и я знала, знала — нельзя ее отпускать!

— Ты и не отпустила. Ты молодец. — Арен обнял и поцеловал свою девочку. — Я горжусь тобой.

— Ваше... — прошелестел позади чей-то голос, и император внезапно обратил внимание на эмоции окружающих. Погруженный в себя, он даже не замечал, что людей вокруг переполняет благодарность и счастье. — Ваше величество...

Рядом с ним опускалась на колени Синтия Тали.

— Спасибо вам... — прошептала она, глядя на него полными слез глазами. — Вам и Агате. Вы вернули нашу девочку...

— Встаньте, — вздохнул император, поднимая голову, и посмотрел на Эн, которая тоже шмыгала носом и вытирала мокрые щеки рукавом. Он понимал, что общее содержание процедуры она должна была рассказать Вану и Синтии, но, конечно, про отданную часть жизни не обмолвилась. — И пожалуйста, перестаньте плакать. Лучше накормите нас с Агатой обедом. Что там за вкусные булочки?

— С апельсиновым джемом, — ответила Синтия, поднимаясь с колен, и чуть покраснела. — София любит.

— Я думаю, Софи будет не против, если вместо нее их съест его величество, — вмешался Вану с улыбкой.

— Сначала суп и второе, — напомнила Эн.

— А потом нам с Вану можно будет прийти сюда? — спросила Синтия, оглядываясь на спящую дочь. — Просто посидеть рядом.

— Я тоже хочу! — сказала Агата. — Папа, а ты?

— Мне нужно во дворец, моя радость. Но тебе еще необходимо оставаться в госпитале, поэтому ты можешь побыть с Софи вместе с ее мамой и Вану. Верно, Эн?

— Верно.

После быстрого обеда император обнял дочь, пообещав ей, что обязательно зайдет вечером и вообще ночевать Агата будет уже дома, рядом с Александром, а затем отправился во дворец. Эн, оставив наследницу, Вану Вагариуса и Синтию Тали с Софией, уже собиралась ненадолго спуститься к себе в лабораторию, когда в коридор вышел безопасник и негромко поинтересовался:

— Я могу поговорить с вами, Эн?

— Да, — она кивнула, ничуть не удивившись. — Пойдемте в палату Агаты, там как раз сейчас пусто.

Чему было удивляться? Вагариус, в отличие от Синтии, маг, не мог он не понять, что ее краткое объяснение сути процедуры не выдерживает никакой критики. Но что она могла сказать при Агате? Только обтекаемое «Твой папа держал контур, а мы с дядей Йоном возвращали тело». Эн не сомневалась, что девочка тоже поняла — не может все быть так гладко, но спрашивать ничего не стала. Действительно умный ребенок.

— Я хотел узнать... — Вану, застыв посреди помещения, внимательно смотрел на Эн, чуть прищурившись. — Вы так мало сказали насчет процедуры, но ведь это не могло быть просто. Пожалуйста, если император не поставил на вас печать молчания, поведаете мне, что вы делали.

— Печати молчания пока нет. — Эн не сомневалась, что и не появится. — Но вы же понимаете, я не могу рассказать все, Вану. Процедура будет засекречена. Хотя это, конечно, прорыв для науки... — Она хмыкнула. — Но этот прорыв не имеет особого смысла — абсолютные щиты все же слишком редкое явление, а их удерживание явление еще более редкое.

— Я понимаю. Расскажите, что можете. Я просто... — Вагариус вздохнул и, поморщившись, признался: — Мне и раньше чудилось, что его величество... и София...

А вот это он упомянул зря — Эн сразу расхотелось что-либо говорить.

— Его величество спас вашей внучке жизнь, — произнесла она холодно. — Он держал ее контур, пока мы с Валлиусом воздействовали на его тело при помощи силы тока. Чтобы София вернулась, боль должна была быть запредельной, поэтому мы довели императора до полного магического перенапряжения.

— Защитник... — пробормотал Ваню шокированно. — Он жизнью рисковал, получается?

— Жизнью — нет. Но контур сломаться мог, да он и пытался сломаться, когда тело все же появилось. — Эн выдохнула и негромко сказала: — Не лезьте туда. Они сами разберутся.

Вагариус покачал головой. Глаза его были грустными.

— Конечно, я не стану ничего говорить ни императору, ни Софии. Спасибо вам, Эн.

Безопасник, кивнув, вышел из палаты, а Эн, проводив его взглядом, почти неслышно прошептала:

— Да что тут скажешь. Они же не виноваты...

Возле кабинета Арена уже ждал Гектор, почему-то выглядевший чуть более радостным, чем накануне.

— Хорошие новости? — поинтересовался император, заходя в кабинет, и через браслет попросил секретаря принести им с Дайдом чаю.

— Вы же понимаете, ваше величество — то, что хорошо для нас с вами, для других так себе, — хмыкнул дознаватель. — Но да, кое-что прояснилось наконец. Кстати, хотел спросить, пока не забыл... Что происходит с Адрианом? Вы его ощущаете?

— Ощущаю, — ответил Арен, садясь на диван и с удовольствием потягиваясь, разминая ноющие мышцы. — Отирается возле Геенны, в зоне затрудненного поиска. Я тебе скажу, если он оттуда выйдет.

— Мне кажется, вряд ли он выйдет... — пробормотал Гектор задумчиво, доставая портсигар из нагрудного кармана. — Могу я?..

— Да, кури.

Дайд с наслаждением задымил, а через несколько секунд, когда Адна принесла чай, сразу выпил едва ли не половину чашки, и стал еще более довольным.

— Я вас поздравляю с возвращением Софии, ваше величество. Вагариус мне сообщил.

— Спасибо, Гектор. Но она еще не пришла в себя, спит.

— Придет. Вечером уже сможете поговорить с ней. — Дознаватель усмехнулся, и Арена кольнуло пониманием — а ведь действительно, уже сегодня вечером... И что он будет говорить Софии?..

Но думать об этом сейчас оказалось некогда.

— Я начну с амулетов-нейтрализаторов, ваше величество, — продолжил Гектор, и император сразу отринул все лишние сейчас мысли, сосредоточившись на том, что говорил Дайд. — Мне был интересен способ изготовления фальшивок, но нормально проконсультироваться по этому поводу с Кларой Галиос я смог только сегодня утром. Они были сделаны при Аароне, когда ваш брат находился на должности начальника охраны дворца, это ясно — но как именно их изготовили? Я предполагал, что это может иметь значение, и не ошибся. Амулет-нейтрализатор — это артефакт первой степени сложности по классификации специалистов. Если вы не помните, что это значит...

— Я помню, — перебил его Арен. — Большой срок изготовления, высокая точность действий, но главное — невозможность починки сломанного. Если такой артефакт сломать, надо делать новый, починить прежний нереально.

— Вот, — кивнул Гектор. — Но для того, чтобы достать из нейтрализатора вашу кровь, его надо сломать. И как тогда изготовили фальшивку? Сломали, а затем починили, или сделали новый? Я показал Кларе эти амулеты и выяснил интересную вещь. Их не ломали, но и новые не делали. Каждый амулет имеет уникальный номер, зафиксированный на корпусе и зарегистрированный в архиве как особая ценность. И зачаровано все так, что нанести этот номер повторно на фальшивку невозможно. Используются связанные металлические пластины — если одна ломается, деактивируется и вторая, работники архива делают пометку о том, что артефакт вышел из строя и сообщают об этом владельцу. В настоящий момент из всех наших амулетов-нейтрализаторов пластина с номером сломана только у того экземпляра, который был у Дэйва.

— Интересно. И как же тогда они умудрились...

— Необходимо было вытянуть кровь, не ломая амулет, разбавить ее кровью Аарона, а потом осторожно ввести обратно внутрь. Это не просто тонкая — тончайшая работа, требующая филигранного мастерства. Клара сказала, что на подобное способны единицы. Она дала мне список из двенадцати известных ей артефакторов, которые могли бы сотворить подобное.

— Арвен Асириус среди них есть?

— Естественно. Как и Рон Янг, и сама Клара. А вот в вашем племяннике она не уверена. Кстати, наши с вами догадки подтвердились — никто из арестованных о поддельных нейтрализаторах ничего не слышал. В общем, либо исполнителем для вашего брата стал артефактор из второй волны заговорщиков, либо кто-то сторонний. Возможно, какая-то темная лошадка, о которой Клара не слышала, хотя она уверяет, что знает всех лучших специалистов Альганны. Руку мастера не скроешь, а чтобы научиться делать такие вещи, нужно очень много тренироваться.

— Что ж, это уже ближе к Асириусу, чем раньше, но все равно далековато.

— Я понимаю, ваше величество. Будем копать еще.

— Скажи мне вот что... Стычки между аристократами и нетитулованными магами продолжаются или ситуация стала спокойнее?

— После вашего выступления — существенно спокойнее, — ответил Гектор, выдохнув облако дыма и поглядев на Арена с благодарностью. — Не идеально, но небо и земля. Вчера количество стычек по стране превышало три сотни, сегодня — не более двух десятков. У нас хотя бы есть время заняться делом, а не разнимать этих... драчунов.

— Что ж, я рад, — сказал Арен и поморщился, ощутив, как колет в груди — там, где несколько часов назад был прикреплен датчик подачи тока. — Сейчас это только мешает. Что со слухами о том, будто я якобы сам организовал случившееся в субботу?

— Немного поутихли, но все равно...

— Ладно, и здесь примем кое-какие меры. Хотя лучшей мерой стала бы поимка настоящих организаторов.

Гектор наклонил голову.

— Виноват, ваше величество. У меня в последнее время что-то вообще прокол на проколе.

— А у меня? — фыркнул Арен. — Давай-ка без этих глупостей. Что по делу Виго Вамиуса?

— Здесь мы кое-что нашли. Сбежав из дома в ночь накануне покушения на наследницу, Виго перенесся на городскую площадь Ритайлы, прыгнул с площадки для переносов и ушел. И если раньше было не понятно, остался ли он там или вернулся в столицу, то теперь уже ясно — вернулся. Тудаага, в водах которой обнаружили Виго, в Ритайле не течет. Каким образом бывший начальник охраны дворца перенесся обратно? Мы искали его следы в Ритайле и наконец обнаружили их. В городе ночью всегда есть неспящие — кто-то поздно возвращается с работы, кто-то выводит погулять собаку, а кому-то просто не спится. Благодаря показаниям постовых, которые видели Виго под иллюзорным

амулетом, мы создали примерный портрет и стали показывать его горожанам. Несколько человек опознали Вамиуса — они заметили его той ночью и обратили на него внимание, поскольку время было позднее. Мы попробовали проанализировать его путь, сделали одно предположение, опять поспрашивали жителей, и кое-что обнаружили. Вы же знаете, ваше величество, что у Императорского театра во многих городах есть либо квартиры, либо собственные дома для гастролирующей труппы? В Ритайле как раз есть такой дом, небольшой особняк на окраине. И соседи несколько раз видели, как Виго туда заходил — естественно, с другой внешностью, под амулетом.

— Я даже не знаю, что сказать, Гектор, — пробормотал император, допивая чай, и покачал головой. — Императорский театр... Он-то здесь каким боком?

— Выясним. К сожалению, в самом особняке никаких следов переноса не осталось — слишком много времени прошло, следы заклинания развеялись. Но именно оттуда Вамиус вернулся в столицу, я уверен. Возможно, к кому-то из сообщников. В любом случае Императорский театр — это хорошая зацепка и серьезный прокол. Значит, там работает кто-то из них, и этот человек не в углу валяется, раз может достать ключ от дома, принадлежащего театру, а по сути — государству.

— Час от часу не легче. Получается, в этом замешано ведомство Вольфа Ассиуса, мужа Анны. Надеюсь, хотя бы не он сам.

— Я проверю, ваше величество. Пока у меня все.

Арен кивнул и покосился на браслет связи. Демоны, с этими капельницами он столько времени потерял... Конечно, Брайон и Эн были правы, но... сколько же времени!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Медленно и вязко в ее голову проникали звуки.

Первым, что услышала София, был голос, произнесший имя, которое она любила.

Арен.

Потом была боль, заполнившая ее всю до такой степени, что она резко ощутила саму себя, каждую частичку тела — вены и артерии в руках и ногах, мышцы, внутренние органы, и особенно — сердце, которое неожиданно забилося так быстро, словно она недавно куда-то бежала.

И вновь тишина. И тьма, и ничего, кроме нее.

А после...

— Софи-и-и... Просыпайся... Энни, ты уверена, что она проснется?

— Должна, Агата.

Агата!

Сердце опять забилося, стукнулось о грудную клетку, и София открыла рот, пытаясь повторить это имя. Она хотела знать, жива ли Агата, спаслась ли из того жуткого огня?..

Но вместо имени из нее вырвался хрип.

— Ой!

— Не бойся, не бойся! Ваню, подайте-ка мне синий флакон со стола. Так-так... — Кто-то приподнял голову, а следом в нос ударил до ужаса неприятный запах, от которого сознание чуть прояснилось. — Прекрасно, отлично, умница! А теперь сделай глоточек... — В губы ткнулось что-то холодное, и через секунду в горло полилась тонкая струйка маслянистой жидкости, пахнувшей какими-то травами. — Еще, еще... Все, молодец, хватит. Ваню, будьте добры, мне нужен теперь зеленый флакон... Да, спасибо. — София чуть дернулась, потому что кто-то умелым движением раздвинул ей будто бы слепленные веки и закапал сначала в один глаз, а затем во второй. — Вот так. Софи, ты меня слышишь?

Она кашлянула и на миг задержала дыхание, ощутив обжигающую боль в груди. Болело не только там — все тело сводило, как будто ее били палками.

— Слы... шу.

Ну и голос! Горло словно ватой забито.

— Говорить и двигаться пока будет сложно, — продолжал кто-то, и теперь София уже понимала, что говорит девушка. — Но надо делать и то, и другое. Попробуй открыть глаза.

Она попробовала и чуть не застонала — под веки не то, что песок, а будто бы стеклянной стружки насыпали. Стружка кололась, и София непроизвольно начала плакать.

— Софи, не плачь! Мне тоже очень плохо было, когда я проснулась. Но это пройдет!

Агата. Это же Агата!!!

Она приподнялась, потянувшись туда, откуда доносился голос, протянула руки, пытаясь достать... и обхватила знакомое маленькое личико, нежные ушки, мягкие волосы...

— Агата... — прошептала София и всхлинула, но теперь от счастья. — Крошка, ты живая...

Вокруг все засмеялись, и она повела головой, улавливая знакомый и родной смех.

— Мама? Ваню?

Так хотелось открыть глаза и посмотреть, но не получалось — они слишком болели и слезились.

— Мы тоже тут, моя девочка, — сказала ее мама и обняла Софию. — И я, и Ваню.

— И Ваню? — спросила она глухо и вновь повела головой. — Ваню, ты где?

— Здесь. — Другие руки тоже обняли ее, погладив по спине. — Ты что-нибудь помнишь, Софи?

— Я... — Она кашлянула, ощутив, что говорить действительно постепенно становится легче. — Помню, как ехали... Потом огонь... Дэйв пытался... У него не получалось... И все. Почему мы не погибли?

— Потому что ты меня спасла! — воскликнула Агата, прижимаясь к ней, и поцеловала в щеку. — Вот почему!

— Спасла? — пробормотала София растерянно. — Я не помню. Только огонь помню, Дэйва и... — Она нахмурилась. — Я очень хотела тебя спасти, Агата, но я ничего не делала...

— Делала-делала, — раздался вновь незнакомый женский голос. — Ваню, Синтия, Агата, я попрошу вас сейчас выйти на часок, хорошо? Мне нужно провести с Софией несколько процедур. Когда мы закончим, я вас позову.

— Хорошо, — сказали хором Ваню и Синтия, выпуская ее из объятий. — Родная, мы будем рядом, — произнесла мама, коснувшись ладонью волос Софии.

— У твоей мамы остались две булочки с апельсиновым джемом, — шепнула Агата перед тем, как тоже оторваться от нее. — Потом поужинаешь и съешь! Они такие вкусные!

София улыбнулась и сразу поморщилась — губы словно иголками закололо. Что же с ней такое случилось? Отчего все настолько болит? И Защитница, как они с Агатой остались живы после портальной ловушки? Дэйв, получается, тоже жив?

— Я помогу тебе раздеться. — Незнакомый голос раздался совсем рядом, а следом за этим София застонала — из-за приподнятых рук заняли плечи. — Так, ложись. Сейчас я тебя разотру, чтобы легче было. Глаза так и не можешь открыть?

София чуть приподняла веки и замерла, поняв, что делать это уже не настолько больно. Но рассмотреть окружающее пока не получалось — все расплывалось в единое пятно.

— Могу. Но я плохо вижу, все плывет.

— Это нормально, — утешила ее незнакомка. — И пройдет в течение часа, даже быстрее. Ложись на койку, разотру тебя. Заодно расскажу, что случилось, тебе же интересно?

— Да. А ты... вы кто?

— Твой лечащий врач, — она засмеялась. — Меня зовут Эн. Ну, слушай...

Сразу после совещания с Гектором Арэн пригласил к себе главу Комитета культуры, науки и образования — Вольфа Ассиуса, мужа Анны. Сделал это он не для того, чтобы спрашивать его про Императорский театр и связь с Виго, а совсем по другой причине.

— Вольф, — Арэн кивнул в ответ на приветствие и пожелание здоровья и сразу перешел к сути дела, — ты в курсе слухов насчет произошедшего в субботу?

Его зять нахмурился и задумчиво почесал переносицу.

— Ты про эту ерунду, будто бы покушение ты сам организовал?

— Да, про эту.

— Слышал. — Вольф презрительно усмехнулся, и от его эмоций плеснуло неприязнью. —

Как это только в голову пришло...

— Тебе ли не знать, как создаются сказки и легенды, — хмыкнул Арен. Немногие были в курсе того, что глава Комитета культуры не только комитетом руководит, но и пишет пьесы для спектаклей, и детские книги — конечно, под псевдонимом. Так Анна с будущим мужем и познакомилась — пришла на премьеру спектакля, захотела увидеть сценариста понравившейся пьесы, а через полгода уже выходила замуж. Магом Вольф был посредственным, зато его родовой дар позволял запоминать наизусть страницы мельком увиденного текста — уникальная ментальная магия. — Я тоже хочу создать сказку, и прошу тебя помочь мне в этом.

— Как? — Карие глаза зятя заинтересованно блеснули.

— Очень просто. Мне нужны статьи. В «Золотом орле» и других газетах и журналах. Интервью с очевидцами, рассказ о программе материальной помощи семьям погибших, о награжденных орденом «Славы». Все, что поможет поднять мой авторитет и снизить веру в слухи.

— Ясно, — понимающе кивнул Вольф. — Я как раз хотел спросить у тебя, насколько правдивую информацию мы можем печатать, вчера все дали по верхам, сегодня вообще молчание, как будто и не было ничего.

— Правдивую целиком и полностью, зачем же лгать.

— Я не так выразился, прости. Где заканчиваются границы этой правдивой информации? Легенда про абсолютный щит, в который превратилась аньян наследницы, очень красива.

— Понимаю. Но это лишнее. Тем более, что если мы раскроем эту информацию, потом нужно будет объяснять людям, каким образом София вернулась.

— О, — судя по эмоциям, зять изрядно удивился. — А она вернулась? Вот этого я пока не слышал. А Анне ты сообщил? А то она волновалась.

— Я написал ей два слова, не было времени.

— Ясно. Ну, что же... К завтрашнему утру я постараюсь подготовить все материалы. Утвердим, и в среду появятся первые статьи. Все сразу не стоит, постепенно будем выпускать.

— Отлично. Жду тебя завтра с материалами.

Чем больше рассказывала Эн, тем сильнее у Софии стыла кровь в жилах. Она уже давно могла и видеть, и немного двигаться почти без боли, но сейчас на это совсем не обращалось внимания.

Подумать только — она превратилась в абсолютный щит! Это же такая редкость! И как это у нее получилось?..

Но дальше рассказ стал еще более удивительным.

Агата не пожелала ее отпускать и держала двое суток. Эн разрабатывала схему возвращения тела, сознания и души. Император терпел запредельную боль, чтобы тело появилось обратно, потом ее энергетический контур пришивали к ней, а заодно и к Арену — как сказала Эн, чтобы она уж точно никуда больше не делась, — а еще...

— Что?.. — выдохнула София изумленно. — Что он?..

— Его величество отдал тебе часть своей жизни, — повторила Эн терпеливо, сгибая и разгибая ее правую руку. — Иначе бы ничего не вышло. Ты отдала свою жизнь Агате, поэтому, даже если бы получилось вернуть тело, ты бы умерла, как только император тебя отпустил.

София смотрела на Эн, не в силах ничего уточнить. Мысли словно врезались в стенку и теперь лежали в глубоком обмороке.

— Его величество для тебя сейчас как силовой накопитель. Он...

— Скорее уж я как паразитирующее животное, — выдохнула София. — Высасываю из него жизнь.

— Не надо так говорить, — возразила Эн с неожиданной резкостью. — Ты ничего не высасываешь. Он сам отдает. Это основа формулы, которую я на ваших лбах написала. Ты только принимаешь то, что он отдает, и это было его решение, за которое он и в ответе. И не смей себя казнить! Лучше уж прожить одну жизнь пополам, чем не жить вовсе.

— Он бы жил...

— Ага, конечно, — фыркнула Эн, принимаясь за другую руку. — Жил! Существование и жизнь — вещи разные.

София моргнула, не понимая решительно ничего.

Существование? Жизнь? Но... при чем тут она?!

— Есть еще одна вещь, о которой тебе нужно знать. Нечто вроде побочного эффекта от процедуры. Арэн... его величество в курсе, я говорила, теперь тебе скажу. Из-за того, что ты пришта к императору и получаешь его жизнь взамен своей, если он умрет, умрешь и ты.

На несколько мгновений в палате воцарилось молчание.

— Защитница! — простонала София. — Я надеюсь, в обратную сторону это не работает?!

Секунду Эн просто смотрела на нее, а потом губы ее дрогнули, и она громко расхохоталась.

— Да-а-а, — протянула она, отсмеявшись, и покачала головой. — Впрочем, что-то подобное я и предполагала. Нет, Софи, ты уже растратила свою жизнь. И если умрешь ты, Арэн останется жив.

— Слава Защитнице, — София вздохнула с облегчением. — Не хватало еще императора за собой на погребальный костер утянуть.

— Костер, говоришь... — Эн неожиданно посмотрела на нее с таким хищным интересом, что София даже слегка испугалась. — Хотя нет, не буду пока тебя мучить. Все, разминать-растирать я закончила, теперь тебе нужно пообедать. Хм, точнее, уже поужинать. Хочешь есть?

— М-м... Вроде нет.

— Ничего. Как говорит наш главный врач, в этом деле главное — начать.

Виктории все утро было грустно. Проснувшись и осознав, что Арэн не зашел к ней, не взял с собой, чтобы разбудить Александра, она поняла — в чем-то муж ее обманывает и не все так гладко, как он пытается представить. Если бы с Агатой на самом деле все было хорошо, Арэн бы уже позволил им увидеться. Значит, хорошо далеко не все, и он не хочет врать лишний раз и вообще смотреть в глаза.

Виктория думала спросить, что происходит, у Анны, но не решилась, хотя и заметила, что сестра мужа нервничает — она постоянно смотрела на браслет связи, натянуто улыбалась и взгляд ее казался отсутствующим, будто бы мыслями она была далеко. Неужели все-таки что-то с Агатой?..

А потом Викторию вновь пригласили на сеанс с психотерапевтом, и она даже немного обрадовалась — хоть ненадолго отвлечься от тревожных мыслей!

Поначалу Силван Нест не задавал ей никаких «сложных» вопросов и не говорил про домашнее задание — интересовался про самочувствие и настроение, работу в оранжерее, спросил и про Александра, — и только потом, когда Виктория уже думала, что сегодня таким будет весь сеанс, врач сказал:

— Вчера мы закончили на том, что я дал вам домашнее задание. Подумать над вопросом, любите ли вы мужа. Вы подумали, ваше величество?

Она кивнула.

— Да. Люблю.

— Почему вы приняли именно такое решение? — уточнил он, что-то отмечая в своем блокноте.

— Потому что мне не нужен никто другой. Если бы я не любила Арена, я бы интересовалась другими мужчинами. Но мне это не нужно.

— А ваш муж? Он интересуется другими женщинами?

— Я... — Она запнулась и, закусив губу, ответила честно: — Я не знаю. Иногда мне кажется, что да, а иногда, что нет. Арен... у него очень мало времени. Но на измену ведь много времени не нужно...

— Времени, пожалуй, не нужно, — произнес врач спокойно и даже мягко, словно действительно все понимал и сочувствовал. — Нужно желание. Как вы считаете, есть у вашего мужа это желание?

— Я не знаю, — повторила Виктория тихо. — Не понимаю. Если бы я понимала...

— А что отвечает он сам? Когда вы ревнуете его, обвиняете в чем-либо, что он отвечает?

— Конечно, что ничего нет и не надо выдумывать, — вздохнула она и замерла от удивления, услышав:

— А почему вы ему не верите?

— Что? Почему я?..

— Да. Почему вы ему не верите? Вы можете назвать мне причину, по которой не верите словам мужа?

Виктория нахмурилась. Надо отвечать быстро, не задумываясь, но не задумываться не получалось — четкой причины, которая лежала бы на поверхности, не было.

— Ну... Я же говорила, что мой отец изменял маме...

— Это ваш отец. Вы же согласны, что он и ваш муж — разные люди?

— Да, конечно...

— Назовите мне причину, по которой вы не верите словам своего мужа, без учета отношений между вашими родителями. Что сделал ваш муж? По какой причине вы не верите ему? Ему, а не вашему отцу.

Виктория молчала, не представляя, что сказать. Что сделал Арен? Да в общем-то, ничего он не делал. Он просто никогда ее не любил, но это ведь не причина... или причина?

— Он просто меня не любит. Поэтому я ему и не верю.

Психотерапевт кивнул, словно ничуть не удивился.

— Ясно. Вы любите мужа и вам поэтому никто другой не нужен, а он вас не любит, следовательно, ему нужны другие женщины. Верно?

Наверное, Виктория должна была обрадоваться, что ее так быстро поняли правильно. Но... что-то все равно было не так.

— Да. Вроде бы...

— А что такое любовь вообще, ваше величество? Давайте порассуждаем на эту тему. Как вы считаете?

— Арен вчера сказал то же самое, — пробормотала она, отводя взгляд. Почему-то было стыдно. — Когда я спросила, думает ли он, что я его не люблю, или нет. Он сказал: «Сначала надо разобраться, что такое любовь».

Силван Нест едва заметно улыбнулся.

— Вот и давайте порассуждаем, тем более, что его величество солидарен со мной в этом вопросе. Что же такое любовь? Не бойтесь говорить все, что думаете. Если пожелаете, я потом тоже скажу, что думаю сам.

— Да, — Виктория кивнула, немного приободрившись. — По правде говоря, мне так было бы проще.

— Вот и отлично. Начинайте, ваше величество.

Она облизнула губы. Почему-то было ощущение, что она сама загнала себя в какую-то ловушку, но в чем заключается эта ловушка, Виктория решительно не могла понять.

— Я уже говорила, что никто другой мне не нужен. Я думаю, это и есть любовь в первую очередь. Когда для тебя существует только кто-то один, единственный, и больше никого не замечаешь. Разве не так?

— Так, — психотерапевт кивнул.

— Еще я думаю, что любить — это желать быть вместе как можно дольше. Скучать по человеку, когда его нет. Я... очень скучаю, когда Арена нет. А нет его постоянно.

— Согласен. Что-то еще?

— Ну... физическое влечение тоже важно.

— Несомненно. Еще?

— Много можно перечислять всего. Но главным я считаю то, с чего я начала — интерес только к одному человеку. В любви не может быть измен.

— Я вас понял, ваше величество. — Нест наклонил голову, что-то фиксируя в блокноте, и Виктории показалось, будто он доволен. — Что ж, теперь давайте узнаем мое мнение. Я считаю, что очень люблю свою жену, и мне действительно никто другой не нужен. Но вдруг кто-то другой нужен ей? Как вы считаете, возможно, мне не стоит выпускать ее из дома?

Виктория удивленно моргнула, а психотерапевт продолжал:

— В конце концов, зачем ей куда-то выходить? Дома все необходимое есть, а если понадобится что-то еще, я привезу. И ей хорошо, и мне не мучиться, не ревновать. Отличное решение, как вы считаете?

Виктория молчала, не понимая, к чему он ведет.

— Я думаю, что у каждого рассуждения на тему любви есть две стороны, — сказал Нест, поднимая глаза от блокнота и глядя на нее со спокойной мягкостью. — Если вам нужен кто-то один-единственный и не нужны все остальные, другая сторона медали — это ограничение контактов своего единственного.

— Я не ограничивала мужа ни в чем! — возразила Виктория, неожиданно поняв, к чему все это было. — Никогда!

— У вас нет такой возможности, потому что он император. Но представьте, что такая возможность есть, и вы способны заставить его делать то, что вам хочется. Вы будете утверждать, что не воспользовались бы ею? Сегодня ваш муж с утра куда-то ушел, а вам не хотелось, чтобы он уходил. Представьте, что вы можете остановить его. Остановили бы?

Внутри нее словно что-то рухнуло и разбилось.

Остановила бы, конечно. Заставила бы объяснить, чем он занимается, почему Агаты до

сих пор нет во дворце, по какой причине ей нельзя увидеть дочь. Да она вывернула бы Арена наизнанку, если бы могла!

— Да... — простонала Виктория и начала тереть заслезившиеся глаза. — Я бы... конечно, да! Мне бы так хотелось, чтобы он меня слушался! Чтобы всегда отвечал на мои вопросы! Всегда знать, где он и чем занимается, о чем думает! Но он же... я совсем ничего про него не знаю, совсем ничего!

— Получается, вы бы хотели им управлять. Это любовь?

Она молчала, продолжая тереть глаза. Не стоит этого делать, да и по статусу не положено, но это был единственный способ не разрыдаться.

— Не управлять. Я бы желала, чтобы Арен делал это все добровольно. Но...

— Но это невозможно.

— Да.

Она все-таки расплакалась, и Силван Нест протянул ей свой платок. Виктория на врача не смотрела, поэтому не знала, с каким выражением лица он на нее смотрит, но когда он заговорил, в голосе его звучало сочувствие.

— Любовь — это доверие, ваше величество. В первую очередь именно оно. Вы не доверяете мужу, как сами недавно признались. Основных причин две. Первая — поведение вашего отца. Вторая — отсутствие любви к вам у мужа. Мы с вами постепенно разберемся в обеих.

— Значит, вы тоже считаете, что я не люблю Арена? — прошептала Виктория, вытерев лицо, и все-таки взглянула на психотерапевта. Его лицо оказалось таким же бесстрастным, как и раньше. — Я вчера спросила это у Анны, сестры мужа. И она сказала, что я люблю не его, а себя. Вы тоже так думаете?

— Ваше величество, неважно, что думаю я. И что думает сестра вашего мужа, тоже неважно. Важно, что думаете вы сами, — ответил врач и чуть улыбнулся, словно пытался ее приободрить. — Но этот вопрос отлично подходит для домашнего задания, как раз нечто подобное я и хотел вам дать. Подумайте над ответом ее высочества Анны до завтра, а завтра обсудим ваши мысли по этому поводу. Договорились?

— Да, — вздохнула Виктория, уже представляя, как сложно ей будет завтра на сеансе. — Хорошо, я подумаю.

Возвратившись в госпиталь, Арен попросил Вану принести Агату обратно в ее палату, не желая заходить к Софии при остальных. Завтра будет можно, но сегодня первый разговор должен пройти наедине. При Вагариусе и Синтии Тали придется держать лицо, а император был не уверен в том, что это у него получится после утренней процедуры.

— Папа! — сказала Агата звонко, входя в палату. — А почему ты не пришел к нам? Софи уже проснулась! Пойдем? — Она потянула его за руку, но Арен, улыбнувшись, вместо того, чтобы встать, усадил дочь на колени.

— Нет, моя радость. Мы сейчас с тобой пойдем во дворец, к маме и Алексу. Хочешь?

— Да-а-а, — глаза расширились от восторга. — А Софи? Она тоже пойдет?

— Нет. — Арен поднял голову и посмотрел на застывшего в дверях Вагариуса. — Вану, ты можешь возвращаться к Софии. Я сейчас заберу Агату на ночь во дворец, утром верну сюда. Эн знает, мы договорились об этом еще днем.

— Да, ваше величество. — Вану медлил, и император вопросительно поднял брови. — Вы... — Безопасник чуть порозовел. — Неужели не зайдете?

— Софи про тебя спрашивала! — воскликнула Агата, вновь потянув его за руку к двери. — Она беспокоится! Пойдем!

— Твоя мама тоже беспокоится, Агата, — ответил он строго, и дочь сразу пристыженно

стихла. — Иди, Ваню. Я обязательно найду к Софии, но позже.

Вагариус кивнул и вышел из палаты, и как только дверь закрылась, Агата тихонько протянула:

— Папа, ты стесняешься.

— Что? — Он удивленно улыбнулся и охнул, получив маленьким кулачком в бок.

— Стесняешься! Не хочешь, чтобы на тебя смотрели, когда ты будешь разговаривать с Софи. Да?

— Ох, Агата... — Арен покачал головой. — Какая же ты у меня умная.

— Я ведь твоя дочь! — сказала она с гордостью.

— Несомненно. Моя и мамы. И сейчас мы перенесемся к ней, порадуем ее.

— Хорошо. А... — Агата чуть нахмурилась. — Она ведь не знает про Софи, да?

— Да, не знает. И не говори ей. Я сам скажу.

— Ладно. Мама не любит Софи, — девочка грустно вздохнула. — Я не понимаю почему, пап. Софи любит нас! И к маме она хорошо относится, я знаю. А мама к ней — не очень. Почему?

— У взрослых людей это называется «ревность», радость моя.

— Ревность, — повторила Агата, сильнее нахмурившись. — Это когда боишься, что тебя разлюбят?

— Можно и так сказать.

— Но как мы можем разлюбить маму? — спросила дочь с недоумением. — Это же невозможно, пап!

— Конечно, невозможно. Но когда человек ревнует, он не слышит разумных доводов, радость моя. Не сердись на маму.

— Я не сержусь. Я просто хотела бы, чтобы она чувствовала так же, как я. Софи нас любит! И она меня спасла! — Глаза Агаты вдруг наполнились слезами. — Там было так страшно, ТАК СТРАШНО, папа!

— Я знаю, — Арен обнял ее изо всех сил и поцеловал в щеку. — Ты мой мужественный герой, моя смелая девочка. Самая-самая смелая.

— Не-е-ет. Ты — самый смелый. И София. А я — потом.

— Как скажешь, — улыбнулся он, поцеловав дочь еще раз. — Переносимся к маме и Алексу?

— Да, давай.

Когда Арен вышел из камина, держа Агату на руках, Виктория и Алекс как раз собирались идти ужинать. Они замерли в дверях детской, а потом его сын завопил:

— А-а-а-а!!!! — и понесся навстречу.

Следом за ним, отмерев, сорвалась с места и Виктория. И Агата, прыгнув с рук императора, тоже побежала к маме и брату.

— Доченька моя, доченька! — рыдала Виктория, целуя Агату, а Алекс после своего первого истошного крика замолчал и теперь буквально висел у сестры на шее, вздыхая и всхлипывая.

А потом поднял голову и спросил немного обвиняюще, оглядываясь на Арена:

— А Софи-и-и?

Услышав это, Виктория, перестав плакать, тоже посмотрела на императора. В глазах ее была боль, но эмоций Арен не ощущал, вновь закрывшись эмпатическим щитом.

— А Софи придет завтра. Или послезавтра, как получится.

— Честно?

— Честно, Алекс.

Боль в глазах жены сменилась удивлением. Да, надо бы рассказать ей, конечно, и лучше сегодня, чтобы она успела осознать новость. Демоны, как же не хочется с ней вообще разговаривать!

— Мы собирались на ужин, — произнесла Виктория, вытерев глаза, и улыбнулась Агате. — Пойдем? Ты, наверное, голодная?

— Не очень, — помотала головой девочка. — Меня в госпитале все кормили. Постоянно! Вкусно, но много.

— Тогда попьешь чаю. Да?

— Да.

— Арен?.. — выдохнула Виктория, посмотрев на него с неожиданной робостью. — Ты?..

— Я с вами.

Агата и Александр стали клевать носом еще во время ужина. Точнее, клевать начала Агата, а Алекс, насмотревшись на ее зевки, тоже стал зевать и сам попросился поскорее в кровать. Император ничуть не удивился — все же столько волнений и тревог, особенно у дочери. А сын всегда и все повторял за ней.

И как только дети умылись и легли каждый в свою кровать, даже читать книгу им не понадобилось — оба сразу сладко засопели. Арен стоял и смотрел на своих малышек пару минут, радуясь тому, что они здесь и живы, а затем обернулся к Виктории.

Удивительно — она стояла рядом все это время, но Арену казалось, что он в одиночестве. Наверное, если бы она вышла, он бы даже не заметил этого.

— Пойдем к тебе в комнату, — сказал император негромко и повел жену к выходу из детской спальни. Возле камина взял Викторию на руки и занес в огонь.

Сердце будто коркой льда покрывалось, когда Арен представлял, что ему сейчас предстоит вынести от собственной супруги, как только она узнает, что София жива. А потом еще он и уйти захочет... Да, у Виктории наверняка будет истерика, и как бы ни пришлось ее насильно усыплять.

Арен вышел из камина и, поставив жену на пол, кивнул в сторону кресел, стоявших у окна:

— Садись, Вик.

К его удивлению, спорить она не стала, подойдя к окну и опустившись в одно из кресел. И молчала — хотя обычно начинала задавать вопросы и обвинять в чем-то сразу, с порога.

— Ты же знаешь, Агата выжила, потому что София превратилась в абсолютный энергетический щит, — заговорил Арен, садясь напротив. — Но когда порталная ловушка исчезла, щит не иссяк, потому что Агата не захотела отпускать Софию и вцепилась в ее контур обеими руками.

Виктория чуть приоткрыла рот, и глаза ее удивленно распахнулись.

— Наша дочь очень просила меня попытаться спасти Софию, — продолжал император. — А я в свою очередь попросил об этом Эн Арманиус. Если ты не помнишь, именно она вылечила Арчи три года назад. У Эн была теория, как это можно сделать, и сегодня утром мы проверили ее на практике.

— Так София жива? — перебила его Виктория взволнованным голосом. — Она в порядке?

— Жива, — подтвердил Арен и на пару мгновений потерял дар речи, когда жена радостно выдохнула:

— Слава Защитнице!

Видимо, удивление все же отразилось на его лице, потому что Виктория, посмотрев на него, опустила голову и сказала почти неслышно:

— Ты думал, я не буду рада. Ясно. Но, Арен! — Она вновь посмотрела на него. — Я никогда не желала ей смерти! Зачем ты... — Виктория запнулась и замолчала, отводя взгляд.

— Что — зачем я? Говори, Вик.

— Зачем ты так плохо обо мне думаешь? — прошептала она, опять опуская голову. — Может, я и не самая лучшая жена, но я же... не плохая. Я же не убийца, Арен!

— Да, — ответил он устало. — Прости, я был не прав. София действительно жива, и я надеюсь, что в ближайшие дни она вернется к работе. Этот факт не вызывает у тебя возражений?

— Нет, — произнесла Виктория тихо и шмыгнула носом, не поднимая головы. — София спасла Агату. Как я могу возражать?

«Да запросто», — подумал Арен, а вслух произнес:

— Я рад. Это все новости, Вик. А теперь я пойду.

Он уже поднялся с кресла, когда жена спросила:

— Ты не останешься?

Головы она по-прежнему не поднимала, и Арен понял, почему — боялась расплакаться.

— Нет. Я хочу побыть один, прости, — соврал он спокойно, не ощущая ни малейшего чувства вины за эту ложь. — До завтра. Спокойной ночи, Вик.

— Да, Арен, — сказала она с грустью. — Спокойной ночи...

София и не заметила, как прошел день. Он был наполнен удивительными открытиями, самым удивительным из которых оказалось спокойное общение между ее мамой и Ваном. И оно было не нейтрально-вежливым, как это обычно бывает у людей, заключивших временное перемирие, а полным теплоты и уважения друг к другу. Кажется, мама больше не считала его похожим на Атора. И правильно! София ведь не похожа, так почему Ван должен быть похож?

А самым нерадостным было узнать о том, что Дэйв все же погиб, и не только он, а еще двести с лишним человек. Софии было ужасно жаль всех, и она едва не плакала, пока Ван рассказывал подробности случившегося в субботу. Чудо, что они с Агатой выжили. Особенно — что выжила она, София.

Не лучше было бы наследнице отпустить абсолютный щит? София пыталась не думать об этом, но не могла. Конечно, мама, сестры и Ван очень горевали бы, для них это точно не лучше. А для императора? Наверное, его величество считал, что обязан ее спасти — она ведь спасла Агату. Но не ценой же разделенной надвое жизни! И теперь она будет жить взаимы, постоянно думая о том, что укорачивает век Арена с каждой прошедшей секундой.

Арен. Почему он не зашел? Забрал ведь Агату во дворец, значит, приходил в госпиталь. Все его видели — и Ван, и Синтия, и Эн. Только не София! Почему он ее избегает?

После ужина, простившись со всеми до завтра, домой убежала Эн, а чуть позже засобиралась и мама Софии.

— Я завтра приду с Элизой и Розы, — произнесла Синтия, обняв дочь. — Они ничего не знают, думают, что ты просто немного приболела. Посидим с тобой вместе до вечера.

— Это хорошо, — обрадовалась София. — Познакомим их с Ваном.

Синтия, слегка покраснев, покосилась на Вагариуса, который сидел на стуле рядом с постелью и понимающе улыбался.

— Конечно, познакомим.

Как только за Синтией закрылась дверь, Ван сказал:

— Софи, я хочу предупредить, что собираюсь подавать прошение императору о признании тебя моей внучкой.

От удивления она на несколько мгновений онемела, а потом, очнувшись, выпалила:

— Но Ван, зачем?! Это же не дает решительно ничего, кроме...

— Это сделает тебя моей наследницей, — отрезал Вагариус, и она сразу поняла, что спорить бесполезно. — И в случае моей смерти ты получишь все. В отличие от Альтаки, где по закону наследство можно оставлять кому угодно, хоть собственному секретарю, у нас это невозможно — деньги и частная собственность переходят только признанным кровным родственникам.

— Я знаю. — София закусила губу. — Ван, если ты беспокоишься о долге моего отца, то...

— Там больше не о чем беспокоиться. Нет никакого долга.

Она смотрела на Вагариуса, не понимая, о чем он говорит. Как это — нет долга? Она ведь заплатила половину. Еще столько же!

— Император закрыл все счета. Так мне вчера сказала твоя мама, Софи. Долга больше нет. И я уверен, что на твоём личном счете тоже приличная сумма денег.

Стало так больно и плохо, что София едва не разрыдалась.

Ну зачем, зачем он это сделал? Как будто любовь и преданность можно купить! Она ведь спасла Агату не ради денег, и вообще не осознавала ничего! И так жизнь свою ей отдал, еще и деньги...

— Ох... — выдохнула она, закрыв ладонями лицо. — Какой кошмар...

— Ну почему кошмар, — Ван пересел на кровать и погладил Софию по плечу. — Не воспринимай это настолько болезненно, Софи. Его величество просто хотел тебя поблагодарить.

— Он же спас мне жизнь! Деньги-то зачем?! Гадко это. Я же не ради денег!

— Ты придаешь этому факту слишком большое значение, — сказал Ван ласково и, перехватив ее руку, заставил посмотреть на себя. Глаза его были теплыми и понимающими. — Как и все честные люди, выросшие не в достатке. Для тебя это сродни позору — получить деньги не за выполненную работу, а просто так. Но ты сейчас не права. Подумай о семьях погибших в эту субботу, подумай, в конце концов, о Дэйве — у него остались жена, маленький ребенок и родители. Император не способен вернуть им человека, которого они любили, но он может помочь решить кое-какие проблемы. Или было бы лучше оставлять этих людей без финансовой помощи? Раз уж деньгами нельзя расплатиться за отнятую жизнь, то и зачем зря стараться.

— Ну что ты говоришь, Ван...

— Я говорю, что ты тоже заслуживаешь помощи, Софи. Ты и твоя семья. Ты ничем не хуже Дэйва. Кстати, всех, кто ехал в субботу в вашем магмобиле, наградят орденом

Славы, и тебя в том числе.

У Софии уже не было сил удивляться, поэтому она просто спросила:

— Ты рассказал маме о том, что собираешься подать прошение императору?

— Рассказал.

— И как она отреагировала?

Вано улыбнулся.

— Сказала, что ты будешь в ужасе, но она не против.

София, засмеявшись, прижала руки ко рту — от смеха заболели губы и грудь.

— Софи... — Вано неожиданно перестал улыбаться и серьезно посмотрел на нее. — Я очень прошу тебя кое о чем подумать.

— О чем? — спросила она с интересом — и задохнулась, услышав:

— Пожалуйста, прежде, чем без остатка отдавать свою жизнь императору, подумай, стоит ли это делать.

Отдавать свою жизнь?..

— Конечно, он спас тебя, — продолжал Вано горячо и отчаянно. — И я всегда буду благодарен его величеству за это. Но это не значит, что ты теперь принадлежишь ему.

— Ты не знаешь... — прошептала она, глядя на него с грустной улыбкой. — Конечно, не знаешь... Ох, Вано... — София обняла его обеими руками, прижалась к широкой груди, в которой яростно билось сердце, и тихо сказала: — Не волнуйся, пожалуйста. Все будет хорошо. Я обещаю, что не стану совершать опрометчивых поступков.

— Я рад, — выдохнул Вагариус. Кажется, ему действительно стало легче. Вот и отлично.

И ни к чему ему знать, что нет у нее никакой «своей жизни» — а значит, и отдавать нечего.

Вано ушел, когда уже почти стемнело, и София решила немного походить по палате. Она ходила и днем, за руку с мамой и Вагариусом и под руководством Эн, которая объяснила, что нужно двигаться как можно больше, но без фанатизма — иначе мышцы будут слишком болеть.

Ходить Софии было тяжело, ноги сводило, и при каждом шаге ступни кололо, будто бы она наступала на гвозди. Постепенно становилось легче, но к тому времени, как София смогла поднять ногу почти без боли, она уже готова была выть от натуги.

— Это пройдет через сутки, не больше, — пообещала Эн. — Ничего страшного. Просто побочный эффект после двух магических расщеплений тела.

Вот и теперь София с трудом двигалась по палате, медленно переставляя ноги и хватаясь за стены, стол, спинку кровати и стулья. Хорошо, что больничный халат не до пола, а всего лишь до колен — иначе она бы уже наступила на подол.

София стояла возле стола и как раз собиралась налить себе воды в стакан, когда посреди комнаты неожиданно стал проявляться пространственный лифт. Засветились четыре белоснежно-белые стены, и София изо всех сил вцепилась пальцами в стол, чтобы не упасть, понимая — это может быть только один человек, ведь кроме императора никто не способен переноситься прямо в больничную палату.

София на секунду зажмурилась, когда пространственный лифт вспыхнул в последний раз, задержала дыхание, пытаясь унять бешеный стук сердца, открыла глаза — и охнула, ощутив, как Арен прижимается к ее животу лицом, встав перед ней на колени, обнимает обеими руками за талию, и руки эти дрожат, и сам он дрожит, словно в лихорадке.

— Арен... — прошептала София, запуская ладони в его волосы, хватаясь за них, и

покачнулась, почувствовав волну безумной радости, которая пришла к ней не изнутри, а извне. — Арен...

— Софи... — простонал он глухо, не отрывая лица от ее живота, и ей вдруг почудилось, будто бы он плачет.

— Ты что, ты что, — заговорила она, наклоняясь, и начала осыпать поцелуями его макушку, пахнущую так знакомо — теплым костром. — Не надо, не надо... Я же здесь, я...

Уставшие ноги неожиданно прострелило колющей болью, и София, запнувшись, стала оседать на пол, но Арен подхватил ее и встал сам, прижимая к себе.

— Я еще плохо хожу, — сказала София и, подняв руку, коснулась ладонью его щеки. Она была чуть влажной. — Ох, Арен...

Он улыбнулся, глядя на нее, и от этой улыбки — и от него самого — к ней вновь пошла волна радости.

— Счастье мое, — произнес Арен тихо и ласково, садясь на кровать вместе с ней на руках, — прости, что не зашел раньше. Ты же видишь, в каком я состоянии. Ни к чему было, чтобы это видели и остальные.

Так вот почему он не заглянул к ней днем!

— Ничего, — София тоже улыбнулась, продолжая гладить ладонью его щеку. Защитница, как же она соскучилась! — Я просто волновалась. Эн мне все рассказала, и я... боялась за тебя. Ох... — Она замерла. — За вас.

— Нет, нет, Софи, — Арен покачал головой и прижал ее к себе еще крепче. — Не надо. Не называй меня больше на «вы», когда мы вместе. Пожалуйста, счастье мое, не надо.

Счастье... Да, именно это она и чувствовала. Счастье, какое-то безмерное, абсолютное, бесконечное, которое окружало ее со всех сторон, обнимая и поглаживая.

— Не буду, — ответила она, задыхаясь от эмоций, и тихо застонала, когда Арен наклонился и поцеловал ее.

София никогда не чувствовала ничего подобного. Она будто бы проникала в него, а он — в нее, и ей казалось, что они одно целое, один продолжает другого, и не существует их по отдельности, а только — вместе, вдвоем, навсегда.

— Счастье мое... — шептал Арен, вновь вспыхивая огнем, и София провела ладонью по пламени на его груди, словно лаская, и поняла все за секунду до того, как он сказал, замерев под ее рукой: — Люблю тебя.

София подняла голову и посмотрела ему в глаза. Нет, не для того, чтобы проверить, правду ли он говорит — она знала, что правду. Просто хотела видеть их, когда будет отвечать:

— И я тебя люблю.

Пламя стало жарче, сильнее, но Софию это ни капли не смущало — когда Арен вновь стал целовать ее, она лишь обняла его крепче, стараясь быть как можно ближе и ощущая себя его продолжением, а его — своим.

— Арен... Что же мы будем делать? — произнесла София шепотом через несколько минут, когда он перестал целовать ее — будто решил дать ей передышку.

— Я не знаю, — ответил он со спокойной горечью. — Не думай пока об этом. Сейчас тебе нужно выздоравливать. Решим все позже.

София кивнула, не в силах спорить и вообще что-то обсуждать. Она очень сильно хотела спать и вскоре действительно уснула — на руках у императора, который всю ночь прижимал ее к себе, словно боялся потерять, и смотрел в ночную черноту за окном абсолютно сухими глазами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

София проснулась от ощущения внезапной прохлады под спиной. Приоткрыла глаза и выдохнула, проводя руками по горячей груди императора:

— Арен...

— Спи, — сказал он тихо, коснувшись губами ее щеки. — Отдыхай, Софи. А мне нужно идти.

— Я понимаю, — пробормотала она, чувствуя, как Арен накрывает ее одеялом, согревая магией, ласково целует еще раз, а после отходит в сторону.

София успела забыться, погрузиться в зыбкий сон, когда стены пространственного лифта засветились — и она распахнула глаза, села на постели и схватилась за резко закружившуюся голову.

— Арен... — прошептала София с отчаянием. — Ты что же, совсем не спал?..

Ответить уже было некому — лифт истаял, император перенесся во дворец.

Примерно через час, когда в окно заглядывало прохладное утреннее солнце, а София наконец смогла задремать, устав переживать за Арена, в палату вошла Эн Арманиус. Быстрым шагом приблизилась к койке, посмотрела на спящую, прошипела что-то невнятное — и метнулась назад в коридор.

— Сюда кто-нибудь заходил в течение ночи? — спросила она нервно у охранников, стоящих возле двери. — Дежурный врач должен был зайти в шесть.

— Никого не было, — покачал головой старший из бригады. — Как айл Вагариус ушел вчера около девяти, так больше никто не приходил. И не выходил. Что-то случилось?

— Нет. Никого не впускать. Ни врачей, ни медсестер. Пока не отменю распоряжение — никого! — почти крикнула Эн, уносясь в сторону ординаторской и бурча себе под нос: — Хорошо, что дежурный врач сегодня Кайла, она вечно спит до прихода заведующих. Так, император... — Она ткнула на экран браслета связи. — Нет, ну как я умудрилась об этом не подумать?..

Спать хотелось невероятно, и Арен принял ледяной душ, пытаясь прогнать из себя сонливость. Надо было лечь рядом с Софией, а не сидеть целую ночь и держать ее на руках, опасаясь, что она исчезнет, как только он ее отпустит. Это же глупость — ну как она теперь может исчезнуть?

Глупость, конечно. Но сердце решительно не желало слушать разумных доводов — оно билось и боялось за Софию. Боялось настолько отчаянно, что Арен даже не мог пошевелиться — так и сидел, застыв в одной позе и согревая свое счастье магией, чтобы не замерзла и не проснулась.

А теперь он пожинал плоды собственного безрассудства. Голова была настолько тяжелой, что хотелось немедленно все отменить и лечь в постель хотя бы на пару часов. Но нет, это невозможно. До вечера придется держаться, а ночью — спать, а не думать о том, что делать дальше. Да и что тут сделаешь? Ничего. Как ни крути эту ситуацию — он все равно женат, а София не подходит на роль любовницы. И никогда не подходила.

Сердце болело, когда Арен понимал, что у него нет выхода. Да и не настолько уж это важно, главное — что София жива. Теперь надо сделать так, чтобы она была еще и счастлива.

В кабинете императора вновь ждали стопки документов, но начать их разбирать он толком и не успел — завибрировал браслет связи и, увидев на экране имя Эн Арманиус, Арен похолодел от страха. Что могло случиться с Софией?!

— Я слушаю тебя.

— Арен! — воскликнула Эн и, помотав головой, исправилась: — Ваше величество, не волнуйтесь, все в порядке. Но мне нужно, чтобы вы перенеслись сейчас в палату Софии.

— Сейчас?

— Да, именно сейчас. Это очень важно.

— Хорошо.

Она кивнула и отключилась, а император, встав из-за стола, начал строить пространственный лифт.

Через полминуты, выйдя из лифта рядом с кроватью, на которой спала София, Арен удивленно замер, ощущая желание немедленно присесть. Эн, стоявшая неподалеку, понимающе вздохнула и негромко призналась:

— Я не подумала об этом, но это же логично, ваше величество.

— Логично, — повторил он изумленно.

— Да, логично. Родовая магия проявляется у новорожденных детей примерно через сутки после рождения. Вот и у Софии она проявилась через сутки.

— Она ведь не новорожденная.

— Почему же? — Эн усмехнулась. Эмоции ее были спокойными — она явно уже пережила собственное удивление. — Очень даже новорожденная.

София в этот момент зашевелилась, и Арен, подойдя ближе, сел на постель рядом с девушкой.

— Арен, — выдохнула она, переворачиваясь на спину, и открыла глаза, — ты... — Увидела Эн за его плечом, порозовела щеками и, сглотнув, прошептала: — Доброе утро, ваше величество.

Смутилась. Не осознала еще, что Эн про них давно все поняла.

— Доброе. Как ты себя чувствуешь, Софи? — спросил Арен, ласково касаясь ладонью ее руки, лежащей поверх одеяла.

— Я... — Она задумалась. — Вроде бы хорошо.

— Ты ощущаешь что-нибудь необычное? — поинтересовалась Эн. — Необычное в себе и своей магии.

София нахмурилась, пытаясь понять, о чем они спрашивают.

— Не-е-ет. А должна?

— Должна, — хмыкнула Эн. — Впрочем, демоны знают... У тебя пробудилась родовая магия.

От волны изумления у Арена зашумело в ушах.

— Что?.. — просипела София, глядя на них с Эн с недоумением. — Родовая?..

— Да, — подтвердил император и сжал руку девушки в ободряющем жесте. — Мы с Эн ощущаем в твоей крови силу рода.

— Но... невозможно...

— Невозможного не бывает. — Эн явно развеселилась. — Так ты что-нибудь ощущаешь? Попробуй прислушаться к себе.

София переводила взгляд с Арена на Эн и явно не понимала, что они от нее хотят.

— А как это должно ощущаться?

— Понятия не имею, у меня же нет родовой магии. Ваше величество?

— Как часть твоей силы, Софи. Только сила эта не в энергетическом контуре, а в крови. Думая о родовой магии, сосредотачивайся не на контуре, а на крови.

Эмоции девушки зазвенели от отчаяния.

— Я не понимаю, простите.

— Не расстраивайся, — произнес Арен, а Эн продолжила, кивнув:

— Да, мы с этим постепенно разберемся. В конце концов, ты же первая, у кого пробудилась родовая магия в сознательном возрасте, поэтому пока непонятно, как тебе с ней работать. Но это не смертельно. Ваше величество, могу я сообщить о случившемся Рону Янгу? Нам с ним пригодилась бы эта информация.

— Я должен подумать, — император покачал головой, и ощутил от Эн раздражение и недовольство. — Не обижайся, — попросил он, оглядываясь на девушку, — такие вещи нельзя решить за две минуты. — Арен встал и, покосившись на браслет связи, поморщился — время утекало, как вода сквозь пальцы. — Вызови сюда Дайда, Эн. Пусть обеспечит Софию иллюзорным амулетом, маскирующим родовую магию. И скажи, что я жду его на доклад после обеда, как договаривались.

Император отошел в сторону, быстрыми движениями обеих рук построил лифт — и исчез в ослепительном свете, уже не услышав, как Эн возмущенно проговорила, обращаясь к Софии:

— Ну вот и за что ты его любишь? Он же совершенно невыносим!

Гектор Дайд смотрел на Софию, не моргая, секунд пятнадцать, и можно было бы подумать, что он абсолютно спокоен, если бы не чуть дергающаяся щека.

— Час от часу не легче... — пробормотал он в конце концов голосом мученика. — Эн, я категорически против иллюзорных амулетов на шее или еще где-либо в этом случае. Нужен вживленный кровный амулет. Иначе эта безделушка может соскочить в самое неподходящее время, и тогда каюк маскировке.

— Я не против вживленного амулета, — сказала София вежливо, и Дайд хмыкнул. Ну да, кто ее будет спрашивать.

— Я сейчас возьму у Софии кровь, — произнесла Эн. — Отдам тебе пробирку. Сколько времени понадобится на изготовление?

— Постараемся за час сделать, заготовки у нас есть. Два максимум. Держи оборону, Энни, а я пока пойду договорюсь с нашими артефакторами, — усмехнулся Дайд и, коснувшись ладонью лба — то ли прощался так, то ли просто голова болела, — вышел из палаты.

— Вообще я хочу еще кое-что проверить, — пробормотала Эн, как только дверь за главным дознавателем закрылась, — есть у меня одна версия насчет твоих новых особенностей... — Она подошла ближе и, вытянув руку, зажгла на ладони небольшой огонек. — Попробуй-ка дотронуться.

Пару секунд София смотрела на Эн с удивлением, но затем пришло осознание.

— Ты думаешь, у меня кроме родовой магии Ваню пробудилась и родовая магия императора? — она улыбнулась. — Это было бы слишком невероятно.

— Какая конкретно магия в тебе пробудилась, понять невозможно — мы только ощущаем кровную силу, а какая именно это сила, неясно. Сотворить родовую щит Вагариуса просить тебя бессмысленно, поэтому попробуем то, что проще и очевиднее. Давай, попытайся коснуться пламени. Только не переусердствуй — ожоги нам ни к чему.

София подняла руку, вытянула указательный палец и медленно начала приближать его к огоньку, пляшущему на ладони Эн. Тепло, еще теплее, и еще... но не горячо. А между тем до пламени оставалось меньше ногтя...

София, закусив губу, решительно ткнула в огонь пальцем и чуть не завизжала.

Было не больно. Тепло, даже жарко, но больно — нет!

— Ага! — обрадовалась Эн, погасив огонек. — Так я и думала!

Софии очень хотелось упасть в обморок. Жаль, что это невозможно сделать по желанию. Вместо обморока она спросила, вздохнув:

— Значит, у меня теперь родовая магия Альго?

— Не думаю, — хмыкнула Эн весело, подходя к столу, и раскрыла лежащий на нем медицинский чемоданчик. — Полагаю, твоя родовая магия — щитовая, как у Вагариуса. А способность не обжигаться огнем принадлежит его величеству, к которому ты пришта. Ты — его часть. Поэтому пламя тебя и не обжигает. Как одежду, которая на императоре — сама по себе одежда не обладает магией, но она становится частью человека, пока он ее носит, вот и не сгорает в огне. Давай руку, кровь буду брать. А потом завтрак тебе принесу. Амулеты амулетами, а кушать надо обязательно...

Сегодня Виктория вновь была тихой и задумчивой, и Арен вздохнул с облегчением — все же консультации с психотерапевтом пошли ей на пользу. Главное, чтобы она опять не начала сходить с ума, когда София вернется во дворец. А судя по рекомендациям Эн, София сможет приступить к работе уже завтра. Вот только император сомневался, что это действительно стоит делать — возможно, для Софии будет лучше несколько дней отдохнуть дома, с матерью и сестрами. Хотя Арену больше всего на свете хотелось поскорее вернуть свое счастье обратно во дворец, и желательно, чтобы она ни на шаг от него не отходила, пока не поймают всех последователей Аарона.

После быстрого завтрака с женой и детьми Арен перенес Агату в госпиталь и, оставив дочь на попечение Эн — Агате еще нужно было проходить днем кое-какие процедуры, — вернулся в кабинет. Но времени на разбор накопившихся документов уже почти не было, и Арен был вынужден отвлечься от бумаг, как только в помещение зашел Вольф Ассиус и двое сотрудников его комитета.

Император, попросив Адну сделать ему еще чаю — голова уже просто раскалывалась на части, — кивнул зятю и сказал, что слушает.

Вольф раскладывал перед Ареном черновики статей, рассказывал, что и где они планируют напечатать, а император изо всех сил старался удержать внимание и не уснуть.

— В «Золотом орле» завтра дадим большую статью о событиях в субботу. Интервью с очевидцами, магпортреты* с места происшествия, акцентируем внимание на растительности возле здания музея, которую ее величество случайно уничтожила своей родовой магией.

(*Магпортрет — то же самое, что для нас фотография. В Альганне пока существуют только черно-белые снимки, и это очень дорогая технология.)

— Да, это хорошо, — кивнул император, делая большой глоток принесенного Адной чая.

— Черные листья и трава — зрелище впечатляющее, — подтвердил Вольф. — Особенно на женщин, конечно, повлияет. И еще кое-что... Я думаю, об абсолютном щите все-таки следует упомянуть. Без имен, ваше величество.

Арен вздохнул и поморщился. Да, это было разумно — иначе неясно, как все же спаслась его девочка.

— Хорошо, но без имен. Головой отвечаешь.

— Конечно, ваше величество. Также мы хотим дать информацию о выплатах семьям погибших. В «Вестнике столицы» пойдет статья о сопровождавших ее высочество охранниках и о посмертном награждении. Далее планируем дать ряд материалов о наследнице — ее детские портреты, любимые игрушки и книжки, и так далее, — но для этого нужно будет взять у Агаты или у вас интервью. Позволите?

— Да, в моем присутствии.

— Дальше...

Арен почти час слушал предложения Вольфа, а затем еще около двух часов длилось совещание с его ведомством уже по другим вопросам. И когда зять и его сотрудники наконец вышли из кабинета, император чувствовал себя так, словно его долго и упорно раскатывали, как тесто по столу. Именно тестом он себя и ощущал — бесформенным и абсолютно не готовым ни к чему. Хотелось просто спать, и все. Но на браслете уже мигал сигнал от Адны — просьба об аудиенции от Вано Вагариуса, и Арен, потеряв лицо и похлопав себя по щекам, приказал впустить безопасника.

Выглядел Вано бодро, только глаза его были тревожными. Но что он чувствует, император не знал — вернувшись от Эн с Софией, Арен вновь закрылся эмпатическим щитом, не собираясь его снимать до вечера.

— Я слушаю тебя, Вано.

— Я хотел бы подать прошение на признание Софии моей внучкой, — отчеканил Вагариус, выпрямляясь и глядя на императора так, словно Арен собирался возражать. — Я понимаю, это не даст ей моей фамилии, но по крайней мере она будет считаться моей наследницей.

— Подавай, разумеется. Через Судебный комитет, как обычно. Они передадут мне все бумаги с Адной, и я подпишу. Кстати, насчет титула... Думаю, этот вопрос мы решим в ближайшие пару лет. В любом случае от налогов на пять лет орден Славы Софию освободит.

— Спасибо, ваше величество. — Вано поклонился, но остался напряженным, и глаза его не потеплели. И Арен догадывался, почему. Все же глава Комитета безопасности далеко не идиот, он должен был понять, что император не позволил бы дочери двое суток держать абсолютный щит, если бы у него не было в той ситуации личного интереса.

Но оправдываться или что-то обещать Вагариусу Арен не собирался. Оправдываться не за что, а обещать... Конечно, он хотел бы верить, что у него хватит сил удержаться и не трогать Софию. Но обещать это Вано при условии, что сам не уверен в себе — это слишком уж безответственно. К чему громкие слова? Нужны поступки.

— Пока я помню, Вано, — сказал Арен, с трудом удерживая себя от широкого зевка. — То, что касается браслетов связи и прослушивания. Я понимаю, что вы с Софией не можете обойтись совсем без обсуждений личных дел, поэтому даю тебе и ей право по необходимости заглушать браслеты. Убрать прослушку целиком я не могу по вопросам вашей же безопасности, но послабления должны быть.

— Спасибо, ваше величество, — повторил Вагариус. — У Софии пока нет браслета, а свой я буду блокировать, когда общаюсь с ней.

— Новый браслет выдадут в кадровой службе, когда она вернется во дворец. По этому вопросу я все сказал, можешь идти. Или ты хотел обсудить со мной что-то еще?

— Да. — Вагариус на секунду отвел взгляд. — Я хотел извиниться, ваше величество.

Арен поднял брови.

— За что?

— Когда возникла порталная ловушка, я принял решение удерживать ее на артефактных границах, чтобы огонь не пошел дальше, на другие дома. Я полагал, что щитовых кровных амулетов на Софии, Агате и Дэйве и амулета-нейтрализатора, который был у парня с собой, окажется достаточно, чтобы обезвредить ловушку. Я не пытался спасти ее высочество, понадеявшись на амулеты. — Вано опустил голову. — Я мог бы пройти в огонь сам, накрывшись щитом, и...

— И сдохнуть через минуту, — резко перебил его Арен. — Конечно, существовал мизерный шанс спасти Агату таким образом, как ты описываешь. Но этот шанс был крошечный. Про то, что нейтрализатор неисправен, мы не знали. И если бы ты не

удерживал щит на месте, пострадавших было бы намного больше.

— Я понимаю. Но моя первейшая задача — безопасность вашей семьи, а я...

— Ты принял разумное решение, основываясь не на эмоциях, а на долге, Ваню. За это я тебя и ценю. Если это все, можешь идти.

На этот раз во взгляде безопасника появилась благодарность.

— Спасибо, ваше величество.

Виктория честно пыталась и накануне, и сегодня рассуждать о словах Анны, но получалось плохо. «Ты любишь не Арена, а себя», — сказала сестра мужа, и Виктория отчасти понимала, чем вызвано подобное мнение, но она считала, что Анна не права, и думать на эту тему не хотелось. Врач ведь сам сказал, главное — что считает она сама, а не кто-нибудь другой. А она любит Арена. Защитница, она очень его любит! Но почему, почему они все ей не верят?..

Опять. Только что ведь подумала — главное, что считает она сама, а не Анна или Арен. И тем не менее все равно думает, отчего ей не верят. Еще и эмпаты... Как они могут не чувствовать ее любовь к мужу? Она-то чувствует!

Так ничего толком и не поняв, Виктория в полдень вновь направилась на сеанс к Силвану Несту, ощущая себя не выучившей урок школьницей.

Психотерапевт, зайдя в салон и поздоровавшись с ней, опустился на диван, по своему обыкновению оглядывая заставленный стол — вазочки с конфетами, печеньем, зефиром, чайник и чашки... Да, слуги старались, как обычно. Но Виктория не могла ничего есть от волнения, да и пить тоже получалось только до прихода Силвана.

— Скажите, айл Нест... — Она была не уверена, что стоит спрашивать, но ей было слишком любопытно. — А почему вы никогда не пьете чай и не едите?

Он улыбнулся и ответил совершенно неожиданное:

— Мне неловко, ваше величество.

— Неловко? — повторила Виктория обескураженно, и мужчина кивнул.

— Да, неловко. Хотя мне безумно хочется попробовать вон те конфеты, круглые в розовой глазури. Я люблю конфеты. А вы?

Она непроизвольно улыбнулась — ей почему-то в голову не приходило, что врач может любить конфеты. Тем более психотерапевт. Хотя почему? Он ведь тоже человек.

— Да, люблю. Я вообще люблю сладкое, поэтому это все сюда и принесли. Если вам хочется, ешьте, я же не против. И чаю можете выпить.

— Конечно, мне хочется. Но, видите ли, в чем дело — я не аристократ. Я понятия не имею, как правильно есть конфеты и пить чай из таких маленьких чашечек. — Силван забавно развел руками, и Виктория засмеялась. — Боюсь, что буду слишком громко хрустеть или вообще разолью что-нибудь. Так что лучше мне воздержаться от подобного позора.

От смеха на глазах у Виктории выступили слезы, и она, фыркнув, сказала:

— Я вам заранее прощаю весь позор, айл Нест. Ничего страшного не будет — если что-то разольется, мы это отчистим, а уж громкий хруст конфетами или печеньем никак мой слух не потревожит.

— Только если вы ко мне присоединитесь, ваше величество, — произнес Силван, глядя на нее с мягкой улыбкой.

— С удовольствием, — ответила Виктория вполне искренне — теперь, после этого диалога, ей действительно захотелось и конфет, и чая.

Через пару минут она была вынуждена признать — то ли врач шукавил, то ли он просто

очень старается ничем ее не оскорбить. Так или иначе, но ел и пил Силван аккуратно, и даже конфетами хрустел вполне деликатно. Но брал он их из вазочек активно, при этом после откусывания заглядывая внутрь почти с детским любопытством — изучал начинку. Виктория тоже всегда так делала.

— Как вы сегодня себя чувствуете, ваше величество? — спросил Силван, осторожно поставив чашку на стол.

— Я озадачена, — призналась она, вздохнув — видимо, шутки кончились, пришло время проверять домашнее задание. — То, о чем вы просили меня подумать... я так ни до чего и не додумалась.

— Не страшно, давайте подумаем вместе. Расскажите мне, что именно вас смущает в рассуждениях на эту тему.

— Противоречие. Мое внутреннее противоречие. С одной стороны, вы сказали — неважно, что думают Анна или Арен, важно, что думаю я сама, а с другой... Меня все же волнует, что они думают. И главное — почему они так думают.

— «Так» — это как?

— Что я не люблю мужа.

— Разве его величество утверждал, что солидарен с сестрой?

Виктория закусила губу и помотала головой.

— Нет. Но я не сомневаюсь, что солидарен.

— Давайте все же оперировать фактами, — мягко возразил Силван, потянувшись за очередной конфетой. — Поскольку ваш муж ничего подобного не утверждал, давайте рассматривать это мнение исключительно как мнение ее высочества. А для того, чтобы понять, почему она так думает, попробуйте представить себя на ее месте.

Виктория смотрела на врача с непониманием.

— Это как?

— Представьте, что император — ваш брат, а не муж.

Она иронично усмехнулась.

— Это весьма непросто.

— Весьма. Но давайте попробуем. Итак, Арен — ваш брат, и он женится на женщине, похожей на вас. Посмотрите на нее и попробуйте описать. Какая она?

Виктория задумалась. Нет, как она ни пыталась разделить и посмотреть на себя со стороны «сестры мужа» — ничего не получалось, о чем она и сообщила Силвану:

— Нет, не выходит.

— Я вам помогу. Считаете ли вы эту женщину красивой, ваше величество?

Она непроизвольно покраснела.

— Честно?

— Естественно, честно, — ответил врач серьезно. — Вы можете говорить мне все, что думаете.

— Да, я считаю... «эту женщину» красивой.

— Хорошо. А она умна? Как вы думаете?

Интересно, почему ей настолько неловко? Ничего особенного он ведь не спрашивает.

— Нет. Она посредственна.

— Вот как? Почему же?

— У нее нет никаких талантов. И в школе, и в институте училась она средне, и если бы не специфическая родовая магия... Так и однокурсники говорили. Нетитулованные маги. Почти все на моем... на ее курсе были нетитулованными. «Пустышка, даром что аристократка. Грош цена, если бы не родовая магия».

— И вы с ними согласны?

— В целом — да. Я... эта женщина действительно — ничего особенного. Успехами в учебе не блистала.

— Ясно, — сказал Силван и, взяв в руки свой блокнот, что-то там отметил. — С красотой и умом разобрались. Теперь характер. Какой у нее характер, как вы считаете? Только помните, что отвечаете вы со стороны сестры императора, а не со своей.

— Я стараюсь, но все равно получается не совсем то, — Виктория криво усмехнулась. — Анна наверняка сказала бы не нейтральное «посредственна», а «глупа».

— Мы не можем знать это точно, ваше величество, — качнул головой врач. — Но мне и не нужно, чтобы вы отвечали как Анна. Отвечайте, как вы, только глядите с другой стороны. Вернемся к характеру. Какой у этой женщины характер?

— Отвратительный. Кошмарный. Жуткий. — Виктории почему-то захотелось заплакать, но она сдержалась. — Она абсолютно не умеет контролировать себя и свои эмоции. Заводится без повода, постоянно нервничает, кричит и даже швыряется посудой. Ее ненавидит вся прислуга и...

Она запнулась.

— Продолжайте. Что вы хотели сказать? Кто еще ее ненавидит, кроме прислуги?

— Она себя тоже ненавидит иногда, — почти прошептала Виктория и шмыгнула носом. Разреваться хотелось до ужаса. — Особенно когда не может остановиться, все кричит и кричит.

— А теперь ответьте на вопрос, любит ли себя эта женщина.

Мир вокруг словно замер, и даже тишина показалась Виктории оглушительной.

А потом все будто бы разбилось, осыпалось, завалив ее осколками...

Защитница! Она ведь даже не о том думала! «Ты любишь не его, а себя». Силван спрашивал ее не о том, любит ли она мужа — а любит ли она себя!

— Нет... — Виктория все-таки заплакала. — Как я могу любить себя, если меня никто не любит?! Никогда не любил, никогда... Никто...

Она плакала и плакала, всхлипывая и подвивая, но стыдно почему-то не было. Было мучительно, неприятно и жаль себя, но не стыдно.

Врач вновь дал ей свой платок, подождал, пока она немного успокоится, а потом произнес:

— Давайте попробуем подойти к этой ситуации с другой стороны, ваше величество. Вы сказали, что никто и никогда вас не любил. Мое домашнее задание — вспомните то, что вас когда-либо радовало. Какие-то ситуации, искренние комплименты, эмоции или просто люди. И запишите это. Записывайте все подряд, любую мелочь, и старайтесь вспомнить как можно больше. Берите не только последнее время, то есть, время замужества, но и детство.

— Хорошо, я постараюсь, — всхлипнула она.

— На сегодня это все, ваше величество. Теперь я приду к вам послезавтра.

— Не завтра?

— Нет. Я хочу, чтобы вы подумали, о чем мы с вами сегодня говорили, и успели выполнить домашнее задание.

Несмотря на то, что София находилась в госпитале, день у нее прошел замечательно.

После того как Гектор Дайд и Эн осторожно вживили в ее щиколотку маленькую металлическую пластину иллюзорного амулета, в палату разрешили заходить, и через несколько минут в гости к Софии пришли мама с сестрами, а затем и Ваню. Элиза и Роза радостно обнимали ее, наперебой галдя про то, чем занимались в последние дни, как скучали и волновались, а она слушала их, улыбаясь и ощущая себя просто счастливой — без оговорок.

Появление у Софии бабушки обе девочки приняли сначала с огромным удивлением и настороженностью, но через какое-то время, наглядявшись на Ваню и наслушавшись его разговоров с сестрой, успокоились. Элиза, конечно, потом спросит, откуда вдруг взялся этот дедушка — она ведь понятия не имела, что София не дочь Эйнара Тали, — но сейчас старшая промолчала. Лиз всегда была сообразительной, поэтому быстро поняла, что не время задавать подобные вопросы.

Но самым радостным оказался Вагариус, и София, глядя на него, чувствовала, как щемит сердце — настолько Ваню светился. Он с удовольствием держал Розу на коленях, ласково разговаривал и с ней, и с Лиз, и выглядел так замечательно, что у Софии зачесались пальцы — нарисовать, срочно нарисовать! И его, и сестер, и маму, и Эн! И Арена, конечно. Всех!

Синтия словно поняла, о чем подумала дочь — да и как она могла не понять? Знает ведь Софию наизусть.

— Мы принесли тебе бумагу и карандаши, — сказала ее мама, протягивая Софии пухленький сверток. — Краски я не стала брать.

— Спасибо! — Она радостно хлопнула в ладоши. — Это как раз то, о чем я мечтала.

— Это была идея Ваню, — произнесла Синтия, поглядев на Вагариуса с нежной благодарностью. — Я в таком смятении последние несколько дней, что совсем не соображаю.

— Ваню молодец! — засмеялась София. — Сейчас как раз всех вас и нарисую...

А чуть позже в палату в сопровождении Эн вошла Агата, и вот тут началось настоящее веселье. Три ее любимые девочки очень понравились друг другу — разговаривали, играли, Роза даже пыталась бегать, — и при этом никто, в том числе и взрослые, не обмолвился о том, что одна из этих девочек принцесса. Сама Агата представилась просто по имени, не уточнив титул и фамилию, и София в который раз почувствовала гордость за свою подопечную. Замечательная и умная малышка своему статусу предпочла равноправное общение. И София знала, что со временем, когда Агата вырастет, она будет вести себя так же достойно — в этом была ее суть.

Постепенно София действительно нарисовала их всех — вместе, на одном рисунке. И показала его перед тем, как Ваню засобирался отлучиться на совещание к императору.

— Ой! — воскликнула Роза, глядя на рисунок, пока остальные молчали. — А это кто? — Она указала маленьким пальчиком на мужчину, который стоял рядом с Агатой, положив ладони ей на плечи. — Я его не видела!

— Это мой папа, — объяснила наследница, улыбаясь Софии с восторгом. — Так здорово, Софи!

— Нравится? Держи, дарю.

Агата просияла и, взвизгнув, кинулась обниматься.

После ухода Вагариуса Арена вновь принял ледяной душ, иначе уснул бы прямо за столом в собственном кабинете. Затем он все-таки разобрал документы и передал их Адне — и тут настало время обеда.

С Агатой император заранее договорился, что она поест вместе с Софией в госпитале, и, поколебавшись пару секунд, Арен перенесся к Виктории с Александром, перед этим послав Гектору сигнал, что будет ждать его в кабинете сразу после обеда.

Жена была еще более задумчивой, чем утром, но казалась Арену гораздо более расслабленной и спокойной, чем раньше. Проверять это и снимать щит он, конечно, не стал, но про себя еще раз порадовался, что толк от психотерапии все-таки есть. Было бы замечательно, если бы Виктория просто успокоилась и перестала терзать его своими взрывными негативными эмоциями.

Сразу после обеда, быстро просмотрев отчет Арчибальда о демонах и Эн — о процедурах Агаты, Арен перенесся обратно в кабинет, где его уже ждал уставший, как собака, Гектор.

— Чай будешь? — поинтересовался император, садясь на диван рядом с дознавателем.

— Лучше кофе, — поморщился Дайд, глядя на него красными глазами. — С вами все в порядке, ваше величество?

— Да. А что такое?

— Вы неважно выглядите.

— А ты — важно? — хмыкнул Арен. — Нам обоим просто надо нормально выспаться. Адна, — император коснулся браслета связи, — принеси нам два кофе, пожалуйста.

— Вы тоже будете? — удивился Гектор. — Вы же не любите кофе.

— И ты не любишь.

— Я пью кофе в исключительных случаях, — ответил Дайд невозмутимо. — Когда очень хочется покурить недозволенного, но нет возможности, приходится обходиться кофе.

— И это мне говорит главный дознаватель Альганны.

— Должны же у меня быть какие-то недостатки, — пожал плечами Гектор, и Арен поперхнулся смешком. — Ладно, ваше величество, перехожу к делу. Начнем с Виго Вамиуса. Мы тщательно обыскали особняк в Ритайле и нашли документы на имя некоего Рилья Фабио. По ним этот человек — приезжий из Альтаки. Пока послали запрос, проверим, существует ли он на самом деле, но вряд ли. Думаю, все поддельное. Однако на номер браслета связи этого Рилья Фабио выдан допуск Императорским театром — на их площадку для переноса внутри самого театра.

— И кто дал допуск?

— Отдел кадров. Риль Фабио оформился у них на работу техником на полставки. Оформился совсем недавно и еще практически не успел поработать. И я бы счел это просто удобным способом для переноса — в театре всегда полно народу, никто на Виго не обращал внимания, — однако есть одно «но». Особняк в Ритайле. Допуска на перенос в его прихожую у Вамиуса не было. Чтобы попасть в дом, он пользовался немагическим ключом, раздобыть который не так уж и просто. Пока нет гастролей, ключи хранятся в архиве театра, и доступ к хранилищу есть только у директора театра, двух его замов и нескольких охранников. Сейчас их всех опрашивают, а заодно проверяют на ментальное воздействие.

— Ключ был украден или копию сделали?

— Копию, разумеется. Иначе пропажу быстро бы обнаружили, а это ни к чему. Да, и еще... Той ночью, когда Виго был убит, в Императорском театре шел спектакль, актерам дарили цветы и подарки. После спектакля они порой увозят с собой все, у них для этого вместительные сундуки есть.

— Гектор... — Арен поднял брови и взял со стола чашку кофе, минуту назад принесенную Адной, — только не говори мне, что Виго убили в театре.

— Не скажу, но у меня есть такая версия. Кроме того, Вамиуса — точнее, Рилья Фабио, —

в тот вечер видели несколько человек. Я не отрицаю, он мог уйти из театра еще куда-нибудь, и уже там его отравили. Но версию с театром я рассмотрю.

— Может, его вообще случайно убили? Ограбили, а потом...

— Ваше величество, — Гектор покачал головой, иронично улыбаясь, — вы сегодня точно не спали. Виго же не ударом по голове убили, а ядом в вине.

Арен усмехнулся и потер висок.

— Да, точно. Такое вряд ли можно сотворить случайно.

— Все можно сотворить случайно, — хмыкнул Дайд. — Бывали в моей практике и такие преступления. Но это точно не наш случай...

Когда Гектор ушел, Арен еще раз наведлся в душ — впереди было совещание с Хозяйственным комитетом, а значит, бесконечный пласт работы по строительству дорог, мостов и зданий, посеву и сбору урожая, и многими другими проблемами. Императору это нравилось гораздо больше законов и финансов, но сейчас он был почти не способен удерживать внимание. Вон, уже умудрился предположить, что Виго случайно отравили крысиным ядом.

Но на этот раз ледяной душ толком не помог, и Арен пил кофе еще трижды, удерживая себя в сознании только силой воли, слушая доклады и отвечая на вопросы. Слава Защитнику, всего лишь через полтора часа глава комитета сказал, что они все обсудили, и Арен, отпустив хозяйственников, попросил Адну никого не впускать, завел себе будильник на браслете, чтобы завибрировал через час, и лег спать на диване в собственном кабинете.

Отключился император моментально и так же моментально проснулся через час, чувствуя себя не отдохнувшим, а измученным, как старая мочалка. Но пора было идти за Агатой в госпиталь, и Арен, сполоснув лицо холодной водой, зашел в камин и начал строить лифт сразу в палату Софии.

Когда посреди комнаты вдруг начали вырастать стены пространственного лифта, присутствующие на пару мгновений замерли.

— Ой! Папа! — воскликнула Агата первой, улыбнувшись. — Точно, мне пора домой. Софи, а ты сегодня со мной не пойдешь?

— Софи должна оставаться в госпитале до завтра, — строго сказала заглянувшая к ним перед уходом Эн. — А что будет завтра — это уже решит... твой папа.

Все вновь посмотрели на лифт. Стены его в последний раз вспыхнули и истаяли, и в палату шагнул император.

— Папа! — Агата немедленно подбежала и повисла у него на шее, а потом, взглянув в лицо, укоризненно протянула: — Уста-а-а-ал, да?

— Да, моя радость, — он все равно ласково улыбнулся и поцеловал дочь в щеку.

У Софии болело сердце, когда она смотрела на Арена. Совсем себя не жалеет! Ну неужели не мог хотя бы немного поспать?..

— Всем добрый вечер, — продолжал император, оглядев присутствующих, и легко улыбнулся в ответ на встревоженный взгляд Софии. — Софи, как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше, — ответила она и замерла от странного ощущения жадной нежности, отозвавшегося жаром в груди. — Я... уже всю хошу. И даже рисовала.

— Смотри! — Агата, отцепившись от отца, подбежала к столу, схватила рисунок Софии и вернулась обратно. — Вот! Это Софи мне подарила!

— Замечательно, — кивнул Арен, забирая рисунок. — Возьмем его с собой. Только сначала я должен узнать, кто все эти нарисованные красавицы. — Он, по-прежнему

улыбаясь, посмотрел на Элизу и Розу. — Вы же сестры Софии? Как вас зовут, девочки?

Девочки молчали, и Софии не составило труда понять, что они испугались. Роза, кажется, просто опасалась незнакомого дядю с необычными глазами, а вот Элиза... да, не узнать императора она не могла, и теперь смотрела на него с искренним ужасом. Наверное, вспомнила случившееся на Дворцовой площади в День Альганны.

Софии вдруг стало больно, и она, поглядев на Арена, заметила, как меркнет его улыбка, а из глаз исчезает тепло.

— Их зовут Элиза и Роза, — ответила София громко, безумно желая обнять его. — И они очень стесняются. Лиз, Роза, отомрите. Это же папа Агаты.

— Да! — сказала наследница немного воинственно. — Он у меня самый лучший!

Арен вновь улыбнулся, однако глаза его так и не стали теплыми вновь.

— Доброго вечера вам, Эн, Синтия, София, Элиза, Роза и Вану, — произнес он негромко и подхватил дочь на руки. — А мы с Агатой пойдем. — И начал строить лифт.

— Доброго вечера... — прошелестели они хором, а когда император и его девочка исчезли в сиянии стен лифта, Элиза едва слышно спросила:

— Софи... Это правда он?

— Правда, — она вздохнула. Скорее бы Арен вернулся...

— Ой.

— Не стоит его бояться, Лиз, — заметил Вану ласково. — Он хороший человек. Роза, и ты не бойся папу Агаты.

— Глаза-а-а! — протянула младшая, вытаращив собственные. — Жуть!

— Совсем даже не жуть, — возразила София. — А очень даже красиво. Сейчас покажу!

Она вскочила с постели, схватила бумагу и карандаши со стола, села обратно — и начала рисовать.

Софии давно казалось, что искреннюю радостную улыбку Арена она знает наизусть. И сейчас она рисовала его таким, каким знала, помнила и любила — радостным и счастливым, улыбающимся, с искрами в черных глазах.

— Думаю, этот портрет понравится Агате еще больше, — хмыкнула Эн.

— Несомненно... — пробормотал Вагариус.

— Надо же... — протянула Синтия. — Кто бы мог подумать, что он может так улыбаться...

— Да, тут он совсем не страшный! — подтвердила Роза. — Мне нравится, Софи!

— Получается, мы сегодня весь день... разговаривали и играли с... — прошептала Элиза с благоговением, так и не произнеся слова «принцесса», и правильно сделала.

— Это не так важно, Лиз. В первую очередь Агата — просто маленькая девочка. А потом уже все остальное.

Александр очень расстроился, что и сегодня к ним не вернулась София, и Арену пришлось пообещать, что завтра это обязательно случится. Поверил и успокоился сын только после того, как ему показали ее рисунок. Мальчик вцепился в него и с интересом расспрашивал Агату о девочках, с которыми она общалась в госпитале.

— Папа, я тоже хочу! — заявил наследник после этого рассказа. — Хочу познакомиться с сестрами Софи!

— Познакомишься, — ответил Арен. Сейчас он готов был согласиться практически на все, что угодно — не было сил возражать. Да и зачем? Милые девочки. Виктория,

конечно, будет возмущаться, не аристократки ведь, но и с этим возмущением он справится. В конце концов, София спасла Агату, и будет совсем уж недостойно оказывать презрение ее семье.

Интересно, как скоро Виктория забудет про то, что сделала их аньян, и вновь начнет смотреть на нее свысока? Вряд ли Силван Нест сможет повлиять на это, он всего лишь психотерапевт, а не бог.

— Арен... София правда вернется завтра? — спросила Виктория с робостью, когда они уложили детей и император перенес жену в ее покои.

— Я не знаю насчет возвращения к работе, это еще надо обсудить. Но к Алексу я ее, конечно, завтра приведу.

— С кем... обсудить?

Арен задумчиво изучал неуверенное лицо Виктории. Гневом или ревностью она пока не польхала — по крайней мере внешне, — но кто знает, что будет дальше?

— С лечащим врачом, Вик. Ну и с самой Софией, конечно. Если она захочет немного отдохнуть, я не буду препятствовать. Она заслужила.

Жена кивнула и, опустив взгляд, тихо сказала:

— Спокойной ночи, Арен.

Он ожидал вопроса «ты останешься?», но его не последовало. Неужели Виктория наконец начала что-то понимать? И если да, то что именно?

Но Защитник упаси об этом спрашивать, особенно сейчас, когда он едва на ногах стоит.

— Спокойной, Вик.

А может, он вообще сегодня не придет?

Эти мысли не переставали терзать Софию весь вечер. Она видела, какой Арен замученный, ему бы поспать, а не бегать к ней. Но, Защитница... Как же хочется, чтобы пришел!

— О чем думаешь с таким озабоченным лицом, Софи? — засмеялся Ваню. Синтия и девочки уже ушли, Эн тоже убежала — ее рабочий день официально заканчивался в шесть, но сегодня она немного задержалась, — и в палате оставался только Вагариус.

— Эн сказала, что завтра меня официально переведут в терапию, а потом она может меня выписать, но это надо обсуждать с императором.

— Тебе надо отдохнуть, — произнес Ваню чуть резче, чем следовало. — Не вздумай возвращаться во дворец.

Она улыбнулась.

— Меня ведь там не пытаются и не мучают. Агата и Александр — прекрасные дети. И...

— Софи, — Вагариус покачал головой, — ты накануне с трудом двигалась, какие дети? Давай я лучше попрошу у императора отпуск на пару дней, вместе съездим на море. И твою маму возьмем, и девочек.

Море! Да, это было бы замечательно. Но как оставить Агату и Александра? И Арена тоже...

— Ох, Софи. Да не умрут они без тебя два дня. В общем, я поговорю с его величеством завтра. С учетом того, что ты для него сделала, отказать он не должен.

— Ваню! — возмутилась София. — Не вздумай говорить такое, это нехорошо!

Он улыбнулся и, подавшись вперед, обнял ее, погладил по волосам и с нежностью прошептал:

— Как бы я хотел, чтобы ты была счастлива, девочка моя. Если бы я знал, что это к лучшему, сегодня же подал бы прошение об отставке и увез бы всех вас подальше от столицы.

— Не надо, — сказала София очень тихо, тоже обнимая его. — Это...

— У тебя должна быть семья, Софи, — продолжал он горячо. — Семья, любимый муж рядом, дети, свой дом. Семья — это лучшее, что может быть.

— Ох, Ваню... — Сердце у нее разрывалось от сочувствия и переживаний. — Ну что ты, в самом деле...

— Я ничего не смогу сделать, если он захочет забрать тебя, Софи. Но, Защитник, я не желаю тебе такой судьбы! — Вагариус посмотрел ей в глаза, и Софии показалось, что он словно слегка посерел от тревоги. — Пожалуйста, подумай...

— Не волнуйся, — сказала она как могла твердо, не отрывая взгляда. — Я ведь обещала. Я...

София не договорила — посреди палаты неожиданно начали возникать стены пространственного лифта, и Ваню, покосившись на них с яростью, вскочил со стула.

— Я пойду.

— Ваню...

— Не надо, не говори ничего. Просто если я увижу его сейчас... — Вагариус зло выдохнул. — Убью.

— Тогда я тоже умру. Я ведь пришта к императору. Если он умрет — умру и я.

Ваню ошеломленно смотрел на нее, кажется, потеряв дар речи.

— Иди. До завтра, Ваню.

Пару секунд он еще стоял, словно не в силах пошевелиться, но когда стены лифта ярко вспыхнули — значит, перенос был почти завершен, — быстро выскочил за дверь, даже не попрощавшись.

София грустно улыбнулась и встала с постели. Ничего, Ваню переживет это, да и Арена убить очень непросто.

Она понимала своего дедушку, который совершенно естественно не хотел ей судьбы любовницы императора. Но и не разделяла его неприязни к Арену, и не только потому что он вытащил ее с того света.

Любовь — это не преступление. Преступление — идти против долга. Да, в этом можно было упрекнуть и ее, и императора — но не в любви, нет, не в любви.

Стены лифта опали, и София сделала несколько стремительных шагов вперед, немедленно попав в объятия человеку, который точно так же метнулся ей навстречу и крепко поцеловал, прижимая к себе настолько сильно, что она охнула.

Восторг. Вместо крови по венам потек чистейший восторг, абсолютное счастье, безграничная радость... И всего этого было так много, что София показала самой себе сверкающим солнцем, вечной звездой, которая горит, но не сгорает.

Тело Арена полыхнуло жаром, и София, на секунду приоткрыв глаза, поняла, что ее вновь окружает пламя. Она улыбнулась ему в губы, погладила по щекам и волосам, и замерла, услышав тихое и страстное:

— Я так соскучился.

— Я тоже, Арен, — прошептала София, глубоко вздыхая. Как же замечательно он пахнет! — Очень. Но я еще вечером, когда ты приходил за Агатой, заметила, что ты устал.

— Ничего страшного. Мне просто надо выспаться, — ответил он тепло и, подхватив ее на руки, как накануне, пошел к кровати. Сел, не выпуская Софию из объятий, и продолжил: — И я выплещусь. Но я не мог не прийти к тебе.

Огонь вокруг них продолжал плясать, и София с нежностью погладила его лепестки.

В который раз к ней пришла волна безумной радости, и девушка, посмотрев в сияющие глаза Арена, призналась:

— Мне со вчерашнего вечера кажется, что я ощущаю твои эмоции.

— Что? — он удивленно поднял брови. — Это невозможно, Софи.

— Эн говорит, что невозможного не бывает. И вообще, раз уж я получила способность не гореть в огне, почему бы еще и эмпатию не заработать...

— Способность не гореть в огне?!

Пляшущее вокруг них пламя наконец опало, и Софии стало смешно, когда она подумала: наверное, это оттого, что у Арена изменилась преобладающая эмоция. Девушка чувствовала — он в шоке.

— Да. Видимо, Эн не успела тебе это рассказать. Она сегодня зажгла огонек на ладони, а я к нему прикоснулась, и больно мне не было.

После секундного молчания Арен улыбнулся, и в глазах его заплясали веселые искры.

— Однако... Получается, мне теперь не нужно держать тебя на руках, когда мы будем заходить в камин? Какой кошмар, Софи.

Она фыркнула.

— Кстати, и я только что поняла — мне не больно смотреть на пламя. Раньше глаза слезились, а сейчас нет.

— Так и должно быть, — произнес Арен, задумчиво глядя на нее. — Эмпатия, значит... Что ж, пожалуй, это было бы не удивительно. Но как ты это поняла?

— Ну... — Она немного смутилась. — Я, конечно, вчера была очень рада тебя видеть, но сама я не ощущала настолько... безумного счастья, как ты.

— Безумного счастья, — он засмеялся и, наклонившись, быстро поцеловал ее в щеку.

— А сейчас я чувствую, что тебе смешно и приятно. Щекочет в груди.

— Замечательно, — веселился Арен, продолжая покрывать ее лицо поцелуями. — Мне нравится.

— Я чувствую тебя частью себя, и наоборот, — призналась София. — Это... всегда так у эмпатов?

— Нет, — ответил он, ласково посмотрев на нее. — Только если очень любишь.

Она вздохнула и провела рукой по его волосам.

— И когда ты успел...

— Когда ты превратилась в щит. — Арен поморщился, и у Софии на мгновение перехватило дыхание от резкой боли в груди. — Точнее, тогда я все понял. А полюбил я тебя раньше.

Боль сменилась нежностью, от которой быстрее забилось сердце, и София, приподнявшись, легко коснулась губами щеки императора.

— Надеюсь, что сегодня ты будешь спать, а не держать меня на руках всю ночь.

Он улыбнулся и, повернув голову, поймал ее губы своими, и только после долгого и

трепетного поцелуя ответил:

— Буду, Софи.

— Что именно? Спать или держать?

— Спать. Рядом с тобой, мое счастье.

Сердце бешено заколотилось, и в груди стало жарко и сладко.

— Арен... я...

Как объяснить, что она одновременно и хочет, и не хочет этого?

— Я тебя не трону, — произнес император негромко. — Но если ты скажешь, я уйду, Софи.

— Нет! Не уходи.

Арен радостно улыбнулся, положил ее на постель, накрыл одеялом, а после лег рядом, поверх одеяла и не раздеваясь — и уснул сразу же. София даже не успела сказать, чтобы он не дурил, а снял с себя одежду и накрылся, как все нормальные люди.

— Бедный, — прошептала она, легко целуя его в макушку и прислушиваясь к спокойному дыханию. — Бедный мой...

Вопрос «что мы будем делать дальше?» по-прежнему висел в воздухе, но София прекрасно понимала, что ни она, ни Арен не знают на него ответ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Император проснулся за несколько минут до вибрации браслета связи и сразу отключил сигнал будильника, чтобы не потревожить Софию, которая сладко спала, повернувшись лицом к нему.

Способность не гореть в огне, эмпатия... к нему одному. Забавно, потому что их род не могут ощущать другие эмпаты, и даже они сами не чувствуют друг друга. А София слышит эмоции Арена. Невероятно. И... Защитник, как он теперь должен отказываться от нее? Где взять для этого силы? Но это необходимо, совершенно необходимо сделать. Пусть будет рядом, пусть работает с его детьми, а потом, когда они вырастут, уедет, выйдет замуж...

«Ты сам-то в это веришь?»

Нет.

Но обречь Софию на судьбу любовницы императора Арена тоже не хотел. Она этого не заслуживает. Она должна быть счастливой женой и матерью, а не его подстилкой. Да, он любит ее, но это ничего не меняет.

Осторожно поцеловав спящую Софию в висок, Арен встал с постели и перенесся во дворец.

Поскольку сегодня император выспался, дело с документами пошло быстрее, и к половине восьмого утра он все просмотрел. Хватило времени даже быстро ознакомиться со статьями, которые вышли в «Золотом орле» и еще нескольких периодических изданиях — их Арену каждый день приносили и клали на стол, но далеко не каждый день он мог уделить внимание прессе, поэтому просил Адну просматривать их и пометать, если что-то требовало его вмешательства.

Статьи были гладкими и со всех сторон положительными, но не приторными — то, что нужно для поднятия авторитета правящей семьи, особенно его и Агаты. Это, конечно, не панацея, и все равно найдутся люди, которые будут верить в легенду про организацию порталной ловушки возле Императорского музея самим императором, но их хотя бы будет немного.

Около восьми утра Арен перенесся в спальню Виктории и застал ее уже полностью одетой и причесанной.

— Агате сегодня не нужно в госпиталь, — сказал император, пожелав супруге доброго утра. — Побудь пока с ними обоими.

Она молча кивнула. Лицо ее было несчастным, и Арен, не выдержав, продолжил:

— Вик, я думаю, ты можешь продолжать работу в оранжерее.

Виктория подняла на него удивленные глаза.

— Естественно, при условии, что ты больше не будешь причинять кому-либо вред. И я говорю не только про Софию. Если что-то пойдет не так...

— Арен! — воскликнула она взволнованно. — Не пойдет, я клянусь!

— Я надеюсь на это, — ответил он без особой надежды — давно перестал верить словам Виктории. — Но сейчас возвращаться туда тебе рано. Не хочу передавать детей слугам. Вернется София — и можешь вновь работать в оранжерее, как раньше.

— Спасибо! — просияла она и, обняв его, пылко поцеловала в губы.

Резко затошнило, захотелось оторвать Викторию от себя и оттолкнуть подальше, но Арен сдержался. Просто мягко отстранил супругу, спокойно сказав:

— Пойдем в детскую.

Защитник, и как он теперь должен с ней спать?..

Во время завтрака дети только и говорили, что о возвращении Софии, и Арен иногда косился на Викторину, изучая ее реакцию. Один раз ненадолго убрал эмпатический щит, чтобы уловить отголоски эмоций супруги, и не обнаружил там выраженного негатива, наоборот — жена была довольна, она словно радовалась вместе с Агатой и Александром. Да, видимо, благодарность за спасение дочери пока пересиливает все остальное, но вряд ли это надолго.

Оставив детей и жену в детской, Арен отправился в кабинет, и не успел он туда войти, как Адна объявила, что к нему на прием вновь просится Вагариус. Что там опять случилось?

Вошедший в кабинет Ваню выглядел абсолютно невозмутимым, даже замороженным, и император, поколебавшись, все же развеял эмпатический щит. Он думал, что ощутит неприязнь по отношению к себе, но Вагариус просто из-за чего-то тревожился.

Хотя, скорее, из-за кого-то.

— Доброе утро, ваше величество, — сказал безопасник, вытягиваясь перед ним, и слегка порозовел. — У меня несколько вопросов, но я постараюсь не отнимать у вас много времени.

Время у Арена действительно было в дефиците, особенно с учетом того, что сегодня была среда — самый нелюбимый его день недели, а значит, совещания с Финансовым и Судебным комитетом.

— Я слушаю.

— Я хотел бы попросить у вас отпуск на два дня. Для себя и Софии. Хочу свозить ее на море. — Вот теперь во взгляде появилась воинственность, а в эмоциях — решительность. — Ей надо отдохнуть.

— Я согласен, — сказал Арен спокойно. — Софии необходимо отдохнуть. И я отпустил бы вас не на два дня, а на две недели минимум, но сейчас не то время. Однако у меня будет к тебе встречная просьба.

— Да? — Ваню прищурился, и эмоции его похолодели.

— Вы возьмете с собой на море Агату, Александра и Викторину.

Вагариус так поразился, что даже чуть приоткрыл рот.

— Агате тоже необходим отдых, и они с Алексом только и говорят, что о Софии. Я бы не хотел, чтобы они переживали, пусть развлекаются.

— Я понимаю, — пробормотал Ваню, но по его лицу было не похоже, что он понимает. — Точнее, я понимаю насчет детей, но... ее величество?..

— Ей будет полезно сменить обстановку. Виктория до сих пор, как и все мы, не отошла от случившегося в субботу.

— Это я тоже понимаю. Но... — Ваню уже не просто порозовел — покраснел, как вареный рак. — Она и София...

— Ваню, — император перебил безопасника, спокойно глядя на него, — София работает у меня аньян, она и так видится с Викторией каждый день. Какая разница при этом, где находится — во дворце или на море?

— Во дворце хотя бы не круглые сутки.

— И на море тоже не круглые сутки. Вы с Софией можете пожить там два дня, если хотите, а мою жену и детей доставят пространственным лифтом утром и заберут ближе к вечеру. Вместе будете находиться на пляже и обедать. Что тебя смущает?

Вагариус молчал, и Арен устало вздохнул. Конечно, разумом Ваню все понимал, в нем сейчас говорило беспокойство за внучку, которой придется так долго общаться с императрицей. Но, Защитник, что еще он может предложить? Отправить их на море по отдельности? Нет уж, пусть дети будут под присмотром главы службы безопасности.

— Ничего, ваше величество.

— Тогда можешь заниматься организацией поездки. Кстати, а маму Софии и ее дочерей ты тоже хочешь взять с собой?

— Да, конечно.

— Отлично, Агата и Алекс будут рады. У тебя все?

— Нет. — Безопасник смотрел на него, забавно надувшись, и эмоции его были кислыми от недовольства. — Я не хотел спрашивать, но... не могу больше. Я чувствую со вчерашнего дня, что на Софии — иллюзорный амулет. Что вы им скрываете, ваше величество?

Арен усмехнулся — надо же, вчера ему было так плохо, что он даже не заметил отсутствия этого очевидного вопроса. И сам ведь собирался все рассказать Ваню, но забыл. Потому и попросил Эн вызвать в госпиталь именно Гектора, а не Вагариуса — хотел сначала поговорить с безопасником, а не сразу заставлять его заниматься маскировкой новых способностей внучки. Это было бы слишком жестоко для Ваню, который недавно пережил сердечный приступ. Однако все благие намерения совершенно вылетели у императора из головы. Высыпаться надо, высыпаться!

— Родовую магию.

Неверие, изумление, шок. Эмоции были такой силы, что Арен, дотронувшись на мгновение до внезапно заболевшей головы, вновь поставил эмпатический щит.

— Но... как?..

— Я не имею ни малейшего понятия. Но вчера утром мы с Эн обнаружили, что у Софии появилась родовая сила, и я принял решение скрыть ее амулетом.

— Это правильно, — пробормотал Ваню обескураженно. — Иначе будет слишком много вопросов.

— Не волнуйся, разберешься с этим потом, когда она получше восстановится. Если подтвердится, что это твоя родовая магия, научишь ее строить кровный щит.

— Конечно, научу. Я просто не понимаю, как так получилось?

— Повторюсь, что не имею ни малейшего понятия, — ответил Арен терпеливо. — Пусть с этим разбираются специалисты, это не наше дело. У тебя больше нет вопросов?

Императору показалось, что Вагариус вновь хотел что-то спросить, но, вздохнув, все же выпалил:

— Нет, ваше величество, — и поклонился. — Спасибо.

Утром Софию осмотрели Эн и заведующий реанимацией, после чего девушку перевели в терапию. Менять палату не стали — Эн сказала, что за пару часов подготовит выписку, и София сможет отправиться домой, не перетаскивая свои вещи, пусть и немногочисленные, на другой этаж.

Потом пришел Вагариус, и выглядел он, с одной стороны, радостно, а с другой — озабоченно. И когда она спросила, в чем дело, Ваню ответил, тяжело вздохнув:

— Император разрешил нам с тобой поехать на море на два дня. Но попросил взять с собой наследников. И ее величество.

София поначалу оторопела, а после рассмеялась.

— Так вот почему ты переживаешь!

— А я не должен переживать? — проворчал Ваню, глядя на нее с беспокойством. — Это же... демоны знают что!

— Почему? Мы были на море вместе с ее величеством, Агатой и Алексом.

— Да. Но я тогда не знал.

— И тем не менее, — сказала София мягко и, подойдя к Вагариусу, обняла его. Он с готовностью прижал ее к себе и, поцеловав в макушку, вновь вздохнул. — Не волнуйся. Император просто хочет, чтобы Агата и Александр тоже отдохнули, но он не может отправить их из дворца без матери.

— Он даже не подумал о том, что ты будешь чувствовать, Софи!

— Почему ты так решил? — она улыбнулась, подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Император все прекрасно понимает. Но он не может иначе, Ваню. И я это тоже понимаю.

— Софи, — он смотрел на нее с болью, — ты слишком добра к нему. Его величество мог бы отправить детей и Викторию на море отдельно от нас. К их высочествам Ванессе и Анастасии, например! Два дня без тебя наследники как-нибудь выдержали бы, тем более с родной матерью.

— Это неразумно, Ваню. Он хочет, чтобы Агата и Александр были в безопасности. Рядом с тобой им будет безопаснее всего.

Вагариус покачал головой.

— То есть, ты считаешь, что император все сделал правильно, — проговорил он с горечью. — А я надеялся, это хоть немного тебя оттолкнет.

— Я бы не стала утверждать, что правильно. Я не знаю, как будет правильно. Император поступает разумно, вот и все. — София успокаивающе погладила Вагариуса по груди и произнесла, решив сменить тему: — Эн недавно связывалась с его величеством, он разрешил меня выписать и...

— Разрешил! — фыркнул Ваню. — Благодетель.

— Ну перестань. Он сказал, что я могу побыть дома до вечера, а вечером он меня ненадолго заберет к Агате и Алексу.

— Ясно.

Вагариус по-прежнему выглядел мрачным, как грозовая туча, и София примирительно сказала:

— Я надеюсь, что ты тоже пойдешь со мной.

— Куда? Во дворец?

— Нет. Домой.

Мрачность рассеивалась, сменяясь удивлением и радостью.

— Я не обсуждал это с Синтией.

— Мама не будет против, я знаю. Пойдешь?

— Конечно, — ответил Ваню, улыбнувшись, и лицо его посветлело.

Перед совещанием с Судебным комитетом Арэн встретился с начальником дворцовой охраны — нужно было предупредить его об исключении из правил по иллюзорным амулетам для Софии.

С понедельника ношение таких амулетов в пределах дворцовой территории было запрещено, и скорее всего, если бы не случившееся в субботу, слуги бы возмутились. Но произошедшее наполнило их пониманием, и с момента вступления в силу приказа императора никто не пожаловался ни дворцовому управляющему, ни начальнику

охраны.

Ральфа Рильо Арен за эти дни практически не видел, только читал его отчеты по браслету связи. Рильо, уязвленный тем, что брешь в охранной системе дворца была обнаружена уже после его назначения на пост, стремился заткнуть все дыры даже там, где их не имелось. Арен не возражал. Кроме поддельных иллюзорных амулетов братец мог оставить что-нибудь еще не менее неприятное, хоть бомбу с часовым механизмом. Так что все начинания Ральфа Арен только одобрял.

— Я хочу предупредить вас, ваше величество, — сказал Рильо после того, как император сообщил ему про иллюзорный амулет Софии. — Во дворце никто, в том числе и я, не знает точно, что случилось в субботу. Но многие помнят, что с ее высочеством должна была поехать аньян. Служащие дворца считают Софию Тали погибшей, я и сам так думал, пока вы мне сейчас про иллюзорный амулет не сказали. Я очень удивился. И остальные удивятся. — Арен согласно наклонил голову, и Ральф продолжил: — Какой легенды мы должны придерживаться? Я понимаю, из дворца ничего вынести невозможно, но и в его пределах лишние разговоры ни к чему.

Да, все верно. И об этом он вчера после бессонной ночи тоже не подумал, только попросил Гектора закрыть Софию амулетом.

— Моя аньян покинула магмобиль сразу после того, как он выехал с дворцовой территории, и отправилась к себе домой из-за срочной просьбы матери. Я дал свое разрешение.

— А если ее будут спрашивать, что случилось дома?

— София ответит: «Это личное».

— Все равно будут слухи, ваше величество. — Ральф скептически поджал губы. — Особенно если учесть то, что написали в «Золотом орле» про абсолютный щит, защитивший наследницу.

— Абсолютный щит — невозвратное заклинание. А София вернулась.

— Чудо. Которое сотворили вы, как потомок Защитника.

Арен поднял брови, и Рильо пояснил:

— Я думаю, такой вариант обязательно будет гулять среди прислуги. Еще и неземную любовь приплетут.

«И будут правы», — подумал император, усмехнувшись, но вслух сказал лишь:

— Не страшно. Пусть болтают, в пределах дворца можно. Поболтают и забудут через месяц.

После разговора с Ральфом Арен до обеда проводил совещание с Судебным комитетом, и на обед вырвался с огромным трудом. В другой день он бы не ходил, быстро перекусив в кабинете, но очень хотелось увидеть Агату с Алексом.

Дети ждали Софию и вновь спрашивали о ней, и император обещал, что вечером он ее обязательно приведет, а пока надо подождать. На всякий случай проверил чувства Виктории, сняв щит, и убедился, что она не злится и не ревнует. Надо бы поговорить с ней насчет поездок на море, но для этого Арену нужно было время, а сейчас его уже ждал Гектор Дайд, и после него — сотрудники Финансового комитета.

Дознаватель, уставший и взмыленный, как обычно, да и знавший, каким тяжелым днем у императора всегда была среда, доложил обо всем быстро и четко.

— На одном из охранников Императорского театра мы нашли следы ментального воздействия. Не кровного, обычного. Он из тех, кто имел доступ к архиву со всеми ключами от какой-либо собственности театра. Мы его хорошенько допросили — он пустышка, ничего не знает и не помнит. Дал согласие на запись и просматривание воспоминаний на кристалле памяти, но это ничего не принесло. Ключ он не передавал никому в руки, а просто оставил в условленном месте.

— Ясно. Что дальше планируешь делать?

— Искать связь между последователями вашего брата и Императорским театром. Не может быть, чтобы он был выбран по случайному принципу, должна быть связь, свой человек среди служащих. Подобный факт — не то, что можно сдать дознавателям, бросить, как кость собаке, чтобы грызла и не отвлекалась. Это промашка. Должны быть еще.

— Возможно, только одна промашка и будет.

— Нет, ваше величество. — Улыбка Гектора стала хищной, как у змеи. — Это цепочка. Одна ошибка тянет за собой вторую, вторая — третью, и так далее. Достаточно одной мелочи, чтобы погубить все дело. Нам сейчас необходимо понять, куда именно смотреть, в какую сторону.

— Хорошо, копайся, — кивнул Арен, глядя на часы на браслете связи. — Завтра доложишь подробнее.

Финансовый комитет, к сотрудникам которого император отправился после встречи с Гектором, выпил из него всю кровь и высосал все мозги, и к шести часам вечера, когда совещание наконец закончилось, Арен опять начал ощущать себя старой мочалкой. Но все-таки не до такой степени, как накануне.

Настало время идти за Софией, и император, предупредив по браслету ее и Вагариуса, шагнул в камин.

Время после выписки пролетело незаметно, потому что было наполнено исключительно радостными эмоциями. София вернулась домой, к маме и сестрам, в сопровождении Вагариуса, и до самого вечера наслаждалась бездельем. Синтия с утра, пока дочери готовили выписку, приготовила целый стол разных вкусностей, и София с Ваном первым делом пообедали. Безопасник так нахваливал стряпню ее мамы, что Синтия смущалась и краснела, будто маленькая девочка, но София видела — ей приятно, и радовалась. Она очень хотела, чтобы они подружились, точнее, даже породнились — ведь Вану нужна семья.

— Я думал кое о чем, Софи, — сказал Вагариус, когда они поднялись в ее комнату ближе к вечеру. Синтия с девочками остались внизу мыть и убирать посуду. — Хотел обсудить это с тобой, прежде чем...

— Что такое? — она улыбнулась и посмотрела ему в глаза. Вану вновь беспокоился, взгляд его был наполнен смятением.

— Может, мне предложить твоей маме выйти за меня замуж?

София так удивилась, что едва не села на пол. Хорошо, что рядом была кровать — она опустилась на ее край и изумленно протянула:

— Замуж?..

— Да.

— Тебе... нравится моя мама?

— Не в этом дело, Софи, — вздохнул Вагариус. — Синтия прекрасная женщина. Просто мое прошение императору дает право наследования только тебе и никак не затрагивает титул. Если твоя мама выйдет за меня замуж, она, конечно, не получит титул, ведь она не маг, но ты и твои сестры со временем сможете, как приемные дети.

— Вану, — София покачала головой, — я понимаю твоё желание позаботиться о нас всех. Но не надо предлагать ничего подобного маме. Она испугается и обидится. Ей будет неприятно.

— Я хочу как лучше, — сказал Вану огорченно. — И что же в этом обидного?

— Весьма обидно получить подобное предложение от человека, который искренне нравится. Это пахнет денежной сделкой, понимаешь?

Вагариус, нахмурившись, кивнул.

— Понимаю. Хорошо, Софи, я не буду предлагать Синтии брак. А... что ты имеешь в виду под «нравится»?

— Мама не очень любит мужчин, — произнесла София мягко и осторожно, но Ваню все равно сразу потемнел лицом. — У нее и с отцом были не слишком хорошие отношения. Я вижу, что ты ей приятен, и она испытывает удовольствие, когда общается с тобой. Ты ей нравишься, поэтому договорной брак станет для нее оскорблением. Не надо. С титулом мы потом как-нибудь разберемся.

— Император тебя без него не оставит, — пробурчал Вагариус, слегка покраснев. — Придумает что-нибудь, чтобы отблагодарить.

Софии вдруг стало обидно. И за себя, но еще больше — за Арена.

— Почему ты так злишься на него? Он ведь спас мне жизнь.

— Он сделал это для себя, Софи, — возразил Ваню горячо. — Это была его прихоть. Ты милая и светлая девочка, он несчастен в браке, хочет отвлечься от рутины, получить положительные эмоции, он ведь эмпат.

— Ты несправедлив, — сказала София ровным голосом — хотя внутри все клокотало от обиды. — Подумай сам, рискуют ли жизнью ради обычной прихоти?

— Он не рисковал жизнью. Даже если бы контур сломался...

— То есть, по-твоему, это была увеселительная прогулка? — возмутилась София, вскакивая с кровати. — Романтическое свидание с электрическим током! Ты вообще знаешь, что у него кровь текла даже из глаз?!

— Софи... — Ваню сделал шаг к ней, но она выставила руку вперед, словно защищаясь.

— Не надо! — она всхлипнула, с трудом удерживая себя от рыданий. — Почему никто его не жалеет? Ты думаешь, это так легко — держать контур, пока через тебя пропускают ток?! Думаешь, ему не было больно?! Мне Эн сказала, что не видела в жизни ничего более ужасного! И это вот все — просто ради того, чтобы затащить меня к себе в спальню?! Опомнись!

— Софи, я... — начал Ваню, но ответить не успел — их с Софией браслеты одновременно завибрировали. — Император... идет сюда, — выдохнул Вагариус, посмотрев на экран. — Переносится на первый этаж.

— Да, — пробормотала София, вытерев рукавом чуть влажные глаза и стараясь успокоиться. Защитница, как не вовремя! Арена поймет, что она огорчена. — Пойдем вниз.

— Софи...

— Не надо, — огрызнулась она, проходя мимо Вагариуса к двери. — Я больше не желаю слушать про то, как меня будут благодарить титулом и деньгами за...

— Софи! — он схватил ее за руку и обнял, крепко прижав к себе. — Я не думаю о тебе плохо, клянусь. Я просто беспокоюсь. Мне не нравится роль, которую его величество тебе уготовил.

— Это не театр, Ваню, — прошептала София. — И подумай вот о чем еще... Как думаешь, чьей жизнью я живу?

— Что? — не понял он, и София, подняв голову и посмотрев в его озадаченные глаза, тихо сказала:

— Я отдала свою жизнь за Агату. Там, в порталной ловушке. Так чьей жизнью я живу, Ваню?

Он перестал дышать, и глаза его постепенно наполнялись пониманием — и ужасом.

— Прихоть, — она грустно улыбнулась, — всего лишь прихоть. Ты прав — он не рисковал жизнью. Он просто разделил ее. Так легче, да? И рисковать не надо. У него ведь большая жизнь, ее ведь не жалко, да?

— Софи... — выдохнул Ваню ошеломленно и замолчал, явно не зная, что еще можно сказать.

— Пойдем. Император уже должен быть внизу, — вздохнула София, отходя от Вагариуса. — Только не говори ему ничего, пожалуйста. И я не должна была тебе говорить, не сдержалась.

Она открыла дверь и шагнула в коридор. Следом из комнаты вышел и Ваню — бледный, с бисеринками пота на лбу и абсолютным шоком в глазах.

По лицам спускающихся по лестнице Софии и Вагариуса император сразу понял — что-то случилось. Развевал эмпатический щит и прислушался к эмоциям обоих.

София была сильно расстроена, а вот Ваню... удивлен до глубины души. Нет, даже не удивлен — поражен, шокирован. Его эмоции били кулаком в грудь.

Интересно. Арен мог понять чувства Софии — наверное, она расстроилась из-за того, что он попросил взять на море Викторию. Но откуда столько изумления у Вагариуса?

— Добрый вечер, ваше величество, — сказала девушка, опуская чуть влажные глаза. — Я готова идти во дворец. Только дайте мне пять минут, я скажу пару слов маме и сестрам.

— Я верну тебя через несколько часов, — произнес Арен спокойно, пытаясь понять, что же случилось. — Пусть не переживают. А завтра утром вы отсюда отправитесь на море. Как твои родные восприняли это известие?

— Они в восторге, — София чуть улыбнулась, и эмоции ее стали немного легче. — Правда, их пугает перспектива общения с наследниками и ее величеством.

— Не стоит так пугаться. Все будет хорошо. Иди, я подожду здесь, чтобы не смущать.

Она кивнула и прошла на кухню, откуда доносились веселые детские голоса. На самом деле Арену хотелось познакомиться поближе с ее родственниками, но он решил пока отложить это. И так испугал накануне девочек.

— Ваню, — обратился император к безопаснику, как только София прикрыла дверь, — ты ничего не хочешь мне сказать?

Вагариус смотрел на него так, словно видел перед собой по меньшей мере Защитника, и эмоции его по-прежнему были ураганом сильнейшего изумления.

— Я... — Он кашлянул, и из бледного вдруг стал малиновым. — Нет, ваше величество.

Арен, скептически усмехнувшись, решил, что спросит у Софии.

— Завтра с утра, прежде, чем переноситься на море, отчитайся мне по организации безопасности. Лучше до восьми утра, либо в девять, после завтрака.

— Да, ваше величество.

Что же с ним такое? Арен в жизни не видел Ваню в подобном состоянии, и ему это не нравилось.

— Возможно, я к вам загляну ненадолго. Хотя завтра вряд ли, скорее, в пятницу. Завтра слишком много дел.

— Да, ваше величество, — повторил Вагариус хриплым голосом, открыл рот, словно хотел что-то сказать, но почти сразу вновь закрыл и, побагровев еще сильнее — хотя Арену казалось, что это уже невозможно, — опустил голову. — Да, я понял.

Эмоции изменились — изумление превратилось в отчаяние и горечь, из-за которых императору стало больно в груди, и место неподалеку от сердца, где стоял датчик подачи тока, неприятно засадило.

В это мгновение открылась кухонная дверь, и в прихожую вышла София.

— Я готова, — сказала она твердо и подошла к Арену. — Можно переноситься, ваше величество.

Она была уже почти не расстроена, просто немного огорчена. И прежде чем переносить Софию в детскую, Арен построил лифт в комнату девушки — сначала им нужно поговорить, и не только о странном поведении Вану.

Оказавшись в камине, София с интересом огляделась, улыбаясь, и император ощутил радостное удивление — она гладила языки пламени, и один раз даже, осмелев, оторвалась от императора, но тут же охнула и прильнула обратно.

— Обожгло? — забеспокоился Арен, но она мотнула головой.

— Нет. Просто непривычно. И глаза совсем не болят.

— Я дам тебе допуск на переносы через камин, — сказал он, когда они вышли в ее комнату во дворце. — На всякий случай. С учетом нынешней ситуации это может когда-нибудь пригодиться.

— Надеюсь, что не пригодится, — пробормотала София немного испуганно. — А... это ничего? В смысле, не странно, что у аньян есть допуск?..

— Об этом будут знать только Вагариус и начальник охраны дворца. Рильо я скажу, что это вопрос безопасности детей. Если что, ты сможешь моментально перенести их в безопасное место. Кстати, тебе еще надо зайти в кадровую службу, забрать браслет связи. Вану упомянул, что ты имеешь право его глушить?

— Да. — София улыбнулась. — Но с учетом того, что прослушка официально запрещена, звучит забавно.

— Только не увлекайся, Софи, — Арен улыбнулся в ответ, — договорились?

— Конечно. Я все понимаю.

— Ты не сердись на меня? — спросил он, делая шаг вперед и касаясь ладонью щеки девушки. — Из-за поездки на море?

София прикрыла глаза, наслаждаясь его прикосновением.

— Нет. Я не могу сказать, что в восторге от перспективы общения с ее величеством, особенно после попытки приворожить меня к Адриану, но это все равно неизбежно. Я понимаю, — повторила она, распахивая глаза и глядя прямо на него, — ты хочешь, чтобы дети тоже отдохнули, и лучше, чтобы они были под присмотром Вану. Я согласна, так действительно лучше. Но, Арен... Как отреагирует сама Виктория? Ты говорил ей?

— Пока нет. Скажу позже.

— Она ведь может рассердиться, — София трогательно закусил губу, задумавшись, и Арен, не выдержав, наклонился и поцеловал ее.

— Не волнуйся, — сказал он тихо через несколько мгновений, оторвавшись от нее, — Виктория начала заниматься с психотерапевтом и стала спокойнее. Кроме того, я поговорю с ней, постараюсь все объяснить. Ради детей ей придется держать себя в руках. Но если что-то случится, сразу сообщай мне, я приду и заберу ее, будет тогда в комнате сидеть.

— Арен, — вздохнула София укоризненно, и он усмехнулся.

— Тебе жаль мою жену несмотря ни на что, я уже понял. Не волнуйся, я не собираюсь ее обижать. В конце концов, — усмешка стала горькой, — она ведь моя жена.

София сочувственно погладила его по плечу, и он решил сменить тему.

— Скажи, почему Ваню настолько странно себя вел десять минут назад? Что-то случилось? Он на меня смотрел так, будто я ему сообщил об исчезновении Геены.

Девушка смутилась и, чуть порозовев, опустила взгляд.

— Прости, я... проговорила ему. Но он так злится на тебя, так обвиняет... Я просто не выдержала и... Прости, Арэн. — София вновь посмотрела на него, вздохнула — и поцеловала сама. Сама! Осознав это, он вспыхнул от желания и, прижав к себе крепче, углубил поцелуй.

Кровь стучала в висках, в груди было жарко и больно, и все его существо требовало немедленно присвоить себе эту девушку. Сейчас, как можно скорее, пока она отвечает, пока прижимается, пока стонет, и эмоции ее на вкус такие же сладкие, как губы.

«Ты же не собирался трогать...» — мелькнула слабая мысль, и Арэн, собрав себя в кулак, отстранился, и чуть было не сорвался вновь, увидев розовые щеки и возбужденно блестящие глаза Софии.

— Я не понял, за что ты извинялась, — произнес он, и грудь его тяжело вздымалась, — о чем ты проговорила, счастье мое?

— О том, чьей жизнью живу, — сказала она почти шепотом, но взгляд не отводила. — Я знаю, что не должна была...

— Забавно, — Арэн улыбнулся, покачав головой, — я ведь не в курсе, что ты уже в курсе. Хотя это было предсказуемо — конечно, Эн должна была сказать. Но вот Ваню... Не переживай, Софи, я поставлю печать молчания на всякий случай.

— На всех?

— Нет, только на Ваню. Хотя я в нем уверен, все же так будет лучше. И завтра, когда он придет отчитываться об организации безопасности вашей поездки, я поговорю с ним. Объясню, что не собираюсь тебя трогать.

— Арэн?.. — София удивленно выдохнула.

— Я не желаю, чтобы ты мучилась, — объяснил он спокойно. — Ты ведь будешь переживать, Софи. Не надо, пусть все остается на своих местах.

Она обескураженно молчала.

— Ты не создана для интрижек, счастье мое, — продолжал он и, подняв руку, погладил девушку по волосам. — Ты должна быть женой и матерью, а не любовницей. Я скажу это Ваню завтра, он сразу успокоится и вы перестанете ссориться. Вы же поссорились, верно?

— Да, — прошептала она. — Немного.

— Помирись. Все будет хорошо, Софи. А теперь пойдем в детскую, Агата и Алекс наверняка уже заждались.

Она вновь промолчала, даже не кивнула. Эмоции ее были настоящим коктейлем — и не разберешься, что чувствует. Удивление, сожаление, нежность... А где облегчение? Его там почему-то не было.

Но это все ерунда. Даже если сейчас София не чувствует облегчения, потом к ней придет понимание того, что так будет лучше.

Он ничего не сможет ей дать, кроме боли, а боль — не то, что нужно отдавать человеку, которого любишь.

На задание Силвана — записать все, что ее когда-либо радовало, — у Виктории почти не было времени. Она занималась этим накануне перед сном, но не закончила, а сегодня весь день сидела с Агатой и Александром и не имела возможности отвлекаться. Виктория любила своих детей, но за день они вдвоем, особенно сын, совершенно ее замучили. Она уже и забыла, как это — сидеть с ними обоими с утра до вечера,

развлекать и отвечать на вопросы. Часа в четыре Виктория почувствовала себя дико уставшей и невольно вспомнила Софию — странно, но их аньян никогда не казалась ей замученной, даже если проводила с наследниками гораздо больше положенного времени. Или она ошибается, и София тоже уставала, просто Виктория не замечала? Да, скорее всего это так. Если уж говорить откровенно, то ее всегда мало интересовали чувства других людей, она была сосредоточена на себе. Даже Арен...

Виктория застыла от неожиданности собственных мыслей.

Но ведь правда. Она понимала, что муж устал, но никак не могла осознать, насколько. Не получалось. А почему не получалось? Потому что при этом она сама была обижена, раздражена или даже зла, и это мешало ей думать. И чем спокойнее он с ней говорил, тем сильнее она сердилась, понимая — это спокойствие от равнодушия, ведь если бы Арен любил ее, он вел бы себя по-другому. Тоже нервничал, как она. Так и Аарон говорил.

Аарон... Виктория поморщилась, вспомнив брата мужа, которого она очень любила раньше, но сейчас... Сейчас — нет. Он не говорил ей ничего, что не было бы правдой хотя бы отчасти, но его ложь от этого только становилась еще искуснее, еще откровеннее. Почему она его вообще слушала?!

Накануне вечером, записывая свои радости, Виктория вдруг поняла, что не может вспомнить ничего подобного по отношению к брату мужа. Все его слова и поступки она теперь видела иначе, и они больше не могли ее радовать. Как радоваться, если за утешением Аарона таился яд, который медленно, но верно разрушал ее?

А вот с Ареном было связано много хорошего. Виктория плакала, составляя список для врача, понимая, что была не права — прекрасных воспоминаний, связанных с мужем, было немало. Начиная с того дня, когда он предложил ей практику в оранжерее, заканчивая вчерашним вечером, когда Арен вернул во дворец Агату и, укладывая детей спать, смотрел на них с ласковым умиротворением. Виктория очень любила этот его взгляд. Ее отец никогда так не смотрел ни на нее, ни на брата. А вот мама смотрела, и Виктория, наблюдая за мужем, видела в его глазах ту же любовь к детям, что была у матери.

Мама... Да, с ней тоже было связано много хорошего. Единственная настоящая подруга, самый родной и любимый человек в мире... Виктория по ней безумно скучала. После ее смерти все изменилось, покатило под откос, и если бы не Арен...

Виктория, закусив губу и глядя на играющих Агату и Александра, вспоминала собственную свадьбу. Защитница, если бы не Арен со своим предложением выйти за него замуж, кто знает, за кого выдали бы ее отец с братом? А они выдали бы — несмотря на все сопротивление! И вряд ли она была бы счастлива с этим человеком. Если уж она не способна быть счастливой с Ареном, лучше которого на свете нет и быть не может, то с другим-то!..

Огонь в камине вспыхнул и заискрился, и дети, вскочив с пола, загалдели:

— Софи! Софи! Софи! — и побежали навстречу императору и Софии, которые уже выходили из камина, держась за руки. Викторию немного кольнуло это зрелище — но через секунду их аньян отпустила ладонь Арена и встала на колени, расцеловывая Агату с Александром, смеясь и плача одновременно.

— Софи-и-и-и!!! — вопил Алекс, обнимая девушку за шею, и она прижимала его к себе одной рукой, второй держа за руку Агату, которая прыгала, ни на секунду не останавливаясь, и повторяла:

— Да! Да! Да-а-а!!! — И столько восторга было в ее голосе, что у Виктории засадило в глазах. Она подошла ближе, желая поздороваться, но слова застряли у нее в горле, когда она заметила, с каким выражением лица Арен смотрит на Софию.

Нежность. В его взгляде была безграничная нежность, а в улыбке — любовь.

Никогда он не смотрел так на нее...

Нет, нет! Это глупости, этого не может быть! Он смотрит не на Софию, а на Агату с

Алексом, они ведь стоят рядом! А ей просто кажется, кажется!

Смятенная и растерянная, Виктория застыла, не зная, что сказать, и очнулась, только когда Арен дотронулся до ее локтя.

— Пойдем, Вик. Софи побудет с детьми. А нам надо поговорить.

Виктория кивнула, и он, подхватив ее на руки, шагнул в камин.

Морально приготовившись выслушивать претензии, Арен перенесся в комнату жены, донес ее на руках до одного из кресел у окна, опустил на сиденье и, сев напротив, спокойно сказал:

— Завтра и послезавтра ты и дети проведете на море, вечером вас будут возвращать во дворец. Компанию вам составят Вано Вагариус и София с ее семьей — матерью и двумя сестрами.

Виктория смотрела на него удивленно, но не кричала и не возмущалась, и Арен осторожно развеял эмпатический щит.

Да, она была удивлена, но в ее эмоциях не было ничего неприятного, никакого гнева, возмущения или ревности.

— Вам всем надо отдохнуть, — продолжал император. — Поэтому я принял такое решение. Но у меня к тебе есть несколько просьб, Вик.

— Да? — Эмоции задрожали, но не от злости — от неуверенности.

— Первое. Вы отправитесь отдыхать, и я хочу, чтобы ты помнила об этом и старалась не портить никому настроение. Особенно — детям, и не только нашим, но и сестрам Софии тоже. Это понятно?

Она кивнула, отчетливо обидевшись. Интересно, на что? Можно подумать, она не любит портить настроение другим людям.

— Второе. Прошу тебя никому не оказывать пренебрежение. Да, и София, и ее мама, и сестры — нетитулованные, мама вообще не маг, но это не значит, что на них можно смотреть, как на грязь. София спасла жизнь нашей дочери, и я надеюсь, что ты будешь об этом помнить во время общения с ее семьей.

Обида стала сильнее. М-да, если так дальше пойдет, ни на какое море она не поедет, а все-таки будет сидеть в комнате...

— Третье. Держи под контролем не только свое поведение, но и эмоции. Если что-то пойдет не так, мне об этом сразу сообщат, и я немедленно заберу тебя с пляжа. Это тоже понятно?

Она вновь кивнула.

— Повтори, Вик.

Жена чуть покраснела, но вновь не возмутилась — только огорчилась.

— Арен... Это ни к чему, — сказала она негромко, и совсем по-детски шмыгнула носом. — Я не подведу тебя, честное слово.

Императору очень хотелось в это верить, потому что он рисковал, принимая это решение. Конечно, навредить Виктория никак не сможет, но вот затеять скандал, огорчив этим всех, особенно Агату с Александром...

— Пожалуйста, помни, что на тебя смотрят твои собственные дети, — произнес он, поднимаясь с кресла. — Остальным, в общем-то, все равно, как ты себя ведешь. Не все равно только Агате с Александром, поэтому не подводи в первую очередь их.

Она опустила голову и, вздохнув, пробормотала:

— Ты так говоришь, будто я чудовище.

— Ты не чудовище, — проговорил он как можно терпеливее, хотя в этот момент ужасно хотелось что-нибудь сжечь. — Я не знаю, почему, Вик, но ты часто ведешь себя неразумно. Постарайся, чтобы этого не было. Ради Агаты и Александра.

— А ради тебя?

— Я не припомню, чтобы ты хоть что-то делала ради меня, — сказал он резко и, тут же пожалев об этом — эмоции Виктории наполнились обидой, добавил: — Прости, Вик. И ради меня тоже, конечно. Но главное — ради детей. Все, вставай, возвращаемся в детскую.

Она покорно поднялась с кресла и последовала за ним к камину.

Этот вечер стал для Софии откровением.

Раньше она не понимала в полной мере, насколько холодно Арен относится к жене — со стороны он просто выглядел вежливым и спокойным, но он всегда заботился о Виктории, поэтому София даже не подозревала... И лишь теперь, начав чувствовать его эмоции, осознала и пришла в ужас.

Это была абсолютная пустота, чернота, бездна. Он не чувствовал к жене ничего — ни хорошего, ни плохого. Тепло и ласка — при взгляде на Агату и Алекса, холод и равнодушие — при взгляде на Викторию.

Софии было больно из-за этого. Как он может так жить? Это ведь невозможно! Даже обычному человеку должно быть невыносимо, а уж Арену... Он эмпат, а эмпатам необходимы приятные эмоции, особенно от родных и близких людей.

От родных и близких... София, воспринимая императора частью себя, понимала и то, что Виктория не является для него родной и близкой. Она просто есть, существует, как мебель, стены и окна, и больше ничего.

Оставить все на своих местах... Защитница, на каких местах?! Неужели Арен действительно считает, что отказ от физической близости что-то изменит? Все, что могло случиться, между ними уже случилось, и этот маленький шаг не казался Софии особенно важным. Она любит его, любит до глубины души, и от того, будут они спать вместе или нет, ее чувства не изменятся. И он ее любит, и куда от этого не деться, и это гораздо важнее, чем постель, гораздо! И если раньше Арен лишь играл с ней, то теперь все по-настоящему.

Неужели он думает, что она сможет лишиться его этого настоящего? И не только его — себя тоже.

Побыв с детьми около двух часов и пообещав, что завтра они обязательно встретятся, София отправилась в кадровую службу за новым браслетом связи. Ходила она в сопровождении охранника, и от слуг, которых встречала по пути, слышала радостные поздравления с возвращением, чередующиеся с восклицаниями вроде: «Ох, вы живы! Как же хорошо!»

Легенду о том, почему она жива, София уже успела выучить наизусть — ее рассказал Ваню, получив инструкцию от императора на браслет, — но пока врать никому не понадобилось. И девушка, застегнув на запястье новое средство связи, вернулась в детскую. попрощалась с детьми до завтра, пожелала доброй ночи необычайно тихой Виктории, и вошла в камин вместе с императором.

— Странно, что ее величество позволила тебе перенести меня домой, — пробормотала София, пока Арен строил лифт.

— Она вообще в последнее время удивительно покладиста, — кивнул император. — Психотерапевт знает свое дело. Надо попросить Валлиуса премию ему выписать, если так и дальше пойдет.

— Бедняжка. Не представляю, что она чувствовала, когда смотрела со стороны на порталную ловушку...

— Виктория недолго на нее смотрела, почти сразу упала в обморок, перед этим родовой

магией уничтожив все деревья и траву вокруг музея.

— Кошмар, — ужаснулась София. — Так и с ума сойти можно было.

— Можно, но обошлось.

Стены лифта засветились, закрывая собой языки пламени — и через несколько секунд опали. Арен сразу начал с любопытством оглядываться, изучая письменный стол, книжный шкаф, гардероб, большое зеркало и узкую кровать — нехитрое богатство, среди которого София прожила всю жизнь.

Она любила свою комнату, особенно письменный стол, за которым было нарисовано множество рисунков и прочитано множество книг. Эти самые книги с трудом помещались в шкаф — хотя, конечно, далеко не все, что она читала, было у нее здесь, многие книги София брала в библиотеке. А в гардеробе Лиз любила прятаться, когда была маленькой, а Розы вообще один раз там уснула во время игры — еле отыскали, а потом хохотали втроем...

— Очень уютно, Софи, — сказал Арен с теплотой, и она чувствовала — ему понравилось. — Доброй тебе ночи. — Он взял ее руку и поцеловал ладонь. — А я пойду.

Он хотел отойти, чтобы начать строить лифт — София поняла это. Но она не дала — обняла за шею и, прижавшись, поцеловала в щеку.

Было немного неловко, потому что она не очень понимала, как себя вести.

— Ты... Арен, когда уложишь Агату и Алекса, приходи ко мне, — прошептала она, ощущая его нежность и трепет. — Приходи, пожалуйста...

— Нет, Софи, — он покачал головой, но не отстранился, а обнял ее в ответ и, наклонившись, легко поцеловал в шею. — Не переживай, мое счастье. Все хорошо.

— Хорошо? — София запустила обе ладони в его волосы и чуть не застонала — так приятно это оказалось и ему, и ей. — Не забывай, что я тебя чувствую. И это трудно назвать «хорошо», скорее «ужасно». Арен, это какая-то бездна, тьма, полнейший мрак! Так нельзя!

— Софи, — сказал император, и его горячее дыхание коснулось ее кожи, заставив замереть от нахлынувших ощущений, — я не хочу, чтобы ты жертвовала собой. Не хочу, чтобы ты была со мной только потому, что тебе меня жаль.

— Не только! Я...

— Я отдал тебе часть своей жизни, ты теперь хочешь отдать мне свою, — продолжал он, поднимая голову и глядя ей в глаза. — Но я отдал лишь часть, счастье мое. Ты же собираешься отдать себя всю без остатка. Не надо.

— Арен... — София хотела сказать, что уже и так отдала всю себя, полюбив его, и то, от чего он сейчас так старательно отказывается — не более, чем формальность, — но не успела. Император коснулся ладонью ее лба, и она мгновенно уснула, расслабляясь в его руках, и уже не видела, как он аккуратно кладет ее на постель, легко целует в губы и шепчет:

— Прости, Софи. Но иначе я бы не ушел, слишком уж хочу остаться. Ты проснешься совсем скоро, и я надеюсь, не станешь сильно на меня сердиться.

Арен выпрямился и, отойдя от кровати, быстро построил лифт и исчез в ослепительном свете.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Проснувшись через несколько минут после ухода императора, София полночи не могла уснуть обратно — сердилась, и в то же время ей было смешно.

Усыпил ее и сбежал, с ума сойти! Она понимала — Арен сделал это, потому что боялся не выдержать. Но это не отменяло того факта, что он ее усыпил — и сбежал! Безобразие! И что теперь — любая попытка отговорить его не издеваться над ними обоими будет заканчиваться усыплением? Отличный аргумент! Прямо скажем — императорский!

София рассерженно пыхтела, представляя, как стучит Арена по голове чем-то тяжелым, и улыбалась, потому что сердиться по-настоящему не получалось. На самом деле она была даже немного рада — этот поступок доказывал, что у нее есть шанс уговорить Арена остаться. И шанс, пожалуй, большой...

Вагариус с докладом об организации безопасности во время поездки на море пришел к Арену еще до завтрака и времени пробуждения детей — император как раз находился в кабинете и просматривал оставленные секретарем документы. Адны не было на месте, поэтому Вану впустили охранники, и он, поклонившись, начал рассказывать.

Арен смотрел на главу службы безопасности и чувствовал его смятение. Да, София вчера огорошила Вагариуса известием, вот он теперь и не знает, куда себя деть, а на императора и вовсе старается лишний раз не глядеть.

— Что ж, все хорошо, ты молодец, — сказал Арен, как только Вану закончил докладывать, — только учти еще один момент. В том случае, если моя жена будет вести себя не совсем корректно по отношению к кому-то из вас, ты немедленно сообщаяешь об этом мне.

— Что вы понимаете под «не совсем корректно»?

— То, что не понравится тебе, Софии, ее матери или детям.

Вагариус кивнул, и Арен ощутил его облегчение.

— Хорошо, ваше величество.

— А теперь насчет вашей вчерашней ссоры с Софией, — отчеканил император, и безопасник побагровел, а эмоции его вновь стали смятенными. — Подойди ближе.

Вагариус приблизился к столу, и Арен, привстав, поставил на него печать молчания. А затем произнес уже гораздо мягче:

— Вану, тебе ни к чему беспокоиться. Я не собираюсь трогать твою внучку.

Удивление, неверие, радость... даже почти счастье.

Жаль, что он не может чувствовать то же самое. Всем, что ощущал в эту секунду император, была горечь.

— Вы... говорите правду?

— Естественно, — произнес Арен так спокойно, как мог. — Я не для того спасал Софию, чтобы портить ей жизнь. Я, так же, как и ты, не желаю ей зла. Все, иди.

Вагариус, по-прежнему багровый, поклонился.

— Спасибо, ваше величество.

В эмоциях его было столько благодарности, что императора затошнило, и он все же поставил эмпатический щит.

— Не за что, — усмехнулся Арен, про себя надеясь, что у него хватит сил сдержать слово.

Задание Силвана Виктория доделала с трудом — настолько ее уязвили сказанные

Ареном слова.

«Я не припомню, чтобы ты хоть что-то делала ради меня».

Она так переживала из-за этого, что совершенно не могла сосредоточиться на хороших воспоминаниях. Ей было очень больно и безумно обидно. Как он может так говорить? Она все делала ради него! Все, что могла! Но ему ничего и никогда не было от нее нужно.

Виктория всхлипнула и вздохнула, вспомнив, как однажды, в первый год их брака, она подготовила мужу подарок на день рождения — вырастила в оранжерее редкую золотую розу, выведенную в Корго. Арен спокойно поблагодарил, и вместо того, чтобы оставить цветок в своих покоях, приказал высадить его в оранжерее, а на ее вопрос, зачем он это сделал, невозмутимо ответил: «Цветы должны расти в саду». Виктория возразила, сказав, что золотые розы прекрасно чувствуют себя и в комнатах. «И все же лучше они себя чувствуют в саду. Кроме того, я не люблю растения в помещениях», — отрезал Арен, и больше они к этой теме не возвращались. Да и подарков на день рождения Виктория ему больше не делала — не представляла, что можно подарить, чтобы оно не оказалось выброшенным за ненадобностью. Однажды она спросила, что он хочет получить на день рождения, и Арен ответил, усмехнувшись: «Я бы хотел выпасться, Вик. Но с этим мне никто помочь не может. Отправимся в этот день на море и постараемся хорошенько отдохнуть».

Вот так и получилось, что единственное, чем Виктория могла порадовать мужа, были дети. Она, всегда не особенно любившая чужих малышей, забеременела и родила, потому что так хотел Арен. И, глядя на то, как он радуется, укачивая новорожденную Агату, радовалась и сама. Он заразил ее своей любовью к детям, и Виктория вскоре сама начала их обожать — и своих, и чужих.

Она не сразу разобралась в том, почему Арен так любит общаться с детьми, невольно сравнивая мужа с собственным отцом, который терпеть не мог этих «крикливых существ». Потребовалось время, прежде чем Виктория поняла, что дело в эмпатии. Арену нравились чистые детские эмоции, он отдыхал душой, находясь рядом с ними. «Жаль, что я не слышу Агату и Александра», — сказал он однажды, и Виктория наконец смогла осознать, почему Арен, который всегда казался ей не слишком общительным и вообще нелюдимым, так расцветает рядом с любимыми малышами.

Почему же он считает, что она ничего не делала ради него? А как же ненавистные обязанности императрицы, ее долг посещать всевозможные мероприятия и учреждения — разве это не ради мужа? А дети? Разве Виктория виновата в том, что Арену она никогда не была нужна сама по себе?

Да, наверное, муж сказал так, потому что не любит ее. Иначе давно заметил бы, что она на все ради него готова. Но что она может сделать, если ему ничего не в радость? Арену не надо, чтобы она что-то делала.

Виктория словно раздвоилась. С одной стороны, эти рассуждения казались ей правильными, а с другой — она понимала, что это все же не совсем так. Именно поэтому хотела поскорее увидеться с Силваном и обсудить свои мысли.

Из-за поездки на море сеанс с психотерапевтом был перенесен на более раннее время, и Виктория отправилась в салон сразу после завтрака, оставив детей с Анной.

Бодрый и улыбающийся врач пришел через пару минут после нее, когда Виктория уже успела съесть пару конфет и теперь наливала себе чаю, чтобы запить сладость во рту.

— Доброе утро, ваше величество, — сказал он дружелюбно, опускаясь на диван. — Как у вас сегодня настроение?

— Переживательное. Очень много мыслей, с которыми сложно справиться. Будете чай?

— Конечно. — Силван кивнул и взял у нее чайник. — Вы готовы поделиться этим со мной?

— Да, я даже ждала вас, чтобы обсудить то, что меня беспокоит, — призналась Виктория. — Из-за этих мыслей я не совсем справилась с вашим заданием, как мне

кажется. Отвлеклась на другое. Однако я поняла, почему вы попросили меня сделать именно это. Я сказала в прошлый раз, что меня никто не любил. Это не совсем правда — у меня была замечательная мама, с которой мы были очень дружны. У меня много хороших воспоминаний, связанных с ней.

— С кем еще связаны ваши хорошие воспоминания? — спросил врач, потянувшись к вазочке с конфетами.

— С детьми. Агата и Александр тоже меня любят. — Виктория ощутила, как потеплело в груди — она вспомнила сегодняшнее утро и маленькие ручки детей, которые обнимали ее вместе и по очереди. — С ними вообще только хорошее и связано... Если не считать родов, — она засмеялась. — Хотя и тогда все хорошо закончилось. Что же касается мужа... вот это, как мне кажется, будет вам интереснее всего. — Виктория с любопытством посмотрела на Силвана, и он, встретив ее взгляд, чуть наклонил голову, словно подтверждая эту мысль. — Арен не любит меня. Однако хороших воспоминаний, связанных с ним, у меня не меньше, чем связанных с мамой и детьми.

— Да, это интересно. И почему так, как вы считаете?

— Наверное, потому что мой муж — человек долга. Он женился на мне, поэтому считает, что должен заботиться. Так же он относится к своим обязанностям императора. Арен никогда не хотел им быть, он не любит это все, но выполняет исправно. И я — одна из его обязанностей.

— Я понял, ваше величество. Вы считаете, что муж вас не любит, а все хорошие воспоминания связаны только с тем, что он качественно выполняет свой долг. Верно?

Интересно, почему это не звучало настолько гадко, когда она сама говорила то же самое? А в устах Силвана — просто отвратительно.

— Верно.

— А как вы хотели бы, чтобы он проявлял свои чувства? — спросил врач, глядя на нее с внимательной серьезностью. — Что вы хотели бы получить от него вдобавок ко всему, о чем вспомнили?

Виктория молчала, не зная, что ответить. Это был безумно сложный вопрос.

— Как он должен вести себя, чтобы вы были довольны и считали это поведение любовью?

— Я... — она выдохнула с отчаянием. — Не знаю! Но точно не так. Я чувствую его равнодушие все время, и меня это очень задевает. Накануне Арен говорил со мной, как с малолетним ребенком, а потом еще и добавил: «Я не припомню, чтобы ты хоть что-то делала ради меня». Мне обидно. Я делаю все, что могу, но разве я виновата в том, что ему ничего от меня не нужно?!

— Вы из-за этой фразы переживали? — уточнил Силван, и Виктория кивнула. Было немного стыдно и неловко. — Что ж, давайте ее разберем. Расскажите мне первое, что приходит в голову, из ситуаций, о которых вы можете сказать «я сделала это ради мужа».

Виктория рассказала то, о чем недавно рассуждала — как она вырастила Арена в подарок на день рождения золотую розу, а он приказал убрать ее в оранжерею.

Врач внимательно слушал, и как только она закончила, спросил:

— А ваш муж любит цветы?

— Он к ним равнодушен, — ответила Виктория, вздохнув. — Посмотреть может, но не любит, как я.

— Почему же вы тогда решили подарить ему именно цветок? Если он к ним безразличен.

Она задумалась, вновь не представляя, что ответить.

— Это было единственное, что пришло мне в голову, — выдавила из себя в конце концов. — У Арена все есть, но мне хотелось сделать хоть что-то... Цветы — все, что я могу. Поэтому я и решила... Но что еще я могла сделать?

— Вопрос не в том, что еще вы могли сделать. Я спросил, почему вы решили сделать именно это. Вы ответили — потому что это единственное, что пришло в голову, из того, что вы можете. Где в этом рассуждении ваш муж, ваше величество? Его здесь нет.

— Вы хотите сказать, что я сделала это ради себя? — Она даже немного возмутилась.

— Нет. Представьте обратную ситуацию — ваш муж дарит вам... допустим, больницу. Вы интересуетесь больницами? Нет. Вы любите цветы. Но ваш муж подарил вам больницу, потому что это пришло ему в голову, и потому что он мог ее подарить. Однако он действительно хотел сделать вам приятное, просто не учел в своих рассуждениях ваших интересов.

— Я учитывала. Но у него нет таких интересов, на которые я смогла бы придумать подарок. Понимаете?

— Понимаю, — сказал Силван мягко и успокаивающе. — Вы сделали, что могли. И получили не ту реакцию, которую хотели бы получить. Но реакция вашего мужа была всего лишь закономерной реакцией человека, который не интересуется цветами, так же, как вы не интересуетесь больницами. Именно поэтому вы сами считаете, что сделали все ради него, а император так не думает.

Виктория вздохнула. Да, конечно, с точки зрения Арена это все действительно было напрасной тратой времени.

— Но я ведь старалась...

— Старались. Мы всегда стараемся, когда делаем подарок искренне и от души. И часто так случается, что мы ассоциируем себя с этим подарком. Вы подарили мужу не цветок — вы подарили ему часть себя, а он от нее отказался.

— Да. — Виктория грустно улыбнулась. — Я ему не нужна ни в качестве цветов, ни в качестве человека...

— Если вы ему не нужны, по какой причине у вас настолько много хороших воспоминаний, связанных с мужем?

На пару мгновений она почувствовала себя человеком, который бродит в лабиринте.

— Я ведь уже сказала — он просто выполняет свой долг.

— Почему был перенесен наш с вами сегодняшней сеанс, ваше величество? — спросил врач серьезно. — Вы помните?

— Да. Потому что сразу после него я и дети отправимся на море, — ответила она, не совсем понимая, что ей хочет сказать Силван — но осознала это сразу, как только он поинтересовался:

— И что же вы будете делать на море?

Она опустила голову.

— Я поняла...

— Что вы поняли? Скажите мне.

— Арен отправляет меня и детей на море, чтобы мы отдохнули, — ответила она, ощущая себя какой-то ужасной, гадкой, несправедливой. — При этом сам остается работать. Это... трудно назвать долгом.

— Из-за долга император остается работать. — Голос врача был спокойным и понимающим, но от этого Виктории было даже более стыдно. — А море — это забота. Забота о вас и о детях.

Силван замолчал, и она тоже молчала.

В эту минуту Виктория осознала о себе кое-что ужасное. Каждый поступок Арена она умудрялась выворачивать наизнанку и представлять его не в хорошем, а в плохом свете. Ее научил этому Аарон — он вечно все переворачивал, и она тоже начала это делать. И золотая роза не нужна мужу не потому что он не любит цветы, а потому что не любит ее, Викторию. И спать он не остается не потому что устал, а потому что не хочет проводить с ней время. И даже сейчас — Защитница, даже сейчас! — она подумала, что море — это только ради детей, а никак не ради нее.

Какая же она... мерзкая!

— Я ужасный человек, — пробормотала она, потерев лицо руками.

— Вы просто немного запутались. Но это ничего, мы все распутаем. Отдыхайте, встретимся с вами после того, как вернетесь.

— А домашнее задание? — Виктория подняла голову и посмотрела на Силвана. Он улыбнулся и кивнул.

— Конечно, как же без домашнего задания. Давайте продолжим записывать радости. Отмечайте все, что вам понравилось. Только теперь не в прошлом, а в настоящем времени, в эти дни. И еще пишите, по какой причине это было приятно.

— Постараюсь.

Несмотря на то, что уснуть удалось только ближе к утру, София не ощущала себя не выспавшейся. Наверное, дело было в том, что она предвкушала новое свидание с морем, которое так понравилось ей в прошлый раз. И даже то, что вместе с ними будет императрица, не слишком ее огорчало. София была уверена — Виктория не причинит ей никакого физического вреда, а вред эмоциональный будет больше вреднее самой императрице, чем Софии. И детям, конечно. Ради них она должна постараться.

Вано перенесся к ним в прихожую сразу после того, как София сообщила, что они позавтракали и готовы отправляться в путешествие. А затем по очереди переносил их в холл маленького домика на юге — сначала Софию с Розой, затем Синтию с Элизой.

Вещей у них с собой было немного — по небольшому рюкзаку у каждого, в том числе и у Вано. Самый большой рюкзак был у Софии, ведь она захватила с собой не только одежду, но и принадлежности для рисования, и кое-какие игрушки для детей.

Домик, в котором было всего несколько комнат, оказался пуст — если не считать охранников в коридорах, возле входа и снаружи, в парке.

— Это собственность императора, — пояснил Вано, поднимаясь вместе с ними по лестнице вверх. — Используется в основном для отдыха служащих вроде меня. Жилые комнаты на втором этаже, на первом — гостиная, холл, кухня. Готовить нам эти два дня будет кухарка.

— Защитница... — пробормотала Синтия, и Вагариус тепло улыбнулся.

— Да, вам не нужно ничего печь, все испекут и принесут. Здесь есть еще несколько слуг, ну и охрана.

— Мы теперь почти принцессы! — сказала Роза с восхищением. — У нас есть кухарка и охрана!

— Это только на два дня, — фыркнула Элиза. — А потом я вновь буду мыть посуду, а ты — ее вытирать.

Все засмеялись, но София, поглядев на Вано, заметила в его взгляде отчаянную решимость. Она не сомневалась, что он когда-нибудь захочет перевезти их в свой дом, и не знала, как к этому относиться. С одной стороны, она была бы рада, а с другой... а как же мамин магазин? Да и согласится ли мама? София была уверена, что Синтия будет не в восторге. Ее мама была очень принципиальным человеком, и вряд ли она захочет пользоваться расположением мужчины, которого считает чужим. Да, хорошим, но пока

еще чужим. Одно дело — двухдневный отдых, а совсем другое — переезд в новый дом.

Сложно это все...

Виктория, Агата и Александр присоединились к ним уже на пляже. Наследница сразу стала знакомить брата с Элизой и Розы, которые немного смущались, но быстро оттаяли, забыв, что имеют дело с «их высочествами», а императрица подошла к Софии, Ване и Синтии.

— Доброе утро, ваше величество, — сказали они хором, поклонившись, и Виктория кивнула. Она была удивительно хороша в легком голубом платье и соломенной шляпке, только выражение лица почему-то было слегка испуганным.

— Вы прекрасно выглядите, — произнесла София, подумав, что ей, наверное, тоже неловко. — Хотите, я вас нарисую?

Императрица неуверенно посмотрела на нее, нервно облизнула губы и негромко ответила:

— Лучше отдохайте, Софи. Вы вернетесь во дворец через два дня, тогда и будете рисовать. А сейчас надо отдыхать. Давайте поплаваем? Детям, как я посмотрю, не очень-то нужно наше общество.

Она была права — Агата и Александр вместе с Элизой и Розы уже копали какую-то яму, сидя на песке, и не обращали внимания на взрослых.

— Я за ними посмотрю, Софи, — сказала Синтия, касаясь ладонью плеча дочери. — А ты иди поплавай. Ване, вы тоже можете...

— Я лучше останусь пока здесь, — возразил он, и София согласно кивнула — несмотря на охрану, которая патрулировала этот кусок пляжа, правильнее будет не оставлять детей одних с ее матерью, которая, к тому же, не маг. — Позагораю. А то мне говорят, что я слишком бледный.

— Гектор Дайд гораздо бледнее, — улыбнулась София — и удивилась, услышав, как смеется над ее шуткой Виктория.

«Арен бы решил, что она хочет меня утопить», — подумала девушка, когда они с императрицей вошли в воду и поплыли вперед. Эта мысль показалась Софии забавной, и она фыркнула, немного ускоряясь, чтобы оторваться от Виктории.

— Софи! — услышала она вскрик позади себя. — Стойте, пожалуйста!

— Стоять здесь трудновато, ваше величество, — она фыркнула повторно, поворачиваясь лицом к подплывшей императрице. — Но я вас подожду, конечно.

Щеки Виктории были розовыми, и из-за волос, убранных под шапочку для купания, она напоминала маленькую девочку лет трех.

— Я... — она застыла рядом, глядя на Софию испуганно расширенными голубыми глазами. — Я хотела извиниться перед вами.

— Не беспокойтесь, — ответила девушка вежливо. — Я понимаю, вас об этом попросил его величество. Не нужно, я...

— Нет! — воскликнула Виктория, но тут же покраснела сильнее. — То есть, он просил, конечно, но я сама хочу извиниться. Это был недостойный поступок.

Ясно. Императрице стало стыдно после того, как София спасла Агату, вот она и решила попросить прощения.

— Ничего страшного. Я не сержусь. Я могу плыть дальше, ваше величество?

Почему-то звучало это так, будто София ее не простила. Она сама не могла понять, отчего так — ведь правда же не сердится.

София поняла это чуть позже, когда Виктория удрученно кивнула. Она отплыла от императрицы и подумала, что такое вполне может случиться еще раз, если ее величество вновь вздумает ревновать к Арену.

А рано или поздно она наверняка вздумает.

Совещание с Дипломатическим комитетом, как всегда, длилось почти бесконечно — послы разных стран и их помощники отчитывались Арену очень долго, и не менее долго длилось обсуждение многочисленных вопросов. Около трех дня наконец дипломаты покинули малый зал для совещаний, и император перенесся в собственный кабинет, попросив Адну поднять сюда обед на двоих персон и пригласив к себе Дайда.

— Вы решили не терять время и выслушать меня во время еды? — фыркнул Гектор, входя в кабинет и оглядывая заставленный, как несколько дней назад, стол.

— Да. Ты заодно поешь. Садись. Как стычки между аристократами и нетитулованными, еще бывают?

— Бывают, но не чаще парочки раз в день, ерунда. Угомонились они — и с той, и с другой стороны. И вот что я хотел сказать, ваше величество... — Дознаватель, придвинув к себе тарелку с салатом, с энтузиазмом взялся за вилку и нож и продолжил: — Я более чем уверен, что сейчас наша группировка ляжет на дно и не будет предпринимать вообще ничего.

— Почему ты так думаешь? Они ведь не достигли цели.

— Это верно, убить Агату и ослабить вас они не смогли. Хотя думали, что план беспроигрышный, да он таким и был. А что мы имеем? Вы по-прежнему на троне, во дворце, скорее всего, больше нет зашланцев — если не считать информатора из числа ваших родственников, но для осуществления действий в пределах замка этого мало. Но самое главное даже не это, с этим еще можно бороться. Главное — то, что происходит с народом. Вам говорил об этом Вольф Ассиус, или умолчал?

Арен нахмурился.

— Ты сейчас о чем? Вольф был у меня на совещании во вторник, говорил он много. Про что конкретно ты спрашиваешь? И почему именно он должен был что-то мне говорить?

— Потому что он контролирует средства массовой информации, — пояснил Гектор спокойно. — А именно туда стекаются все слухи в первую очередь. Ну и ко мне, естественно, хотя ко мне все же во вторую. Я-то не выпускаю ежедневные газеты. Вольф в курсе общественных настроений, и хотя мы с ним это не обсуждали — не было времени, — я уверен, что он наверняка сделал тот же вывод.

— О каком выводе идет речь?

— События последних четырех месяцев полностью убедили нетитулованных в серьезности ваших намерений. Мало кто из моей братии верил в подвижки по вопросам передачи титулов, даже после первого этапа — принятия закона о возможности заключать браки. Вы же помните, говорили — пройдет полгодика и все вернется на круги своя, это такой пряник, который император использовал вместо кнута, чтобы остановить возможную гражданскую войну.

— Помню. Крайне логичный вывод с учетом того, что случилось на Дворцовой площади в День Альганны.

— Не все люди умеют мыслить логично, ваше величество, — хмыкнул Гектор. — Но вы на них не сердитесь. В ваши намерения действительно сложно поверить, ведь нетитулованные уже многие сотни лет так живут. С чего вдруг что-то изменится? Тем более, что ваша власть тоже строится на родовой магии, доступной лишь аристократам. То, что вы начали такую политику... это почти чудо.

— Вот такой я чудесный, — пробормотал Арэн, усмехаясь. — Но я понял твою мысль.

Убрать императора раньше — даже с учетом моих заявлений — было менее болезненно, чем сейчас.

— Да. Особенно после покушения на Агату. Люди сильно обозлились, и если случится еще что-то подобное — плохо будет всем аристократам. Они это уже немного прочувствовали на своих шкурках, но это цветочки по сравнению с тем, что их ждет, если они будут продолжать трогать вас или наследников. Народ вам поверил. Народ хочет перемен и готов защищать свое право на них. Это изрядно усложняет дело.

— Не верю я, что они сдались, Гектор.

— Не сдались, а затаились — это разные вещи. Первый этап закона о передаче титулов составляет пять лет, в течение которых аристократам разрешено заключать браки с нетитулованными. Это экспериментальный этап. Вот в течение пяти лет последователи вашего брата попытаются сделать что-то еще, но пока они срочно свернули всю деятельность и затихли.

Арен задумчиво повертел в руке свежее испеченную булочку, которая была еще теплой, и, откусив от нее, бесстрастно спросил:

— Ты упомянул Вольфа не просто так, Гектор. Считаешь, он замешан?

— Это возможно, — кивнул Дайд. — Но пока это не более чем умозаключение, основанное вовсе не на том, о чем мы только что говорили. У Комитета культуры, науки и образования полно проблем и без пересказывания слухов и разговоров в обществе. Дело в другом.

— В чем же?

— Никакую политику невозможно проводить без участия императора или императрицы. Однажды мы говорили с вами про влияние, и при планировании покушения его следовало учесть. Заговорщики не знают точно, на чью голову опустится Венец, будет ли следующим правителем после вас Алвар, Анна или даже Арчибальд. Они должны были подумать, как станут действовать в том или ином случае. У них должно быть достаточно влияния. Арвен Асириус, конечно, человек богатый, владелец сети крупных артефакторских магазинов, но этого недостаточно. Да, его родовая магия позволяет внушать людям всякие мелкие мыслишки, но этого тоже недостаточно. А вот влияния мужа вашей сестры достаточно вполне. Он может мягко поменять мнение Анны, может наставить на истинный путь и Алвара, а уж про Арчибальда и говорить нечего. Он вас уважает и любит, но он солдат, а не политик.

— Да, Арчи бывает слишком горяч и бесхитростен, таких людей проще обманывать, — согласился Арен. — А Анна безмерно доверяет мужу. Что же касается Алвара — он и так на истинном пути, искренне считает родовую магию даром Защитника, и я богохульник, если этого не понимаю.

— Простите, ваше величество, но мне кажется, что ваш троюродный брат был бы не очень хорошим правителем. Возможно, его бы убрали, освободив место для кого-то еще, порассудительнее. Но не суть... Да, Вольф или его ближайшее окружение вполне могут быть замешаны в заговоре второй волны. Однако это еще необходимо проверять. Пока у меня нет ни малейшего доказательства, кроме этого дурацкого рассуждения, но с тем же успехом я мог бы построить подобную теорию, скажем, о Ване Вагариусе, или о себе самом.

— Не утрируй, — покачал головой Арен. — Тебе совершенно не выгодно меня убивать, ты же нетитулованный маг.

— Зато я наконец смогу сходить в отпуск, — страдальчески вздохнул Гектор, и император фыркнул. — А Вагариус отомстит всем Альго за смерть сына. Почему бы и нет, в конце концов? Ведь информатор из числа ваших родственников именно рассуждениями о мести и руководствовался. Когда человек мстит, он теряет человеческий облик, превращаясь в орудие этой мести. Он не рассуждает о том, что хорошо или плохо — он просто мстит.

— Адриан по-прежнему в зоне затрудненного поиска. Или ты его не подозреваешь?

Гектор пожал плечами.

— Подозреваю. Но считаю не самым вероятным из кандидатов. Он слишком эгоистичен для подобных преступлений.

— Первый раз слышу о том, что для преступлений нужна альтруистичность.

— Не совсем, — Дайд улыбнулся, — нужно просто считать цель важнее средств. А когда одно из средств — твоя шкура... некоторым людям не до целей. И Адриан как раз из их числа. Но это не значит, что он совершенно не замешан и вообще ничего не знает. Все может быть...

София никогда не относилась к Виктории плохо, но все же после случая с приворотом она невольно ожидала от нее какого-то нехорошего поступка. Пусть невольного, но нехорошего. Тем более, что ее величество не слишком любила нетитулованных, а сейчас находилась буквально в их окружении.

Но Виктория на удивление не подавала никаких признаков презрения или недовольства, более того — через некоторое время она разговорилась с мамой Софии о цветах и сама будто расцвела, заалев щеками и обсуждая тему, которую всегда обожала. Синтия рассказывала императрице о том, какие цветы она продает в своем магазине, где их берет и как содержит, чтобы они не увядали максимально долго. Виктория с интересом слушала, задавала вопросы, а потом начала рассказывать о том, какие еще цветы можно приобретать, и оказалось, что о некоторых из них Синтия действительно не слышала. И так она интересно рассказывала, что дети тоже подбежали послушать.

— Ох! — Виктория оглядела их любопытные лица и засмеялась. — Здесь ведь есть кое-что интересное. Видите тот большой камень? — Она указала на огромный валун, который виднелся из воды недалеко от берега. — Пойдемте, покажу.

Императрица, подхватив на руки Александра и взяв за ладошку Розы — нетитулованную девочку! — поспешила к морю. Следом за ней бежали и Элиза с Агатой.

— На камне есть растения, — говорила она оживленно. — И там наверняка должен быть мох-вьюнок!

— Надо же, — прошептала Синтия, наклоняясь к Софии. — Такая милая девочка.

София, дивясь изменениям в Виктории, вскочила с лежака и понеслась следом за детьми и императрицей.

— Я с вами! Тоже хочу посмотреть на мох-вьюнок...

Чуть позже, когда Виктория и Синтия пошли плавать, а дети решили начать строить большой песочный замок, Ваню попросил одного из слуг принести свежевыжатого сока, и пока парень бегал на кухню, произнес, садясь на соседний с Софией лежак:

— Извини меня за вчерашнее, Софи. Я был не прав. — Вагариус потянулся к ее ладони, легко сжал пальцы и продолжил: — Просто я хочу, чтобы ты была счастлива.

Она промолчала, понимая — если скажет, что ее счастье так же неразрывно связано с Аренем, как море связано с водой, а солнце с небом, Ваню вновь может вспылить.

— Я неправильно судил об этой ситуации, Софи, — говорил он горячо, — нет, не по отношению к тебе... Я понимаю, как ты относишься к императору. Но мне казалось... — Вагариус понизил голос, — казалось, что его величество сделал это ради дочери, а теперь просто желает воспользоваться ситуацией.

София удивленно посмотрела на Ваню, подумав, что иногда люди от любви и беспокойства теряют голову и не могут мыслить адекватно.

— Я был не прав, — повторил Вагариус. — Прошу, прости меня. Не сердись.

— Да я не сержусь, — она грустно улыбнулась и, вздохнув, спросила: — Император уже

говорил с тобой? Я знаю, он собирался.

— Говорил, — кивнул Ваню, и на щеках его появились красные нервные пятна. — Он прав, Софи. Так будет лучше.

— Кому?

— Тебе в первую очередь.

Она покачала головой.

— Почему-то вы оба уверены, что знаете, как мне будет лучше, а я нет. Вы решили все за меня. Император вчера озвучил это мне, сегодня тебе, ты его поддерживаешь. А меня никто не спрашивал. А зачем меня спрашивать, да?

— Софи... Он поступил благородно.

— К демонам это благородство! — огрызнулась она и, встав с лежака, пошла строить песочный замок вместе с детьми.

Совещание с торговым комитетом длилось до пяти вечера, и Арен, обрадовавшись, что у него осталось немного времени, сразу после ухода сотрудников запрыгнул в камин, и, уже вписав в формулу пространственного лифта константу перемещения, вспомнил, что не надел плавки.

Оказавшись на пляже, император огляделся — и засмеялся, заметив несущихся к нему Агату с Александром. Солнце уже садилось, и оба ребенка выглядели в его лучах немного рыжими.

— Папа! Папа!

Арен обнял обоих, сев на корточки, и, взглянув детям за спины, увидел большой замок из песка, а рядом с ним — застывших в неуверенности сестер Софии. Однако страшно им теперь не было. Им было любопытно.

Император встал и, улыбаясь, шагнул вперед, поднял руку, применяя иллюзорную магию — и чуть не оглох от восторженного визга сразу четырех детей, когда песочный замок вдруг приобрел краски — стены стали белыми, появились окна и двери, на балконах стали расти цветы, а вокруг самого замка расцвел целый парк с дорожками, деревьями и фонтаном.

— А-а-а!!! — прыгали дети, и он, засмеявшись от искренних радостных эмоций Элизы и Розы, сотворил еще и маленьких человечков в парке возле замка — они заходили и забегали по дорожкам, размахивая крошечными зонтиками от солнца.

— Здорово, пап! — сказала Агата громко. — А давай еще сюда добавим огненных бабочек?

— Не обязательно огненных, — хмыкнул Арен, вытягивая вперед кулаки. — Элиза, Розы, подойдите-ка поближе.

Девочки неуверенно приблизились. Они явно стеснялись, но любопытство было сильнее.

— Выбирайте, кому какой кулак. Розы, ты первая. Какой тебе кулак?

— Правый! — воскликнула малышка, и Арен разжал пальцы, вытягивая ладонь, на которой появилась большая ярко-голубая бабочка. — О-о-о!!!

Бабочка слетела с его ладони и села на плечо Розы.

— До полуночи она будет с тобой, — сказал император, наслаждаясь восторгом девочки. — Теперь твоя очередь, Элиза. — Он разжал второй кулак и выпустил на волю насыщенно-алую бабочку, которая сразу опустилась сестре Софии на макушку.

— А она там все время будет сидеть? — прошептала Элиза с благоговением, пока остальные дети хохотали, глядя на ее новое украшение.

— Нет, она будет летать вокруг тебя, — пояснил Арен, и в подтверждение его слов бабочка вспорхнула с макушки девочки и сделала вокруг нее круг, а затем опустилась на руку.

— Папа, а нам, а нам! — загалдели Агата и Александр. Император и им создал бабочек — оранжевую и зеленую — а потом поднял голову и встретился взглядом с Софией. Она стояла шагах в десяти от них и смотрела на него с такой любовью, и эмоции ее так звенели от радости, что сердце у Арена бешено забилося.

— Добрый вечер, ваше величество, — сказала она чуть дрогнувшим голосом.

— Здравствуйтесь, ваше величество, — повторил стоящий за ее плечом Вагариус.

— Добрый вечер, Софи, Ваню, — произнес император так невозмутимо, как мог. — Как прошел ваш день?

— Прекрасно, ваше величество, — ответил безопасник вежливо. — Ваша жена недавно ушла плавать вместе с Синтией, но я думаю, они скоро вернутся.

Значит, прекрасно. Очень хорошо, что Виктория вела себя нормально и не устраивала никаких скандалов. Впрочем, впереди еще завтрашний день. Арен оглянулся на детей, которые играли с созданными бабочками, носясь вокруг иллюзорного замка — судя по спокойному состоянию Агаты, она прислушалась к его утренней просьбе и весь день держала эмпатический щит. Умница.

— Я тоже, пожалуй, поплаваю, — кивнул Арен, подошел к одному из свободных лежаков и начал раздеваться. Про забытые плавки он упоминать не стал, чтобы никого не смущать, а просто создал иллюзию. Главное — потом не забыть намочить иллюзорную ткань.

— Я могу составить вам компанию? — поинтересовалась София, глядя на него с таким забавно-упрямым выражением лица, что Арен подумал — она его придушит, если он не разрешит.

— Можешь, Софи.

Вода охладила разгоряченную кожу и расслабила мышцы, и какое-то время они плыли молча, но рядом, отплывая все дальше и дальше от берега.

— Сердишься? — спросил Арен негромко — хотя слышать их никто уже давно не мог.

— Безумно.

Он улыбнулся.

— А в эмоциях совсем другое, Софи.

— Да? И что же там?

— Ты скучала.

— Скучала. Но я все равно сержусь. Не смей больше меня усыплять.

— Не смей, значит? — Арен, иронично усмехнувшись, поглядел на Софию, которая плыла в метре от него. — И что же мне за это будет?

— А вот что!

Он даже опомниться не успел, как она прыгнула на него и, нажав на голову, погрузила под воду, рассерженно фыркая и пытаясь удержать его там подольше. Но Арен и не собирался всплывать — вместо этого он потянул Софию вниз, к себе, и, крепко обняв, поцеловал.

Под водой Арен еще не целовался, и это оказалось необычно. Они словно парили в невесомости, и дыхания не хватало, и руки... руки, которые император на суше старался

держат в рамках приличий, здесь вели себя иначе, сжимая, хватая и поглаживая. И возбуждение было острым, как кинжал, рассекая остатки самообладания, и он рычал, понимая, что она все равно не слышит, а София, выгибаясь, обхватывала его руками и ногами, словно стремилась вобрать в себя.

Они вынырнули на поверхность, практически задохнувшись, и отпрянули друг от друга, чтобы эту непозволительную близость не заметили с берега.

— Арен... — прошептала София, и ему казалось, что он чувствует стук ее сердца. — Ты... без плавок?

— Да.

— Ох... — она слегка покраснела, и от волны жаркого удовольствия в паху все заболело.

— Плыви к берегу, Софи, — выдохнул он хрипло. — Я попозже выйду. Надо успокоиться.

— Да, да, конечно...

Она развернулась и поплыла обратно, а Арен закрыл глаза и покачал головой, ощущая себя юным несдержанным мальчишкой.

Если так пойдет и дальше, то весь его план держаться от Софии на расстоянии покажется к демонам в ближайшие же дни...

Как хорошо, что они далеко отплыли — только благодаря этому София успела остыть прежде, чем вышла на берег. Обвела глазами пляж — дети и ее мама играли с преображенным замком, вокруг них летали четыре разноцветные бабочки, а Ваню и императрица смотрели прямо на Софию, и в глазах обоих была тревога.

— Его величество скоро вернется, — сказала девушка, про себя удивляясь тому, что Виктория до сих пор никак не проявила свою ревность. — Он решил поплавать еще немного.

— Это к лучшему, — вздохнула Виктория, покосившись на хохочущую Агату. — А то я не представляю, как их уводить отсюда. Пусть подольше побудут.

— Ничего, завтра у них будет еще один день, — улыбнулась София, представив, как станут в скором времени сопротивляться Агата и Александр. — А вот завтра начнутся настоящие проблемы...

Чуть позже из моря вышел император, и София невольно посмотрела на его бедра, ощущая, как польхают щеки. Да, иллюзия выглядела вполне реалистично, и если бы не те мгновения под водой, она бы не догадалась.

Как же это было приятно! И руки Арена совсем не были сдержанными, как обычно в последнее время. Он дрогнул, не выдержал, а значит — она сможет переубедить его. Только бы после случившегося сегодня Арен не начал избегать ее, нарочито не оставаясь наедине и не приходя в комнату. Тогда станет сложнее...

Минут через десять, все-таки оторвав детей от замка, император с императрицей вернулись во дворец, а София с сестрами, мамой и Ваню, побыв на пляже еще час, отправились в дом ужинать и готовиться ко сну.

Девочки были в восторге от всего, а Розы даже сказала:

— Быстрее бы он вернулся!

— Кто? — не поняла София, а Элиза, захихикав, пояснила:

— Да император, кто же еще, Софи! Вон сколько всего интересного нам показал, и завтра, наверное, тоже покажет. А он правда совсем не страшный, когда улыбается. И Агата с Алексом на него похожи.

Она все болтала и болтала — и об Арене, и об императрице, и об иллюзорном замке — вот бы научиться делать такой же! — и о бабочках, которые не переставали кружиться рядом, а София улыбалась и слушала.

Ей было очень приятно, что сестры больше не боятся Арена. У него ведь так мало радостей в жизни — пусть хотя бы ее девочки его не огорчают.

Виктория и дети взахлеб рассказывали императору о прошедшем дне во время ужина, и он не стал ставить эмпатический щит — от жены шли вполне приятные и на удивление спокойные эмоции. Арен был доволен ее сегодняшним поведением и решил, что действительно попросит Валлиуса выписать Силвану Несту премию. Хотя лучше все же не сейчас, а через месяц — если ситуация не ухудшится. Пока Арену казалось, что произошло настоящее чудо. Виктория не ревновала, не злилась, что он отправил ее на море с нетитулованными, и даже назвала Синтию Тали «замечательной женщиной, которая тоже любит цветы».

Глядя на Викторию, Арен задумчиво тер подбородок и рассуждал.

Он, конечно, не психотерапевт — но неужели такие кардинальные изменения возможны после нескольких сеансов? Жена как будто вернулась в прошлое, в первые месяцы их супружества, когда она вела себя как нормальный человек, а не как истеричка. Не слишком ли это невероятно?

Но ведь тогда, восемь лет назад, Виктория тоже изменилась неожиданно, буквально за день из адекватной девушки превратившись в неадекватную, которую он совершенно не мог понять. Дурь выплескивалась отовсюду, из всех щелей, и абсолютно без повода. Точнее, это Арену казалось, что без повода — Виктория же всегда думала иначе.

И теперь она изменилась так же резко. Если бы это произошло сразу после смерти Аарона... Стоп, и что? На жене ведь нет и не было никаких воздействий, иначе он бы заметил. И никаких лекарств, влияющих на разум, ей не давали — иначе он ощутил бы привкус в ее крови. Так с чем связана настолько быстрая перемена поведения? И ведь не притворяется же — эмоции чистые, добрые. Неужели действительно психотерапия повлияла?

Арен не знал, что и думать. В итоге решил пока не делать никаких выводов, а понаблюдать за Викторией еще немного. Может, она завтра вновь начнет истерить и ревновать его к каждой песчинке на пляже, и он рано радуется?

После ужина он около часа читал Агате и Алексу книгу, и когда оба начали клевать носами, заявил, что на сегодня хватит, пора спать.

— Смотрите, даже ваши бабочки уже сложили крылышки и задремали, — сказала Виктория, целуя детей.

— Бабочки иллюзорные, — пробормотала Агата сонно. — Что им папа прикажет, то они и делают.

— Вот надо с них пример брать, — улыбнулась жена и повела наследников умываться.

Уложив детей, император перенес Викторию в ее комнату и напрягся, когда она обняла его и, прижавшись, прошептала:

— Спасибо, Арен. Чудесный был день.

— Я рад, Вик, — ответил он сдержанно. — И надеюсь, что завтра будет еще чудеснее.

— Я извинилась перед Софией, — продолжила она, и император так удивился, что на мгновение словно превратился в камень. — Она приняла мои извинения, но у меня все равно есть ощущение, что она не простила. А что еще сделать, я не знаю. Как думаешь?

Виктория, подняв голову, посмотрела Арену в глаза. Он прислушался к эмоциям — беспокойство и нежность.

— Я думаю, ничего не надо делать. Со временем, если ты не будешь обижать Софию, она забудет эту ситуацию.

— Да, наверное, — жена вздохнула, а потом потянулась к его губам, прижалась к ним, вспыхивая желанием, и ему вновь стало неприятно.

Арен, сдерживаясь, ждал, пока Виктория закончит его целовать — и она закончила, отстранилась и произнесла:

— Иди. Спокойной ночи.

Эмоции ее обиженно горчили, и он понимал, почему. Но сказать, что любит другую, не мог. Да и зачем? Он все равно не может быть с Софией, а с Викторией он быть обязан.

— До завтра, Вик.

После ужина они еще раз погуляли по пляжу, наслаждаясь прекрасным теплым вечером и нежным прибрежным ветром, а потом вернулись в дом.

София занимала на втором этаже отдельную комнату, и не успела она раздеться, как к ней постучалась мама.

— Я хотела поговорить с тобой, — сказала Синтия, проскальзывая внутрь и садясь на кровать рядом с дочерью. Взяла Софию за руку и с тревогой посмотрела в глаза. — Я уже давно думаю об этом, Софи. С тех пор, как увидела портрет императора. Там, в госпитале, когда ты нарисовала его улыбающимся.

София ласково погладила мамины пальцы.

— Не волнуйся. Все хорошо.

— Ох, Софи... — Синтия покачала головой. — Я понимаю, он достойный мужчина. Но постарайся поменьше о нем думать. Все-таки он женат, и Виктория — очень хорошая девочка.

Насчет хорошей девочки София могла бы поспорить, но не хотела расстраивать маму, да и зачем настраивать ее против императрицы?

— Ты же знаешь, что сердцу невозможно приказать.

— Знаю, — вздохнула Синтия и, закусив губу, очень тихо спросила: — Софи, а он сам... Он... не принуждает тебя?

— Нет. — Хорошо, что мама не спросила про любовь — видимо, так же, как и она сама чуть ранее, считала это совершенно невероятным. — Не волнуйся.

— Я не могу не волноваться, — она чуть побледнела, поморщившись. — Я слишком хорошо знаю, что это такое — когда тебя заставляют, и не хочу тебе такой судьбы.

— Разве его величество похож на человека, который может заставить женщину? — София немного обиделась. — Мам, ну как ты можешь так думать об императоре. Он ведь меня спас.

— А ты спасла его дочь, — сказала Синтия упрямо.

— Вот именно. Я спасла его дочь, он спас меня, а ты думаешь, что он ведет себя недостойно. Нет, мам.

Синтия молчала, задумчиво глядя на Софию.

— Он знает, что ты его любишь?

— Как он может не знать? Он же эмпат.

— Да... — пробормотала Синтия, вздохнув. — Тогда... Софи, мне кажется, тебе лучше уволиться.

Стало холодно и очень больно, словно в сердце воткнули длинную иглу.

Вот, теперь и мама начала решать за нее, что будет лучше. Понятно, и она, и Ваню, и Арена — все хотят, чтобы ей было хорошо. Но только хуже делают.

— Я сама решу, что мне лучше, мам.

— Смотреть на человека, который принадлежит другой женщине — больно, — серьезно произнесла Синтия. — И чем скорее ты поймешь это, тем лучше.

— Я сама решу, — повторила София, ощущая, что начинает злиться. — Не надо на меня давить.

— Я не давлю, — мама погладила ее по руке и встала с кровати. — Не сердись. И знай — я приму любое твоё решение, и никогда не стану тебя за него осуждать. Никогда, Софи.

Это было неожиданно, и София подняла голову, с удивлением глядя на Синтию.

— Любое? Ты серьезно?

— Серьезно. Конечно, я бы хотела, чтобы ты уволилась, и как можно скорее. Но ты для меня — главное, и я не буду осуждать тебя за другое решение. Хоть и желала бы иного. — Она печально улыбнулась. — Я говорю это, чтобы ты не вздумала предполагать, будто я от тебя отвернусь. Никогда этого не случится.

— Спасибо, мам, — сказала София искренне, ощущая себя так, словно с души забрали огромный камень. — Спасибо.

Синтия погладила ее по голове, поцеловала в лоб, а затем вышла из спальни.

София долго сидела на постели, постоянно косясь на браслет связи и проверяя время. Оно неумолимо двигалось вперед, но Арэн не приходил.

Было безумно грустно, но она не удивилась — конечно, раз он принял решение, теперь будет стараться следовать ему. Прийти сегодня в её комнату — значит, дать слабину, показать Софии, что решение не настолько уж и твердое. Глупо — она и так это знает.

Наверное, Арэн остался с Викторией.

Она улыбнулась и стерла с глаз слезы. Ревности не было совсем, только душа болела так, словно её в мясорубке прокручивали.

Принадлежит другой женщине... В чем Арэн принадлежит Виктории? Эта принадлежность существует только на бумаге. А в душе у него холодно, темно и пусто. Так выглядит принадлежность? Полное отсутствие любви и эмоций?!

И если Арэн принадлежит Виктории, то кому принадлежит она, София? Он ведь отдал ей свою жизнь. Она и так его, целиком и полностью — живет его жизнью, любит до глубины души, чувствует, как себя. И что же это получается? Вот это все — меньше, чем обыкновенная бумажка? Меньше, чем статус? Меньше, чем официальное признание?

Несправедливо.

Да, есть еще дети. Но она постарается сделать так, чтобы их это не коснулось. Конечно, Агата с Александром эмпаты, и рано или поздно они поймут, что София любит их отца, но они поймут это в любом случае. А все остальное не узнают.

Да и разве Арэн перестанет их любить? Он принадлежит им не только на бумаге. В отличие от Виктории.

«Хорошая девочка»... Сегодня императрица действительно была хорошей, но до этого — нет. И ничего удивительного в том, что Арэн к ней безразличен. Что можно чувствовать к человеку, который тебя мучает? Может, императрица и любит мужа, но как-то неправильно, нельзя так любить. Когда любишь, хочешь, чтобы любимый счастлив был. А она чего хотела? До инфаркта Арэна довести? И это София еще не знает толком никаких подробностей, а если бы знала — скорее всего, ужаснулась бы. Не зря же Викторией терпеть не может вся прислуга. «Лучше в псарне убираться, чем у нее. От животных хотя бы знаешь, чего ожидать», — так Софии однажды сказала Мэл.

И этой женщине принадлежит Арэн. Это же кошмар...

Пусть у него будет хоть немного счастья. Неофициального, без бумаг и признаний, но

пусть оно у него хотя бы будет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Накануне вечером императору пришлось усыпить себя — иначе он не выдержал бы, шагнул в камин и перенесся к Софии. И грош цена слову, данному Вану и самому себе.

Арен понимал, что она его ждет, и от необходимости причинять ей боль было тошно. Но иначе никак.

Если бы он мог развестись с Викторией... Но это невозможно. Официально разводы разрешены, в том числе и императору, однако такого ни разу не случилось, это было не принято. Он и так ломает традиции и устои, но разрушение брака, в котором двое маленьких детей, народ не поймет. Арену сейчас была нужна поддержка подданных, слишком уж острая ситуация в обществе, чтобы давать последователям брата и другим людям, не поддерживающим политику императора, повод трепать его имя.

Да даже если бы он мог развестись — что при этом делать с самой Викторией? Для нее это будет позор, аристократия не примет ее ни в одном из своих домов. У жены и так психика некрепкая, еще с собой покончит, не дай Защитник...

И Агате с Александром нужна мама, причем нужна каждый день, а не только по праздникам. И как осуществлять общение в случае развода? Пусть живет в отдельном крыле дворца, а дети станут прибегать к ней в гости? Абсурд.

Никуда Арену не деться от Виктории, как ни крути. И общество осудит — а в данный момент это недопустимо, — и жену затравят, и дети будут несчастны. Нет, невозможно.

Ничего, Виктория уже начала вести себя нормально, скандалов не закатывает, а это терпимо.

В конце концов, он и раньше жил с нелюбимой женщиной. Все просто останется по-прежнему. Так, как и было. На своих местах.

Сразу после завтрака жену и детей перенесли на море, а Арен отправился на первое из совещаний — с Арчибальдом, который, как ему доложили, вернулся с севера вчера поздно вечером.

Брат, отдохнувший и выспавшийся, выглядел бодро и радостно. Рассказал о ходе операции по уничтожению демонов более подробно, сообщил, что потерь не было, и когда Арен отпустил секретаря протоколов совещаний, спросил:

— Что здесь было? Я от Анны уже кое-что слышал, но мало. София действительно превратилась в абсолютный щит?

— Действительно. А Эн помогла вернуть ее.

— В этом я как раз не сомневался, — вздохнул Арчибальд и улыбнулся — то ли с грустью, то ли с гордостью. — Она молодец. Но я не представляю, как это получилось. Расскажешь?

— Нет.

— Так я и думал. Аньян она останется или?..

— Останется.

Брат задумчиво смотрел на Арена, и император даже без эмпатии понимал, о чем он думает.

Арчибальд должен был почувствовать влюбленность Софии, и теперь наверняка гадал, что связывает их с Ареном. Дождаться, пока брат что-нибудь спросит или скажет по этому поводу, император не стал — сам сменил тему.

— У меня будет к тебе просьба, Арчи. Не слишком приятная, но необходимая.

— Да? — Он моментально подобрался, как перед прыжком.

— Следи за Вольфом. Ненавязчиво, разумеется, но обращай внимание на все, что он говорит или делает. И будь осторожен — не сообщай Анне ничего лишнего.

У Арчибальда вытянулось лицо.

— Он?..

— Я не знаю, — усмехнулся Арен. — Но такая вероятность есть.

— Защитник... Надеюсь, ты ошибаешься. Для Анны это было бы большим ударом.

— Я тоже надеюсь. Тем более, что доказательств нет. Меня смущает только одно, мы обсуждали это недавно с Гектором. Ты знаешь, как Вольф относится к закону о передаче титулов?

Арчибальд прищурился, задумавшись.

— Хм... Не припомню.

— А нечего припоминать. Он не высказывался. С учетом остроты ситуации в обществе — это более чем странно. Высказывались все, кроме него. Он всегда старался отмалчиваться.

— Это совсем не доказательство, Арен, — возразил Арчибальд. — Может, он считает, что это совершенно не его дело, вот и не лезет. В его комитете проблем и так выше крыши, зачем ему еще сверху лишние?

— Я знаю, что это не доказательство, — сказал император с холодным спокойствием. — Но повод задуматься хороший. Да и рисковать я не могу. Аарону я тоже доверял. Даже допуская мысль о том, что он может стоять во главе заговора, я не верил, что он попытается меня убить. Так что теперь я уже ничему не удивлюсь.

Пятница начиналась не менее замечательно, чем четверг, омраченная только вздохами Элизы и Розы, которые с самого утра принялись заранее скучать по морю.

— Мы еще обязательно сюда вернемся, — обещал им Ваню. — Раз в месяц обязательно будем переноситься. А то и чаще!

Во взгляде Синтии, обращенном к Вагариусу, было что угодно, кроме одобрения, и София едва не фыркнула, представив, как Ваню предстоит с ней намучаться, уговаривая не отказываться от этих приглашений. Впрочем, остаться непоколебимой скалой у ее мамы нет шансов — обеим девочкам слишком понравилось море. И Вагариус им тоже нравился.

— Ваню, — сказала Розы серьезно, и как же хорошо, что Виктория и Синтия в этот момент плавали! — а ты только Софиин дедушка или еще и наш с Лиз?

— И ваш, — ответил Ваню так же серьезно, и малышка расцвела. — Если ты, конечно, хочешь, чтобы я был вашим общим дедушкой. Хочешь?

— Да-а-а-а! — восхитилась Розы и полезла обниматься.

Виктория сегодня вела себя не хуже, чем вчера, и вообще была удивительно расслабленной и счастливой. Спокойно играла с детьми, разговаривала со всеми вежливо и не надменно, а в один прекрасный момент, когда София рисовала на песке разных животных, которых через минуту слизывало море, спросила:

— Софи, а вы можете научить меня рисовать?

Рука дрогнула — и у жирафа сломалась шея. София исправила это, подняла голову и ответила:

— Конечно, ваше величество. А вы... совсем не умеете рисовать?

— Совсем, — кивнула Виктория, наследники заулыбались, и Агата сказала:

— У мамы такие рисунки — жуть! Знаешь, как папа говорит, Софи? «Мама умеет рисовать только цветы, а я — только буквы с цифрами».

Все засмеялись, а императрица пояснила, не переставая улыбаться:

— В институте на семинарах по ботанике нам часто приходилось рисовать цветы. Но это совершенно другие рисунки, чисто технические.

— Я понимаю. Что ж... тогда берите палочку и идите сюда, начнем первый урок.

— Сейчас?!

— Почему нет? — София пожала плечами. — Проведу общее занятие. Элиза с Розы вот тоже не слишком хорошо рисуют. В едином стиле. Называется «каляки-маляки».

Вновь последовал взрыв смеха, только теперь, раскрасневшись, смеялась еще и Виктория.

А потом они все, взяв палочки, выводили рисунки на песке под руководством Софии, и императрица от усердия высовывала язык и смешно пыхтела, когда у нее что-то не получалось. Глядя на такую Викторию, Софии даже не верилось, что именно она пыталась приворожить ее к Адриану.

Через полчаса детям надоело рисовать и они пошли плавать вместе с Ваном, Синтией и двумя надувными мячами, которые София притащила с собой из дома. Брызгались и хохотали, и она так на них засмотрелась, что не сразу ощутила легкое прикосновение к ладони. Опустила голову и удивилась, поняв, что ее руку трогает Виктория.

— Я хотела сказать вам спасибо, Софи, — произнесла она с таким чувством, что София даже испугалась. — За Агату. Я никогда этого не забуду, клянусь.

— Я ведь не специально, — пробормотала она с неловкостью. — Само собой получилось.

— В этом суть абсолютного щита — он получается сам собой, но очень редко. Я не думаю, что смогла бы в него превратиться.

— Смогли бы. Вы любите Агату.

— Полагаю, здесь дело не только в любви.

— А в чем же еще? — удивилась София, и удивилась еще больше, когда Виктория серьезно ответила:

— Понятия не имею, как это можно назвать. Я знаю одно — на вашем месте я бы не смогла так спокойно общаться с собой после... всего. А вы можете. В вас есть что-то, чего нет во мне.

София не представляла, что можно ответить, и была так поражена, что даже открыла рот.

— Я вчера искренне извинилась, — продолжала Виктория, сильнее сжав ее пальцы. — Честное слово, мне жаль. Дело не в том, что вы ни в чем не виноваты передо мной, даже если бы были виноваты — все равно это был ужасный поступок. Пожалуйста, простите.

— Да я не сержусь! — почти воскликнула София. Теперь она поверила в искренность императрицы, и ей стало жаль Викторию. Наверное, она действительно сделала все сгоряча. — Ни капли не сержусь. Не думайте вы об этом. И вообще... давайте я лучше вам кое-что покажу.

Она потянула Викторию вниз, заставив сесть на песок, вложила ей в руки палочку, взяла ее ладонь в свою — и стала водить рукой императрицы с зажатой в ней палочкой, рисуя на песке быстрыми движениями лица Агаты и Александра. А когда закончила рисовать и взглянула на Викторию, обнаружила, что она беззвучно плачет. И улыбается.

— Так здорово, Софи! — всхлинула она, глядя на нее полными радости глазами. — Как же это, оказывается, замечательно — рисовать их. Ты меня научишь? Чтобы я могла сама... на бумаге...

— Научу, конечно, — ответила София, чувствуя — что-то она не до конца понимает. Неужели психотерапия так подействовала? Конечно, она должна была подействовать, но не настолько же кардинально! Виктория практически не проявляла дружелюбия раньше, а уж представить, что она извинится за приворот, София и вовсе не могла. Она думала, поездка на море станет пыткой, но этого не случилось. Хорошо, что не случилось, но... странно это все. Словно раньше Виктория была заколдована, а теперь заклятье спало, и она... да, учится жить с собой настоящей.

Сделав пометку в уме поговорить об этом с Ареном, София попросила слуг принести обед.

После быстрого обеда Арен встретился с дворцовым управляющим, с которым он должен был увидеться еще во вторник, но все отменилось из-за загруженности императора. Выслушал краткий отчет о функционировании и проблемах дворца, а затем вызвал к себе Гектора.

— Тебе бы тоже на море, — пробормотал Арен, любуясь на дознавателя, цвет лица которого напоминал его зеленую форму. — На тебя смотреть страшно.

— Можно не смотреть, — усмехнулся Дайд, — я же не картина. Да и не люблю я это пузогрение, вы ведь знаете. Поплывать туда-сюда можно, но целый день на пляже сидеть — не мое это.

— Я помню. Однако в отпуск тебе все-таки надо. Ты сколько времени там не был, напомни?

— Три года. Насчет отпуска есть у меня идея, чтобы не заскучать, но это потом, когда всех заговорщиков переловим.

— У меня есть ощущение, что мы их никогда не переловим, — поморщился Арен. — Столько народу арестовали за последние четыре месяца, а покушение на Агату все равно было.

— Их осталось мало, ваше величество, — сказал Гектор серьезно и посмотрел на императора с сочувствием. — Я полагаю, не больше десяти человек. Много быть не может, иначе информация так или иначе уже просочилась бы к нам, как это было в случае с первой волной. Чем больше людей знает — тем сильнее риски.

— Но эти люди наверняка почти все влиятельные.

— Да, пешек там нет, я уверен, — кивнул Дайд. — Хотя в таких условиях пешкой можно считать и Виго. И кстати, по поводу Вамюса... Есть у меня кое-какие новости. Он стал начальником охраны дворца после смерти вашего брата. Но как именно он им стал?

— Его порекомендовал Вагариус. И вполне справедливо порекомендовал — послужной список у Виго был отличный.

— О да, более чем. Но почему Ваню порекомендовал именно его? В службе безопасности работают еще несколько сотрудников, которые могли бы претендовать на эту должность.

— Вамюс сам подал прошение, — вспомнил Арен. — Теперь понятно, почему.

— Безусловно, ему нужно было попасть во дворец, причем именно на должность начальника охраны. Крыса у вас под носом на подобном посту — это очень ценно для заговорщиков. И что же было дальше? Ваню подобрал еще две кандидатуры, предложил ребятам подумать, они подумали и отказались. С чего вдруг? Должность действительно более чем ценная.

— Вот этого я не знал.

— Ваню вам не рассказывал. Ничего важного или подозрительного — ну отказались ребята по личным мотивам. Тем более, что на ментальное или кровное воздействие всех служащих государственного аппарата каждый день проверяют. Однако воздействовать можно не только на самого человека, но и на его ближайшее окружение. Опросив коллег Вагариуса, отказавшихся от должности, я выяснил, что в обоих случаях шло давление со стороны семьи. В первом случае проявила особое упорство жена, закатив истерику в

стиле «тебя сожгут заживо, и я останусь вдовой», во втором жены нет, зато есть старые родители, которые стали говорить, что он у них единственный сын и его надо беречь, а дворец — место опасное. Ребята сопротивляться не стали, и теперь они об этом даже не жалеют.

— Получается, родственники были под ментальным воздействием? — протянул Арен задумчиво. — И сотрудники службы безопасности этого не заметили?

— Не горячитесь, — хмыкнул Дайд. — Следов обычного ментального воздействия мы не нашли, да и амулеты защитные все носят. Но кровное воздействие такой амулет не блокирует — родовая магия блокируется только родовой магией.

— Ты сейчас шутишь? — развеселился император. — На родственников коллег Вагариуса воздействовали родовой магией?!

Арен не понимал, как последователи брата могли допустить подобную ошибку. В отличие от магии обычной, кровная всегда оставляла след принадлежности роду. Определить, кто именно наложил обычное ментальное воздействие, невозможно, а вот кровное — запросто. След остается в крови.

А родовая магия Арвена Асириуса — именно ментальная.

— У них не было выбора, — пояснил Гектор, и улыбка его лучилась довольством. — Никак иначе повлиять на решение Ваню они не могли, а Вигу было необходимо поместить во дворец. Поэтому пришлось пойти на риск. Хотя риск, на их взгляд, был малый — следы кровной родовой магии сохраняются не более чем на полгода, да и никто не стал бы проверять этих людей на кровное воздействие, если бы Вигу не прокололся.

— Дело тут не столько в проколе Вамиуса, сколько в твоей догадливости, — фыркнул Арен. — Мне бы в жизни в голову не пришло, что можно воздействовать на людей через их родственников, просто для того, чтобы во дворец попал нужный человек.

— На самом деле это довольно частое явление, ваше величество. Не обязательно связанное с магией. Действовать на одного человека через другого...

Императора кольнула какая-то мысль, но он не успел ее уловить, потому что Гектор продолжал:

— Итак, на троих родственников служащих Комитета безопасности было осуществлено кровное воздействие кем-то из членов семьи Асириус. Определить, кем именно, невозможно, и для ареста кого-то конкретного доказательств все равно недостаточно.

— Зато достаточно для ареста всех Асириусов, — сказал Арен спокойно, и Дайд понимающе кивнул, ничуть не удивившись. — Я дам тебе приказ на арест всех, кто носит эту фамилию. На обыск, допрос и задержание в течение... скажем, трех месяцев. До выяснения обстоятельств или признания кого-либо из членов семьи. Думаю, они станут первыми, кого я лишу титула... но пока это не надо озвучивать. Пока просто арестовывай. — Гектор поклонился, и Арен добавил, чувствуя себя довольным, как сытый тигр: — Молодец.

Весь день София ждала императора. Она играла с детьми, купалась, лепила песочный замок — точнее, домики вокруг него, сам замок уже был готов, — а сама все время косилась на браслет связи и гадала, придет ли Арен.

Он пришел, когда Виктория и Ваню плавали вместе с детьми, а София и ее мама загорали на лежаках. Возле них в этот момент стоял один из слуг — молодой парень лет двадцати убирал пустые бокалы из-под коктейлей, — и как только София увидела возникающие неподалеку стены пространственного лифта, ее вдруг осенило.

Ревность! Можно же использовать ревность! Она прекрасно помнила, как злился отец на маму, если она слишком уж любезничала с кем-то из посетителей лавки. Сначала бурчал, а потом извинялся перед Синтией, которая начинала его ругать. Так, может...

София резко развернулась лицом к слуге, когда Арен вышел из лифта, и громко поинтересовалась, улыбнувшись во весь рот:

— А вы не хотите искупаться?

Парень вытаращил глаза и посмотрел на Софию так, словно она предложила ему раздеться.

— Вряд ли вам нельзя плавать, — продолжала она, ощущая себя полной идиоткой, и чуть рассердилась, вместо ревности почувствовав от Арена волну веселья. — Вы уже второй день тут носите нам вкусности, пора бы немножко расслабиться.

Да, судя по взгляду, расслабляться молодой человек не желал совсем. А заметив императора, и вовсе испугался.

— Добрый вечер, ваше величество, — выдохнул он, чуть побледнев, и бокалы на подносе нервно задрожали. — Желаете что-нибудь?..

Удивительное свойство эмпатия. По лицу Арена ничего нельзя было понять, но София ощущала, насколько же он хочет рассмеяться.

— Я — нет. А вот вам предложили поплавать. Можете отлучиться в море, я не против, — сказал император невозмутимо, и София рассердилась еще больше — специально ведь ее дразнит! — Составите компанию моей аньян.

— Извините, ваше величество, — ответил парень вежливо и опустил глаза. — Но я на работе. В мои обязанности не входит плавание. Я могу принести коктейль или убрать посуду.

— Хорошо, — кивнул Арен, и Софию окатило его довольством. — Тогда иди.

Слуга, позвякивая пустыми бокалами на подносе, быстро удалился, и как только он отошел на приличное расстояние, император фыркнул:

— Кажется, тебя отшили, Софи.

Ему было весело. И ни капли ревности, ни капли!

— Пойду-ка я тоже поплаваю, — сказала Синтия, поднимаясь с лежака. — Заодно сообщу детям, что вы пришли, ваше величество. А то они далеко отплыли, не заметили.

— Сообщите, — кивнул император иронично. — Пусть возвращаются на берег.

Синтия убежала, напоследок понимающе посмотрев на дочь, и, нырнув в воду с разбега, стремительно поплыла вперед — туда, где виднелись головы остальных. Еще вчера вечером они обнаружили в этом месте небольшую мель — море нанесло песок, и там можно было ходить даже детям. Роза назвала эту мель «островок».

— Сердишься, — проговорил Арен негромко, глядя на Софию с прежним весельем. — Так забавно. Меня будто надувают воздухом изнутри.

Она поджала губы и откинулась на лежаке, с удовольствием заметив, как Арен изучает ее фигуру почерневшими глазами, и эмоции его вспыхнули страстью.

— Я просто думаю исполнить завет Матильды.

— Завет? — повторил он, чуть нахмурившись. — Какой еще завет?

— Завести себе любовника, — произнесла София, улыбнувшись, и сняла по одной с плеч ляжки купальника. — Служанка твоей жены советовала мне сделать так еще в самом начале, чтобы избежать проблем. Не знаю уж, по чьему приказу она так говорила...

— Матильда подчиняется моим приказам, — сказал Арен резко. Страсть его усиливалась. — Я ей ничего подобного не говорил, и Виктория вряд ли додумалась бы. Думаю, это была инициатива Матильды.

— И вполне разумная инициатива, — прошептала София, вложив в эту фразу все обольщение, на которое была способна. — Я думаю, пришла пора воспользоваться ее советом. В конце концов, так всем будет лучше, верно?

Арен смотрел на нее, по-прежнему хмурясь, и от его чувств мурашки бежали по телу, и так хотелось, чтобы он прикоснулся... Как вчера, под водой...

— Дразнишь, — усмехнулся он, сжав кулаки — и София, посмотрев туда, поняла, что Арен так погасил свое пламя. — Рискуешь, Софи.

— А что я такого сказала? Ты сам утверждал, что мне нужен муж. Вот, начну искать. Или у тебя есть подходящая кандидатура?

Защитница, как она смеет так с ним разговаривать?!

Эмоции захлестывали, София уже захлебывалась в них, не осознавая, где ее, а где — Арена, она ощущала все и сразу — желание, раздражение, злость, любовь, досаду, нежность...

Ну же, скажи, что ты передумал. Скажи!

— Это ведь не в твоем характере, счастье мое, — выдохнул император, и по его рукам пробежался огонь. — Такое поведение. Поэтому не дразнись. Не надо устраивать спектакли, ведь я все равно знаю, какая ты и на что способна, а на что — нет.

— А я возьму и изменюсь.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Приходи ко мне вечером, — попросила София жалобно. — Пожалуйста. Я очень скучаю.

— Я не могу, — ответил он, и ее кольнуло горьким сожалением. — Прости. — Арен развернулся и пошел навстречу детям, которые уже плыли к берегу, попискивая от радости.

София, натянув лямки купальника обратно на плечи, села и вздохнула, глядя на то, как император обнимает и целует Агату с Алексом.

— Тогда я сама к тебе приду, — прошептала она почти неслышно и решительно сжала кулаки. — Сама.

Император побыл на пляже около двух часов, избегая общества Софии на всякий случай — нет, сорваться он не боялся, опасался лишь фантазий и ревности Виктории, если она вдруг заметит, что он слишком уж стремится быть рядом с их аньян. Хотя и в целом надо бы держаться подальше.

Арен не представлял, как ему сдержать слово, данное Вану. Как выдержать и не сломаться. К Софии тянуло невероятно — и душой, и телом, и он сдерживался изо всех сил, и это было еще сложнее, чем в то утро, когда Эн и Валлиус пропускали через него ток. Гораздо сложнее. То, что они делали с ним, Арен не считал пыткой, а вот то, что он делал сам с собой, отказываясь от Софии, именно пыткой и было.

Защитник, за что ему все это? И как он умудрился полюбить второй раз, если отец рассказывал, что Альго способны любить лишь однажды? Неужели отец ошибался? Или ошибался сам Арен, полагая, будто любит Агату Арманиус?

Нет, он любил ее. И после того, как она погибла, ему было очень плохо, его разрывало от боли. Вот только... когда умерла София, было еще хуже. Но дело тут, скорее всего, не в чувстве Арена, а в разнице между этими двумя девушками. Агата его никогда не любила, а София... София любила так, что он, ощущая эту любовь, полюбил и сам. Смотрелся, словно в зеркало, не понимая... пока она не умерла. С Агатой такого никогда не было, она оставалась отдельным человеком, Арен не чувствовал ее частью себя. София же ощущалась и телом, и душой, как свое, родное, неотделимое. Даже когда она не была к нему прищита, а теперь уж особенно.

Но приближать ее к себе нельзя не только потому что он обещал Вану, но и потому что это опасно для жизни Софии. От императора лучше держаться подальше. Как правильно сказал Гектор когда-то — теперь у Арена три слабых места, и, не попав в Агату, могут попытаться ударить куда-нибудь еще.

Вернувшись во дворец, император поужинал вместе с Викторией и детьми, а затем, оставив их, направился в свой кабинет — на встречу с Эн и Ронем Янгом, которые с сегодняшнего вечера планировали вновь начать штудировать содержимое секретной комнаты и заниматься разгадкой тайны родовой магии.

Император услышал голоса этой парочки сразу, как вышел из камина. Эн и Рон что-то горячо обсуждали, замолчав, как только он подошел к двери, и поднялись из-за стола.

— Добрый вечер, ваше величество, — сказали они хором, и Арэн кивнул.

— Садитесь. У вас есть для меня какая-нибудь информация?

— Я хотел поделиться с вами своими умозаключениями, — проговорил Янг, опускаясь обратно на место и возбужденно сверкая глазами. — Хотел еще в субботу, но Эн не дала, сказала, вам не до того.

— Пожалуй, — усмехнулся император, прислоняясь к дверному косяку и складывая руки на груди. Да, если бы артефактор полез к нему с родовой магией в субботу, живым мог бы и не уйти.

— Эн позвала меня в тот день, чтобы попросить сделать связные иглы, — продолжал Рон взволнованно. — И заодно показала абсолютный щит. И как только я его увидел, подумал — Геенна может быть таким щитом!

Император непонимающе нахмурился, чувствуя себя маленьким мальчиком на первом уроке магии.

— Рон имеет в виду сходство в истории и механизме создания, — пояснила Эн. — Абсолютный щит возникает, когда маг хочет защитить то, что ему дорого. И Геенна возникла по этой же причине. Только магов было много.

— Да, — кивнул Рон. — Возможно, было придумано специальное заклинание именно на основе принципа возникновения и работы абсолютного щита. Думаю, в этом есть смысл — все же и в случае с Геенной пришлось отдавать жизнь, точнее, множество жизней. И не исчезает она по той же причине, по которой не исчезал абсолютный щит вашей анян. Геенну кто-то держит.

— Император Альганны? — догадался Арэн, и Янг вновь кивнул, добавив:

— И я предполагаю, что это удерживание каким-то образом осуществляется через Венец.

— Однако по-прежнему непонятно, как это все связано с родовой магией, — пожалала плечами Эн. — Да, допустим, Геенна есть множество абсолютных щитов, которые удерживаются через Венец. Но при чем тут кровная родовая сила аристократов? Она-то что такое и как получилась? В общем, ваше величество, я еще раз прошу у вас разрешения на то, чтобы рассказать Рону обо всем случившемся с Софией.

Так он и знал. Естественно, Эн желала поделиться с Янгом своими открытиями, да Арэн и сам понимал, что это необходимо сделать, но демонски не хотелось впутывать сюда Софию. Однако скрывать от Рона настолько важную информацию все же было неправильно.

— Рассказывай.

Эн вздохнула, ощутив отчетливое облегчение, и быстро, словно опасаясь, что император передумает, выпалила, повернувшись к артефактору:

— На следующее после возвращения утро у Софии проснулась родовая магия.

Янг хмыкнул, совершенно не удивившись.

— Я предполагал, что так может случиться. Все же это практически перерождение... Значит, нам необходимо понять, какие условия позволили Софии обрести родовую магию.

— Понять, может, и необходимо, — проворчала Эн. — Но эти условия неповторимы. По крайней мере я это повторять точно не намерена. Наши с тобой умозаключения останутся лишь умозаключениями — экспериментальной базы никакой не будет, если не считать Софию. Но один эксперимент — это не база.

— Не база, но хоть что-то. Это же первый случай, когда родовая магия пробудилась у не-аристократа, да еще и у взрослого!

— Там не только родовая магия пробудилась, — продолжала Эн, бросив косой неуверенный взгляд на Арена. — София еще вдобавок теперь в огне не горит. Из-за того, что она пришита к его величеству, пламя воспринимает ее частью императора и не трогает.

Вот тут Рон удивился.

— Ничего себе! Чудо какое-то. А что насчет эмпатии? — артефактор с интересом посмотрел на Арена.

Говорить было физически больно, но скрывать император не стал — рассказывать надо либо все, либо ничего.

— София чувствует мои эмоции. Только мои, больше ничьи, слава Защитнику.

Рон и Эн одновременно открыли рты и стали похожи друг на друга, словно близнецы.

— Чувствует ваши эмоции?.. — выдохнула в конце концов Эн. — С ума сойти...

— Мне очень интересно, почему именно так, — признался Арен. — Почему она не стала эмпатом, как я, или ее эмоции не закрылись для остальных Альго, как мои. Это кажется мне более логичным.

— Нет, — помотал головой Рон, взъерошивая волосы на макушке, — такого быть не могло, потому что София не переняла вашу родовую магию. Понимаете, у нее не появилось свойств крови, присущих Альго. Огонь не трогает ее по той причине, что озвучила Эн — София к вам пришита, она как... ваша третья рука, что-то вроде этого. А эмпатия... С того момента, как София проснулась, она виделась с кем-то из Альго, кроме вас?

— Только с Агатой. Дочь ее чувствует.

— Ясно. Я думаю, ваши родственники будут ощущать девушку не так ярко, как раньше, но совсем ее эмоции для них не исчезнут. Да, София к вам пришита, но она все же — не вы, а отдельный человек, поэтому... скажем так, ваша личность будет отбрасывать на ее эмоции тень, что затруднит эмпатию для остальных Альго. Пока это всего лишь теория, конечно...

— Проверим, — кивнул император. — Спрошу потом у Анны или Арчибальда.

— Мне больше интересно, почему эмпатия у Софии проявилась именно по отношению к его величеству, — протянула Эн задумчиво. — Я согласна насчет тени и того, что другие Альго теперь будут ощущать Софию нечетко, но вот то, что она чувствует Ар... то есть, его величество... странно. У тебя есть версии, Рон?

— Есть, — сказал Янг, почему-то опустив глаза. — Но я не уверен, что мне не лучше будет промолчать.

— Говорите, — приказал император спокойно. — Что бы вы ни сказали, я не стану вас испепелять.

— Тогда ладно, — усмехнулся Рон и вновь поднял голову. Эмоции его были наполнены пониманием, а еще почему-то сочувствием. — Эн дала мне все официальные документы по процедуре возвращения Софии, и я, изучив их, могу сделать однозначный вывод, что это все — полная ерунда. Ну хорошо, — он поморщился и махнул рукой, — не полная, и не совсем ерунда — это просто не совсем правда. Да, ток вы должны были использовать, но уровнем, указанных Эн в отчете, я уверен, было недостаточно для того эффекта, что мы имеем сейчас. Абсолютный щит возникает в момент опасности, значит, и

возвращаться в исходное состояние человек должен если не при угрозе жизни, то хотя бы при угрозе перелома контура.

— Так я и знала, — фыркнула Эн. — Знала, что ты догадаешься. Я ведь тебе столько всего рассказывала про свою работу...

— Это еще не все. Хорошо, тело вернули, к императору пришили, чтобы не исчезало, сознание пробудили... А с жизнью-то что? Ведь именно по этой причине в первую очередь абсолютный щит — невозвратное заклинание.

Конечно, отсутствие тела тоже важно, но жизнь важнее. Жизнь отдана другому человеку, все, нет ее. В момент перерождения София не умерла, потому что ее держал император, питая своей жизненной силой. Но как только отпустил бы — все, смерть. Значит, не только Софию пришили к вам, ваше величество, но и вас — к ней. Вы отдали ей часть жизни.

— Умный мальчик, — усмехнулся Арен, глядя Рону в глаза. — Далеко пойдешь.

— Я стараюсь, — кивнул Янг серьезно. — Запечатайте это знание, если хотите.

— Обязательно.

— Я считаю, не стоит удивляться тому, что София ощущает ваши эмоции. Вы отдали ей жизнь, а жизнь — это намного больше, чем просто цифры. Вы... как бы... — Рон, к удивлению императора, слегка порозовел. — Как бы открыли ей себя. Вы добровольно отдаете Софии не только жизненную силу, но и эмоции.

— Точно, — выдохнула Эн обрадованно. — Не она их ощущает, а его величество отдает. Точно же!

— Если научится ставить эмпатический щит, сможет закрыться. Или вы сами закройтесь, ваше величество...

Арен улыбнулся. Закрывать? Ну уж нет.

— Разберемся.

Вечерняя прогулка по пляжу вышла немного грустной, ведь на следующий день с утра нужно было переноситься обратно в Граагу. В девять София должна быть у наследников, Вану — в комитете, а Синтия и девочки — дома. У Элизы заканчивались «каникулы», которые устроила ей мама, отпросив из школы на пару дней, а Розы с понедельника вновь должна будет ходить в детский сад.

Поэтому все печалились, и София чувствовала себя предательницей, втайне радуясь, что возвращается во дворец. Так она сможет быть ближе к Арену. Глупо — видеть его чаще все равно не получится, он же работает целыми днями, но... хотя бы она будет рядом. Только бы он не закрылся, не отсек ее, предоставив возможность общаться лишь с одной Викторией!

После ужина вместе с Софией в ее комнату поднялся Вану, сказав, что им нужно поговорить, и как только они оказались наедине, Вагариус пояснил:

— Я хотел пообщаться с тобой по поводу родовой магии.

— Ох, — она улыбнулась, — а я думала, почему ты все молчишь...

— Тебе нужно было отдохнуть, Софи, — сказал Вану, ласково поглядев на нее. — Я и сейчас не собираюсь ничему учить тебя, просто хотел спросить... ты сама ощущаешь ее?

— Нет, прости. Император объяснял, что это сила крови, надо сосредотачиваться не на энергетическом контуре, а на крови, но я не понимаю. Я чувствую энергетический контур, но совершенно не чувствую свою кровь.

— Аристократия обладает родовой магией с рождения, поэтому мне сложно сказать, как ты должна ощущать ее, — вздохнул Вану. — Но давай попробуем кое-чему поучиться... допустим, с понедельника.

— Ты думаешь, я смогу строить твой родовой щит?

— Сможешь, Софи. Да, кстати, — Вагариус вытащил из кармана брюк тонкую серебряную цепочку. — Подставляй шею, застегну. Это новый амулет с моими щитовыми чарами взамен... сгоревшего.

София послушно развернулась, и когда Ваню застегнул на ее шее амулет, тихо произнесла:

— Мне жаль, что медальон твоей матери сгорел.

— Ничего, — Вагариус обнял девушку. — Он сослужил свою службу, Софи. Да и вечных вещей на свете не бывает... если только Венец Альго, и то я не уверен.

После ухода Ваню София некоторое время сидела на кровати и собиралась с духом.

Ей было не по себе. Во-первых, она не привыкла переноситься куда-либо без приглашения, во-вторых, переноситься в камин она не привыкла тем более, в-третьих, это может очень не понравиться Арену, и в-четвертых... А есть ли у нее вообще координаты для переноса?

София, нахмурившись, полезла в браслет связи, где хранился план дворца. Только раньше на нем никаких координат не было — схема и схема, мало ли, заблудишься. Но теперь, поскольку император дал ей доступ на переносы через камин, координаты на плане имелись.

София, чувствуя, как рьяно колотится сердце в груди, прокрутила план на экране до парадного этажа, нашла комнату Арена — и чуть не застонала от облегчения. Да! Есть координаты камин в его гостиной!

Она встала и тряхнула руками, пытаясь расслабиться, но не получилось.

Ладно, Арен ее в любом случае не съест, главное — не напортачить с пространственным лифтом от волнения. Строить их София умела, но не любила — пространственная магия давалась ей тяжело, в отличие от иллюзорной или щитовой.

Глубоко вздохнув и поведя плечами, София начала строить лифт.

На этот раз Виктория даже не пыталась задержать Арена — она покорно и спокойно отпустила его, пожелав доброй ночи. В эмоциях жены было много грусти, но не злость и не ревность.

Надо, наверное, поговорить с психотерапевтом, узнать, по какой причине изменения настолько резкие. Может, Силван Нест сможет объяснить это научно, и окажется, что Арен зря переживает, и такие контрастные перемены в поведении — это нормально?

Вернувшись в свои покои, император успел только выпить воды и снять рубашку, собираясь идти в ванную, когда огонь в камине вдруг ярко вспыхнул и заискрился.

От удивления Арен застыл на месте, не зная, что и думать. Ему кажется? Наверное, он просто переработал, вот и мерещится...

Но потом в огне начал проступать контур человеческого тела — женского и очень знакомого, — а следом за этим Арен ощутил волнение и страх.

— Софи... — прошептал он обескураженно, глядя на то, как она выходит из пламени, дрожащая и смятенная, и смотрит на него испуганными глазами. — Защитник, ты в порядке? — Император подошел ближе и коснулся ладонью щеки девушки. — Не обожглась?

— Нет, — она неуверенно улыбнулась и потерлась щекой о его ладонь. — Просто впервые я перенеслась не на улицу или в помещение, а в камин, и вокруг был только огонь. Непривычно и не по себе. Но он меня не трогает.

Безумно хотелось наклониться и поцеловать ее, но Арен сдержался.

Завтра надо будет закрыть ей доступ на перенос в его покои, чтобы такое больше не

повторялось.

— Я рад, что ты цела, Софи. Я сейчас перенесу тебя обратно.

Она решительно помотала головой, сделала шаг вперед и, прижавшись, положила теплые ладони ему на грудь.

— Не надо, — проговорила она тихо, коснувшись мягким дыханием его кожи. — Я хочу быть с тобой. Не потому что ты отдал мне свою жизнь. И не потому что мне тебя жаль. Я хочу быть с тобой, потому что люблю.

— Софи, — Арен криво улыбнулся, — я тоже тебя люблю, именно поэтому я не хочу, чтобы ты страдала.

— А сейчас я меньше страдаю? — возмутилась она, прижимаясь крепче. — Арен, мне не станет легче, если ты откажешься от меня. И тебе не станет.

— Обо мне речи и не идет.

Защитник, где взять силы, чтобы оттолкнуть ее?

И как сделать это так, чтобы не ранить смертельно?..

— Я хочу быть с тобой, — прошептала София, приподнимаясь и целуя его в подбородок, в щеки, в уголки губ. — Мне не важен статус... Какая разница, если я всегда буду знать, что ты меня любишь? Это главное.

— Софи... — Арен осторожно обхватил ладонью ее затылок, заставляя посмотреть в глаза. И замер на секунду, увидев в этом взгляде уверенность в собственной правоте. — Ты сама когда-то говорила — как я буду после этого общаться с твоей женой и детьми. В тебе сейчас сильно желание отдать мне долг жизни. Подумай! Завтра тебе придется увидеть и Викторию, и Агату с Александром. И если ты сейчас останешься здесь...

— Разве в твоих отношениях с женой и детьми изменится хоть что-то, если я останусь? — произнесла София, не отводя взгляд. Ничто не дрогнуло в ней после этих его слов. — Разве ты перестанешь любить их? Или не любить ее? От меня совсем ничего не зависит.

— Со временем Агата с Алексом догадаются, — продолжал Арен, желая найти хоть какую-то болевую точку, чтобы София раздумала и ушла сама, — и могут начать презирать тебя.

— Пусть. Хотя я в этом сомневаюсь, они ведь эмпаты и должны разобраться, что я люблю тебя. Как за любовь можно презирать?

Спокойная уверенность в эмоциях, чистейшее понимание. Кажется, она успела подумать обо всем, прежде чем прийти сюда.

— Софи, — простонал Арен почти с отчаянием, понимая, что аргументы катастрофически быстро заканчиваются, — ты ведь не сможешь выйти замуж, понимаешь?

— Конечно, — она спокойно кивнула. — Я и не желаю выходить замуж за человека, которого не люблю. А тот, кого я люблю, занят. Значит, буду незамужней.

— А дети? Разве ты не хочешь детей? — выдохнул он, пытаясь нащупать хоть тень неуверенности в ее эмоциях — но неуверенности там не было. Ни капли. Даже после этих слов.

— Детей надо заводить не просто так, чтобы они были, — произнесла София твердо, потянувшись к губам Арена и обхватывая ладонями его лицо. — Дети должны быть от человека, которого любишь. — Она на секунду смело прижалась к его губам, а потом продолжила с отчаянной горячностью: — Я сделаю так, как ты захочешь. Так, как ты скажешь. Если ты захочешь, я рожу тебе детей... Но выходить замуж просто для того, чтобы быть чьей-то женой и матерью, я не стану.

София ласково касалась его лица, и Арен ощущал ее трепетную нежность, и сам дрожал

от желания. Все тело давно горело, словно охваченное огнем, и сердце билось о ребра так, что он с трудом дышал.

— Я обещал Вану, — шепнул он, не выдерживая и начиная целовать Софию — сначала щеки, потом шею. — Обещал, счастье мое...

— Вы оба решили все за меня, — выдохнула она, сжав ладонями плечи Арена, и запрокинула голову, позволяя ему целовать дальше и глубже. — Не спросили, чего хочу я. А я хочу быть с тобой. Вану поймет когда-нибудь, что я не смогу быть счастливой вдали от тебя.

У императора закончились аргументы, да и в голове уже не было мыслей — только огонь.

София дрожала в его объятиях, когда он расстегивал платье, но дрожь эта принадлежала не страху, а нетерпению. Арен ощущал, как ее эмоции вливаются в его, смешиваются, проникают друг в друга, становясь единым целым, и сомнения исчезали, растворялись, вытесненные любовью и желанием быть вместе.

— Софи... Будет немного больно.

Она улыбнулась, глядя на него сияющими от счастья глазами.

— Тебе тоже.

... Арен проснулся на рассвете, когда солнечные лучи коснулись ладони лежащей рядом девушки и, пощекотав любимые пальцы, двинулись выше, к запястьям. Скользнули по одеялу, чуть не утонув в нем — и наконец заискрились, заиграли, достигнув разметавшихся по подушке рыжих волос.

Хоть бы не проснулась.

София не проснулась, только вздохнула спокойно — и повернулась на другой бок, прячась от солнца. Арен осторожно накрыл одеялом обнаженное плечо и застыл, вспоминая случившееся.

Всю ночь он горел в собственном пламени, не в силах обуздать его. Всю ночь ласкал Софию и соединялся с ней, и все ему было мало, хотелось еще, еще, и еще... И быстрее, и сильнее, и глубже, и если бы не ответное желание Софии, не их совместное нетерпение, он подумал бы, что сделал ей слишком больно. Но она отражала чувства Арена, как зеркало, принимая его и телом, и душой, и от ощущения целостности самого себя он сходил с ума, чувствуя абсолютное, почти неприличное счастье.

Столько света и радости... Как он жил без этой девушки раньше?

— Арен... — прошептала София, не открывая глаз. — Поцелуй меня.

Он засмеялся, придвигаясь ближе и подминая ее под себя.

— Я думал, ты устала.

— Не больше, чем ты...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несмотря на то, что ночью София почти не спала, усталости она не ощущала. Наоборот — ей казалось, если она подпрыгнет повыше, то сможет взлететь, так хорошо и радостно было.

Как же это замечательно — делать счастливым человека, которого любишь! Быть с ним, чувствовать его частью себя, впитывая эмоции. В груди рядом с сердцем Софии теперь будто бы билось еще одно сердце — крепкое, сильное, искренне любящее. Оно вело ее за собой, и София ощущала, что на самом деле принадлежит ему — но вовсе не потому, что живет его жизнью.

Отдать ей жизнь было выбором Арена. Выбором же Софии стало решение остаться с ним вопреки всему.

— Софи... просыпайся, счастье мое. Я должен вернуть тебя.

Тихий и ласковый шепот возле виска. София, улыбнувшись, обняла Арена, который уже спускался с легкими поцелуями к шее и плечам, щекоча теплым дыханием обнаженную кожу.

— Не хочется расставаться... — призналась она негромко. В глазах будто что-то вспыхнуло — и София, распахнув их, поняла, что Арен вновь горит. Он полыхал пламенем всю ночь, но ее это совсем не пугало, даже наоборот — она с удовольствием гладила его огонь и смеялась, когда Арен после этого вспыхивал сильнее.

— Мне тоже, — он приподнялся и посмотрел на нее абсолютно черными глазами, в глубине которых тоже бушевало пламя. — Но я должен. — Арен наклонился и, нежно поцеловав Софию в губы, серьезно сказал: — Я постараюсь сделать все, чтобы жениться на тебе.

— Что? — она растерянно улыбнулась, коснувшись пальцами огненных лепестков на его плечах.

— Сейчас это невозможно по многим причинам. Но со временем, когда Агата и Алекс вырастут, ситуация с передачей титулов стабилизируется и заговоров больше не будет... Надеюсь, тогда я смогу развестись с Викторией и жениться на тебе.

— Спрашивать моего согласия ты, разумеется, не собираешься? — фыркнула София ему в губы и почувствовала, что Арен тоже улыбнулся.

— А ты против?

— Я уже говорила, что сделаю так, как ты хочешь.

— Мне нравится эта покладистость, — произнес он довольно, проводя ладонью по ее телу, и София охнула от острого наслаждения, которое пронзало ее каждый раз, когда Арен откровенно прикасался к ней. — Однако надо вставать.

— Покажи мне пример, — выдохнула она, обнимая его не только руками, но и ногами, — и вставай первым.

— Ох, Софи... — Он покачал головой, с улыбкой глядя в ее смеющиеся глаза. — Я так всюду опоздаю.

— Ничего, — прошептала София и, запнувшись, застонала от ощущения наполненности. — Иногда можно...

То, что расписание в эту субботу полетит к демонам, Арен понял быстро. С трудом оторвавшись от Софии, он вернул ее в дом на берегу моря, а затем отправился в детскую будить детей. За Викторией он не зашел. Общаться с ней через несколько минут после того, как вылез из постели с другой женщиной, было слишком неприятно, поэтому Арен отложил их встречу. Стыда он не чувствовал — лишь раздражение от того, что все настолько запутано, и ему придется общаться с Викторией и даже спать с ней, хочет он

этого или нет. Если с ней не спать, она взбесится, и труды психотерапевта пойдут прахом.

Стыдно Арену было по другому поводу. Когда они с Софией лихорадочно одевались, пытаясь догнать стремительно убегавшее время, он почувствовал, что ей некомфортно и, задав вопрос, получил неловкое признание «Болят все мышцы». София тут же добавила: «Не беспокойся, пройдет», но Арен уже начал ругать себя, понимая, что этой ночью — и утром тоже — он переборщил. И это еще мягко говоря!

— Обещай, если к обеду ситуация не улучшится, ты покажешься врачу, — попросил он, хмурясь, и София не стала спорить, дав обещание и вновь попросив его не волноваться.

Агата и Александр, проснувшись, задали сразу два вопроса — где мама и вернется ли к ним сегодня София.

— Сейчас мы с вами вместе пойдем будить маму, — ответил Арен, обнимая детей и в очередной раз чувствуя себя в западне. — И Софи тоже обязательно придет. Сразу после завтрака, как обычно.

И только слушая крики «ура!» и глядя на то, как наследники прыгают в своих кроватях, он вдруг вспомнил...

Защитник, действие противозачаточного заклинания, встроенного в браслет связи, закончилось чуть больше месяца назад, и Арен тогда не стал его обновлять, подумав, что им с Викторией не помешает третий ребенок.

С женой он не спал уже... демоны, когда была последняя близость? Арен и не помнил, но ему казалось, что прошло больше двух недель, и надо бы поинтересоваться у супруги, как она себя чувствует.

И София... Нужно немедленно принять меры. Ночью он и не вспомнил, что противозачаточное заклинание закончилось, совсем потеряв голову, но это не так уж и страшно, есть и другие способы предохранения. Главное — не потерять голову вторично, и напомнить Софии о том, что необходимо сделать, когда они увидятся.

Будить Викторию вместе с Агатой и Алексом оказалось гораздо легче, чем одному, и Арен подумал, что стоит взять это на заметку. Жена улыбалась и смеялась, глядя на радостных детей, и в одно мгновение императора все-таки кольнуло стыдом за ложь — но в следующую секунду это чувство ушло, оставив после себя лишь усталую обреченность.

Он сделал свой выбор в тот миг, когда начал целовать Софию вместо того, чтобы перенести ее обратно. Он выбрал счастье и ложь, отодвинув в сторону долг и правду. И не жалел об этом.

Что ж... пусть будет так.

Утро для Софии было заполнено испытаниями.

Первым, и пожалуй, самым сложным, оказалось общение с Ваном. Несмотря на то, что она считала свой поступок верным и ничуть не жалела, разговаривать с Вагариусом было неловко. Вряд ли он сможет понять ее так, как поняла мама... И от осознания, что совсем скоро Ван начнет смотреть на нее иначе, Софии было немного горько.

Но она все равно не жалела, и знала, что никогда не пожалеет.

Вторым испытанием стала пришедшая в голову во время завтрака с родными резкая мысль, от которой София похолодела и чуть не выронила ложку. Предохранялся ли Арен? Она-то думать забыла о подобном, а он?..

Вспоминая, как он вспыхивал пламенем, с какой страстью ласкал ее и как смотрел — словно на чудо — София сомневалась, что Арен подумал о противозачаточном амулете. Может, он у него встроен в браслет связи? Для обычных людей это дорого, но он ведь император. В любом случае — надо спросить, стоит ли ей что-то предпринимать, или нет.

Третьим испытанием было возвращение в ее комнату во дворце. Дознаватели здесь,

естественно, порылись, и София перебрала вещи и положила на место рисунки — они почему-то оказались на столе, — чувствуя неловкость из-за того, что какое-то время назад тут ходили незнакомые люди, а она тогда считалась погибшей.

А потом огонь в камине вспыхнул, и София, тоже вспыхнув, но от радости, бросилась навстречу вышедшему из пламени Арену.

— Я на две секунды, — сказал он, прижимая ее к себе и целуя в макушку. — Софи, я забыл про...

— Да-да, — она улыбнулась, обнимая его крепче и зажмурилась от счастья, что он вновь рядом с ней, — я тоже вспомнила.

— Сходи к Тадеушу сегодня, я попрошу его принять тебя. Он скажет, что нужно сделать.

— Я сама могу заказать настойку через городскую аптеку...

— Не нужно, — Арен покачал головой и вздохнул, уткнувшись носом ей в волосы. — Лучше через врача все делать. В дальнейшем я восстановлю заклинание на браслете связи, и можно будет не беспокоиться. — Он вновь вздохнул и тихо признался: — Не хочу уходить.

София чувствовала, что он не хочет — его эмоции ощущались как ласковое прикосновение теплой ладони, и они грели, словно кружка горячего чая в морозный день.

— Мы скоро встретимся, — прошептала София и посмотрела Арену в глаза. — И я буду с тобой всегда-всегда.

От его улыбки плеснуло радостью, но радость эта чуть горчила осознанием собственной хрупкости.

— До встречи, моя Софи, — сказал император тепло и, коснувшись кратким поцелуем ее губ, ушел через камин.

Они встретились через полчаса, и эта встреча оказалась четвертым испытанием для Софии, но не из-за Арена, а из-за Агаты с Александром.

Нет, София по-прежнему не жалела. Но когда дети, радостно галдя, побежали ей навстречу, и она опустила на колени, обнимая их — в эту секунду ее затопило сожалением.

Как было бы замечательно, если бы Арен любил Викторию. Как было бы прекрасно, если бы у них была крепкая и верная семья. Такие искренние и светлые дети, она их так любит, но их мама и папа существуют отдельно, а не вместе. Сейчас Агата и Александр этого еще не понимают, но когда-нибудь поймут, и им тоже будет больно. И кто знает, как они начнут относиться к ней после этого? Не решат ли, что это София виновата, что из-за нее папа не любит маму?..

Она подняла голову и посмотрела на Арена. Он тоже смотрел на нее, улыбаясь с грустным пониманием, и теперь в его эмоциях не было ничего, кроме горечи.

«Я не жалею», — послала она ему мысль ментально и беззвучно прошептала, глядя ему в глаза:

— И никогда не пожалею.

Горечь уменьшилась, и тяжесть в области сердца тоже ушла, и София замерла, сжимая в объятиях Агату и Александра и слыша внутри себя родной голос, наполненный искренним чувством — тем самым, которое вернуло ее из смерти в жизнь:

«Я люблю тебя. Пожалуйста, не грусти».

Отвечать ментально у Софии не было сил, поэтому она просто кивнула и негромко поинтересовалась:

— У нас сегодня каникулы, ваше величество, или?..

— Каникулы до понедельника, — ответил Арен ровно и спокойно, словно и не вел с ней только что безмолвный диалог. — Сегодня и завтра развлекайтесь. Можете позаниматься игрой на фортепиано, если хотите, но учителя придут только в понедельник.

— А ее величество?..

— Виктория сегодня в оранжерее. Освободится как обычно или чуть раньше.

— Софи! — воскликнула Агата, оглядываясь на своего отца. — А пойдём в бассейн! Будет почти море, только поменьше.

— Да! — подтвердил Александр. — И дядю Алчи с собой надо взять.

— Возьмите, — кивнул император, наклонился, расцеловал детей и осторожно коснулся ладонью запястья Софии. — До встречи на обеде, мои прекрасные.

И только когда Арен вновь ушел в огонь, София вспомнила, что хотела обсудить с ним странное поведение Виктории. И об этом она тоже забыла... Впрочем, не удивительно.

Последние два дня Виктория старательно записывала для Силвана все радости, и во время этого записывания она словно проживала их еще раз, и улыбалась, вспоминая.

Странно и удивительно, почему раньше она толком не могла ничему радоваться? Практически любое хорошее событие перекрывалось негативом, Виктория это точно помнила. А негатив этот возникал по любому поводу, и теперь, анализируя собственное поведение, императрица немного удивлялась — почему она постоянно была настолько раздражена? Ведь злилась из-за каких-то мелочей, зачастую даже вспомнить стыдно. Особенно если эта злость была по отношению к Арену.

Вспоминать свои истерики было не только стыдно, но и больно. Хотелось извиниться перед мужем, но Виктория даже заикнуться об этом боялась, понимая, что реакция Арена будет совсем не такой, какую ей хотелось бы получить, как в случае с выращенной розой. Скорее всего, сначала он просто удивится, как удивился, когда она сказала, что извинилась перед Софией, а потом скажет: «Ничего страшного. Забудь». И не оценит.

«А как он должен вести себя, чтобы вы были довольны?» — вспомнила вдруг Виктория вопрос Силвана и закусила губу, пытаясь понять — и не понимая.

Раньше, когда Аарон говорил ей про Арена всякие гадости, она думала — муж не раздражается в ответ на ее раздражение, потому что не любит. И тогда она действительно хотела, чтобы он хоть раз заорал на нее, разозлился, а не разговаривал, словно с глупым ребенком. Но теперь Виктория не хотела, чтобы Арен орал или злился. И не только на нее, а вообще. Ей хотелось, чтобы муж чаще улыбался, но... он уже давно не улыбался ей лично. Даже последние два дня — Арен улыбался всем, кроме Виктории. А уж когда он улыбался Софии...

Нет, об этом лучше вообще не думать. Виктория страшно боялась, что вновь начнет ревновать, и предпочитала не рассуждать, отсекая от себя любые мысли об отношениях мужа с Софией.

Лучше и правда думать о приятном. Два замечательных дня остались позади, но Викторию до сих пор переполняло умиротворение, когда она вспоминала шум моря, веселые голоса детей, теплый песок под ногами и рисунки на нем, которые они все вместе выводили палочками под руководством Софии. Теперь Виктории безумно хотелось тоже научиться так рисовать — нет, не для того, чтобы быть лучше, а просто для радости и позитивных эмоций, которые она получала каждый раз, когда из-под тонкой палочки выходило хоть что-то похожее на нормальный рисунок. Это оказалось не менее приятно, чем заниматься растениями.

Но больше всего Виктории понравилась Синтия. Мама Софии удивительно напоминала императрице ее собственную — она была такой же мягкой, вежливой и понимающей, и очень любила цветы, и Виктория, поначалу уцепившись за эту тему от неловкости, раскрывалась все больше и больше — и не заметила, как совсем перестала переживать и

стесняться.

Ей всегда было неловко рядом с нетитулованными, и она боялась, что они это поймут, поэтому задирала нос так высоко, как могла. И сейчас Виктория с нетерпением ждала Силвана — ей хотелось поговорить с ним именно об этом.

До полудня она работала в оранжерее, радуясь, что Арен позволил вернуться сюда, а около двенадцати за ней зашли охранники, чтобы вернуть во дворец, где в салоне уже находился ее психотерапевт.

— Доброе утро, ваше величество, — сказал Силван, улыбнувшись, встал с дивана и поклонился, разглядывая рабочую форму Виктории. — Вы прекрасно выглядите.

Ей стало смешно.

— Как нормальный человек? — засмеялась она, садясь, и мужчина тоже опустил обратно на свое место.

— Вы всегда выглядите, как нормальный человек, — ответил он с безукоризненной вежливостью. — Просто выглядеть прекрасно в прекрасном платье гораздо проще, чем в рабочей форме садовника. Но у вас получается и то, и другое.

Виктория даже немного смутилась.

— Спасибо. Чай будете? Я уже успела проголодаться.

— Не откажусь, — кивнул Силван. — Я сейчас налью нам обоим. Значит, вы работаете в саду, ваше величество?

— В оранжерее, — уточнила она. — Я думала, что рассказывала вам...

— Нет, — он мягко усмехнулся, протягивая Виктории чашку с чаем. — Это вы пока не рассказывали. Но я с удовольствием послушаю. Над чем вы там работаете?

Императрица, как это обычно всегда бывало, ухватилась за тему цветов и растений с удовольствием, и несколько минут увлеченно рассказывала о новых разработках ученых-ботаников в оранжерее, о том, что делает там она сама, и закончила свой рассказ словами:

— Я так счастлива, что Арен разрешил мне вернуться к этой работе!

Виктория почти сразу пожалела об этом, понимая — сейчас Силван спросит...

И он спросил:

— Что значит — разрешил вам вернуться? — Врач внимательно посмотрел на нее и добавил, видимо, заметив неуверенность и смущение: — Вам не обязательно отвечать на этот вопрос, если вы не хотите. Только если есть желание обсудить что-то со мной. Но я не настаиваю.

— Я хочу, — она вздохнула, — просто мне стыдно. Вы, я полагаю, знаете такое чувство... Когда не хочется, чтобы хороший человек думал о тебе плохо.

— Я не буду думать о вас плохо, что бы вы мне ни рассказали, — произнес Силван со знакомой серьезностью, которой было невозможно не поверить. — Я не оцениваю ваши поступки. Я помогаю вам, как врач.

— Я понимаю. Просто вы тоже человек, и мне кажется невозможным не судить другого человека, — пояснила Виктория. — То есть это может получаться просто невольно...

— Если хотите, я скажу вам, что думаю не как врач. Скажу вам правду, какой бы она ни была. Хотите?

Виктория посмотрела на Силвана с сомнением.

— Доверие — это очень важно, — продолжал он, не отводя открытого и прямого взгляда. — Доверять друг другу должны не только родные, но и врач с пациентом. Я вам

доверяю, я считаю, что вы, отвечая на мои вопросы, говорите правду и не лукавите. И я хочу, чтобы вы доверяли и мне. Поэтому если вам нужно мое мнение, я его скажу. Договорились?

Она кивнула и поспешила признаться, чтобы не дать себе возможности передумать:

— Арен запретил мне работать в оранжерее, потому что я пыталась приворожить нашу с ним аньян, Софию, к племяннику мужа. С помощью одного зелья...

Как ни старалась Виктория разглядеть в лице Силвана хотя бы толику осуждения, его там не нашлось. Впрочем, как и удивления. Он будто бы ждал, что она скажет нечто подобное.

— Зачем вы это сделали?

— Скорее, почему. Ревновала очень, хотела, чтобы муж в ней разочаровался, возможно, даже уволил. Хорошо, что ничего не вышло, приворот не подействовал — то ли я напутала с ингредиентами, то ли еще что-то...

Виктория знала — привороты не действуют или действуют, но слабо, в том случае, если тот, кого хочешь приворожить, влюблен в другого человека. Но думать о том, в кого может быть влюблена София, категорически не хотелось.

— Что ж, мое мнение — это был глупый поступок, ваше величество, — сказал Силван ровным и спокойным голосом. — Не думаю, что вы действительно желали причинить кому-то зло — вы действовали на эмоциях. А эмоции бывают столь сильны, что не дают нам нормально мыслить. И если бы вы подумали, то поняли бы, что ни к чему хорошему этот поступок не приведет — независимо от результата.

— Да, — грустно согласилась Виктория. — Я очень жалею. Накануне я извинилась перед Софией, и она вроде бы не сердится... И Арен разрешил вновь работать в оранжерее. Правда, еще до того, как я извинилась. Почти сразу после покушения на Агату.

Виктория сглотнула, вспомнив жуткий огонь и свое отчаяние при мысли о том, что в нем сейчас горит ее дочь.

— Как поживает домашнее задание? — поинтересовался врач, будто желая отвлечь ее, и Виктория действительно оживилась, услышав этот вопрос.

— Хорошо! — Она достала список из кармана и протянула его Силвану. — Вот! Целых пятьдесят пунктов.

— Мне можно не отдавать, это для вас. Хотите обсудить что-нибудь из того, что записали?

— Хочу. Правда, не совсем из того, что записала... Связано с этим, но не совсем.

— Я вас слушаю.

— Я... — Виктория запнулась, вновь подумав о том, что Силван может осудить ее, но она все равно желала обсудить с ним свои мысли. — Понимаете, я всегда плохо ладила... с не-аристократами. Когда я была маленькой, отец следил за тем, с кем я общаюсь, и в школу меня отдали... элитную. У нас тогда еще были деньги на подобное. А потом, после смерти мамы, папа все растратил, и я сбежала из дома в студенческое общежитие Академии прикладных наук. Аристократов там на все общежитие было всего лишь пятеро, остальные — нетитулованные маги. Многие смеялись надо мной — и за бедность, и за маленький дар, — а потом, когда я стала невестой Арена... — Она нервно рассмеялась, качая головой и краснея от воспоминаний. — Защитница, насколько же другим стало отношение ко мне! Это было отвратительно. И потом, когда я вышла замуж, положение не улучшилось. — Виктория потеряла глаза, ощущая, что сейчас расплачется. — Мне все время казалось, что ко мне все подлизываются, да это так и было, скорее всего. Я ведь из презираемой вдруг стала лучшей подружкой, мне все улыбались, звали меня повсюду. Я никому не доверяла, старалась ни с кем не общаться, и чем больше ко мне обращались, тем сильнее задирала нос. До вас, наверное, доходили слухи о том, что императрица не любит нетитулованных магов?

— Я не слишком верю слухам, ваше величество. — Силван мягко и ободряюще улыбнулся ей, разворачивая конфету в ярко-малиновой блестящей обертке. — Их, как правило, распространяют не очень достойные люди, которым нечем заняться.

— По отношению ко мне это правда, — сказала Виктория негромко, понимая, что рискует говорить подобное не-аристократу. — Я действительно терпеть не могу нетитулованных. За лицемерие и подлизывание. Я была никому не нужна до помолвки с императором, зато после нее мнение обо мне резко поменялось.

— Почему вы вспомнили именно об этом? Как это связано с поездкой на море?

— Там было много нетитулованных, — объяснила Виктория. — София, ее мама — она вообще не маг, — и две маленькие сестры. Но они радовали меня, а не огорчали. Особенно Синтия, мама Софии. Кажется, им все равно, кто я, и это... приятно. А вспомнила я об этом, потому что подумала об Арене. Он сталкивается с подобным поведением каждый день, но никого не ненавидит. Правда, у него обратная ситуация — это ведь аристократия устроила покушение на Агату и хотела совершить переворот в стране. — Виктория вздохнула. — Мне кажется, я склонна к тому, чтобы делить все на черное и белое, на хорошее и плохое. Но это неправильно. Особенно по отношению к людям. Никто из нас не может быть покрашен только одним цветом.

— Мне нравится эта мысль, — сказал Силван с улыбкой. — Она очень художественная. Но на сегодня нам с вами пора закругляться. Ваше величество, я вновь приду к вам во вторник, и домашнее задание будет следующее — подумать и записать свои мечты и желания. Все, что придут в голову, от очень мелких вроде «хочу новое платье красного цвета» до глобальных желаний научиться летать и побывать на другой планете.

— Интересно. Я постараюсь, — она кивнула и не удержалась, признавшись: — Вы как будто специально даете мне приятные задания.

— Так устроены мы все, ваше величество. О плохом вспоминаем сами, а о приятном приходится напоминать.

Первым делом на сегодня была запланирована встреча с делегацией из Альтаки, но как только Арен собрался сказать секретарю, чтобы запускала визитеров в малый зал для совещаний, браслет связи на запястье завибрировал, и император, посмотрев на экран, принял вызов — с ним хотела поговорить Эн Арманиус.

— Я слушаю.

— Ваше величество, — проекция Эн выглядела встревоженной, — я только что узнала об аресте всех членов семьи Асириус... Говорят, по вашему приказу. Это правда?

— Да.

Она вздохнула и чуть нахмурилась.

— Байрон Асириус... Мы с ним вместе работаем над исследованием методики восстановления энергетического контура. Он хирург, мы совместно пишем научную работу. Мне сказали, ни у кого из Асириусов нет права выхода из камер дознавательского комитета до выяснения обстоятельств. Но он мне нужен. И у нас с ним защита магистерской работы через месяц. — Она вновь вздохнула. — Я все понимаю, но прошу вас дать ему возможность посещать госпиталь и работать со мной хотя бы под конвоем.

Байрон Асириус, значит. Насколько Арен помнил, этот молодой человек приходился главному подозреваемому — Арвену — племянником. И среди Асириусов считался чуть ли не белой вороной и предателем — за то, что захотел работать с безродной Эн.

— Хорошо, я дам разрешение.

— Спасибо, — поблагодарила она искренне и, помолчав пару секунд, добавила: — Я уверена, он ни при чем. Байрон не слишком любит нетитулованных и не особо поддерживает ваш закон, но его намного больше интересует наука, да и покушение на

ребенка...

— С этим будет разбираться Гектор, Эн, — перебил ее Арен. — У тебя все?

— Да, — кивнула она и повторила: — Спасибо.

Делегация из Альтаки состояла из трех человек. Первым в малый зал для совещаний шагнул посол, а следом за ним — еще двое мужчин, в одном из которых Арен к своему удивлению узнал канцлера Альтаки — была там такая должность у главы правительства и второй руки короля, — а во втором — главу их внутренней разведки.

Кроме того, в малый зал вошел еще секретарь протоколов совещаний, и представители соседней страны покосились на него со смущением. Видимо, будут просить о секретности.

И точно — через мгновение Остин Фокс, канцлер Альтаки, произнес, вежливо поклонившись:

— Ваше величество, можем ли мы провести эту встречу без составления протокола?

Арен спокойно кивнул и махнул секретарю рукой, разрешая выйти из зала. И, оставшись наедине с просителями, сказал:

— Я вас слушаю.

Фокс еще раз поклонился и начал говорить:

— Я хотел бы попросить вашей поддержки в одном... деликатном деле. Вы, я полагаю, уже в курсе, что наш король Фредерик умирает, ему осталось жить не более двух месяцев. — Дождавшись кивка императора, мужчина продолжил: — На престол должен взойти его старший сын Теден, но далеко не все с этим согласны. Главный несогласный — брат Тедена и средний сын короля Грегор, он собирается организовать восстание против брата сразу после смерти его величества. Теден в курсе, и оба точат ножи. Силы у них примерно равны — как по магическим способностям, так и по количеству соратников, — и я предполагаю, что в скором времени нашу страну вновь захлестнет гражданской войной.

Арен покачал головой — время для междоусобиц было самое неподходящее. Впрочем, когда для этого может быть подходящее время?

— Вы хотите, чтобы я поддержал наследника?

— Нет, — выдохнул Фокс, слегка бледнея. — Именно поэтому я просил удалить секретаря, ваше величество... Речь по сути идет о государственной измене.

— Интересно, — протянул Арен, внимательно глядя на канцлера. Он общался с ним много раз и знал, что Фредерик когда-то выбрал молодого и амбициозного советника, сделав его канцлером, именно по причине исключительной преданности Альтаке. Уже лет пять страной по сути правил не король, а канцлер — и неужели Фокс хочет сам сесть на трон? На взгляд Арена, у него для этого было достаточно ума, но недостаточно магических способностей.

Император снял эмпатический щит — стало любопытно, что чувствует сейчас канцлер, — и прислушался к эмоциям. Сильное волнение, даже отчаяние, словно мужчина понимал, насколько безнадежна его просьба.

— И Теден, и Грегор не заинтересованы ни в чем, кроме захвата власти. Я не знаю, насколько хорошо вы помните обоих принцев, ваше величество...

— Я хорошо их помню. Они практически одинаковы, так что нет особой разницы в том, кто займет престол, тот или этот. Главное — не допустить войны. Для обоих важен статус, но не суть этого статуса. Я не думаю, что вам следует беспокоиться за свое положение, Фокс — вы нужны им обоим.

— Я не беспокоюсь, — резко возразил канцлер и тут же наклонил голову. — Прошу прощения, ваше величество. Я не беспокоюсь за себя, я волнуюсь за страну. Король Фредерик никогда не был столь же алчным, как его сыновья, он интересовался делами государства, и я лишь помогал ему, а не правил единолично. Мне категорически не нравится то, что происходит сейчас, и я не желаю видеть ни Тедона, ни Грегора на троне Альтаки.

Арен молчал, внимательно глядя на беспокоящегося Фокса. Задавать вопросы он не спешил, прекрасно понимая, что канцлер скажет все и сам.

— У его величества Фредерика есть еще один сын, младший. Огден. Он не настолько силен магически, как Тедон и Грегор, но маг все равно неплохой. Он не претендует на престол, однако имеет на него право. В отличие от своих братьев, Огден интересуется проблемами страны, но не лезет в борьбу, считая, что это будет уже слишком — трое претендентов на престол. Он работает в целительском подразделении охранителей и...

— Я его помню, — кивнул Арен. — Год назад его высочество Огден отличился в одной нашей совместной операции, я лично выдавал ему орден Славы. Он достойный человек.

— Да, — чуть приободрился Фокс. — Огден — один из лучших целителей Альтаки, он...

— Можете не расписывать, этот вариант точно лучше первых двух, — усмехнулся Арен. — Он сам в курсе ваших планов?

— Частично. Я говорил с ним о возможности занять престол, но не рассказывал о том, что собираюсь отправиться к вам за поддержкой. Однако Огден не идиот, он наверняка догадался сам. Без вашего вмешательства у нас не получится сделать все без крови.

Это было понятно и естественно — Альтака слишком зависела от помощи империи, особенно по части Геенны, и потерять поддержку Альганны не могла.

— Приведете его ко мне завтра, мы поговорим, — сказал Арен и ощутил, как Фокса затопило облегчением. — Посмотрим, что ваш будущий король сможет предложить мне в обмен на посильную помощь.

Канцлер поклонился, почти ликуя. Видимо, он точно знал, что можно предложить императору сильнейшей в мире страны.

До обеда София с детьми и принцем Арчибальдом плескались в бассейне. Его высочество, недавно вернувшийся с севера, вид имел самый благодушный, с удовольствием играл в кита, выпуская изо рта вертикальные струйки воды под хохот детей и отфыркиваясь, когда уходил под воду. Агата с Александром радовались, висли на своем дяде, как грозди винограда на лозе, и это было так мило и трогательно, что у Софии совсем не получалось предаваться тревожным мыслям.

Хотя пару раз она ловила на себе задумчивые взгляды принца, но в них не было ничего осуждающего — он просто смотрел, будто пытался что-то понять. София же, в свою очередь, прекрасно понимала, что Арчибальд, как человек более чем неглупый, должен догадываться о ее связи с императором. Сложить два и два было нетрудно — ее влюбленность, сильная ревность Виктории, затем чудесное спасение и возвращение во дворец — во всем этом был определенный вектор, и вряд ли он не понятен Арчибальду. Как и Гектору Дайду.

Впрочем, по-настоящему Софии не казалось важным то, что думает тот или другой — она решила быть с Ареном, и мысли посторонних людей ее не волновали.

Вот только Виктория не была совсем уж посторонним человеком — и София, когда увидела императрицу за обеденным столом, ощутила сильнейшую волну смущения. Это не было ни стыдом, ни ревностью, ни злостью — лишь неловкостью за ложь и обман, которые теперь всегда будут стоять между ними.

Но София знала, что так случится, и учитывала это, когда переносилась в комнату к Арену, поэтому теперь она лишь на пару мгновений опустила глаза, переводя дыхание и отпуская собственное смущение, словно выпускала птиц в небо — и они разлетелись, покидая ее и оставляя в сердце лишь спокойное смирение и ощущение правильности своего поступка.

Пусть будет так.

За обедом в эту субботу присутствовал новый для Софии человек — муж Анны, Вольф Ассиус, глава Комитета культуры, науки и образования. Это был не слишком высокий мужчина с тяжелой челюстью, широкими кустистыми бровями, гладко выбритым лицом, карими глазами и короткими темными волосами, которые уже начинали кое-где серебриться. Выглядел он уставшим, но счастливым, и принцесса, комментируя тот факт, что муж появился за общим столом впервые за последний месяц, сказала, мягко улыбаясь супругу:

— У Вольфа первый полноценный выходной за три недели. Очень много работы. Надеюсь, Арен все же займется разделением комитета и отделит от тебя хотя бы здравоохранение, дорогой...

— Займусь, — раздался голос из вспыхнувшего огня в камине, и следом в столовую шагнул император. Кивнул присутствующим, обнял детей и опустился на свое место, сохраняя настолько невозмутимо-холодное выражение лица, что София невольно восхитилась.

В ответ на это восхищение ее тихонько пощекотало его весельем, и девушка с трудом сдержала улыбку, на всякий случай спрятав ее за глотком воды из бокала.

И так было все время, пока они обедали — с одной стороны, София видела бесстрастное лицо Арена, а с другой — ощущала его настоящие эмоции. Почти все они были направлены на нее, и это было безумно приятно — он словно обнимал ее, словно касался, только не телом, а душой.

Ни Ванессы, ни Анастасии за столом не было: они должны были вернуться с моря только в понедельник, — но и Адриана не наблюдалось. София о нем ничего не слышала — да и, по правде говоря, она о нем и не думала все эти дни, — поэтому не представляла, где он может быть. Неужели замешан в покушении на Агату?

Очень хотелось спросить, но девушка сдержалась — потом узнает у Арена, как только они останутся наедине.

Поскорее бы.

Обед, слава Защитнику, прошел благополучно, хотя император понимал: вряд ли это надолго. Стоит только Виктории что-то заметить — а рано или поздно это должно случиться, — как она вновь слетит с катушек и начнет устраивать сцены, и возможно, даже за обедом. Пока все было благополучно, но Арен не верил в устойчивость этого благополучия, слишком уж хорошо он знал собственную супругу.

А София молодец — держалась стойко и спокойно. Император ощущал ее уверенность и не мог до конца поверить в то, что она действительно решила быть с ним. Он прекрасно понимал, насколько ей непросто — гораздо проще было бы отказаться от такого сомнительного счастья.

Хотя... кого он обманывает? София любит его, а отказаться от любви практически невозможно. Даже он не смог этого сделать, сдался, не сдержал слово, данное Вагариусу и самому себе.

После обеда Арен около часа провел с начальником охраны дворца, выслушивая отчет о том, что было сделано за последние дни — менялись абсолютно все замки и амулеты, проверялись сотрудники и допуски к помещениям, дворцовая территория обыскивалась, и императору, когда он слушал доклад Ральфа, казалось: будь он даже мышью, уже сбежал бы отсюда подальше, а кто-то покрупнее вроде крысы и вовсе не должен проскочить.

Другое дело — крысы в лоне семьи...

Гектор Дайд, пришедший на совещание сразу после Ральфа Рильо, выглядел хмурым и неприветливым.

— Результатов задержания нет, как я понимаю? — уточнил Арен, глядя на почти злое лицо главного дознавателя, и тот усмехнулся. В эмоциях его было так много

раздражения, что император все-таки поставил эмпатический щит, вдруг подумав, что в последнее время стал делать это чаще. Почему-то после случившегося с Софией ему стало тяжелее выносить любой негатив, и даже эмоции Гектора, которые раньше почти никогда не раздражали, вызывали ломоту в висках.

— Результаты есть всегда, но их пока мало и доказательной базы на этом не построишь. Задержанных и их родственников допрашивают, кое-что мы выяснили — например, жена Арвена Асириуса утверждает, что он в последнее время пропадал, что-то изготавливая в своей лаборатории, какие-то артефакты. Естественно, пропадал — на порталную ловушку все-таки нужно время, даже если были заготовки, работы там достаточно. А еще ему нужно было изготовить артефакты, блокирующие ваш перенос к музею... Но само по себе пропадание в лаборатории — не преступление и не доказательство.

— А что на месте? Обыскали?

— Конечно. Чисто. Ну, почти — совсем чисто все-таки бывает очень редко. Мы нашли у Арвена небольшой кусок мартогена — этот металл используется для изготовления любых порталных артефактов. С учетом того, что артефакторика — его специальность, это тоже сомнительное доказательство. Крови Аарона в его лаборатории нет.

— Естественно...

— Все бывает, ваше величество, — буркнул Гектор. — Особенно когда преступник верит в то, что все сделал идеально. Но для Арвена это было бы глупо, особенно с учетом того, что Агата осталась жива, а значит, ни о какой идеальности не может быть и речи.

— Что говорит он сам?

— Он пока не разговаривает, — скривился дознаватель. — Молчит, гнида. И это хорошо. Значит, ему есть, что сказать. Так всегда и бывает — когда подозреваемому сказать нечего, он говорит, а когда есть — молчит.

Понимает — если случайно ляпнет что-то не то, мы его постепенно за эту ниточку размотаем, раскрутим, вытянем остальное. Жаль, что у нас пытки запрещены, а то было бы как в Корго — щелк щипцами перед носом, и подозреваемый готов признаться в чем угодно, хоть в убийстве, хоть в краже, лишь бы ему ничего не отрезали.

Голос Гектора, когда он говорил это, был наполнен такой мечтательной мстительностью, что Арвен не удержался от улыбки.

Императрица вошла в детскую около пяти вечера, когда София, Агата и Александр занимались игрой на фортепиано. Лицо ее казалось расслабленным, глаза мягко блестели, и она ласково поприветствовала не только подбежавших к ней детей, но и саму Софию.

— Мама, ты сегодня раньше! — радостно возвестила Агата, прыгая возле Виктории. — Так здорово!

— Да! — подтвердил Александр и, посмотрев на сестру, тоже начал прыгать.

— Ваш папа просил не задерживаться, чтобы я не уставала, — сказала императрица, с нежностью прикасаясь к детям. — Софи, ты... вы можете идти, если хотите.

Она хотела — нужно было еще зайти к Тадеушу, да и общаться с Викторией больше положенного желания не имелось, но тут Агата воскликнула:

— Софи, а давай ты поучишь маму рисовать, а мы с Алексом посмотрим! Мам, ты же хотела?

Императрица чуть порозовела, и во взгляде ее появилось смущение.

— Да, но...

— Софи, давай! — продолжала Агата, хватая за руку свою аньян. — Мама очень хочет, но стесняется тебя просить!

«На море ведь не стеснялась», — подумала София, но тут же мысленно покачала головой — там все было менее официальным, и высказать свое пожелание учиться рисованию в непринужденной беседе гораздо проще, чем повторить его позже, уже во дворце. Тем более — для Виктории, которая... которая...

Что — которая? София никак не могла придумать определение странным изменениям в поведении жены Арена.

— Я с удовольствием останусь, — девушка кивнула, улыбаясь Агате с Александром. — Но вы будете не только смотреть, рисовать тоже.

— А можно? — обрадовался Алекс.

— Нужно.

София усадила всех за стол, раздала листочки, а потом, чуть помешкав, достала из вазы с цветами, что стояла здесь же, в центре стола, одну розу, и положила ее перед императрицей и детьми.

— Обычно обучение рисованию начинается с самого простого — с элементарных объектов строгой геометрической формы, — сказала София скорее для Виктории, чем для Агаты с Алексом, ожидая от них вопрос, что такое геометрическая форма, но дети молчали, глядя на нее с любопытством. — Но мне кажется, всегда лучше рисовать то, что интересно. Давайте попробуем изобразить вот эту розу. Пока простым карандашом. А я посмотрю, что у вас получится, и объясню, как улучшить рисунок.

Оказалось, что Агата рисует лучше, чем ее мама, и даже Алекс по сравнению с Викторией блистал. Императрица совсем терялась, не зная, как перенести то, что она видит, на бумагу, и сразу расстраивалась, когда у нее не получалось.

София показывала различные приемы, направляла, дорисовывала и постоянно повторяла, что сразу не может получиться, нужно тренироваться.

— Да я понимаю, — вздыхала Виктория. — Но у меня, как мне кажется, совсем нет к этому таланта, в отличие от тебя... вас, Софи.

— Талант и обучение — это разные вещи, ваше величество. Можно быть талантливым, но не обучаться, и похоронить свой талант. А можно и вовсе не иметь его, но научиться благодаря упорству и стараниям. Конечно, лучше, чтобы два этих критерия совпадали, но так бывает не всегда.

— Мама, у тебя талант к ботанике, — сказала Агата, рассматривая кривенькую розу Виктории. — Слишком много талантов не бывает! Поэтому рисуешь ты... так себе.

Императрица засмеялась.

— Ну спасибо, радость моя.

Софию как иголкой кольнуло — больно было слышать выражение Арена из уст его жены, — но она быстро подавила в себе это чувство, мягко заметив:

— Это все поправимо. Вот увидите.

Император освободился около семи часов вечера и сразу перенесся в детскую. Жена читала Агате с Александром какую-то книгу, сидя на диване, и Софии рядом с ними не было.

Арен расцеловал детей, коснулся быстрым поцелуем щеки Виктории — делать этого не хотелось, но он поступал так все время, и изменять привычкам прошлого не мог, это было бы слишком подозрительно, — поинтересовался, как прошел день, и несколько минут слушал сбивчивый рассказ Агаты и Александра, закончившийся восторженным:

— А Софи учит маму рисовать! Вот!

— Серьезно? — император покосился на чуть порозовевшую Викторию и подумал, что в

выдержке и умении принимать ответственность за собственное решение Софии, пожалуй, нет равных. Учить его жену рисовать! Проще было бы сказать, что она не умеет учить взрослых, да и во дворце есть художники, почему бы не попросить их? Или еще лучше — почему бы не нанять нормального преподавателя?

— Вик, может, мне попросить Бруно отыскать тебе педагога? — спросил Арен осторожно, опасаясь вспышки ревности или гнева, но Виктория лишь вздохнула и, опустив глаза, почти прошептала:

— Если хочешь, то конечно...

Защитник, и в чем дело? Император снял эмпатический щит и прислушался к эмоциям супруги.

Грусть и сожаление. Демоны, и что это значит?

— А как хочешь ты? — произнес Арен, перетаскивая к себе на колени обоих детей. — Как лучше для тебя?

Виктория подняла голову и посмотрела на него с неуверенностью.

— Маме нравится заниматься с Софи, — сказала Агата звонко. — И нам нравится, потому что мы тоже участвуем в занятиях. Нам не нужен другой педагог!

— Ясно, — хмыкнул Арен и обратился уже к дочери: — А ты, маленькая нахалка, откуда знаешь, что маме нравится? Ты опять снимала щит?

Она насупилась, но промолчала.

— Я же просил, Агата.

— Он сам слетает! Честно! Я просто... ну, не возвращаю его иногда сразу...

Это было нормально — Арен тоже делал так в детстве. Но он прекрасно знал, насколько чужие эмоции могут давить на психику, а уж эмоции Виктории и подавно.

— Ладно, мы с тобой поговорим на эту тему чуть позже. А сейчас идемте в столовую, пора ужинать.

— Да, папа, — вздохнула дочь, надувая губы и глядя на него исподлобья жалобными, но очень хитрыми карими глазами.

Арен поговорил с Агатой перед сном — оставив Александра с Викторией в детской, отвел свою девочку в спальню и еще раз долго и обстоятельно объяснял, что если злоупотреблять эмпатией, особенно в ее раннем возрасте, можно даже заболеть.

— Я ведь рассказывал тебе, как однажды, когда мне было лет десять, впитал слишком много чужих эмоций, и целую неделю лежал с лихорадкой, а врачи ничего не могли сделать. Хочешь так же? Мне было очень плохо, Агата, и я не желаю, чтобы с тобой произошло то же самое.

— Я понимаю, пап, — вздохнула наследница. — Но мама... ее эмоции изменились! Разве ты не чувствуешь?

— Чувствую. Но не надо в них копать, радость моя. Не смущай маму. Договорились?

— Я постараюсь...

В отличие от Агаты, у Арена не было особого желания копать в эмоциях Виктории, хоть даже они и изменились. Но он знал, что должен разобраться в этом. Слишком уж резко жена превратилась из истерички в нормальную женщину, и это демонски напоминало последствия снятия какого-нибудь эмпатического проклятья. Лучше бы все-таки это было чудом лично Силвана Неста...

Люди, не разбирающиеся в эмпатии — особенно не маги — часто искренне полагали, что

эмпаты могут и сами насыщать на своих собеседников нужные им эмоции. Увы, эмпатия так не работала, и внушить Виктории спокойствие Арен не мог — эмпаты лишь воспринимали чужие эмоции, но не насыщали их. В ментальной магии были разделы, отвечающие за внушение, но внушать эмоции было неэффективно хотя бы потому что практически любой человек быстро разбивал вдребезги это внушение, если в данный момент испытывал нечто абсолютно иное. Влияние извне разрушалось влиянием внутренним — и если бы даже самый лучший ментальный маг попытался внушить женщине, находящейся в ярости, спокойствие, она бы сожгла это заклинание, даже не заметив его.

А вот скорректировать уже имеющуюся эмоцию... Да, это возможно. Может, так Нест и работает — вызывает у Виктории определенные положительные эмоции, а потом закрепляет их? Нет, иначе Арен уже увидел бы на жене ментальное воздействие, да и невозможно это — на Виктории ведь щитовой амулет.

В общем, с подобными «чудесами» следовало бы разобраться, и император собирался начать с разговора с женой. Поэтому после того, как дети легли спать, он перенес Викторию в ее комнату и сразу отошел к столу, где стоял графин с водой. Пить Арен не хотел, но и стоять рядом с супругой он не хотел тоже. Лучше находиться подальше.

— Как твоя психотерапия, Вик?

— Хорошо, — сказала Виктория, и в эмоциях ее вновь были сплошные неуверенность и робость. — Мне очень нравится врач, и кажется, что он помогает. По крайней мере я... стала спокойнее. Да?

— Да, — подтвердил Арен, делая глоток воды и поворачиваясь лицом к жене. — Что ж, я рад, что ты довольна. У меня были сомнения по поводу утверждения именно этой кандидатуры.

Она удивилась.

— Почему?

Странно, неужели не понимает?

— Силван Нест — нетитулованный маг.

Виктория вспыхнула — и щеки загорелись, и эмоции потеплели от неловкости.

— Арен, ну не настолько же я... — Она запнулась, покраснев еще больше, и глаза наполнились слезами. — Хотя да, пожалуй, настолько... Прости, я виновата перед тобой...

Император нахмурился.

— За что ты извиняешься, Вик?

Защитник... плачет. Плачет, вытирая глаза кулаком, и губы дрожат. Точно так же всегда плакала Агата, и Арен, не выдержав, подошел к жене и погладил ее по плечу.

— За все, — прошептала она, не глядя на него и продолжая всхлипывать. — За истерики, ревность, за... то, что не поддерживала... Я ведь знаю, что ты прав с этим законом о передаче титулов, проблему давно пора решать, а у меня... Это просто личная обида на конкретных людей, но при чем тут все остальные...

У Арена разболелась голова от какофонии эмоций Виктории — она ощущала сразу столько всего, что он никак не мог разобраться во всем этом. В любом случае в голове звенело, а во рту появилась горечь, как всегда бывало, если он чувствовал чье-то расстройство.

Поставив эмпатический щит, император спокойно сказал:

— Не плачь. Все в порядке, я не сержусь.

Виктория посмотрела на него, всхлинула — и совсем разрыдалась, уткнувшись лицом в

собственные ладони.

— Защитник, ну что ты? — простонал Арен, обняв ее, и погладил по голове. — Вик, что ты ревешь? Разве я кричу, злюсь или в чем-то тебя обвиняю?

Она помотала головой.

— Тогда почему ты плачешь? Ты либо объясни, либо прекращай.

Виктория сглотнула, убрала от лица ладони и, посмотрев на него красными глазами, тихо призналась:

— Я просто не знаю, что мне делать, Арен. Я очень хочу извиниться, я жалею, но не знаю, как... Я не понимаю, почему так вела себя... Совершенно не понимаю! А нетитулованные... Они меня унижали до помолвки с тобой, а потом стали подлизываться. Практически всем институтом! Я из-за этого и не поддерживала твой закон. Пожалуйста, прости!

Арен молчал, задумавшись и анализируя.

Значит, вот откуда растут корни негативного отношения Виктории к не-аристократам — из институтских обид. Бастарды ее отца тоже наверняка замешаны, но не настолько, как однокурсники. Он прекрасно представлял, с чем она должна была столкнуться после помолвки и свадьбы, да ему и докладывали об этом, но Арен никогда не понимал, что эти обиды так глубоко проросли в Викторию. В конце концов, к нему тоже подлизывались — и аристократы, и нетитулованные, — и не от статуса это зависело, а исключительно от характера конкретного человека. Арену всегда казалось, что это очевидно, но видимо, не всем...

— Я не сержусь, — повторил он терпеливо. — И буду рад, если мы с тобой перестанем ссориться. Не плачь.

— Постараюсь, — прошептала Виктория, и пока она вновь не начала всхлипывать, император поинтересовался:

— Я хотел обсудить еще кое-что. Помнишь, я говорил тебе, что не стал обновлять противозачаточное заклинание месяц назад. Как ты себя чувствуешь, Вик?

Жена удивилась — застыла и посмотрела на него с испугом.

— Да... я сейчас вспомнила, ты говорил. У меня... — Она нахмурилась. — Да, цикл должен начаться на следующей неделе. Если хочешь, я схожу к Тадеушу, он может сделать анализ крови, иначе пока никак не увидишь.

— Сходи в понедельник. Завтра у Тадеуша выходной, не будем его дергать, от одного дня ничего не изменится. А вот в понедельник сходи.

— Хорошо. — Виктория смотрела на него, закусив губу, и медленно краснела. — Ты... останешься?

Демоны. Только не сегодня. Когда-нибудь придется, но точно не сегодня.

— Позже, — произнес Арен и сделал шаг назад, выпуская жену из объятий. — Сейчас я пойду к себе. Спокойной ночи, Вик.

Она повесила голову и сказала, не глядя на него:

— Да. Спокойной.

Быстро приняв душ, император переоделся в чистую рубашку и штаны и шагнул в камин, чтобы перенестись к Софии. На часах было уже почти десять, и от желания поскорее увидеть ее внутри все переворачивалось.

Когда он вышел из камина, она сразу бросилась навстречу, прижалась, обняла, и от вспышки радостного нетерпения Арен едва не застонал. Защитник, как же хорошо! Как

он жил без этого раньше?

— А я уже думала сама к тебе переноситься, — пошутила София, погладив его по щеке теплой ладонью. — Думала, вдруг придется уговаривать еще раз.

Арен улыбнулся, целуя ее.

— У тебя хорошо получается меня уговаривать. Ты ходила к Тадеушу?

София кивнула, слегка покраснев.

— Да, он дал противозачаточную настойку, сказал, пить в течение семи дней.

— Прекрасно, молодец.

Она фыркнула и поморщилась, глядя на императора с иронией.

— Ты не представляешь, как неловко было! Я думала, провалюсь сквозь пол, когда объясняла, что мне надо. Айл Родери потом еще расспрашивал про мое самочувствие и где болит — и вот это вообще было ужасно! — София показательно закатила глаза, и Арен засмеялся. — Как я ему скажу, где болит?! Да я это все выговорить не смогу, тем более — при мужчине!

— Тадеуш не мужчина, а врач, — произнес император как мог наставительно, но не выдержал и вновь рассмеялся. — И что, ты все-таки объяснила, где болит?

— Пришлось, — горестно вздохнула София. — Я ведь обещала тебе, поэтому пришлось сказать многозначительное «ну... там» и покраснеть.

Арен хмыкнул. Он прекрасно понимал, что все это было на самом деле, но вместо того, чтобы жаловаться, как это наверняка сделала бы Виктория, София решила его рассмешить.

— Тадеуш тебя посмотрел?

— Ага, — она кивнула. — Слава Защитнице, не раздевая. Сказал, что характер повреждений и так можно считать.

— Повреждений... — Веселье разом спало. — Прости, Софи.

— Да не было никаких повреждений! — возмутилась она, обнимая его крепче. — Тадеуш сказал, что... м-м-м... первая близость — это как порез, но он ранку залечил, и все. Но без ранки не бывает же! Все в порядке, Арен, правда. И даже можно... опять.

Император улыбнулся этому искреннему беспокойству, приправленному смущением, подхватил девушку на руки и понес к кровати.

— Уже? — удивилась София, и он фыркнул.

— Нет, сегодня я тебя не трону. Даже если Тадеуш сказал, что можно. Лучше повременить. Я просто хочу сесть.

— А-а-а...

Опустившись на кровать, Арен прислонился спиной к стене и устроил Софию у себя на коленях.

Прямо перед ними оказалось окно, за которым темнело небо, и император вдруг вспомнил ночь с субботы на воскресенье, когда он понял, что любит эту девушку. Всего-то неделя прошла — а сколько всего случилось...

Наклонившись, он поцеловал Софию и тихо выдохнул, одновременно с этим вспыхивая пламенем:

— Когда ты превратилась в щит, мне показалось, что у меня из груди вырвали сердце.

Она замерла, обнимая его — и руками, и своей нежностью.

— Не вспоминай. Все хорошо, я здесь.

— Да, — прошептал он, с наслаждением втягивая носом воздух возле ее виска — какой же теплый, родной и любимый запах! Свежий и легкий, словно аромат цветущей вишни. — И я все еще иногда боюсь, что ты исчезнешь, пока меня нет рядом. Наверное, всегда буду бояться.

— Ох, Арен... — София прижалась губами к его щеке. — Не бойся. Как же я могу исчезнуть, если я к тебе пришта?

— Умом я это понимаю, но... сердцем боюсь. Ладно, — он вздохнул и улыбнулся, ощущая, как ладонь девушки легко скользит по его груди, поглаживая пламя, — не будем об этом. Скажи, чему ты так удивилась за обедом? Оглядывала присутствующих и удивлялась.

Она застыла, словно вспоминая.

— Ах, да. Адриан. Куда он делся?

— Демоны его знают, — ответил Арен, чуть отклоняясь и глядя Софии в глаза. — Но я его не испепелял.

— Я об этом даже не подумала, — уверила она его с сочувствием. — Я просто удивилась, он ведь не поехал на море с их высочествами Ванессой и Анастасией.

— Да, не поехал. Как только стало известно о покушении на Агату, Адриан сбежал на север. Найти его сложно — чем ближе к Геенне, тем сильнее сбоят заклинания, особенно поисковые. Их как в вихрь заворачивает. Правда, мы его и не особенно искали.

— Почему?

— Оно того не стоит, Софи. Дознаватели и безопасники сейчас нужны мне в столице, и отправлять на север поисковый отряд я считаю нецелесообразным. Лучше подождать, пока мой племянник отойдет от Геенны подальше, тогда и возьмем его.

— А если не отойдет?

— В этом случае поищем позже, когда разберемся с заговором.

— А он?..

— Не знаю. Может, поставлял информацию, но сейчас не до него. Пусть отсиживается, вдруг заодно поумнеет.

София закусила губу и, пару секунд помешкав, все же негромко сказала:

— Я не знаю, стоит ли говорить об этом, но... Арен, твоя жена...

— Что такое? — Он поднял брови и сразу расслабился, когда София продолжила:

— Она изменилась, стала спокойнее и... уравновешеннее. Я ее не узнаю.

— Насчет уравновешеннее я бы поспорил — Виктория слишком много плачет, — покачал головой Арен. — А в остальном ты права. Она стала спокойнее, с ней проще договориться. За последнюю неделю она ни разу не впадала в истерическое состояние, чего за восемь лет жизни с ней я не припомню — хоть раз в неделю, но она выходила из себя. Да, это странно, Софи. Но ее проверяли на воздействие.

— Кто проверял? — спросила София так же тихо. — Аарон?

Арен открыл рот, чтобы ответить «нет» — и застыл.

Стоп-стоп-стоп. Но ведь именно Аарону он приказал восемь лет назад привести во дворец шамана, не особенно надеясь на успех — просто от отчаяния. Император не слишком верил в шаманскую магию, да и вообще не понимал, как она работает. Кроме того, среди шаманов было столько мошенников и шарлатанов, что создавалось

впечатление, будто они такие абсолютно все.

Только перед Днем Альганны Арэн убедился — не все.

— А ведь ты права, Софи. По части, скажем так, классической магии я проверял Викторию сам. Приходили и психотерапевты, писали официальные заключения... Но по части неофициальной магии мне помогал Аарон. Я попросил его найти шамана, чтобы он посмотрел Викторию на всякий случай. Я никогда не верил в шаманство, но решил, что лишним это не будет.

— И он сказал, что все чисто, да? — Эмоции Софии звенели от сочувствия, и она, приподнявшись, прижалась к груди Арэна, обнимая его за шею. — Не терзайся, ты же не мог знать...

— Я забыл об этом. Напрочь, Софи. Даже после того, как собственноручно убил Аарона — я забыл, что именно он привел во дворец шамана. Демоны...

— Не терзайся, — повторила София твердо. — У тебя столько всяких дел, не удивительно, что ты забыл. Тем более, шаманство... Честно говоря, я всегда думала, будто это чистейшей воды шарлатанство.

— Я тоже так думал, пока предсказание одной шаманки не спасло мне жизнь в День Альганны.

— Что?.. — Глаза Софии удивленно блеснули, и Арэн принялся рассказывать ей о том, что тогда случилось, и благодаря чему он выжил.

Братец Аарон... Интересно, сколько еще времени следы этого паука будут попадаться ему на пути — то здесь, то там?..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В воскресенье София проснулась первой, еще до рассвета, когда небо за окном только начинало светлеть, превращая мир из черно-белого в цветной.

Арен лежал рядом, на спине, и дыхание его было размеренным и спокойным. Сама же София спала, примостив голову у него на плече, и обнимала одной рукой, ощущая, как под ладонью бьется его сердце.

Только бы не проснулся, почувствовав ее эмоции. Пусть еще отдохнет, он ведь так мало отдыхает... И сегодня вечером хорошо бы перенестись куда-нибудь подальше от столицы, на природу, чтобы Арен хотя бы немного глотнул свежего воздуха, а то не видит толком ничего, кроме дворца.

Ночью София долго не могла уснуть, все думала о том, что рассказал ей император. И не только о том, что произошло в День Альганны, но и о шаманстве.

София практически ничего не знала о шаманах. Нет, даже не практически, а совсем ничего. Иногда читала заметки в газетах об арестованных шаманах-мошенниках, пару раз слышала от знакомых, что с ними лучше не связываться — себе дороже, — а уж что такое эта «шаманская магия», и вовсе не представляла. Люди, не обладающие энергетическим контуром, творят магию — это было слишком невероятно. Каким образом? Любое заклинание — это формула, уравновешенная и закрепленная магической силой, без силы формула не сработает, без формулы сила будет просто силой, не обладающей вектором. А шаманы как магичат? У них ведь нет энергетического контура, соответственно, нет и силы.

Странно это все. Если бы действительно был какой-то способ научиться магии не-магам, разве не открыли бы уже школы, не начали бы учить детей подобному мастерству? Однако даже император не представлял, как шаманы колдуют, да и можно ли это назвать колдовством в принципе?..

Еще София вспоминала, как Арен долго вглядывался в ее глаза, ощущая его невероятную по силе нежность, а потом тихо сказал:

— Счастье мое, я не смогу приходить к тебе каждый день. Я должен...

Она перебила его, прижавшись крепче, погладила по груди, чувствуя боль и горечь — то ли свою, то ли чужую, давно было не разобрать, не разделить:

— Не надо, не говори ничего. Я все понимаю.

— Защитник, — прошептал Арен, целуя ее волосы, — как же мне повезло с тобой, Софи. И как бы я хотел, чтобы все было иначе, и мы могли бы не прятаться, не лгать...

— Я бы тоже этого хотела. Но в том, что нам приходится это делать, нет ничьей вины. И я никогда не стану упрекать тебя в том, что ты не можешь изменить. Даже если у тебя не получится жениться на мне — это неважно, правда. Я просто хочу быть с тобой. В любом статусе, лишь бы рядом.

— Я люблю тебя, Софи, — сказал Арен серьезно, вновь вспыхивая пламенем, приподнял ее голову за подбородок и поцеловал в губы — нежно, но крепко, будто печать ставил. — Ты — моя любимая. Моя единственная.

— Это самый лучший статус, — улыбнулась София, целуя его в ответ.

Сейчас, вспоминая эти мгновения, она вновь улыбалась, хотя причин для улыбок на самом деле было немного. Особенно когда она представляла свои одинокие вечера в те дни, когда Арен будет вынужден оставаться у Виктории. И не просто оставаться...

Когда София представляла, как Арен целует жену, ей становилось тошно. Нет, не из-за ревности — просто она безумно жалела императора, который должен исполнять супружеский долг, хоть и не хочет этого. Что там София! Ей не нужно спать с мужчиной, которого она не любит. А вот Арену необходимо спать с Викторией. И кто сказал, будто мужчинам все равно, кто именно находится в постели? София чувствовала — императору

не все равно. Он не желал проводить время с женой, но он был обязан делать это. И раздери ее демоны, если она хоть раз упрекнет его в этом или будет обижаться на то, что Арен спит с Викторией! Никогда, ни за что на свете.

— Ты что так пыхтишь? — прошептал он вдруг, поворачиваясь к Софии лицом, и улыбнулся, открывая глаза. — И эмоции такие... словно возмущенные. Что случилось?

— Я тебя разбудила, — посетовала девушка — и охнула, когда Арен неожиданно лег на нее и начал осыпать невесомыми и очень нежными поцелуями ее грудь. — М-м-м...

— Эти эмоции мне нравятся больше, — засмеялся он, лизнув розовую вершинку. — Гораздо больше, Софи. Давай-ка попробуем сделать их еще более выраженными и... сладкими.

— Сла... м-м-м...

Она совершенно забыла, что хотела сказать или спросить, уже через несколько секунд, распластавшись на постели, постанывая и выгибаясь под сильным и крепким телом Арена, который одновременно и целовал ее губы, и ласкал грудь, и двигался внутри нее, вспыхивая ярким пламенем при каждом движении, и шептал что-то неразборчиво-нежное, склоняясь к уху и щекоча горячим дыханием висок.

Софии действительно было сладко. Очень-очень сладко, и безумно приятно — везде-везде, даже пальцам на ногах, но особенно приятно было там, где Арен соединялся с ней. А еще — в душе, которая трепетала от любви, обнимая другую душу и сливаясь с ней в едином бессмертном сиянии.

Императору уже давно не было настолько хорошо. А все из-за того, что он провел с Софией ночь и утро, наполняясь ее любовью и отдавая девушке собственную. Вот, оказывается, что имел в виду отец, когда рассказывал о любви и ее влиянии на эмпатов. Арен никогда не верил, что подобное возможно — ощущать себя единым целым с другим человеком, — но теперь он знал, что это правда.

Только бы не потерять. Только бы София всегда была рядом с ним.

К сожалению, совсем «всегда» не получалось — утром пришлось расстаться. На этот раз Арен не мог задерживаться, и так накануне не успел просмотреть документы у себя в кабинете, если он еще и сегодня будет бездельничать — потом не откопается. Так что в шесть утра император, расцеловав Софию с ног до головы, из-за чего она начала звенеть от удовольствия и звонко смеяться, дергая и ногами, и руками, отправился в собственный кабинет — и до восьми не поднимал головы, изучая оставленные секретарем документы.

Без пятнадцати восемь Арен, поколебавшись пару мгновений, все-таки перенесся в спальню Викторией, не желая провоцировать жену на лишнюю ревность, и разбудил ее.

— Я пойду к детям, — сказал он, не подходя к постели — не желал, чтобы Виктория лезла с объятиями. — Ты умывайся и приходи к нам в столовую.

— Да, Арен, — ответила она покорно, и император сжал кулаки — Защитник, если выяснится, что на жене действительно что-то было по вине Аарона... Что ему тогда делать?!

Воскресить бы брата. А потом опять испепелить.

Сразу после завтрака Виктория ушла работать в оранжерею, а Арен, передав детей Софии и пару секунд полюбовавшись на ее счастливые глаза, перенесся в кабинет — на встречу с Гектором Дайдом.

— Я все жду, когда же настанет то время, в котором мне не придется встречаться с тобой каждый день, — пробормотал император, глядя на нахмуренного дознавателя.

— Надеюсь, что оно настанет, — буркнул Гектор, залезая в нагрудный карман ладонью, и поинтересовался: — Могу я закурить, ваше величество?

— Можешь.

Дайд опустился на диван рядом с Ареном и, затянувшись толстой сигарой, начал отчитываться:

— Задержанные по-прежнему молчат в тряпочку. Нет, кое-кто говорит, но не тот, кто нужен. Арвен играет в молчанку. Ваше величество... могу я попробовать зелье правды?

— Запрещенный прием, — хмыкнул император. — Пробуй.

Зелье правды действительно было запрещено официально, но Арен прекрасно знал, что порой нужные сведения добывались из подозреваемых с его помощью. К сожалению, панацеей оно не являлось из-за специфического запаха и вкуса — задержанные, как правило, относились к еде с подозрением, и старались не есть что-то сильно пахнущее, понимая, что так может быть замаскировано зелье правды. Кофе, в котором было идеально его прятать, и вовсе никто не пил.

— Вряд ли сработает, еще и в случае с Арвеном, но чем демоны не шутят... Что касается дальнейшего расследования — опросы служащих Императорского театра ничего не дали, пробуем внедрить пару агентов для слежки и наблюдения. Есть у меня версия... Хотя даже не версия, скорее, ощущение, что театр связан с Асириусом. Жена Арвена, кстати, сказала, что он очень любил ездить туда на спектакли — и с ней ездил, и отдельно. Театральный фанат, в общем. Само по себе это ничего не доказывает, но где-то здесь точно спрятана ниточка.

— А жена Арвена...

— Слишком недалекая, — Гектор покачал головой. — Самовлюбленная и не умная женщина. Арвен и женился-то на ней только из-за приданого — во времена его безоблачной юности Асириусы здорово разбазарили собственное наследство и срочно нуждались в притоке неосвоенных денег. Она тоже не поддерживает ваш закон, но доверять какие бы то ни было тайны подобной женщине — верх глупости, а Арвен не глуп. И вообще я думаю, что он собирался убить жену.

От удивления император чуть не подавился принесенным секретарем чаем.

— Что вас удивляет, ваше величество? Увы, это случается довольно часто.

— Я понимаю, — фыркнул Арен, осторожно делая глоток горячего напитка. — И все же — с чего ты взял?

— Чую. Как собака. Точнее, так было поначалу — я, как только пообщался с Брауни — так зовут жену Арвена — сразу подумал, что на его месте я бы ее уколошил, дабы не мешалась под боком. Неудобная она, как домашние тапочки на каблук. Я попросил на всякий случай наших лаборантов проверить всю ее аптечку, все таблетки, которые она пила. Проверили и обнаружили в одной микстурке от кашля — а Брауни Асириус страдает хроническим кашлем, последствия неудачного артефакторского эксперимента, — в общем, в этой микстурке оказалось повышенное содержание корофена. Это вещество там в принципе есть, но в микроскопических дозах. Увеличение дозы ведет к постепенному накоплению корофена в организме, из-за чего человек однажды просто-напросто не просыпается — останавливается сердце.

— Ловко. Но на что он рассчитывал в случае смерти супруги? На то, что дело не раскроют?

— Чтобы раскрыть дело, сначала надо его завести, — пояснил Гектор. — И я полагаю, что Арвен сразу после кончины благоверной договорился бы с патологоанатомом о поддельном заключении. Риск, но даже если бы у него не получилось... Доказать, что это он туда корофенчик закачал, а не она сама с собой покончила — задача не из легких. Дознаватели получили бы обыкновенный «висяк», и в итоге дело бы закрыли за давностью лет и отсутствием доказательств. Короче говоря, по нашим расчетам Брауни Асириус должна была прожить еще около трех месяцев, а потом все.

— Повезло ей.

— Угу, — хмыкнул Дайд. — Так, дальше... Ваню собирался об этом докладывать, но я решил сам, чтобы вам не тратить время на лишние совещания. Накануне вечером ее высочество Ванесса переносилась с охраной в соседний приморский город и

наведывалась к шаману.

Арен с громким стуком поставил чашку обратно на блюдце. И здесь шаманы!

— И зачем же?

— Мы пока не выясняли, а браслет она заглушила. Выяснить?

Поколебавшись, император покачал головой.

— Нет, я сам с ней поговорю. И вот еще что, Гектор... Помнишь ту шаманку, которая сделала предсказание о моей гибели незадолго до Дня Альганны?

— Еще бы я этого не помнил, — пробурчал Дайд. — Мне тот день до смерти будет в кошмарах сниться.

«Мне тоже», — подумал Арен, а вслух сказал:

— Найди ее и приведи во дворец.

— Сегодня?

— Не обязательно, можно и завтра. Но поскорее, не медли.

— Хорошо. Что мне ей говорить?

— Скажешь, что император хочет попросить ее о помощи, и за эту помощь ей неплохо заплатят.

Второй день Виктория работала в оранжерее, ощущая, как с каждой прошедшей минутой сердце все больше наполняется покоем.

Так было всегда — растения, да и животные, приносили ей спокойную и тихую радость. И когда императрица находилась в оранжерее, ей было проще не злиться, она быстрее остывала — злость словно уходила в землю, как лишнее электричество.

Теперь, вспоминая свое поведение, Виктория понимала, что чаще всего изначальная причина была пустяковой: разлитый горничной чай, немногословность мужа, переглядывания слуг, сломанный ноготь, плохое самочувствие... Ее могло вывести из себя что угодно, и главное, чего она никак не могла понять — почему скандалы и истерики доставляли ей удовольствие? Кричать, злиться и уж тем более швыряться посудой сейчас совершенно не хотелось. Она чувствовала лишь усталость и желание поплакать на чьем-нибудь плече, но единственным ее плечом был Силван Нест. Конечно, она плакала накануне в объятиях Арена, но при этом ощущала неловкость, чувство вины и стыд за то, что грузит его своей ерундой, когда он едва на ногах стоит. Наверное, из-за этого и слезы не приносили особого облегчения.

Виктория, вздохнув, взрылила магией землю возле красной льнянки — безумно капризного растения из Корго. Этот вид рос только в очень жарких местах с повышенной влажностью, и при этом терпеть не мог яркий солнечный свет, предпочитая низины и овраги. Ботаники оранжереи пытались вывести более светолюбивый экземпляр, но пока безуспешно.

Императрице неожиданно подумалось, что она сама во многом похожа на эту льнянку — красивое, но слишком уж капризное растение, которое способно увянуть от одного дуновения чуть более прохладного ветерка. «Проще выполоть», — хмыкал ведущий специалист оранжереи, и наверное, так бы и случилось, но у льнянки было много полезных свойств, поэтому участок с ней пока оставался невредимым.

Викторию тоже было бы проще выполоть, чем терпеть то, что она вытворяла последние восемь лет. Интересно, развелся бы с ней Арен, если бы у них не родились дети?

Сколько бы она ни думала, не могла найти ответ на этот вопрос. Будь Виктория на месте мужа, точно бы развелась, не в силах терпеть постоянные истерики. Но Арен ведь не она... У него совсем другой характер.

Вспомнив прошлое задание Силвана — записать свои радости, — Виктория вдруг подумала: а есть ли такие радости по отношению к ней у мужа? Она сама смогла вспомнить больше пятидесяти пунктов, несколько листов исписала, улыбаясь и всхлипывая от желания все это повторить.

Смог бы Арен вспомнить о ней хоть что-то хорошее? И на этот вопрос у Виктории никак не получалось найти ответ. Дети — да, но кроме них? Есть ли что-то кроме них?

«Я не припомню, чтобы ты хоть что-то делала ради меня».

Всего несколько дней назад она страшно обижалась на Арена за эти слова, но теперь они казались ей вполне справедливыми. Нет, не то, чтобы она совсем ничего хорошего не делала или желала причинить мужу боль, просто никогда не задумывалась о том, что ему на самом деле нужно. По-настоящему — никогда. Хотя раньше она считала, что это не так, но...

Виктория на секунду зажмурилась, пережидая приступ досады на себя. Она хотела, чтобы Арен любил ее, и этой цели были посвящены все ее поступки. И именно этот пункт она внесла первым в список желаний накануне вечером, понимая, что должна быть честной перед собой, если хочет получить положительный результат от сеансов с Силваном.

«Я хочу, чтобы муж меня любил».

Виктория долго смотрела на эти слова, чувствуя, как в глазах вскипают слезы обиды. Не на Арена — на себя. Она так желала добиться взаимности, так мечтала об этом и так разочаровывалась из-за неудач, что совершала одну глупость за другой. Самой большой глупостью, разумеется, была ее «дружба» с Аароном, который делал все возможное, чтобы подогревать в ней ревность и обиду. И Виктория шла за ним, как корова на бойню, слушала его, полагая, что уж брат мужа-то не станет обманывать! Что уж ему-то незачем к ней подлизываться и искать ее расположения, как нетитулованным магам.

Дура.

И на фоне этих рассуждений ответ на вопрос Силвана, любит ли она мужа, не казался теперь настолько абсолютным. Только в чем тут дело, Виктория пока не могла понять.

Накануне, быстро расспросив Анну с Арчибальдом, император выяснил, что брат с сестрой действительно теперь чувствуют эмоции Софии более приглушенными, нечеткими, а иногда — видимо, если девушка не ощущала ничего особенного, — они и вовсе пропадали. А вот Агата не заметила никакой разницы, и это было странно. То ли она просто еще не понимала, то ли дело в чем-то другом. В любом случае на эту тему надо бы посоветоваться с Роном и Эн.

На обед Арен еле вырвался — несмотря на то, что сегодня было воскресенье, дел оказалось не меньше, чем в будний день. Впрочем, у императора это случалось довольно-таки часто, и он уже подумывал о том, чтобы перенять опыт Альтаки и ввести в стране должность канцлера, передав ему хотя бы часть своих полномочий. Но пока это были лишь мечты.

Обед прошел мирно, Виктория даже радовалась — она была спокойной, только слегка задумчивой, но охотно смеялась над шутками Арчибальда и несколько раз обратилась к Софии, и не с колкостями, а с обычными человеческими вопросами. Улыбалась, слушая ответ, и в эмоциях ее не было ничего раздражающего. Хорошо бы и дальше она так вела себя — это точно лучше, чем бесконечные скандалы. Хотя при мысли о том, что на жене могло быть какое-то шаманское заклятье, Арена начинало мутить от злости и бессилия. Демонов Аарон, сжечь бы его еще раз!

Делегация из Альтаки явилась на совещание сразу после обеда, и теперь в ее составе присутствовал принц Огден, младший сын короля Фредерика. Арен хорошо его помнил, и вообще ему нравился этот молодой человек. Высокий и светловолосый, с упрямым тяжелым подбородком, характером он напоминал прямолинейного Арчибальда. Принц Огден тоже был охранителем, только относился не к передовым отрядам, а к целительской службе.

— Ваше величество, — поклонились вошедшие в малый зал для совещаний, и Арен кивнул.

— Садитесь.

Выглядели все четверо посетителей невозмутимо, но император ощущал, что от волнения их просто выворачивает, поэтому поставил эмпатический щит и, посмотрев на чуть бледного Огдена, сказал:

— Я слушаю, ваше высочество.

Следующие полчаса Арену старательно расписывали все прелести будущих торговых договоров между Альганной и Альтакой. Договоры действительно были очень заманчивыми, и император точно знал, что глава Комитета торговли от подобных перспектив будет на седьмом небе от счастья, но...

— Все это прекрасно, — произнес Арен, когда Огден на секунду замолчал и, кашлянув, потянулся к стакану с водой. — Но я полагаю, точно такие же послабления по ценам на ваши товары посулят мне принцы Теден и Грегор взамен на мою поддержку. Или я не прав?

Несколько секунд альтакцы молчали, а затем принц кивнул.

— Правы, ваше величество.

— Тогда почему я должен поддерживать именно вас? — усмехнулся император, глядя Огдену в глаза. Прямой взгляд Арена редко кто выдерживал, но младшему сыну Фредерика это удалось.

— Вам не нужна сейчас гражданская война под боком, — ответил Огден твердо. — Только не сейчас, когда в Альганне тоже существует угроза начала чего-то подобного. А мои братья не успокоятся, пока не убьют один другого. И эти распри навредят не только моей стране, но и вашей.

Арен согласно наклонил голову.

— И все-таки, — продолжал император по-прежнему с легкой усмешкой, — не будет ли мне проще поддержать кого-то из старших, а соответственно, более сильных магов, чем вас? В таком случае устранять придется только одного из них, тогда как в случае с вами — обоих.

Канцлер Альтаки обеспокоенно заерзал на стуле, но промолчал, прекрасно понимая, что не стоит подсказывать Огдену. Он все-таки был опытным политиком и осознавал, что король должен уметь отстаивать интересы своей страны самостоятельно, без подсказок.

— Дело не в количестве, а в качестве, ваше величество. Я один стою больше, чем двое моих братьев.

— Похвальная уверенность, — хмыкнул Арен. — Но с чего вдруг?

— Их не интересует ничего, кроме собственных амбиций. Теден и Грегор по сути — дети, а моей стране не нужен ребенок на троне. И вам он тоже не нужен, потому что дети склонны к безрассудным поступкам.

— У них есть хороший воспитатель, — пожал плечами император, откровенно веселясь, но сохраняя невозмутимое выражение лица. — Вон он, сидит за вашей спиной.

Арен почти услышал скрип зубов принца.

— Канцлера поменять гораздо проще, чем короля.

— Это верно.

— И никто не гарантирует, что на место Остина Фокса не придет тот, кто захочет развязать новую гражданскую войну. — В голосе принца уже слышалось нетерпение. — И мы...

— Ладно, — прервал его Арен, поняв, что так можно дискутировать еще долго, а у него не настолько много свободного времени, — ответьте мне вот на какой вопрос. Что есть у вас, чего нет у ваших братьев?

Огден озадаченно молчал, слегка хмурясь.

— Вы... — Он сглотнул. — Имеете в виду брачный контракт?

— Разумеется.

— И... для кого?

— У меня есть племянница, — сказал император спокойно. — Анастасия очень милая девушка, и на мой взгляд, в Альтаке ей будет гораздо лучше, чем здесь. Используйте свою помолвку с ней и мою поддержку для осуществления государственного переворота после смерти короля Фредерика. При этом, — Арен чуть повысил голос, заметив, что Огден намеревается что-то сказать, — сама помолвка будет длиться как минимум год, и если по истечению этого времени моя племянница не захочет выходить замуж, вы не будете ее заставлять. За год вы успеете закрепиться на троне, и в том случае, если Анастасия примет отрицательное решение, вам это уже не сильно навредит.

Принц вздохнул. Арен прекрасно понимал его чувства — ведь он сам женился не по любви. Однако жениться Огдена пока никто не заставляет.

— Я понял, ваше величество.

— Прекрасно. Что ж, давайте теперь обсудим детали...

Императрица пришла в детскую около пяти часов вечера, когда София, Агата и Александр только вернулись с прогулки — румяные, веселые и вдоволь наигравшиеся сначала в прятки, а потом в догонялки. На этот раз София убегала, а наследники догоняли, и она впервые за последний месяц так заигралась, что совершенно не обращала внимания на охрану.

Вместо Дэйва теперь работал другой охранник — Картер, бывший старший охранник императора. И каждый раз, когда София смотрела на него, ей становилось немного не по себе — она вспоминала, как Дэйв пытался применить нейтрализатор, как у него не получалось, и как он просил за это прощения. Софии было очень жаль, что он не выжил. Конечно, не он один — двести шесть человек — но остальных она не знала.

Виктория расцеловала счастливых детей и только открыла рот, чтобы что-то сказать Софии, как Агата воскликнула:

— Софи, а сегодня ты будешь учить нас рисовать?

Девушка фыркнула.

— Ты очень похожа на своего папу, Агата, — заметила София и сразу запнулась, побоявшись, что это спровоцирует у Виктории вспышку ревности, но императрица лишь засмеялась.

— Согласна, вылитая.

Агата опустила лукавые глаза, а Александр громко сказал:

— Так это же холосо!

— Безусловно, — кивнула София и обратилась к Виктории: — Хотите порисовать, ваше величество?

— Да, конечно.

Через несколько минут, усадив посередине стола одну из кукол Агаты — смешную девочку с двумя темными косичками в ярко-красном платье с оборками, — София смотрела, как ее подопечные пытаются изобразить что-то на листке бумаги и улыбалась атмосфере всеобщего усердия. А еще — результату, который она уже видела. Виктория действительно старалась запоминать все, что говорила София, и теперь пыталась

воплотить это в жизнь. Получалось пока так себе, но ведь только второй урок!

— Вы делаете успехи, ваше величество, — сказала София с удовольствием, и императрица подняла на нее удивленные глаза.

— Да? Ты правда так думаешь? — Она чуть порозовела и добавила: — Вы правда так думаете, Софи?

— Правда. И... — Она мгновение поколебалась, но все-таки предложила: — Вы можете называть меня на «ты», ваше величество. И ваш муж, и Агата, и Александр уже давно...

— Я знаю, — перебила ее Виктория, но без всякой агрессии. — Дело не в том, что я... Ну... В общем... — Она вздохнула и призналась: — Мне всегда было неловко называть на «ты» людей, которые говорят мне «вы» и «ваше величество». Арен по этому поводу не страдает, а я как-то...

София так удивилась, что даже не нашлась с ответом. Вместо нее ответила Агата:

— Мам, а давай Софи тоже будет называть тебя на «ты» и по имени! Это ведь совсем просто!

Девушка, не выдержав, уперлась кулаками в стол, боясь рухнуть от удивления. А императрица между тем отвечала:

— Да я не против, Агата. Но думаю, Софи будет неловко. Да?

Большие голубые глаза были широко распахнуты и казались абсолютно искренними — как небо в ясный солнечный день, без единого облачка. Защитница... что же с ней такое было раньше?..

— Будет неловко, — подтвердила София, все-таки опускаясь на стул по соседству — ноги не держали. — Но я могу попробовать, если вы хотите.

— Ты! — сказала Агата, подняв вверх остро заточенный карандаш, и глаза ее светились от лукавства, и она в этот миг была так похожа на Арена, что София умилилась.

— Хочу, — Виктория кивнула, тоже посмотрев на дочь, и улыбнулась. — Маленький манипулятор.

Девочка хихикнула и вновь склонилась над своим рисунком.

«Наверное, зря я согласилась», — подумала София, глядя на то, как императрица пытается изобразить тень на столе под куклой. Она не очень представляла процесс называния Виктории на «ты», но и обижать ее и детей отказом не хотела.

Интересно, что на это скажет Арен? Хотя он наверняка будет рад чему угодно, лишь бы без скандалов, ревности или злости. И если для этого Софии надо подружиться с Викторией — что ж, она с ней подружится. Так будет лучше для всех, особенно для детей, которые не должны переживать из-за негативных эмоций матери. И неважно, на кого эти эмоции направлены — на Арена, Софию или других окружающих. Лучше, чтобы Виктория была спокойной и счастливой.

София, вздохнув, встала из-за стола и подошла помочь с рисунком Алексу. Да, и к такому она была готова, когда принимала решение об отношениях с императором, но... это все равно было тяжело.

Очень.

Ближе к вечеру, закончив все дела на сегодня, император перенесся на юг, в принадлежащий брату особняк, где сейчас отдыхали Ванесса и Анастасия. Ему нужно было поговорить с обеими, но если разговор с Тасси вполне мог подождать пару дней, то с Ванессой нужно было разобраться поскорее.

Арен предупредил ее, что зайдет, и поэтому построил лифт сразу в комнату жены брата, а когда его стены растворились, увидел Ванессу застывшей возле окна спиной к нему. Император усмехнулся — конечно, не заметить пространственный лифт Несс не могла,

но не сочла нужным оборачиваться. Эмоций ее он совсем не ощущал, и наверное, к лучшему.

Арен подошел ближе, почти вплотную, невольно отметив, как напряглась спина женщины под тонким шелком летнего платья, и услышал негромкий вздох, а затем — чуть дрожащий голос:

— Знаешь, что я ненавижу в тебе больше всего?

Он застыл рядом, не касаясь, и спокойно ответил:

— Думаю, то, что внешне я похож на Аарона.

Ванесса всхлипнула.

— Да. Не могу... хочу на тебя посмотреть... И не хочу тоже... Ты похож на него, да, но ты — не он.

Арен молчал, по-прежнему не касаясь ее и выжидая.

Она еще раз всхлипнула и, задрожав с ног до головы, обернулась, зажмурив глаза и прижимаясь к нему, вцепляясь пальцами в рубашку, запуская ладони в волосы и тихо вздыхая.

Арен знал, что волосы его на ощупь такие же, как у Аарона. Это ему говорила еще мама.

— Испепелишь? — прошептала Ванесса с отчаянием, утыкаясь лбом ему в грудь. — Да?

— А ты этого так хочешь? — Император чуть отстранился и, взяв жену брата за затылок, заставил посмотреть на себя, чувствуя, как его начинает захлестывать ледяной яростью. — Хочешь, чтобы я убил и тебя тоже? Не желаешь жить и ради своего ребенка?

Она молчала — только глаза заполнялись злыми слезами.

— Это ведь была ты, Несс, — продолжал Арен, сильнее отклоняя ее голову назад, и она разжала руки, выпустив его волосы и сжимая пальцами плечи. — Ты поставляла информацию Вамбусу. Ты украла конфету из коробки Анастасии, начинила ее ядом и отдала Виго. Ты сделала вид, что тебе плохо, упав в обморок возле детской, чтобы дать ему возможность проникнуть туда через комнату Софии. И это ты рассказала про то, что Агата поедет на выставку в Императорский музей.

Ванесса застонала от боли, пытаясь освободиться из захвата, дергая головой, но Арен лишь крепче вцепился в ее затылок, одновременно с этим оттесняя к стене возле окна.

— Зачем ты ходила к шаману? — спросил он, ощущая такую жуткую по силе ярость, что чуть не вспыхнул пламенем, сдержавшись в последнюю секунду. — Говори, Несс.

— Арен... — она заплакала, и он повторил с холодной сдержанностью:

— Говори.

— Я просто хотела найти Адриана, — пробормотала Ванесса, дрожа и всхлипывая. — Дознаватели не могут, ты не можешь, и я подумала... Вдруг шаман... Но он тоже не смог. Сказал только, что на севере...

— Это я знаю и без шаманов, — процедил Арен, вглядываясь в глаза жены брата и пытаясь понять, врет она или нет. Защитник, и ведь даже зелье правды на нее сейчас не подействует — ребенок брата заглушит его, сожжет, как любой Альго. Но как-то нужно достать информацию. — И все? Ты только поэтому приходила к шаману?

— Да, — шепнула она, не отводя взгляд, и попыталась оттолкнуть его — сначала ладонью, а потом, словно вспомнив, что она вообще-то маг, и неплохой — родовыми молниями. Заискрила ими, направляя Арену в грудь, и ее защекотало, засадило от боли.

Глупо.

Он, усмехнувшись, нажал большим пальцем в центр лба Ванессы, блокируя всю ее магию, в том числе родовую, и она вскрикнула от неожиданности, чуть не осев на пол. Попытался внушить мысль рассказать то, что знает, о заговорщиках — но внушение прошло насквозь, не задержавшись в сознании, как всегда бывало в том случае, если человек категорически не желал совершать внушаемое.

Что ж, придется действовать иначе.

— Знаешь, что я думаю? — сказал император, прижимая Ванессу к стене и хватая ладонью за горло — так, как он держал Аарона в День Альганны. — Думаю, мне пора перестать быть снисходительным ко всем вам. Адриан... найти его на севере не составит труда, а затем... полагаю, из него получится хороший охранитель. Передовые отряды будут счастливы получить в вечное пользование еще одного Альго.

— Ты... — Она, задыхаясь, пыталась отнять его руки от своей шеи. — Ты же не сделаешь этого, Арен! Он не замешан!

Голос Ванессы звучал глухо, прерывисто, и только глаза отчаянно блестели.

— Назови мне хотя бы одну причину, почему нет, — хмыкнул он со злостью. — Почему я должен жалеть твоего сопляка? Или тебя, Несс. Тебя... — Он сильнее сжал пальцы, отчаянно желая придушить ее и при этом изо всех сил сдерживаясь. — Женщину, которая хотела убить мою дочь.

Холодная, липкая волна страха. Надо же, значит, эмоции настолько сильные, что их не смог сдержать даже ребенок брата. Это хорошо.

— Ты не такой. Ты...

— Не такой, как твой муж? Это верно.

Арен, отпустив себя, вспыхнул пламенем — и Ванесса задрожала от ужаса, захрипела, дергаясь и пытаясь вырваться. Несмотря на то, что огонь не причинил ей боли — она все равно боялась, потому что знала: император никогда раньше не вспыхивал, он идеально контролировал себя. В отличие от Аарона, который всегда начинал полыхать, если злился.

— Я не буду строить заговоров, Несс, — сказал Арен с ледяной яростью, глядя ей в глаза, где отражался сейчас его огонь, — не стану лицемерить. Но испепелить... Нет. Я знаю, ты хочешь смерти, я чувствую это с тех пор, как убил Аарона. Но я не дам тебе ее.

— По...чему? — прохрипела она, и он усмехнулся.

— Потому что это будет слишком милосердно для тебя. Слишком просто. — Арен провел большим пальцем по ее шее и чуть ослабил хватку, заметив, что Ванесса начала синеть от удушья. И страх ее усилился настолько, что императора от него даже затошнило. — Есть вещи гораздо более ужасные, чем смерть, и тебя надо бы с ними познакомить. И не только тебя. Твой старший бездельник отправится на север в качестве охранителя, и ты его больше не увидишь. Не увидишь ты и Анастасию. Султан Корго давно просит у меня ее... хм, руки. Хочет сделать своей пятой женой. Думаю, пора ответить согласием и укрепить наши связи.

— Ты не сделаешь этого, не сделаешь... — сипло пробормотала Ванесса — и заплакала, когда Арен вновь сильнее сжал ее шею. Лицо жены брата было мокрым от слез, на лбу виднелись бисеринки пота.

— Проверим? Да, кстати... Я же ничего не сказал про тебя. Что ж, пока тебе повезло — будешь коротать дни в своих покоях до родов, а потом... — Он расслабил руки, почти отпустив ее. — Посмотрим на твое поведение.

Ванесса моргала, глядя на императора со страхом, который ворочался в его груди холодной влажной змеей, и Арен чувствовал себя так гадко, будто его только что вырвало.

— Что... ты... хочешь... от меня? — прохрипела она, с трудом выталкивая из себя каждое слово. — Ты... злишься...

— Злюсь? — Император поднял брови. — Нет, Несс. Я в ярости. И я бы убил тебя, если бы не твоя беременность. Пусть даже это слишком милосердно, но я бы тебя убил.

— Я... — начала Ванесса, но он ее перебил:

— Через некоторое время к тебе придет Гектор. Все ему расскажешь, ответишь на все вопросы. Потом тебя под конвоем доставят во дворец и запрут в покоях. Блокировку магии я, естественно, не сниму. Ты все поняла?

Она кивнула, закусив губу.

— И если Гектор хоть одним словом выразит недовольство по поводу искренности твоих ответов... — Арен вновь сжал ее шею, заставив женщину захрипеть. — Тогда я попрошу его использовать другие методы получения информации. Как думаешь, среди подопечных Дайда нет ли преступников, которые мечтают поиметь принцессу?

Вновь волна липкого страха. Поверила. Это хорошо. Значит, будет говорить.

Император наконец разжал руки и отошел на шаг назад, глядя на бледную, словно мел, жену брата. Теперь остается надеяться на ее разумность — и на то, что Гектор сможет добыть из Ванессы нужные сведения.

Защитник, как же тошнит. И от нее, и от самого себя.

— До встречи, Несс.

Он уже был у двери, когда она прохрипела:

— Арен!

Обернулся.

Ванесса стояла возле окна, держась за шею — на коже уже наливались синим следы от его пальцев, — и смотрела на императора. И в глазах ее почему-то не было ненависти.

— Спасибо, — прошептала она, — что не убил.

Он не ответил — просто молча вышел из комнаты.

Разговор с Анастасией не занял много времени. Племянница быстро поняла, что не обязана выходить замуж за Огдена, если он ей не понравится, и это для нее было главным.

— Я понимаю, дядя Арен, — сказала она, грустно вздохнув. — Ты считаешь, мне в Альтаке будет лучше, чем здесь.

— Это не факт, Тасси. Но если тебе там не понравится, ты всегда можешь вернуться. И соответственно, если тебе приглянется кто-то другой, а не Огден...

— Я поняла, — она засмеялась, глядя на него, и вдруг запнулась, нахмурившись. — Дядя Арен... что-то случилось? Ты какой-то грустный.

— Все в порядке, — ответил император, понимая, что не в силах сейчас рассказывать ей про Ванессу, но это было необходимо сделать. — Просто я кое-что выяснил. Про твою маму.

Анастасия побледнела.

— Про... маму?

— Да. Она участвовала в покушении на Агату. В обоих покушениях.

Племянница бледнела все сильнее, распахнув глаза в немом ужасе.

— Поэтому она больше не выйдет из комнаты. Сегодня ее вернут во дворец и запрут в

покоях. До родов она будет сидеть там, а после... посмотрим.

— Дядя Арен! — воскликнула Тасси, словно задыхаясь. — Я... я должна сказать! Я...

— Я понимаю: ты что-то видела тогда, когда Агату отравили, — произнес Арен устало. — Поэтому и расстраивалась. Но Гектору не рассказала, боясь потерять вдобавок к отцу еще и мать.

Анастасия всхлипнула и расплакалась, кивая и пряча лицо в ладонях.

— Я не буду тебя наказывать. Хотя стоило бы, но... — Арен усмехнулся. — У меня уже сил на это нет.

— Дядя Арен! — Племянница бросилась ему на шею, обняла и прошептала с отчаянием: — Прости! Пожалуйста, прости меня! Мама... она просто попросила посмотреть коробку конфет и взяла одну, но я не видела, чтобы она ее ела... Пожалуйста, прости!

Император аккуратно отцепил Анастасию от себя и холодно сказал:

— Я не могу тебя простить. Речь идет о жизни моей дочери, Тасси.

— И моей мамы... — шепнула девушка, покорно и виновато повесив голову. — Я боялась, что ты...

— А что твоя мама убьет Агату, ты не боялась? Двести шесть человек, Тасси! И все это — благодаря тому, что Ванесса дала информацию о посещении выставки моей дочерью. Двести шесть жизней — цена за твое молчание.

Она всхлипнула и вновь потянулась к Арену.

— Дядя...

Он сделал шаг назад, качая головой.

— Не надо. Просто никогда больше не покрывай преступников.

После того как Виктория и дети вдоволь нарисовались, София решила навестить маму, к маме и сестрам. Связалась с Ваной — и обрадовалась, выяснив, что у него как раз на сегодня все и он может прийти к ним в гости.

В результате поужинала она не во дворце, а дома, с родными, смеясь над рассказами сестер о детском саде и школе и улыбаясь обеспокоенным взглядам Вагариуса. Как бы она хотела, чтобы в них не появилось презрение и осуждение... но это неизбежно. Рано или поздно Ваню все поймет — и осудит и ее, и Арена, не сдержавшего слово.

Но пока София наслаждалась разговорами со своим дедушкой, договариваясь о встрече после работы на завтра. Ваню очень надеялся, что ей удастся почувствовать проснувшуюся родовую магию и научиться создавать кровный щит. Софии тоже очень хотелось бы этого, но пока подобное казалось девушке слишком уж чудесным.

Во дворец она вернулась около десяти вечера и, приняв душ, села за рисование, то и дело косясь на камин и ожидая Арена всем сердцем.

Сегодня император впервые не хотел идти к Софии. Идти к ней значило принести вместе с собой всю мерзость, поселившуюся в его душе после разговора с Ванессой, вылить и на Софию эти помои, расстроить ее. Арен не желал ее расстраивать, но и не идти к ней он тоже не мог. Они и так почти не видятся, а если он еще начнет пропускать встречи из-за плохого настроения, придется и вовсе от них отказаться, потому что настроение ему портят постоянно.

«Спасибо, что не убил». Конечно, Ванесса благодарила его не за себя, а за своего ребенка — сама она давно хотела смерти. Арен чувствовал это со Дня Альганны. Когда он пришел в комнату Ванессы после убийства брата, она начала швыряться в него родовыми молниями, крича обвинения и надеясь, что ее он тоже испепелит. Но как он мог испепелить беременную женщину? Кроме того, тогда она была ни в чем не виновата. И Арен терпел ее истерику, терпел и молчал, ожидая, пока она успокоится и перестанет

кидаться молниями. Он даже щит не ставил, желая, чтобы Несс причинила ему боль — думал, что боль физическая, возможно, немного уменьшит душевную.

Никто не понимал, насколько тяжело далось ему убийство брата. Никто не знал, как он сам чуть не умер в тот день, и как потом почти не спал несколько ночей, глядя в огонь.

Тогда Арена спасли дети — только в присутствии Агаты и Александра ему становилось легче. И еще работа, конечно. Работа всегда помогала.

Выстраивая пространственный лифт, чтобы перенестись обратно во дворец после встречи с племянницей, император вспоминал свой утренний разговор с Гектором.

— Ваше величество, завтра с моря возвращаются их высочества Ванесса и Анастасия... — протянул Дайд тревожно, и Арен подтвердил:

— Верно.

— Я хотел узнать — они так и будут продолжать обедать с вами?

— Считаешь это небезопасным?

Дознаватель кивнул и пояснил:

— Я полагаю, именно ее высочество Ванесса поставляла информацию последователям вашего брата. И не только информацию... Думаю, яд для конфеты тоже она изготовила.

— Почему ты так считаешь? — поинтересовался Арен, не удивившись — он уже давно думал об этом.

— Как говорил один из моих преподавателей: «Слишком много совпадений не бывает». Совпадение первое — снотворное с дуотоксином. Во время обыска я обратил внимание на одну странность — пузырек с лекарством стоял близко к дверце шкафа, как будто его только что брали, хотя этого не могло быть, ведь Ванессе нельзя сейчас пить такие сильные средства. Совпадение второе — ее обморок возле детской выглядит, как типичный отвлекающий маневр. Особенно с учетом того, что больше в обмороки во время этой беременности она не падала — ни до, ни после. И наконец, совпадение третье — ее желание уехать на море, захватив с собой Адриана и Анастасию. Как раз аккуратно перед вторым покушением на Агату. По отдельности это все не выглядит подозрительным, но вместе...

— Да, Гектор, — сказал Арен и горько усмехнулся, — я думаю, ты прав. Что ж, я поговорю с ней сегодня, и если все получится, пришлю к ней тебя.

— Хорошо, ваше величество.

Получилось или нет, император пока не знал, ожидая отчета Дайда о допросе. Но ощущение после разговора с Ванессой осталось преотвратное — его словно накормилидохлыми змеями.

Императору стало немного легче, как только он перенесся в детскую. Невозможно было не улыбнуться, глядя на то, как Агата и Александр носятся друг за другом по комнате и чуть ли не на голове стоят.

— Ох, Арен! — воскликнула ярко-малиновая Виктория, заметив вышедшего из камина мужа. Она была такой растрепанной, будто бегала по детской кругами не меньше часа. — Наконец-то! Помоги мне!

Арен поймал Алекса и, подбросив его повыше, отчего мальчик захохотал, спросил:

— И что здесь такое происходит? Хулиганите?

— Не-е-е! — протянул Алекс весело, а Агата, прижавшись щекой к животу императора, невозмутимо заявила:

— Мы балуемся, потому что завтра начнется учеба и будет уже некогда! — Он засмеялся, а дочь продолжала: — Папа, папа, а покидай меня, как Алекса! Я тоже хочу!

— Тебя покидать? — Арен хмыкнул, подбросив наследника вверх в последний раз, а затем поставил его на пол и подхватил на руки Агату. — А ну-у-у, держись!

Она визжала и хохотала, дрыгая ногами, и император тоже улыбался, глядя в счастливое лицо дочери, и, закрытый наглухо эмпатическим щитом, совсем не замечал, с какой нежностью смотрит на него Виктория.

Уложить детей спать удалось с огромным трудом и только после того, как Арен долго, упорно и обстоятельно читал им книгу. И Агата, и Александр отчаянно боролись со сном, не желая, чтобы наступал завтрашний день, когда им обоим вновь придется не отдыхать, а учиться — но в конце концов сдались и уснули.

— Арен... — прошептала Виктория, выходя из спальни. — Ты... — Она смотрела на него словно с тревогой. — Ты выглядишь очень уставшим. Тебе бы отдохнуть...

Император криво улыбнулся и поднял жену на руки, шагая в камин.

— К сожалению, пока это невозможно, Вик.

Он строил пространственный лифт, а она стояла рядом и легко поглаживала его ладонями по груди. Прикосновения не были навязчивыми, но Арену все равно было неприятно.

Выйдя из лифта в комнате Виктории, он поставил жену на пол и произнес, отпуская ее и делая шаг назад:

— Я хочу предупредить тебя насчет завтрашнего дня. Гектор приведет во дворец одну шаманку, и я желаю, чтобы она тебя посмотрела.

— Шаманку? — Виктория удивленно и непонимающе хлопала глазами. — Посмотрела?.. Но... зачем?

— Может, и незачем. Не знаю. Помнишь, восемь лет назад тебя тоже смотрел шаман? Его приводил Аарон. И с учетом последних событий... мне хотелось бы убедиться в том, что этот человек говорил правду.

— Аарон? — повторила жена почему-то испуганно. — Да, тогда действительно лучше перепроверить, мало ли.

Арен слегка развеселился, хотя веселого тут вообще ничего не было.

— Что я слышу, Вик? Я-то думал, ты до сих пор обожаешь моего брата, и даже понимаешь, почему он хотел меня убить.

С лица Виктории вдруг схлынули все краски, и глаза из голубых словно стали прозрачными, и вся она поблекла, посерела.

— Арен... — выдохнула жена, отчаянно заломив руки. — Я говорила это, да? Я не помню... Если говорила — прости!

— Забудь, это уже неважно, — сказал император, жалея, что вообще упомянул те ее слова — все равно что бить лежачего. — Я не сержусь. И... — Он запнулся, потому что Виктория сделала шаг вперед, обняла его и прижалась влажными губами к щеке, забираясь ладонью под ворот рубашки. Защитник... нет-нет, только не сегодня. — Вик...

— Прости, — прошептала жена, жалобно вздохнув возле его виска. — Я понимаю, что тебе должно было быть больно и...

— Забудь, — произнес он со спокойной твердостью, застыв, словно камень. — И отпусти, пожалуйста.

К удивлению императора, Виктория действительно отпустила его и, еще раз вздохнув и опустив голову, грустно сказала:

— Да, конечно. Иди.

Арен нахмурился, снимая эмпатический щит — и едва не рухнул на пол от какофонии эмоций жены. Замер, переживая звон в ушах и пытаясь сосредоточиться, понять...

Нежность. Очень много нежности. Сочувствие, досада, стыд, жалость... и что-то светлое, искреннее, похожее на сожаление.

— Я завтра останусь, — сказал Арэн так мягко, как мог, и Виктория подняла голову, радостно, ликуяще вспыхнув. — Завтра обязательно останусь. Не плачь, я тебя прошу.

— Я вроде... — Жена растерянно улыбнулась. — Не плачу...

— Ты на грани, я чувствую. Не надо, Вик. Все хорошо.

Она кивнула, и Арэн, легко погладив ее по плечу, отвернулся и зашел в камин.

Было настолько мерзко и тошно от себя и собственной лжи, что император несколько мгновений стоял в огне, пытаясь успокоиться. Не надо нести эту гадость Софии, не надо.

До конца успокоиться так и не удалось, но тошнота ушла, и только после этого Арэн начал строить пространственный лифт.

София заканчивала портрет Эн, когда огонь в камине вспыхнул, заискрился, и девушка, бросив кисточку на стол, вскочила и метнулась навстречу императору, обняла и прижалась изо всех сил, шепча:

— Защитница, Арэн, наконец-то, как же я соскучилась...

— Я тоже, — сказал он глухо, и София сразу ощутила его тревогу и горечь. И столько их было, что она задохнулась — сердце словно в ведро со льдом опустили, — и, погладив Арэна по плечам, потянулась к губам.

Он целовал ее долго и отчаянно, будто прощался.

— Давай сегодня перенесемся куда-нибудь, — произнесла София, безумно желая помочь Арэну, вынуть из души боль, но не зная, как это сделать. — Куда-нибудь на природу. Хочешь?

— Хочу, — он улыбнулся и потерся носом о ее щеку. — Я очень устал от дворца. И кажется, я знаю, что может тебе понравиться.

— Мне понравится все, лишь бы с тобой.

Арэн вздохнул возле ее виска, и София поняла, что ему стало чуть лучше — словно помогало само ее присутствие рядом.

Император взял девушку на руки и зашел в камин, поставил на пол — и София сразу обняла его и начала осыпать поцелуями лицо. Губы, подбородок, щеки, лоб...

— Как же я хочу забрать из тебя то, что мучает, — говорила она между поцелуями, прислушиваясь к эмоциям Арэна — они то горчили, то были сладкими, терпко-чувственными. — Чтобы ты никогда не грустил, никогда. Чтобы всегда был счастлив...

— Ты и есть мое счастье, Софи, — сказал император, опустив голову ей на плечо. — Погоди немного. Дай мне построить лифт, а то я так напутаю с формулой, и мы останемся без каких-нибудь важных частей тела.

— Хорошо, — она улыбнулась. — Но потом я ведь смогу продолжить?

— Обязательно.

Через полминуты стены пространственного лифта истаяли, но сразу продолжить София не смогла — восхищенно оглядывалась по сторонам, не в силах вымолвить ни слова.

Они оказались на широкой деревянной смотровой площадке где-то в горах. Площадка была освещена немагическими светильниками, а в воздухе перед ней парили уже светильники магические, освещая полукруглое пространство горного ущелья — красноватый камень с потеками темно-зеленого мха расступался, раскалывался на две

части, и между этих частей падал вниз широкий водный поток.

Водопад...

— Это Ольха — наш восточный водопад. Помнишь, где он находится?

София неуверенно кивнула, глубоко вздыхая и замирая от ощущения влажного и теплого воздуха, вошедшего в легкие и заполнившего их до краев.

— Рудеальские горы... вроде.

— Все-то ты знаешь, — посетовал Арен, обнимая ее сзади и целуя в шею. — И рассказать нечего.

— Есть чего, — София погладила его ладони на своей талии. — Я хотела бы знать, что случилось, по какой причине... тебе плохо. Я хотела бы разделить это с тобой.

Император вздохнул.

— Это ужасно, Софи.

— Почему? — не поняла она.

— Потому что я, с одной стороны, не желаю тебя расстраивать, а с другой... желаю поделиться с тобой всем. И меня сейчас на части разрывает.

Она засмеялась.

— Не разрывайся. Просто поделись.

Арен начал говорить, и София чувствовала, что с каждым словом он все больше и больше распаляется — словно сосуд, в который долго наливали воду, но теперь она достигла края и начала стремительно переливаться, заливая окружающее пространство, и не было ей конца.

Так и император — он слишком долго держал все в себе, слишком долго справлялся со всем один, ни с кем не делясь — да и с кем ему было делиться? — что теперь говорил и говорил, рассказывая про расследование покушения на Агату, про начальника дворцовой охраны Виго Вамиуса и его выловленный в реке труп, про неисправные амулеты-нейтрализаторы, и наконец — про жену брата, которую в этот момент должен был допрашивать Гектор Дайд.

София слушала, забыв про водопад — никакие виды ее больше не волновали. Ее волновал только Арен, и она обнимала его, целовала, и сердце у нее разрывалось от печали и сочувствия.

— Наверное, прав был Гектор, — говорил император, горько кривя губы, — надо было их всех отправить куда-нибудь подальше и забыть. А я... пожалел. Виноватым себя чувствовал, что испепелил Аарона, да еще и у них на глазах.

— Ты ни в чем не виноват, — сказала София твердо и уверенно, поглаживая Арена ладонями по груди, где билось сердце. — Аарон сам себя убил, когда предал тебя. А насчет остального... не ругай себя за милосердие. Ты все сделал правильно.

— Если бы я изначально убрал из дворца Ванессу, не погибли бы двести шесть человек, — возразил император, и София произнесла еще резче, решительнее:

— Не ты их убил. Не ты! И неужели ты думаешь, что люди, поддерживающие твоего брата, не нашли бы другого информатора, кроме Ванессы? Да, с ней было проще всего, но я уверена — не будь ее, нашелся бы кто-нибудь еще. Они заинтересованы в том, чтобы достать тебя, и нашли бы лазейку.

— Да, — он поморщился и, наклонившись, вновь положил голову Софии на плечо. Эмоции перестали горчить, и она невольно улыбнулась, вспомнив...

— Что такое, Софи? — спросил Арен, сжимая ладонями ее талию. — Ты как вспыхнула.

— Я просто вспомнила, как ты поцеловал мне руку на прощание. После того, как перенес на море вечером. Я тогда чуть не коснулась твоих волос. — София засмеялась, ощутив приятную теплоту в чувствах мужчины. — Мне так хотелось это сделать! — Она запустила пальцы в его волосы, перебирая пряди. — Еле сдержалась.

— Я был счастлив тогда, что ты потянулась ко мне. — Дыхание Арена коснулось кожи на шее, и София прикрыла глаза, наслаждаясь, а затем и вовсе застонала, когда он начал целовать ее, спускаясь ниже, к вороту платья. — До того момента ты лишь не отталкивала, но никогда не делала шагов навстречу. А мне хотелось, чтобы делала. Мне хотелось не твоей уступки, а твоего желания. Я мечтал, чтобы ты не покорилась мне, потому что у тебя не осталось выбора, а сама пошла навстречу и не жалела об этом.

— Я не жалею, — прошептала София, поглаживая плечи Арена. Он на мгновение вспыхнул пламенем, а затем вдруг опустился на колени. — Что ты?..

— Я не могу жениться на тебе сейчас, счастье мое, — произнес он, взяв девушку за руки. — Но я хочу, чтобы ты носила мое кольцо. И знала, что я считаю тебя своей женой. Не перед людьми, но перед богом.

У Софии кружилась голова, когда Арен надевал ей на безымянный палец правой руки тонкий золотой ободок, усыпанный мелкими бриллиантами, и эмоций было так много, что она не могла дышать — и определить, где ее, а где его эмоции, не могла тоже.

— Это любимое кольцо моей матери, — сказал Арен тихо, переворачивая ладонь Софии и касаясь губами запястья. — Отец подарил его ей, когда делал предложение. Только ты и я будем видеть это кольцо, для остальных оно невидимо. Это сильный амулет, здесь и щитовая магия, и ментальная. Не снимай его никогда.

— Конечно, не буду. Арен... — София обхватила ладонями его лицо и тоже опустилась на колени. — Спасибо.

Он улыбнулся и поцеловал ее, прижав к себе так сильно, словно хотел влиться, вращаясь в нее, чтобы всегда быть вместе и никогда не разлучаться.

Жаль, что это невозможно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вечером Виктория долго заполняла список желаний, чувствуя, как то повышается, то падает настроение — в зависимости от степени выполнимости этих желаний. Но взгляды ее невольно возвращались к первому пункту, и она смотрела на него, закусив губу и не представляя, насколько это возможно.

«Я хочу, чтобы Арен любил меня». Да, все эти годы она вела себя... не очень хорошо, если не сказать безобразно, но сейчас ведь стало лучше! Он же и сам заметил. И может, со временем... если она будет стараться и дальше... может, у Арена получится полюбить ее?

Виктория вздохнула и нервно заломила руки. Защитница, как будет хорошо, если эта шаманка действительно найдет на ней какое-нибудь заклятье! Тогда Арен хотя бы сможет оправдать для себя ее поступки. Тогда он ее пожалеет, не станет больше отталкивать. И возможно, останется на ночь рядом с ней.

Виктория ужасно скучала по мужу, ей было мало тех коротких мгновений, на которые его хватало в последнее время. Так хотелось, чтобы Арен был с ней, целовал нормально, а не как ледяная глыба, и не стремился поскорее уйти.

Именно поэтому Виктория отчаянно надеялась на шаманку. Если вдруг она подтвердит, что на императрице было какое-то заклятье, это можно будет использовать для сближения с мужем. Ей очень хотелось оказаться не виноватой в том, что она совершала все годы брака. Истерики, ревность и даже преступления... Конечно, это все какое-то заклятье, а она сама ни при чем!

И Арен это поймет, обязательно поймет. Поймет и полюбит.

Арен всю ночь сжимал Софию в объятиях и никак не мог уснуть. Как и Агата с Александром, он не хотел, чтобы наступал завтрашний день и им вновь пришлось расставаться. И не до вечера, а неизвестно, насколько.

Известие о том, что следующую ночь он проведет с Викторией, София восприняла со спокойным смирением. Ни капли злости, досады или любого другого негатива — она просто поцеловала Арена и сказала, что все понимает и будет ждать следующей встречи. А потом поведала о просьбе жены называть ее на «ты». Или это было требование Агаты?

Конечно, его маленький манипулятор пока ничего толком не понимала, она лишь хотела, чтобы мама тоже хорошо относилась к Софии и дружила с ней. Но каково будет самой Софии «дружить» с Викторией?

— Я справлюсь, — сказала девушка, заметив его изумленный взгляд. — Не волнуйся. Спокойствие твоей жены — это твой комфорт и счастье, поэтому я справлюсь.

Арен даже не смог толком ничего ответить, только в очередной раз подумал о том, как же невероятно ему повезло. На фоне искренней и верной любви Софии остальная окружающая его тьма словно становилась чуть светлее и уже не так давила на грудь.

Перед сном император связался с Гектором и выслушал быстрый отчет о допросе Ванессы. Подробности дознаватель должен был рассказать днем на совещании, а вечером лишь сообщил, что выпотрошил из жены Аарона все, что мог, но информация касается в основном Виго Вамиуса и ее контактов с ним — больше ни с кем из заговорщиков Ванесса не общалась.

— Я думаю, они там понимали, что рано или поздно вы ее раскусите, — недовольно морщилась проекция Гектора. — Поэтому все коммуникации осуществлялись только через Виго, демоны его пожри... извините. Но кое-что полезное она таки сообщила.

— Знаешь, что мне интересно? — Арен задумчиво прищурился. — Хотя я понимаю, что это в большей степени лирика, но... Неужели Аарон не оставил требований не трогать родственников? При жизни брат ведь не хотел этого делать. Он ни во что не впутывал никого из них.

— Тут есть два варианта, ваше величество. Либо его последователи чихать хотели на эти

требования, либо... намного больше, чем его высочество Аарон любил свою жену и детей, он ненавидел вас.

Утром в понедельник император с трудом оторвался от сонно-нежной Софии — поздно уснул, и вставать теперь было сложно. Но пришлось — дел на сегодня было назначено слишком много.

После традиционного просмотра документов Арен разбудил Викторию и детей, быстро позавтракал с ними и, проводив жену в оранжерею, а детей передав Софии, перенесся в свой кабинет, где его уже ждал Гектор Дайд.

— Что-то ты какой-то не радостный, — хмыкнул император, попросив Адну принести им с дознавателем чаю. — Я думал, будешь пободрее.

— Пока допрашивал, пока раздавал всем указания, ночь прошла, — буркнул Гектор, вытаскивая портсигар из нагрудного кармана. Эмоции его были похожи на камень, лежащий на груди, и Арен все же поставил щит, закрываясь от них. — Я...

— Кури.

Дознаватель кивнул, прикурил от магической искры, затянулся и, полюбовавшись на густое облако светло-серого дыма, начал отчитываться:

— Через три недели после Дня Альганны к ее высочеству Ванессе в комнату пришел Виго. Пришел под иллюзорным амулетом — выглядел он при этом как Мэл Руди, ее служанка. Сама Мэл была не в курсе — так утверждают и Ванесса, и допрошенная девушка.

Судя по всему, Вамиус использовал иллюзорный амулет, когда она была внизу, с другими слугами, обедала или выполняла поручения их высочеств. Виго сообщил жене вашего брата, что она может помочь тем, кто остался в целости после ареста, если желает отомстить императору. Она согласилась сразу, и он объяснил, что делать пока ничего не нужно — только наблюдать и передавать информацию. У них был условный знак — в том случае, если Ванессе требовалось встретиться с Вамиусом, она просила Мэл — настоящую Мэл — поставить в комнату белые розы или, если они уже стояли, поменять их на алые. Эти сведения быстро доходили до Виго — он наверняка прослушивал браслет служанки в то время, пока она находилась в покоях ее высочества.

— А Ванесса знала?..

— Что к ней под внешностью Мэл приходит именно Вамиус? Она утверждает, что нет. Но догадывалась, что это кто-то из высшего эшелона охраны. Ей не было дела до личности преступника, она хотела только отомстить. Убить дорогого вам человека, как вы убили ее любимого мужа.

— Защитник, — император зло поморщился, — я бы в жизни не стал убивать Аарона, если бы...

— Я знаю, — совсем невежливо перебил его Гектор, но Дайдю такое было простительно, — это понимает каждый нормальный человек. Но ее высочество не совсем нормальна, это и наш психиатр подтвердил. У нее депрессия и навязчивая идея о мести, не поддающаяся никакой логике. Кроме того, если Ванессу спрашивать о том, о чем она думать не хочет — сознание сопротивляется, и на вопрос, и соответственно, на ответ, ставится блок.

— Например?

— Я спросил, не жалко ли ей Агату — маленькую девочку, которая ни в чем не виновата. Ответ: «Я просто хотела сделать ему больно». — Гектор, закатив глаза, раздраженно затянулся сигарой. — Как видите, связи между вопросом и ответом не имеется. Я поинтересовался, не жалко ли ей погибших в порталной ловушке горожан. Ответ: «Я не знала, что их будет столько». Опять же — никакой связи с вопросом. Но мы отвлеклись. Итак, Ванесса просила поставить в комнату белые розы, и через некоторое время к ней приходил Вамиус под амулетом, выслушивал информацию и уходил. Кстати, на данный

момент у меня пока нет доказательств, что это был именно начальник охраны дворца, а не кто-то другой. Теоретически возможно участие еще одного человека, но практически это затруднительно, поэтому пока основная версия: под видом Мэл Руди к Ванессе ходил именно Вамиус. У двери ее покоев в то время не было патруля, и это сыграло ему на руку — иначе дежурные заметили бы, что на служанке сильный иллюзорный амулет, и это вызвало бы подозрение. С коридорным патрулем проще, да и Вамиус, как начальник охраны, знал расписание обходов, поэтому мог вообще не сталкиваться с коллегами.

— Я все больше понимаю, как же прав Рильо со своей инициативой по иллюзорным амулетам, — пробормотал Арен, качая головой. — Если бы не это допущение, подобное преступление было бы сложнее осуществить.

— Ральф вообще молодец, — одобрительно кивнул Гектор. — Но дело тут не только в амулетах, но и в постах охраны — Вамиус специально не лез к вам с инициативой усилить патруль на этаже, где живут Ванесса, Анастасия и Адриан. А это следовало сделать уже давно.

— Следовало, — признал император. — Но я об этом даже не думал.

— Вы просто никогда не считали угрозой никого из них. Так часто бывает, ваше величество — мы получаем нож в спину именно от тех людей, к кому не боимся этой самой спиной повернуться. Ладно, идем дальше... Каким образом Виго передавал информацию еще кому-то, Ванесса не знает, ну или не хочет рассказывать. Хотя я полагаю, все же не знает. А получается тут вот что. Вынести сведения из дворца невозможно из-за ментального запрета...

— Запрет можно обойти, ты же знаешь.

— Можно, но это сложно. Допустим, о выставке Виго мог сделать намек, просто передав кому надо рекламную листовку — тут несложно догадаться. Но конфеты и привычка Агаты их есть? Рассказать об этом, используя непрямые указания — это целое искусство, я вообще не уверен, что такое реально. Поэтому я полагаю, Вамиус носил эти сведения кому-то во дворце.

Арен так клацнул зубами со злости, что чуть не откусил кусок фарфора от чашки.

— Еще кто-то?!

— Да, думаю, это так. И не просто кто-то, а тот, кто имеет право приказывать. Кому не надо нести информацию дальше, и вообще выносить ее из дворца. Этот человек просто раздает указания, ориентируясь на то, что знает сам. Хотя есть и другой вариант, но он, мягко говоря, маловероятен.

— Какой?

— Что Виго — главный организатор. С учетом того, что его грубо укололи, да и влияния ни на кого из наследников он не имеет...

— Да, это ерунда.

— Итак, Ванесса передала Вамиусу сведения о подаренных конфетах, и вскоре Виго вновь пришел к ней. Сказал, что если она действительно желает отомстить, то нужно сделать следующее. Взять конфету у Анастасии, что и было сделано, хоть и не очень ловко — принцесса заподозрила неладное, но промолчала. — Гектор неодобрительно поджал губы и продолжил: — А затем изготовить яд, поскольку пронести его во дворец в готовом виде нереально.

— Почему ядом занималась именно Ванесса? Почему не Вамиус или кто-то другой?

— Дело не в яде. Синтезировать дуотоксин из снотворного несложно, а вот подменить начинку в конфете... Ванесса — артефактор, они умеют работать с такими тонкостями, Виго это точно было не под силу. И скорее всего, организатору процесса — тоже. Ее высочество передала отравленную конфету Вамиусу, а после в указанное время сделала вид, что ей плохо, недалеко от детской, отвлекая внимание охраны на себя.

— Ясно.

— Собственно, это все по первому делу, а в деле с порталной ловушкой роль у нее была небольшая — Ванесса только рассказала про выставку. Она не знала, что случится, в точности, но подозревала заварушку, поэтому захотела убрать подальше детей — чтобы вы, ваше величество, никого в горячке не испепелили.

Арен раздраженно побарабанил пальцами по столу

— В общем и целом, полезного в этой информации немного.

— Вы не совсем правы, — усмехнулся Гектор. — Последователям вашего брата понадобились сведения от Ванессы — это значит, что никто другой был не в состоянии сообщить о том, что обсуждается за семейным столом. Никто другой из вашего ближнего круга — из тех людей, с которыми вы регулярно общаетесь, в том числе обедаете, — не замешан. Только Ванесса. Существует, конечно, вариант, что ее привлекли для отвода глаз, скрыть истинного информатора, но... это как-то слишком запутанно. И очень затратно по ресурсам — Виго каждый раз неслабо рисковал, надевая на себя иллюзорный амулет служанки.

— Получается, наш организатор — человек, который регулярно бывает во дворце и способен встретиться с Вамиусом, чтобы выслушать его донесения. И при этом он не имеет допуска к личной информации о моей семье, либо имеет, но недостаточный.

— Все так, ваше величество, — кивнул Гектор. — Не крыса, а скорее, хомяк. Но это — только в том случае, если Ванесса ничего не утаила и нигде не соврала. Чтобы исключить такую возможность, я прошу вас поговорить с ней насчет кристалла памяти. Я вчера только заикнулся о записи воспоминаний, так она под потолок взвилась, — Дайд фыркнул. — Можно подумать, я ей что-то неприличное предложил. А кристалл — дело добровольное, сами знаете...

— Хорошо, Гектор. Я поговорю. В любом случае, даже если она не согласится, применить кристалл принудительно мы всегда успеем.

Дознаватель промолчал, и Арэн, сняв эмпатический щит, не почувствовал в Дайде ни капли осуждения — хотя принудительное применение кристалла памяти практически всегда означало необратимые разрушения сознания, а если говорить проще — сводило человека с ума.

Но сводить Ванессу с ума Арэн пока не желал. Это тоже казалось ему слишком милосердным.

Виктория зашла к Тадеушу Родери перед обедом и вышла из кабинета врача совершенно ошарашенной. Понадобилось всего несколько минут, чтобы взять у нее кровь, сделать анализ и вынести вердикт о третьей неделе беременности.

— Я должен отчитаться его величеству, — сказал Тадеуш невозмутимо, пока Виктория пыталась собраться с мыслями. — Но я могу попреридержать отчет до вечера, чтобы вы сообщили ему эту новость первой. Как вы хотите?

— Сама, — императрица кашлянула. — А... с ребенком все в порядке?

— По анализу крови да, но на сканере мы сможем посмотреть только через неделю, сейчас пока ничего не разберешь. До этого я буду приходить к вам по утрам, брать кровь и смотреть динамику. Вы как себя чувствуете?

— Прекрасно...

Виктория сказала чистую правду — она действительно чувствовала себя замечательно, и не только потому что пока ее не тошнило, но и потому что она понимала — беременность поможет ей сблизиться с Ареном. Как же это кстати!

Она вдруг вспомнила, как муж ласково гладил ее живот во время ожидания Агаты и Александра, осыпая поцелуями и приговаривая: «Кто тут такой сладкий и маленький? Кого мы ждем больше всего на свете?» — и счастливо улыбнулась.

Арен любит детей, поэтому он будет рад. И она родит ему еще хоть десять малышей — лишь бы он был рядом с ней. Лишь бы он был ее.

Но с известием о беременности пришлось повременить — сначала из-за обеда, потому что сообщать такую новость за общим столом неправильно, а после — из-за очередного совещания мужа. Но Виктория знала, что вечером Арен все равно придет, и даже вместе с шаманкой, и ждала, хотя ждать было сложно, почти невыносимо.

Теперь и возможные слова шаманки не казались Виктории настолько уж важными — ребенок мужа и так удержит. Но будет лучше, если и эта женщина что-нибудь найдет. Потому что дитя — это для будущего, а чтобы оправдать свои поступки в прошлом, нужно что-то еще, а не только беременность.

Обед прошел в спокойной обстановке, если не считать удрученного лица Анастасии и сетований Анны о том, что ее муж опять работает без отдыха. Сестре Арен вновь обещал заняться этой проблемой, а Тасси... с ней он попросту не разговаривал, желая, чтобы племянница хорошенько осознала свой проступок и последствия от него. Он не сердился, понимая ее, как никто — сам ведь когда-то не верил, что Аарон может попытаться убить его. Так и Анастасия не верила в вину своей матери. Хотя теперь уже верила, Арен видел это по ее глазам, заполненным болью до краев.

Виктории он про Ванессу ничего не рассказал и пока рассказывать не собирался, не желая волновать жену лишний раз — для нее Несс по-прежнему оставалась на море по состоянию здоровья. Когда-нибудь, конечно, придется рассказать, но лучше пусть Виктория подольше позанимается с Силваном Нестом до этого момента.

После обеда было совещание с Комитетом безопасности, и император, глядя на Вагариуса, прекрасно осознавал, что Ване все уже известно про них с Софией. Эмоции безопасника были пропитаны горечью, лицо казалось потемневшим, словно небо перед грозой, и взгляд он постоянно отводил.

Наверное, нужно было что-то сказать. Но что? Извиняться, что не сдержал слово, как-то глупо, а объяснять, что любит Софию — еще глупее. Ване и так должен это понимать, он ведь знает про отданную жизнь.

Поэтому Арен промолчал. Если Вагариус вдруг вздумает что-то говорить Софии, он вмешается, а пока не стоит.

Как только безопасник ушел, на браслет связи пришел сигнал от Дайда — Гектор уже был во дворце вместе с шаманкой, и император попросил его сначала зайти в кабинет, одновременно с этим передав на браслет Виктории требование вернуться из оранжереи в свои покои.

Вошедшая в кабинет в сопровождении Дайда шаманка выглядела немного чудно, как и все шаманы, которых видел Арен — впрочем, видел он немного, да и всерьез не воспринимал, особенно не понимая их любовь к разнообразным предметам, сделанным из металла, камней или даже птичьих перьев. Были бы это еще артефакты, но ведь просто безделушки.

— Здравствуйте, ваше величество, — женщина поклонилась. В ней не было ни малейшей капли магии — обычная смуглая старушка с седыми волосами, заплетенными в косу, чересчур длинным носом — этот нос составил бы конкуренцию и носу Гектора, — и голубыми глазами, в которых светилось любопытство. Любопытство было и в эмоциях, но оно не казалось императору неприятным, даже наоборот — он ощущал от шаманки легкую симпатию к себе. В ушах ее болтались серьги — золотые монетки с хвостиками из каких-то пушистых перьев, а на шее мерно качались причудливые разноцветные вязаные бусы. — Меня зовут Ив Иша.

— Добрый вечер, айла Иша. — Арен кивнул и ей, и Гектору на один из диванов. — Садитесь. Я расскажу, зачем позвал вас.

Эмоции Дайда почему-то вспыхнули весельем, и почти сразу дознаватель пояснил:

— Да она уже кое-что знает. Говорит, после нашего вчерашнего разговора гадала. Уважаемой Ив было любопытно.

— И что же вы нагадали? — поинтересовался Арен, глядя, как его собеседники усаживаются на диван напротив. Шаманка примостила на сиденье рядом с собой сумку

из светлой мешковины с орнаментом из оранжево-розовых ниток и зеленых бусин, а затем легко коснулась ладонями платья на коленях — оно у нее было темно-коричневым и очень простым, типичного северного фасона — с пуговицами на груди, пришитыми не посередине, а со сдвигом к плечу, и без воротника.

— Ничего конкретного. И карты, и шар, и руны отказались отвечать. Сказали только, что из-за женщины.

Гектор хмыкнул, и Арен, кивнув, пояснил:

— Верно, из-за женщины. Я хочу, чтобы вы посмотрели мою жену. Мне думается, на ней либо есть, либо было что-то ваше, шаманское. Вы ведь сможете это увидеть, айла Иша?

— Не совсем увидеть, но да, смогу.

— Как вообще работает эта ваша магия? — спросил Арен, и пожалуй, чересчур резко — прозвучало как претензия, поэтому он смягчил голос, продолжив: — Я не понимаю принцип, и мне тяжело поверить в то, что она существует.

— Вера бездоказательна, — произнесла шаманка спокойно, и в эмоциях ее по-прежнему не было никакого негатива, хотя Арен практически напрямую сказал о шарлатанстве. — Дело не в ней. Ваше величество... вы, маги, берете силу из энергетического контура. Но сила есть не только там. Она разлита во всем, что нас окружает, особенно — в живой природе. Настоящие шаманы умеют ею пользоваться. Но, к сожалению, настоящих действительно мало. Намного меньше, чем классических магов.

— Интересно, — протянул Арен задумчиво. — А пользоваться этой... разлитой силой может научиться любой человек?

— Нет, — Ив Иша понимающе улыбнулась, — это дар, ваше величество. Мы называем друг друга видящими за способность видеть то, что скрыто от других.

— И что же вы видите во мне? Скрытое от других.

Она не удивилась, хотя Арен ждал удивления.

— За сиянием вашего дара сложно что-то увидеть, но...

— Вы видите энергетический контур? — перебил ее император, удивившись теперь сам. — Его ведь видят только маги.

— Не контур. Я вижу сияние вашего дара. Все маги для меня в разной степени сияют, но вы не просто сияете — вы как пламя. Смотреть больно. Но это не все. Да, за вашим сиянием сложно рассмотреть что-то еще, но я вижу. Здесь, — женщина коснулась груди, — сияние усиливается. Это похоже на звезду. Так бывает, когда кого-то очень любишь. Вот у него, — шаманка кивнула на Гектора, — такой звезды нет.

Арен засмеялся, заметив, как Дайд закатил глаза.

— Я родителей люблю. И сестру, — проворчал он.

— Это не то, — покачала головой шаманка. — Любовь к родным у нас в крови, она рождается вместе с нами. А это...

— Понятно-понятно, — вновь перебил ее император и встал с дивана. — Что ж, жена вернулась во дворец. Пойдемте к ней, айла Иша. Гектор, ты пока можешь быть свободен. Я позову, когда мы закончим.

— Да, ваше величество.

Виктория стояла посреди гостиной, и эмоции ее взволнованно дрожали. Правда, Арену в них почудилось и что-то радостное, но он решил не прислушиваться и быстро поставил щит. Вряд ли шаманка будет говорить приятные вещи, и эмоции жены, соответственно, тоже не будут приятными, а ему еще к Ванессе сегодня идти. Стоило побереечь силы.

— Добрый вечер, ваше величество, — поклонилась шаманка. Виктория, выпрямившись, как по струнке, кивнула, но получилось у нее это не величественно, а испуганно. — Мое имя Ив Иша.

— Здравствуйте, — сказала жена и вопросительно посмотрела на Арена.

— Ей сесть или лечь? — поинтересовался он у шаманки, и женщина указала на кресла у окна.

— Можно и сесть, меня вполне устроит.

— Тогда садитесь. А я постою, если вам это не помешает.

— Не помешает, ваше величество.

Арен встал рядом с креслом, в которое опустилась Виктория, внимательно следя за действиями шаманки. Он уже плохо помнил, что конкретно делал шаман, приведенный братом, но ничего подобного точно не было.

Ив Иша вытащила из сумки небольшую фляжку из темного стекла и маленькую глиняную миску. Глина была обожженной, но ничем не покрашенной — только на дне виднелись нацарапанные узоры, изображающие то ли солнце, то ли просто какой-то круг.

Через секунду из фляжки в миску что-то полилось. Жидкость была прозрачная и ничем не пахла.

— Это обычная вода, — пояснила шаманка, заметив заинтересованный взгляд императора. — В воде больше всего силы. Она и собирает, и отдает, и отражает то, что скрыто. Мы все через воду делаем. Плюньте, ваше величество, — женщина протянула миску Виктории. — Наберите в рот слюны и хорошенько плюньте.

Жена выглядела немного обескураженной, но послушалась. После этого шаманка медленно перемешала содержимое миски какой-то деревянной палочкой, вглядываясь в воду так, будто это было по меньшей мере зеркало, и в конце концов кивнула, подняв глаза на императора:

— Да, было проклятье.

— Было? — уточнил Арен, не удивившись — все же поведение Виктории за последнюю неделю слишком сильно отличалось от привычного, и он уже перестал сомневаться в том, что это не может быть только чудом профессионализма Силвана Неста.

— Да, сейчас его нет. Остался только след.

— Вы можете определить, что это было за проклятье? Кто его наложил? И когда?

— Это сложно, но я попробую, — сказала шаманка, достав из сумки футляр, в котором лежал небольшой острый нож с деревянной рукояткой, и взглянула на Викторию. — Но мне нужна кровь. В крови всегда больше информации, ведь она — тоже вода. Дай-ка ладошку, если не боишься.

— Не боюсь, — ответила жена дрожащим голосом, вытягивая левую руку так, чтобы ладонь оказалась над миской. — Режьте.

— Ну, резать не понадобится, — хмыкнула Ив Иша, проведя лезвием по безымянному пальцу, и Виктория сказала «ой». — Так, уколоть. Опускай пальчик в воду теперь.

Через несколько секунд, когда супруга убрала руку, шаманка начала кидать в воду какие-то сухие семена и цветы из бумажного пакета, который она тоже достала из сумки, что-то негромко напевая. Слова были совершенно не понятны — словно просто набор звуков.

А потом Ив Иша стала дуть на воду, вновь вглядываясь в поверхность, как в зеркало.

— Все, вижу, — наконец выдохнула она, устало проводя ладонью по лбу. — Цветы сложились в руны. Первая руна — «эмис» — значит эмоции. Вторая — «руду» — плохое.

Третья — «аштар» — сила.

Она на мгновение замолчала, и Арен, не выдержав, уточнил:

— И что это все значит?

— Это значит, что на вашей жене было проклятье, усиливающее плохие эмоции, — объяснила шаманка. — Вы, классические маги, назвали бы такое проклятье эмпатическим. Оно ставится так: поишь того, кого проклясть хочешь, зельем специальным, с травками дурманными, дурными, закрепляешь формулой словесной и подарок даришь, который человек хоть раз в год, но носить будет. И каждый раз, испытывая что-то плохое, хоть малейший укол неприятного, тот, кого прокляли, будет сам это плохое усиливать, раздувать, как воздух костер.

Арен ощущал себя котенком, которого макнули в лужу.

Эмпатическое проклятье. Ну конечно! Оно ведь было не для Виктории, а для него. Чтобы ему покоя не дать, ведь для эмпата подобный взрыв негативных эмоций подобен сошедшей с горы лавине.

Теперь понятно, почему жена каждый раз доводила саму себя до истерики, невзирая на разумные доводы. Маленькая искра раздражения, ревности или неприязни поначалу — и через какое-то время уже целый костер из негатива, настоящее извержение вулкана.

Защитник! Бедная Виктория.

— И кто же поставил это проклятье? — спросил Арен, испытывая дикое желание немедленно испепелить этого неизвестного шамана. — И когда оно развеялось?

— Погодите, — пробормотала Ив Иша, потирая пальцами висок, и сделала глоток воды из своей стеклянной фляжки. — Сейчас. Не все сразу.

Она все пила и пила, пока вода совсем не кончилась, и только тогда, отложив в сторону фляжку, вновь потянулась к сумке.

На этот раз женщина достала оттуда толстую колоду карт и принялась ее мешать.

— А почему не через воду? — Несмотря на то, что момент был неподходящий, Арен не удержался от вопроса — слишком уж необычными были все действия шаманки. — Вы же говорили, что все делаете через воду.

— Почти все, — поправилась Ив Иша, чуть улыбнувшись. — Но сейчас вы задаете вопросы, ответы на которые вода дать не сможет. «Когда» и «кто» — это слишком конкретно. Не факт, что карты справятся, но я попробую. — Она выложила на стол первую карту, затем еще одну, и еще. Понять, что это все значит, было невозможно — императору эти картинки ни о чем не говорили. — Мне сложно сказать, когда, но я могу ответить, при каких обстоятельствах. Я уже говорила, что негативные эмоции раздуваются, словно костер ветром, но если ветер слишком сильный, костер может потухнуть. Какие-то события вызвали взрыв эмоций — и проклятье сгорело. И эти события связаны с огнем.

— Ясно, — Арен поморщился, понимая, что речь идет о портальной ловушке. В принципе, можно было и не спрашивать — именно после покушения на Агату Виктория вдруг начала вести себя иначе. — Но меня больше интересует вопрос, кто это сделал.

— Я попробую, — повторила шаманка, вновь замешивая карты. И мешала она долго, с минуту, закрыв глаза и что-то бормоча, будто пыталась с кем-то договориться. А потом не менее долго выкладывала на стол одну карту за другой — три сверху, три снизу, одну в центр. И долго смотрела на то, что получилось, а Арен терпеливо и молча ждал, опасаясь задавать уточняющие вопросы и рушить эту странную магию. — Он уже умер, — наконец медленно сказала Ив Иша, поднимая голову. Глаза ее были мутными. — Вы его убили.

Мертвая тишина, повисшая в гостиной покоев Виктории после этих слов, показалась

императору давящей, как чересчур сильные чужие эмоции. В груди стало холодно и мерзко, а во рту — горько.

— За свою жизнь я убил только одного человека, — проговорил Арен, глядя в затуманенные глаза шаманки. — Своего брата.

Она кивнула.

— Да. Огненная кровь. Это он сделал.

— Ты хочешь сказать — мой брат был шаманом? — Император криво усмехнулся. — Это невероятно.

— И тем не менее — он им был.

Арен сжал кулаки и зубы, чувствуя жуткую злость.

— Почему я должен тебе верить? Это бездоказательно. С тем же успехом можно обвинить в шаманстве кого угодно, хоть мою мать.

— Вы можете не верить, — произнесла шаманка спокойно и вздохнула. — Вы задали вопрос — я ответила то, что смогла увидеть. Человек с огненной кровью, которого вы убили, проклял вашу жену. И он сделал это давно.

— Арен... — прошептала вдруг Виктория, дотронувшись до его руки, которой он сжимал спинку кресла. Голос жены дрожал, и глаза были полны слез. — Я часто пила с Аароном чай. И он говорил мне... всякое... про тебя. И гребень... Помнишь, он подарил мне гребень для волос? С жемчугом. Он хотел, чтобы я его носила на все балы и приемы, постоянно спрашивал...

— Демоны, — Арен отдернул ладонь и дотронулся до лба. В голове отчаянно звенело, — но его же должен был кто-то этому научить. Кто?! Скажи, кто это был?!

Ив Иша вновь начала раскладывать карты, но через минуту покачала головой.

— Пусто, ваше величество. Вопрос задаете вы, а вы этого человека не знаете, и карты не могут ответить вам «кто» — для вас он никто. Его нет рядом.

— А где он есть?

— Это слишком много, — шаманка вновь вздохнула. — Слишком много вопросов для одного дня. Я могу попробовать посмотреть завтра. Но сегодня не получится — я устала и больше не способна считывать информацию. Простите.

Арен чувствовал себя абсолютно разбитым, уничтоженным, поэтому лишь кивнул в ответ.

К тому, что на Виктории может быть проклятье, он уже был готов. Но шаманство Аарона... это еще предстояло осознать.

— Ваше величество... — Ив Иша на мгновение запнулась, словно в нерешительности. — Я могу поговорить с вашей супругой наедине? Мне есть, что ей сказать.

— Вик? — император вопросительно посмотрел на супругу, предполагая, что Виктория может не захотеть общаться с шаманкой, но жена кивнула.

— Да, я не против.

— Тогда я вас оставляю. Айла Иша, как только закончите, попросите охрану проводить вас в мой кабинет. — Арен, не дожидаясь ответа, направился к камину и почти запрыгнул в пламя, одновременно с этим передавая по браслету связи сигнал Гектору Дайду.

Виктории было немного страшно оставаться с шаманкой в отсутствие мужа, но она все равно заглушила браслет, понимая, что сейчас ей будут говорить какие-то личные вещи.

— Воды я могу выпить? — поинтересовалась Ив Иша, как только Арен исчез в огне

камина. Она ни капли не удивилась и не уточнила, зачем император туда вошел — будто понимала все и так. — Совсем сухо в горле.

— Да, конечно, — сказала Виктория, и шаманка потянулась за графином, что стоял на том же столе, за которым они сейчас сидели, почти в центре. Налила воды в стакан, выпила залпом, жадно, и улыбнулась с облегчением.

— Спасибо. Смотри, что сказать тебе хочу... Увидела я это, когда про проклятье спрашивала, но не стала говорить — не дело это твоего мужа, твое только дело. Ты скоро на распутье окажешься, две дороги будут перед тобой. Одна из них к большому счастью приведет, а другая — к несчастью, всю жизнь мучиться станешь, если ее выберешь. Трудный это выбор будет и сложный, и ты не торопись — думай хорошенько, потому что многое от него зависит, очень многое.

— А что за выбор такой? — спросила Виктория, не очень понимая, о чем речь. — Вы скажите, между чем выбирать придется.

— Не могу я сказать — не знаю. Знаю только, что тяжело тебе будет, и велик риск того, что несчастливую дорогу выберешь. Хотя она, возможно, поначалу тебе покажется единственно верной, несомненно правильной, но не торопись. Думай.

— Ладно, — пробормотала Виктория, пытаясь осознать, о чем это все, но тщетно — никакого выбора на данный момент она перед собой не видела.

— И еще кое-что. — Шаманка усмехнулась, и взгляд ее вдруг показался императрице острым и неприятным. — Знаешь, в чем суть мужа твоего?

Виктория молчала, не понимая смысл вопроса.

— Альго все — суть огонь. И они эмпааты. И их внутренний огонь — это как твое проклятье. Но усиливаются не только плохие эмоции, а вообще все, и хорошие, и плохие. Все Альго прокляты этим с рождения. Не человеком прокляты, а самой жизнью. — Ив Иша внимательно смотрела на Викторию, и от этого взгляда кожа на лице почему-то зудела. — С тебя-то проклятье слетело, а вот на муже твоём осталось, и останется до смерти, потому что в нем — его суть.

— Вы хотите сказать... — пробормотала она, ощущая, как щеки заливают жаром. — Вы...

— Что я хочу сказать, сама поймешь, — отрезала шаманка, поднимаясь с кресла. Это — как и ее «тыканье» — было крайне невежливо, но ей, по-видимому, было все равно. — Если сможешь, конечно.

Пока Арэн рассказывал обо всем, что поведала Ив Иша, лицо у Гектора вытягивалось все сильнее и сильнее. Император никогда раньше не видел главного дознавателя настолько удивленным.

— Ты веришь в это, Гектор? — спросил Арэн, закончив. — Веришь, что мой брат мог быть шаманом?

— От вашего брата любой дряни можно ожидать, — пробормотал Дайд, похлопав себя ладонью по груди. — Я...

— Кури.

— Спасибо. В общем, да — пока у меня нет причин не верить Ив, но информацию еще нужно проверить.

— Каким образом?

Дознаватель с облегчением затаился раз, другой, и ответил:

— Сначала — опросить ее высочество Ванессу, возможно, ей что-то известно. Анастасию тоже. Ну а потом надо выяснить, что за шаман смотрел вашу жену восемь лет назад и найти его — живого или мертвого.

— Прекрасно. Еще и шамана теперь искать. И возможно, не одного. Кто-то же научил

Аарона!

Гектор, вновь затянувшись, внимательно оглядел императора, а затем предложил:

— Хотите, я вам сигару дам?

Арен смерил Дайда недовольным взглядом.

— Не смешно, Гектор.

— Я и не смеюсь. Хоть как-то пар спустить, расслабиться... а то вы же сейчас взорветесь.

— Не взорвусь.

Дознаватель хотел сказать что-то еще, но не успел — секретарь сообщила, что в приемную вернулась шаманка, и император попросил впустить ее в кабинет. Воспитывать Арена в присутствии кого-то еще Гектор, естественно, не стал.

— Садитесь, айла Иша, — император указал женщине на диван, подождал, пока она опустится на сиденье, и продолжил: — Главный момент, который мы с вами забыли уточнить — оплата ваших услуг. Сто тысяч альгов вам перечислят на счет сегодня, и столько же — завтра.

— Это слишком... — начала шаманка, но Арен махнул рукой.

— Информация того стоила, тем более, что вам пришлось отрываться от дел. Но у меня есть еще кое-какие вопросы к вам. Если проклятье на мою жену поставил брат, то почему оно не исчезло после его смерти? В классической магии такое бывает, но я не знаю, как у вас.

— Проклятье требует постоянной подпитки. Да, чаще всего после смерти того, кто его накладывал, проклятье исчезает. Но в том случае, если подпитка остается, оно может продержаться еще долго.

— О какой подпитке идет речь?

— Об энергетической. По-видимому, ваша жена сама питала свое проклятье. Вы же знаете, ваше величество, что эмоции можно стараться гасить и контролировать.

— Я знаю, — Арен поднял брови, — но вы-то откуда знаете?

— Эмоции — тоже сила, энергия. Эмпатия — составляющая нашей магии. Для вас, классических магов, проклятье — это формула, вшитая в сознание. Для нас проклятье — сгусток темной энергии. Это всегда злоба, ненависть, зависть или боль, переданные другому человеку и оставленные в нем. Классические маги способны проклинать, не испытывая ненависти, шаманы не могут. В основе проклятья всегда лежит эмпатическая энергия.

— Ты хочешь сказать, что ее величество не желала бороться со своим негативом, поэтому проклятье и не исчезло? — спросил Дайд, вновь делая глубокую затяжку. Вокруг него уже скопилось столько дыма, что дознавателя было сложно различить в этом тумане. — Вместо того, чтобы успокаивать себя, она себя подзуживала.

— Гектор, — процедил Арен, но Дайд только плечами пожал.

— Я просто уточнил.

— За то время, что проклятье находилось на императрице, оно в нее вросло, — сказала шаманка. — Именно потому что она с ним, скорее всего, не боролась.

— Прекратите, — поморщился император. — Виктории в то время было восемнадцать лет, совсем ребенок, а тут еще Аарон со своими медовыми речами... Никто бы не выдержал. — Арен покосился на часы на браслете связи. — Что ж, айла Иша, на сегодня у меня больше нет вопросов, а вот завтра я вас жду. — Арен поднялся с дивана, шаманка тоже начала вставать, но в этот момент Гектор вновь заговорил.

— А у меня есть вопрос. Уважаемая, а на нашем императоре никакого проклятья не имеется?

От удивления Арэн чуть не сел обратно.

— Нет, — ответила Ив, понимающе усмехнувшись. — На Альго проклятья не держатся — сгорают.

— Уже легче, — пробормотал Дайд, загасив наконец сигару.

Софии весь день почему-то было тревожно, хотя ничего особенного не происходило — Агата начала учиться, и с Александром они тоже немного позанимались до обеда, а после девушка повела детей гулять. Погода на улице стояла почти летняя: солнце не грело, а пекло, и распутившаяся сочная листва должна была радовать, но отчего-то радоваться не хотелось.

Играя с наследниками, София не могла перестать думать об Арэне. Что сказала шаманка? Впрочем, неважно, что — Софию волновала не сама информация, а реакция на нее императора. Опять он разволнуется, опять ему будет больно, опять он будет терзаться. Если бы она могла сделать хоть что-то! Но все, на что была способна София — сидеть с детьми и развлекать их, делая вид, что ей весело и отлично.

Но Агата, увы, вновь не удержала щит.

— Ты переживаешь, — сказала девочка с безапелляционным утверждением — это был ответ, а не вопрос. — Из-за чего ты переживаешь, Софи?

Она улыбнулась и дернула воспитанницу за толстую косичку, заставив ребенка хихикнуть.

— Ата-та, Агата, кто опять не слушается папу?

— Я слу-у-ушаюсь, — протянула наследница. — Почти всегда! Но иногда оно само собой получается.

— Ну да, ну да, — фыркнула София и тут же замерла, когда Агата спросила, сверкая умными карими глазами:

— Ты из-за папы переживаешь, да?

Она не знала, что ответить, а девочка продолжала, забыв про рисунки, которые до этого рисовала вместе с Алексом на камнях парковой дорожки:

— Твои эмоции тянутся к нему, я чувствую. Ты из-за него переживаешь? Что-то случилось?

Тут и Александр встал с корточек и застыл рядом с сестрой, вопросительно глядя на свою аньян.

— Не волнуйтесь, — сказала София ласково, обняв обоих детей, и потянула их вниз, к разноцветным мелкам. — У вашего папы все время тяжелые дни, вот я и беспокоюсь. Он устает.

— Ты его любишь, — кивнула Агата, и Александр повторил ее жест со всей серьезностью.

— Да, — ответила София, вкладывая по мелку детям в ладонки. — Конечно, люблю. А давайте нарисуем льва? Знаете, какая у него большая и пушистая грива?..

Императрица отпустила Софию около семи вечера, и по выражению ее лица девушка так и не смогла понять, что произошло за день. Виктория выглядела немного растерянной, но не была ни радостной, ни подавленной, производя впечатление человека, которому только что дали по голове чем-то тяжелым, и он никак не может определиться — то ли упасть в обморок, то ли развернуться и дать сдачи.

Испытывая безумное и очень сильное желание немедленно нырнуть в камин и при этом

осознавая, что Арен сейчас вряд ли находится в своей комнате, поэтому подобный поступок будет крайне глупым, София переоделась, и около половины восьмого отправилась в город вместе с зашедшим за ней Ваном.

Вагариус вновь был печальным, почти как в их первую встречу, и София невольно подумала: это оттого, что он все понял про нее и императора. Разве мог он не понять, если непосредственно ему поступает информация о том, где находится Арен, даже если браслет связи заблокирован? Последние несколько ночей император провел с Софией — либо в ее комнате, либо в своей, но в любом случае рядом с ней, и Вану должен был это заметить. А теперь он переживал, но ничего не говорил, и за это София была ему благодарна. Она не хотела обсуждать ни с кем свое решение и уж тем более оправдывать Арена за несдержанное слово.

— Знаешь, — вздохнул вдруг Вагариус, подняв глаза к небу, несколько минут назад ставшему светло-лиловым, — император ведь вырос на моих глазах. Я помню его с такого возраста, когда он еще не умел разговаривать, только сидел или лежал на руках у своей матери и внимательно смотрел на все, что его окружало. Он был одновременно и похож, и не похож на Альго.

— Да? — осторожно спросила София. — А почему?

— Арен напоминал Альго внешне — смуглая кожа, карие глаза, темные волосы. Но чем взрослее он становился, тем больше удивлял всех своим поведением. Агата и Александр еще маленькие, поэтому тебе сложно понять, о чем я говорю... Когда Альго становятся подростками — это взрывоопасно. Они вспыльчивы и крикливы, очень несдержанны, и прежде чем они научатся контролировать собственные эмоции, проходит время. К примеру, Аарон с десяти до пятнадцати лет был полнейшим кошмаром. Он и потом периодически вспыхивал и что-нибудь сжигал, если злился, а Арен — никогда. Он был очень любознательным, обожал учиться, мечтал стать охранителем и полагал, что Венец ему не достанется. А если кто-то пытался доказать обратное, Арен хмыкал и отвечал: «Резерв у нас одинаковый, поэтому Венец выберет старшего». То ли он действительно в это верил, то ли просто надеялся. А я надеялся, что принц ошибается. Арен всегда нравился мне больше остальных первых наследников, сильнейших Альго, и мне хотелось, чтобы трон достался ему.

— Не жалеешь? — поинтересовалась София тихо, и Вану покачал головой.

— Нет. Последние восемь лет я смотрел на него и жалел только об одном — у меня не было такого сына. То ли я плохой отец, то ли... ладно. Арен, никогда не желая становиться императором, принял свой долг с честью. В первый год правления он из кожи вон лез, чтобы во всем разобраться, и совещания тогда длились гораздо дольше, чем сейчас. У меня было впечатление, что он вообще не спит, я сочувствовал ему и в то же время — я им гордился. И сейчас горжусь. — Вагариус вздохнул. — Император смог вернуть мне внучку.

София ожидала, что Вану скажет «однако не смог сдержать слово», но он этого не сказал.

— Я жалею о другом, Софи. То, на что вы обрекли друг друга — это тяжело. Каждодневная боль, унижения, постоянная ложь, встречи урывками... Но я понимаю, почему вы это сделали.

— Понимаешь? — прошептала София и улыбнулась сквозь слезы, когда Вану обнял ее и погладил по голове.

— Конечно, понимаю.

С родовой магией у них так ничего и не получилось. Они тренировались у Софии в комнате почти до ночи — Вагариус показывал щит и, взяв девушку за руки, пытался создать его вместе с ней, но София так и не поняла, как это нужно делать.

— Аристократы растут, зная про свою родовую магию с детства, — говорил Вану успокаивающе — он не отчаивался, а продолжал надеяться, что у нее получится щит. —

Это знание вливается в них постепенно и естественно, и учить этому толком и не надо, родовая магия просто просыпается в определенный момент времени. Видимо, она проснется и у тебя, когда ты осознаешь, что она у тебя есть.

София не представляла, как это можно осознать, но не огорчалась неудачам. Подумаешь, родовая магия! Конечно, обладать ею — замечательно, но куда замечательнее было найти такого дедушку, каким стал для нее Ваню.

Количество прекрасных новостей для этого дня уже начинало зашкаливать, и идти еще и к Ванессе демонски не хотелось, но Арен все-таки пошел. Иначе придется притормозить расследование, а найти оставшихся последователей брата гораздо важнее физической и моральной усталости императора.

Ванесса, выглядевшая бледной и изможденной, будто ее пытали и не кормили по меньшей мере неделю, согласилась на запись воспоминаний в кристалл памяти почти сразу. Арену даже стараться не пришлось — он просто предложил жене брата обменять воспоминания на возможность один раз встретиться с Анастасией и Адрианом, когда его найдут. Она кивнула и, внимательно поглядев на императора, прохрипела:

— Ты мог бы и не спрашивать...

— Я уже говорил, что не похож на твоего мужа, — сказал Арен, рассматривая синяки на шее женщины. — К тебе ведь должен был заходить врач. Почему следы до сих пор и голос такой?

— Заходил врач из комитета, — произнесла Ванесса сипло и кашлянула, опуская глаза и еще больше бледнея. — Записал в протоколе, что угрозы для жизни нет, а все это само пройдет через неделю.

Император усмехнулся, не удивившись — он прекрасно знал, что врачи Дознательского комитета старались не облегчать жизнь задержанным преступникам. Естественно, они всех лечили, но — не долечивали, и зачастую не до конца обезболивали. Арену рассказывал об этом сам Гектор — он, как глава комитета, закрывал на подобное глаза, считая, что не нужно проявлять излишнее рвение в лечении преступников, и то, что может пройти само, пусть само и проходит.

— Я пришлю к тебе Тадеуша, — спокойно заметил Арен, разворачиваясь к камину, и неотреагировал на почти неслышное «спасибо», сказанное уже ему в спину.

За ужином император не снимал эмпатический щит, не желая погружаться в эмоции еще и Виктории. Он и так понимал, что она должна чувствовать, узнав про проклятье, наложенное Аароном — обиду, растерянность и боль за предательство. Все это он чувствовал и сам, с той только разницей, что хорошо понимал — брату на самом деле была безразлична Виктория, он хотел достать именно Арена. Он использовал его жену для достижения цели, и возможно, надеялся, что эмпатическое проклятье разрушит покой императора и ему окажется невозможно удерживать Венец.

Наверное, так бы и было, если бы Арен любил Victорию — ее невыносимое поведение потихоньку подтачивало бы его выдержку, заставляя переживать, нервничать и срываться. Хотя... надо смотреть правде в глаза — если бы Арен любил жену, он бы докопался до истины еще тогда, восемь лет назад, когда это все только началось. Он бы пригласил не одного шамана, а десять, двадцать, тридцать — да сколько угодно, лишь бы найти разгадку. Он бы убедил Victорию посещать психотерапевта и учиться контролировать взрывы своих эмоций. Он бы на руках ее носил, только бы не переживала и не нервничала.

Но он ее не любил, и в этом была основа всего плохого, что случилось с Викторией по его вине.

— Арен... — прошептала жена, когда они уложили детей и перенеслись в ее комнату. — Как ты?

— Все в порядке, — ответил император, погладив ее по плечу. От того, что нужно остаться здесь — а значит, так и не увидеть Софию, которая была нужна сейчас, как

воздух, — Арена мутило, шею будто железным обручем стискивали, и легкие горели, а сердце, наоборот, леденело. — Не волнуйся.

Она всхлипнула и прижалась щекой к его груди.

— Это все ужасно, — сказала Виктория дрожащим голосом, обнимая Арена и зажмуриваясь. — Но я рада, что все выяснилось. Теперь я хотя бы понимаю, что со мной творилось последние годы, и могу это анализировать. Как ты считаешь, стоит ли рассказывать об этом психотерапевту?

— Обязательно.

— А ты... — Жена подняла голову и неуверенно посмотрела на него. — Ты не прослушивал наши сеансы?

— Нет. — Арен устало вздохнул, подавив вспышку раздражения. Защитник, проклятье проклятьем, но Виктория никогда не понимала его по-настоящему. — Силван Нест отчитывался мне только после первого раза и больше не приходил. Значит, не было необходимости.

— Не злись, — Виктория вновь опустила глаза. — Я же не для того, чтобы обидеть. Я только поинтересовалась.

— Я понимаю. Просто устал.

— Устал... — Она взяла его за руку и потянула к двери в спальню. — Тогда пойдем. Пойдем.

У Арена появилось ощущение, что его пытаются, и он невольно вспомнил, как когда-то давно — словно в прошлой жизни — он почти так же тащил за руку Эн, и ее тогда тошнило не меньше, чем его сейчас.

Какой же это был глупый и бессмысленный поступок. И жестокий до безумия. И Арен почувствовал себя Эн, стоило Виктории подвести его к постели и начать расстегивать пуговицы на рубашке.

— Утром я ходила к Тадеушу, — вдруг сказала жена тихо и растерянно улыбнулась, глядя на императора исподлобья. — Беременность три недели.

От неожиданности он поднял руки и сжал ладонями пальцы Виктории.

— Что?..

— Я беременна, — повторила она, по-прежнему улыбаясь. — Беременна, Арен!

Сердце замерло, а потом вновь забило, и в ушах зашумело, будто бы он долго катался на карусели.

— Защитник... хоть одна хорошая новость за сегодняшний день, — пробормотал император, обняв жену.

— Ты рад? — спросила она глухо куда-то ему в подмышку. — Правда, рад?

— Конечно, рад, Вик. Сообщи об этом психотерапевту, чтобы скорректировал назначения, в ближайшее время. С Тадеушем я завтра поговорю, он ведь должен был сказать, что зайдет к тебе утром, как всегда, верно?

— Да.

— Хорошо. Не пей, пожалуйста, кофе, и вместо своих любимых сладостей ешь лучше больше фруктов. Да, и работать в оранжерее теперь будешь до обеда — потом отдыхай, можешь гулять или заниматься с детьми. Насчет организаторских обязанностей посмотрим, но точно не в ближайшие три месяца. И... — Арен почувствовал, что Виктория странно трясется, и запнулся. — Что такое?

Она подняла голову, и он увидел, что жена смеется. Но сказать ничего не успел — она внезапно прильнула к нему всем телом и поцеловала, запуская ладони в волосы точь-в-

точь как София.

Желание оттолкнуть стало почти невыносимым, но Арен сдержался, и даже погладил Викторию по спине, но сразу пожалел об этом — супруга вздохнула и ускорила процесс расстегивания рубашки.

— Вик, — произнес Арен, все же перехватив ее руки, — сегодня только сон, и больше ничего. Я устал, как охранитель после смены.

— Да-да, конечно, — кивнула она, нерешительно закусив губу. — Но можно, я тебя раздену?

Сказать «нельзя» он не мог, да и не имел права.

— Конечно.

Оставалось только ждать и не отталкивать, и Арен делал то, что должен был делать, немного удивляясь на Викторию, которая нежно целовала его и была счастлива, кажется, лишь оттого, что он находился рядом.

Император ожидал, что жена будет продолжать процесс соблазнения и в постели, но Виктория лишь обняла его, положила голову на грудь, радостно вздохнула — и почти сразу заснула, улыбаясь во сне, как маленькая девочка, которой подарили самый лучший в мире подарок.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

София проснулась посреди ночи от ощущения, что ее крепко и горячо сжимают в объятиях, трепетно целуют в щеку и шепчут:

— Счастье мое...

Она развернулась к Арену лицом, обвивая его обеими руками, сливаясь с ним, и прошептала в ответ:

— А ты мое.

Он пах, с одной стороны, знакомо и узнаваемо, а с другой — к этому запаху примешивались новые нотки, сладко-пряные, и их хотелось стереть, смыть с него.

И София стирала, прижимаясь и поглаживая ладонями кожу Арена, и чувствуя от него жаркие волны возбуждения, которые доходили до нее вместе со вспышками света в глазах, возникающими из-за того, что император вновь начал гореть, обнимая ее не только руками, но и огнем.

И кровь стала быстрее двигаться по венам, и сон куда-то подевался, и глаза распахнулись сами, когда София ощутила Арена в себе — горячего, дрожащего от желания, — и поцеловала его в губы, двигаясь навстречу.

И это было так глубоко и остро, что, когда все закончилось, у них уже не осталось сил на разговоры — только на сон.

В следующий раз София проснулась от горечи на губах и в сердце, и сразу поняла, что эта горечь принадлежит не ей, а Арену.

— Что-то случилось? — спросила она негромко, заглядывая ему в глаза. За его спиной вставало солнце, играя золотыми лучами на оконном стекле и занавесках, и из-за того, что свет был сзади, глаза императора показались Софии еще более черными, чем обычно.

— Много всего случилось, и я не знаю, с чего начать, — ответил Арен с такой стыльностью в эмоциях, что София сразу все поняла.

— На Виктории что-то было, да?

Он кивнул и начал рассказывать про проклятье Аарона, оказавшегося шаманом, и с каждым словом девушка все сильнее жалела императрицу. Сложно представить, каково это — когда малейшая неприятность, вызывающая в тебе укол раздражения, постепенно раздувается до катастрофических размеров. Не удивительно, что Виктории теперь нужна помощь психотерапевта!

— Бедная твоя жена, — пробормотала София, вздохнув. — Защитница, каким гадом он был...

— Не то слово, — поморщился Арен. — Нашел против меня идеальное оружие, сам же эмпат, понимал, как меня станет раздражать супруга, даже с учетом эмпатического щита. Но я теперь осознаю, почему Виктория так стремилась к физической близости и настолько легко вспыхивала страстью.

— Почему?

— Негативные эмоции неохотно переходят в позитивные, — пояснил император. — Сама понимаешь — когда ты сильно злишься, резко переключиться в радость почти нереально, только если тебе скажут что-то ошеломляющее. Но чувственное возбуждение не относится к позитивным эмоциям — это эмоции нейтральные, и вот переключения на них из негатива как раз добиться можно. Это был мой единственный способ успокоить жену, — он грустно усмехнулся. — Какой же я дурак, Софи! Только по одному этому

признаку можно было распознать эмпатическое проклятье.

— Опять ты себя винишь, — вздохнула она с грустью, погладив его ладонью по груди. Арен перехватил ее руку и начал целовать пальцы.

— Я виню, потому что виноват. Я легко поверил в то, что поведение Виктории изменилось из-за гормональной вспышки во время беременности, и не стал проверять сказанное шаманом, которого привел Аарон. Я мог бы докопаться до истины, мог... Жаль, что рядом тогда не было Гектора, он наверняка догадался бы, но Дайд обо всей этой истории даже и не знал, я не рассказывал. Это все было так давно, и я настолько привык к истерикам Виктории, что и не подумал поделиться с ним.

— Все предусмотреть невозможно, — сказала София решительно. — Получается, ты сейчас винишь себя в том, что сделал твой брат. Это он проклял Викторию! Он виноват. Он, а не ты.

— Софи...

— Нет! Скажи мне, разве Гектор виноват в преступлениях, которые совершают воры, убийцы и насильники? — продолжила она горячо. — Разве он виноват в том, что не может кого-то найти или находит, но не быстро? Нет! Если бы не Аарон, с твоей женой все было бы хорошо. Только он виноват, только он, а не ты!

София целовала и гладила императора, чувствуя его горечь и боль, и желая стереть все это с его сердца так же, как несколькими часами ранее стерла запах Виктории.

Но если бы это было так же легко.

— Жене сейчас нужна моя помощь, — проговорил Арен глухо, уткнувшись лбом Софии в плечо, и она неожиданно подумала, что он делает так в минуты слабости. — Мне нужно больше быть с ней рядом. К тому же, Виктория беременна.

София застыла, ощущая, как ее заливают то жаром, то холодом — и непонятно, чего больше.

Защитница! Конечно, ребенок — это замечательно, но теперь она будет видеть Арена еще реже, и от этого было так грустно, хоть плачь.

— Да, конечно, — она вздохнула, погладив императора по волосам, и горечь его усилилась. — Не надо, не переживай, все хорошо.

— Мне бы отпустить тебя, Софи, — прошептал он ей в плечо. — Отпустить, чтобы ты смогла завести собственную семью. Но я не могу.

— Ты — моя семья, — сказала она твердо. — И никуда я от тебя не уйду. Мы справимся. Вместе.

Виктория открыла глаза и сразу поняла, что уже часов восемь утра, а может, и больше — небо за окном было ярко-голубым и в комнате тоже было светло, ясно, и так легко в душе, что хотелось плясать.

— Я пойду будить детей, — проговорил Арен, стоя возле ее постели. Он был полностью одет и серьезен, и лицо его казалось самым темным сейчас в этой комнате. — Если хочешь, поспи еще немного, торопиться некуда. Оранжерея может и подождать.

— Арен, — Виктория приподнялась и попыталась дотронуться до руки мужа, но он сделал шаг назад — словно не хотел, чтобы она его трогала, — ты... Мне кажется, тебе надо отдохнуть.

— Я отдохнул, — говорил он, тем не менее, со спокойной мягкостью, — не волнуйся. А ты как себя чувствуешь? Не мутит пока?

— Нет, — Виктория смущенно улыбнулась, вспомнив, как накануне Арен начал объяснять ей, что она должна делать, и во всем этом было столько искренней заботы, что она в тот момент вспыхнула от радостной нежности. — Я чувствую себя прекрасно. Сегодня придет Силван, я ему обязательно расскажу про проклятье.

— Да, и попроси своего врача зайти ко мне после сеанса, охрана проводит. Все, Вик, я пойду к детям. — Император развернулся и направился к камину. — Если решишь не идти на завтрак, прикажи принести его в покои.

— Я приду, конечно. — Стало немного смешно. — Ты теперь пылинки с меня сдувать будешь?

Перед тем, как шагнуть в камин, Арен посмотрел на нее и улыбнулся — и не кому-нибудь, а именно ей! Виктория, увидев эту улыбку, так обрадовалась, что даже слезы на глазах выступили.

— Конечно, буду.

Чуть позже, когда императрица встала и оделась, к ней заглянул Тадеуш Родери. Взял кровь, померил температуру и даже зачем-то заглянул в рот, а после, кивнув, заявил, что все действительно прекрасно и он не видит поводов для беспокойства. Так что Виктория, проводив врача, направилась в столовую, где уже начинали завтракать муж и дети.

Агата и Александр баловались и хохотали, как это часто бывало по утрам, когда у них еще было особенно много сил, и она вдруг представила, что скоро здесь появится еще один ребенок. И не только здесь — повсюду. Еще один прекрасный малыш. Интересно, девочка будет или мальчик?

Виктория улыбнулась, в который раз за утро ощутив душевный подъем и радость, и посмотрела на Арена. Он тоже улыбался, рассказывая детям про то, откуда на небе берутся звезды, и они заворожено застыли, глядя на него с открытыми ртами. Но, несмотря на эту улыбку, муж все равно вновь показался Виктории замученным, словно он почти не спал.

Она опустила глаза — радость сменилась стыдом от понимания: она никогда и ничего не делала для того, чтобы облегчить Арена жизнь. Виктория ее только усложняла, да и сейчас не представляла, что может сделать, чтобы помочь супругу хоть с чем-нибудь.

Почему ей это не приходило в голову раньше? Неужели из-за проклятья?..

До полудня императрица работала в оранжерее, а затем вернулась во дворец и вошла в салон, где уже находился Силван. Выглядел он свежо и бодро, наливая в чашку крепкий янтарный чай, и резко встал, когда Виктория вошла в комнату, едва не уронив чайник. Напиток чуть расплескался, и врач, схватив салфетки, принялся вытирать лужу на столе, продолжая улыбаться.

— Доброе утро, ваше величество.

— Доброе, — Виктория кивнула, подходя ближе и тоже улыбаясь. — И мне налейте, пожалуйста.

— Обязательно. Как ваше настроение?

Она села на диван, глядя на то, как Силван, вытерев до конца разлитый чай, вновь начинает спокойно разливать его по чашкам, невольно сравнивая его движения с движениями мужа. У обоих они были скупыми и лаконичными, но при этом Арен всегда двигался более плавно. Он вообще был очень пластичным, прекрасно танцевал, но не любил это, особенно церемониальные балльные танцы. «Слишком строгие, а для настоящего танца важна свобода», — так он говорил.

— Хорошее. Наверное, даже очень. Несмотря на кое-какие неприятности, о которых я должна вам рассказать.

— Должны? — уточнил Силван, протягивая Виктории чашку и садясь на диван. — Ваше величество, если...

— Я помню, что могу не говорить, если не хочу. Но я хочу. И должна тоже, Арен

попросил это сделать, и он прав.

Она медленно, посекундно сбиваясь и подбирая слова, рассказывала врачу о проклятье Аарона, и к своему удивлению заметила, как обычно невозмутимое лицо Силвана начинает подрагивать и колебаться, словно поверхность воды, на которую кто-то уронил тяжелый камень.

— Я всегда считала шаманов шарлатанами, — говорила Виктория, немного нервно помешивая чай в чашке. Делать это было вовсе не нужно — сахар в напиток она не клала. — И когда Арен предложил, чтобы меня проверил шаман — тогда, восемь лет назад, — я думала, что это уж совсем лишнее. А вы что думаете? Вы встречали настоящих шаманов?

— Я никаких шаманов не встречал, только слышал о них, — покачал головой Силван. — Что ж, если это все правда... Скажите, вы теперь чувствуете разницу в силе эмоций?

— Да. Раньше, если я злилась, то начиналось все с небольшого раздражения, а потом... — Она поморщилась. — Ужас, что было потом. Я только не понимаю, почему теперь я совсем не злюсь. Ведь проклятье усиливало существующие эмоции, а не заставляло их возникать. Но за последнюю неделю я ни разу не чувствовала ничего плохого. Даже когда случайно пролила кофе на любимое платье.

— Я не могу утверждать точно, поскольку не сталкивался в своей практике с подобными проклятьями, но могу сделать предположение. Думаю, вы неосознанно сопротивляетесь негативным эмоциям, поскольку последние годы их было слишком много и они доставляли вам дискомфорт. Ну и вам, конечно, помогает терапия: то, о чем мы говорим с вами, задания, которые вы выполняете.

— Ясно. Есть еще одна вещь, которую я хотела узнать у вас насчет этого проклятья. — Императрица на мгновение отвела взгляд. Было неловко. — Эмоции — это одно, но почему я почти не могла думать? Я над многими вещами совершенно не задумывалась. Они мелькали в моей голове, не задерживаясь. Почему?

— Приведите мне пример, пожалуйста. О чем вы не задумывались?

— Я не замечала, что муж устает, — призналась Виктория тихо, и неловкость переросла в стыд. — Нет, я замечала, но... Мне не казалось это важным, что ли. Я знала, но меня это не трогало. Я такая равнодушная или...

— А как думаете вы сами? — поинтересовался Силван, отпив чаю. Он уже справился с удивлением и вновь был образцом спокойствия. — Давайте попробуем порассуждать.

— Мне и думать-то не хочется, — вздохнула она. — Неприятно.

— Понимаю.

— С одной стороны, я осознаю, что варились все время сама в себе, — продолжала Виктория, закусив губу. — Мои собственные чувства были столь сильны, что я не обращала внимания на других людей. Но... мне почему-то кажется, что это слишком просто и неправильно — думать, будто я совсем не виновата, а это все только проклятье, и больше ничего. Оно усиливало мой негатив, это правда. Но разве могло оно помешать мне сочувствовать Арену? — В голосе ее прорезалось отчаяние. — Эгоизм — это ведь не плохие эмоции, а черта характера. Я не думала о муже не из-за проклятья, а... потому что... — Она выдохнула, вдруг кое-что осознав. — Я его не любила. Да, точно. Я хотела, чтобы он любил меня, но не любила его сама.

Как только Виктория сказала это, ей неожиданно стало легче, словно она сделала глоток воды после жаркого дня.

— Ваше величество, — голос Силвана звучал мягко, обволакивающе, будто утешал, — никто не может прожить жизнь и не быть ни разу ни в чем не виноватым, особенно перед близкими. Когда мы чувствуем себя виноватыми, то просим прощения и пытаемся исправить ситуацию.

— Я просила прощения. Но Арен... не впечатлился. Сказал, что не сердится, и чтобы я об этом не думала.

— А как он должен был ответить, чтобы вы были довольны?

Виктория на секунду застыла, а потом усмехнулась и закрыла лицо руками.

— Опять! У меня иногда чувство, будто я хожу кругами.

— У всех нас бывает такое чувство, — заметил врач, подливая чай в ее чашку. — Но сейчас это не так. Посудите сами — еще неделю назад вы говорили, что любите мужа, теперь — что не любите. Разве это круг?

Силван улыбался, но насмешкой это не было, и Виктория засмеялась, убирая руки от лица.

— Да, это точно не круг.

Гектор привел шаманку вновь около полудня, сразу после того, как у Арена закончилось совещание с Хозяйственным комитетом. Она была все с той же сумкой из светло-бежевой мешковины, явно битком набитой какими-то шаманскими «артефактами», но вместо коричневого платья на Ив сегодня было надето темно-синее, из-за чего ее пронзительно-голубые глаза выделялись на смуглом лице еще сильнее.

— Здравствуйте, ваше величество, — она поклонилась, и Арен кивнул им с Гектором, указывая на диван и выкладывая на стол гребень, о котором накануне упомянула Виктория — утром он забрал его из комнаты жены.

— Вот вещь, о которой говорила вчера моя супруга. Меня интересует, был ли этот гребень действительно связан с проклятьем, и если да, то что с ним делать? Уничтожить?

— Сейчас посмотрим.

Шаманка вновь взяла миску и налила туда воду, а потом положила внутрь гребень. Он был очень красивый — серебряный и весь усыпанный жемчугом, как бывает усыпана росой трава поутру.

К удивлению Арена, вода в миске вдруг стремительно почернела.

— Да, есть на этом гребне связующая ниточка, — сказала Ив Иша удовлетворенно. — В принципе, даже с этой ниточкой украшение безопасно, тем более брат ваш умер. Но носить его императрице не рекомендую — настроение будет портиться очень быстро. Так всегда бывает с проклятыми вещами, даже если их очистить. Негативная энергия до конца не уходит.

— Значит, лучше уничтожить?

— Да, или просто не носить, — она достала из воды целый и невредимый гребень, положила на стол, и Арен, коснувшись украшения, сжег его. На поверхности остался только пепел, и сердце кольнуло — он напоминал о случившемся в День Альганны.

— Следующий вопрос — тот, который я задавал вчера, айла Иша. Я хочу знать, кто научил моего брата шаманской магии и где искать этого человека.

— Попробую, — пробормотала Ив Иша, вытаскивая из сумки карты, долго мешала их, а затем разложила на столе на этот раз девять карт — по три в ряд. Рассматривала с минуту, водила над ними руками, а после произнесла: — Мужчина вашего брата учил. Вы его видели однажды, несколько лет назад, он во дворец приходил. Давно ваш брат с ним познакомился, еще когда принц мальчишкой был. Мужчина этот — не как я, не обычный человек, а маг, и силы неплохой. Но он далеко, не здесь, не в столице. Очень похоже, что на севере — огонь показывает.

— На севере, значит, — задумчиво протянул Арен и изумился, когда шаманка вдруг указала на Гектора.

— Ты его найдешь. — Голос был твердым, уверенным. — Скоро.

— Прекрасно. — Гектор сощурился, как довольный кот, греющийся на солнышке. —

Уважаемая, а имя его ты подсказать не сможешь? В воду травку бросить, например, чтобы она в буквы сложилась.

— Нет, — Ив Иша усмехнулась. — Не получится так. Много имен может быть, много букв, как понять истинное? Иначе сделаем. — Она убрала карты и достала из сумки небольшой хрустальный шар с кулак величиной на деревянной подставке, какую-то коробочку и алый тканевый платок. — Держи, — протянула платок Гектору. — Глаза завязывай.

— Это зачем? — спросил дознаватель весело, тем не менее слушаясь. — Если надо, чтобы не смотрел, так я и закрыть их могу.

— Если закрыть, то случайно и открыть можно. А так не откроешь. Нельзя до поры до времени, чтобы свет проникал, необходимо, чтобы зрачки твои от него отвыкли. Чтобы стали способны скрытое рассмотреть.

— Любопытно, — хмыкнул Гектор, а Ив Иша уже подсовывала ему под нос открытую коробочку.

— Ну-ка, сделай глубокий вдох, а потом еще один, и еще.

Дайд послушно вздохнул — раз, другой, третий, — и после третьего его явно повело: дознаватель закачался, схватился руками за голову и провыл:

— Ой-е-о-о... Это что ж за дурман-то такой, Ив?! О-о-о-у-у-у...

Стонущий и раскачивающийся из стороны в сторону, словно маятник, Гектор выглядел так забавно, что император фыркнул, интересуясь у шаманки:

— Надеюсь, он хоть в обморок не упадет?

— Если будет так раскачиваться, то может, — она схватила Дайда за плечи, останавливая, и сказала: — погоди ты, пройдет через минуту. Смотри перед собой, понял? Я сейчас повязку твою сниму, прямо к носу шар поднесу, в него смотри. И думай об этом человеке, которого ты найти должен. Все, что про него знаешь, думай. И в шар смотри. Понял? — повторила шаманка, и Гектор просипел:

— Да.

Казалось, что он изо всех сил сжимает зубы — скулы оформились, кожа на щеках под платком была бледно-зеленой, а по линии роста волос возле лба Арен заметил мелкие капли пота.

Ив Иша сдернула повязку, перед этим приподняв одной рукой хрустальный шар и практически прижав его к носу Дайда.

Ошалевший Гектор таращился в шар несколько секунд, и глаза его медленно съезжались к переносице.

— Тиль... — прохрипел он наконец и, зажмурившись, поднял руки и прижал ладони к вискам, как будто у него была невыносимая головная боль.

— На, попей, — Ив Иша поставила перед ним свою фляжку с водой. — Родниковая. Легче станет, вот увидишь.

Долго уговаривать Гектора не пришлось — он быстро схватил флягу, вытащил пробку и присосался к горлышку, проигнорировав стакан, который к нему придвинул Арен.

— Ф-ф-фу-у-ух, — выдохнул он через полминуты. Лицо его перестало быть бледно-зеленым, но оставалось бледным, как обычно. — Так что это за дрянь была, Ив?

— Толченый чешуйчатый гриб, — пояснила шаманка, и у Гектора чуть округлились глаза.

— Так он же...

— Все надо уметь готовить, — она пожала плечами. — Любой яд при правильной

дозировке и правильном приготовлении становится лекарством. Из чешуйчатого гриба, правда, лекарство не приготовишь, но вот порошочек, благодаря которому незрячие зрячими становятся на несколько секунд — вполне можно.

— Надеюсь, мне больше прозревать не придется... — Поморщился Гектор и посмотрел на императора. — Я деревню в шаре увидел. Явно северная — Геенна там тоже была где-то с краю. И указатель был перекрестный, простой, деревянный. Два названия не разглядеть, а третье на стрелочке — Тиль.

— Есть такой поселок на севере, — кивнул Арен, встал из-за стола и, подойдя к шаманке, наклонился и пожал ей руку в знак благодарности. — Спасибо. Ты очень помогла.

— Я рада, ваше величество.

После того как Ив Иша и Дайд ушли, на аудиенцию к императору попросился Силван Нест. Арен, мимолетно глянув на браслет связи — время уже подходило к обеденному, — попросил Адну впустить психотерапевта.

Поздоровавшись с вошедшим и разрешив ему сесть, император сразу приступил к делу и поинтересовался, рассказала ли жена о проклятье.

— Да, — кивнул врач, — ее величество все мне передала. И насчет беременности сообщила, я поэтому скорректировал назначения.

— Хорошо. Я хотел узнать у вас, айл Нест... Насколько опасно то, что Виктория восемь лет жила под таким проклятьем, для ее психики? Чем это вообще может ей грозить?

— Я говорил вашей жене, что впервые сталкиваюсь с подобным в своей практике, — произнес психотерапевт извиняющимся тоном. — И я бы рекомендовал вам проконсультироваться также с другими специалистами. Мое мнение таково: если продолжать намеченную нами схему лечения с регулярными сеансами, все будет нормально. Но ее величеству для реабилитации, возможно, понадобится не один год...

Силван говорил еще минут пять о дальнейших планах по психотерапии, а когда услышал от Арена про премию, слегка покраснел, но отказываться не стал, только наклонил голову и поблагодарил. И как только психотерапевт ушел, император сделал то, о чем посоветовал Нест — связался с главврачом Императорского госпиталя и попросил его подобрать нескольких специалистов для консультаций.

Такой ошибки, как с шаманом, император решил больше не допускать.

С утра Агата занималась со своим учителем, а к Александру пришел преподаватель по плаванию, и пару часов София и наследник провели в бассейне. Не успели отдохнуть, как вернулась Агата, но одновременно с ней пришел учитель танцев, и до обеда наследники махали руками и ногами, делая гимнастику и разучивая разные движения. София в который раз поразилась, с каким недетским упорством и спокойствием ее воспитанники занимаются тем, что им не особенно нравилось — ни Агата, ни Александр к танцам расположены не были, но делали то, что от них хотел папа. Так оба и говорили: «Папа просит — значит, надо». Точнее, говорила Агата, а Алекс повторял.

А во время обеда София с трудом удерживала себя от желания обнять Арена, ощущая от него такую же тоску, какая царила в ее сердце при мысли о том, что сегодня вечером они вновь не увидятся. Да и завтра, и послезавтра... Если только он сможет прийти к ней ночью...

Подумав так, София едва не поморщилась — Арену бы хорошенько выспаться, а не прыгать из постели в постель. Да, увидеть его хочется, но еще сильнее хочется, чтобы он отдохнул.

После обеда к ним с Агатой и Александром присоединилась Виктория, которой император, как оказалось, запретил работать во второй половине дня, и София предложила отправиться всем вместе гулять в сад, пока погода не испортилась — ближе к ночи обещали дождь.

Светило яркое солнце, дети бежали чуть впереди, взявшись за руки — они были совершенно счастливы оттого, что мама с ними, — а София с Викторией шли по дорожке, сопровождаемые охранниками, и разговаривали.

Поначалу, когда София по привычке назвала императрицу ее величеством, услышавшая это Агата обернулась и сказала важно-торжественным голосом:

— Софи, мы же договорились!

Она уже хотела спросить, о чем, как вдруг вспомнила — и щекам сразу стало жарко.

— Не надо, если тебе неловко, — произнесла Виктория мягко, и у Софии появилось странное чувство, что императрица пытается с ней подружиться. Интересно, зачем? — Это же не главное все-таки. Мне нужен... твой совет. — Она на секунду замешкалась, а потом продолжила: — Я хотела бы как-то порадовать Арена, но не знаю, что можно сделать. Помогите мне, пожалуйста.

София от удивления чуть не остановилась, как будто ее в землю вкопали, но в последний момент пересилила себя и зашагала дальше, пытаясь справиться с выражением лица.

Порадовать Арена... Что ж, это объяснимо — Виктория желает наладить отношения с мужем. И сразу становится понятным стремление императрицы снискать ее расположение — он ведь всегда хотел, чтобы Виктория не ссорилась с аньян собственных детей, да и наследникам их дружба только в радость будет.

подавив в себе желание ответить «понятия не имею», София медленно сказала:

— Я думаю, вам... тебе можно попробовать организовать какую-нибудь поездку вечером, после того, как император освободится. Он ведь толком никуда не выезжает, не успевает просто. Устройте ему небольшой отдых. Только посоветуйтесь... посоветуйся с Ваном Вагариусом, чтобы он обеспечил нормальную охрану.

София покосилась на Викторию — императрица слушала очень внимательно, задумавшись, и лицо ее было воодушевленным.

— Мне нравится эта идея, — она кивнула и улыбнулась. — И знаешь, что еще мне приходило в голову... Правда, я не уверена... Что, если нам придумать и разыграть всем вместе небольшой спектакль? В главных ролях будут Агата и Александр, конечно. Можно еще Тасси пригласить. Что думаешь?

— Я думаю, это отличная идея, — ответила София честно. — Если хотите, я подберу что-нибудь интересное и для нас, и для детей.

— Да, конечно.

— А его высочество Арчибальд будет участвовать?

— Геенна скоро проснется, — покачала головой императрица. — Арен говорил, что по его ощущениям послезавтра, а он в этом отношении редко ошибается.

— Мама, Софи! — воскликнула Агата — видимо, девочке надоело идти по дорожке без интересного дела. — А давайте в прятки сыграем!

— А давай, — хмыкнула София. — Только чур — мы с вашей мамой прячемся, а вы ищите. И посмотрим, кто кого!

— Ха! — Александр махнул рукой, гордо надувшись. — Мы с Агатой вас тут же найдем!

— Давайте-давайте, — она развернула детей к ближайшему дереву, посмотрела на охранников — старший кивнул, быстро нажимая что-то на браслете, — и скомандовала: — Считаю до тридцати! И чур — не подглядывать!

Сразу после обеда у Арена было совещание с Комитетом культуры, науки и образования, а значит — с Вольфом Ассиусом, мужем Анны, и император, слушая его доклад, никак не мог отставить в сторону мысли о том, что сказал Гектор в воскресенье.

«Никто другой из вашего ближнего круга — из тех людей, с которыми вы регулярно

общаетесь, в том числе обедаете, — не замешан».

Снимает ли это подозрения с Вольфа или все же нет?

Арчибальд, которого Арен просил быть осторожнее с мужем сестры, ничего странного или подозрительного в его поведении не заметил, но это ничего не значило. Так же, как ровным счетом ничего не значило рассуждение Гектора про ближний круг.

Арен никогда не был близок с Вольфом, впрочем, как и с Несс. Но последнюю он чаще видел, а вот муж Анны пропадал на работе постоянно. Так было всегда, и даже если Вольф находился во дворце, он вполне мог не явиться на обед просто потому что хотел «поесть в тишине и покое», как говорила Анна. Арену не казалось это странным — он и сам часто не желал никого видеть, но он и так почти не видел близких, поэтому жертвовать обедами в угоду собственной усталости не собирался.

Получается, если Вольф замешан, он не мог снабжать информацией сам себя, поскольку ею не владел. Но почему в таком случае было не использовать Анну?

Арен задал этот вопрос Гектору и получил интересный ответ.

— Потому что это слишком подозрительно и слишком прямо, ваше величество. Отследить попадание информации от вашей сестры к зятю — это элементарно и проще некуда. Но Анна, по ее признанию, не обсуждала с мужем ничего, что касалось бы каких-то ваших дел. Они говорят только о своих делах, либо о чем-то отвлеченном. И Вольф никогда ничего не спрашивал у нее, не проявлял, так сказать, лишнего любопытства. Естественно, это не доказательство, но это странно. Создается впечатление, что муж вашей сестры сознательно избегал разговоров о вас. И обедов он тоже избегал — потому что его эмоции, в отличие от эмоций Аарона, вы чувствуете.

Арену было гадко из-за подобных рассуждений и того, что приходится подозревать родственников. Но брат многому его научил, и теперь император прислушивался к эмоциям Вольфа, пытаясь засечь хоть что-нибудь необычное.

Но необычного не было. Глава Комитета культуры, науки и образования был абсолютно спокоен, иногда чуть раздражаясь, если говорил о каких-то старых и давно обсуждаемых проблемах, но ничего, что можно было считать подозрительным, Арен не ощущал.

Утром он интересовался у Ив Иши насчет главы последователей Аарона, но толку это не принесло — шаманка сообщила, что на всю информацию о заговоре поставлен блок его братом.

— И снять этот блок никак не получится?

— Нет, — она покачала головой. — Все как колпаком накрыто, и колпак этот энергией смерти скреплен. Ваш брат, чтобы защитить остальных, использовал свою смерть в качестве силы, а то, что смертью закрепляется, не снимается никак. Если только другой смертью заплатить...

— Могу пожертвовать кем-нибудь из узников комитета, — протянул Гектор понимающе. — И даже не одним...

— Не годится. Не посторонний человек должен быть, а дорогой и любимый, чтобы плату вашу приняли и информацию позволили прочитать. А так это жульничество получается.

— Жаль, — вздохнул Дайд, вызвав и у императора, и у шаманки понимающие ухмылки, — а я уж размечтался...

Вот и теперь Арен смотрел на Вольфа и не мог понять, стоит ли подозревать его или все-таки нет. «Не крыса, а скорее, хомяк», — так сказал Гектор, и у императора эта ассоциация никак не выходила из головы. Аарон был умнейшим пауком, хитрейшей змеей, и после себя должен был оставить не менее хитрого и умного человека.

«Который должен притворяться хомяком», — подумал вдруг Арен, встретившись взглядом с невозмутимыми глазами Вольфа.

— Ваше величество, я хотел напомнить об интервью, которое нам нужно взять у Агаты.

Материал, который мы готовили, закончился, теперь нужен новый.

— Хорошо. — Арен на мгновение задумался и, поморщившись — вспомнил, что завтра его нелюбимая среда, — сообщил: — В четверг. О времени вам подробнее сообщит Адна чуть позже.

Вольф поклонился, так же спокойно возвращаясь к другим вопросам, и император невольно подумал еще одну вещь.

Человек, который встал на место его брата, должен быть не только хитрым и умным, но и безумно смелым, чтобы оказаться способным смотреть Арену в глаза и не испытывать при этом страха за свою участь.

Интересно... достаточно ли смел для этого Вольф?

Через десять минут после того, как сотрудники Комитета культуры удалились — Арен только и успел, что выпить чаю и просмотреть кое-какие отчеты на браслете связи, — к нему вновь пришел Дайд. Они договаривались, что Гектор подойдет к шести — другого времени попросту не было, — и сейчас император старательно искал в себе силы выслушать очередную информацию о расследовании.

Дознаватель, и сам уставший, чеканил слова, как монеты.

— Первое: запись воспоминаний последних месяцев ее высочества Ванессы в кристалл памяти не принесла никаких новых данных, зато доказала нам, что она действительно не врет и все было именно так, как она говорила. Второе: шаман, к которому ходила ее высочество, был на всякий случай задержан еще в воскресенье, но сегодня я его отпустил за отсутствием состава преступления. Он действительно шаман — Ив подтвердила, — но слабый, и вообще никак не замешан в деле, Ванесса выбрала его по чистой случайности, что становится тем более понятно после записи воспоминаний. Третье: об особенных талантах своего мужа ее высочество ничего не знала, и судя по реакции — это чистая правда, она была в полном шоке. Сейчас у нее уже нет сил играть перед нами спектакли, поэтому я склоняюсь к тому, что она в этом отношении не врет. И наконец, четвертое: запихнуть в Арвена Асириуса зелье правды не удастся, он крайне осторожен. Насильничать будем?

— Ты хочешь влить в него зелье силой? — устало уточнил Арен, потирая виски — от обилия информации голова будто распухла. — Будет забавно, если потом окажется, что он ни при чем.

— Я хочу подождать. Наверное, я все-таки немного романтик, — хмыкнул Дайд, — но я предпочитаю раскалывать подозреваемых сам, а не при помощи зелий.

— Напомнить, как ты недавно мечтал о пытках по примеру Корго?

— Это был черный юмор.

— Ясно. Что ж, я думаю, пока обойдемся без насилия, да и... ты веришь, что он знает, кто стоит во главе заговора? Вспомни, как было в случае с Аароном. Никто не знал, кроме Абрахама Адэриуса, главы Совета архимагистров.

— Кто-то должен знать. Хотя бы один человек. И я не исключаю, что это как раз Арвен, — пояснил Гектор. — А вот Виго мог и не догадываться, кому именно отчитывается. Он рисковал больше всех, поэтому я предполагаю, что о главном организаторе он был не в курсе.

— Да, скорее всего, — кивнул Арен и скептически усмехнулся. — Интересную паутину плел Аарон, правда? Паука знала только одна ниточка, а все остальные играли вслепую.

— Одной ниточки вполне достаточно, чтобы размотать целый клубок, ваше величество.

К удивлению императора, когда он перенесся в детскую, то застал там не только наследников и Викторию, но и Софию, хотя на часах уже было около семи вечера и жена могла освободить их аньян сразу после обеда. Однако не освободила, и теперь они вчетвером старательно рисовали, сидя за столом. Точнее, рисовали все, кроме Софии — она же ходила от одного своего ученика к другому и что-то показывала, а когда Арен вышел из камина, подняла голову и ласково улыбнулась, будто бы коснувшись его своей трепетной нежностью, в которой было много обреченной грусти.

Император, обнимая Агату с Александром и слушая их сбивчивый рассказ про то, как прошел день, отпустил Софию, а затем проследовал в столовую вместе с женой и детьми. Ему было одновременно и радостно, и печально оттого, что он замечал, как Виктория старается быть милой, хорошей и предупредительной — он понимал, что супруга хочет наладить отношения и он не имеет права отказывать ей во взаимности. Во-первых, она ведь его жена, а во-вторых — из-за того, что был так беспечен и не разглядел в ней проклятье Аарона. Что бы ни говорила София — он виноват.

Но сердце оставалось холодным несмотря на все поступки Викторией, на всю ее ласковость и даже подлизывание. Арен сочувствовал жене, но ничего не мог с собой поделать — он был не способен вызвать в себе что-то еще кроме обычной симпатии и сильнейшей жалости, словно к обиженному ребенку.

Уложив Агату и Александра и глянув на часы, император перенес Викторию в ее покои и, прежде чем она успела сказать хоть слово, попросил:

— Подожди немного, у меня есть кое-какие дела. Надо отлучиться. Надеюсь, это не займет дольше часа.

— Дела? — переспросила она пораженно. — Так поздно? Что-то случилось? Геенна?..

— Нет. Геенна должна проснуться в четверг. Сейчас дело не в ней. Не волнуйся. — Арен погладил Викторию по плечу, отвернулся и шагнул в камин, начиная строить лифт в собственный кабинет, где его ждали Эн Арманиус и Рон Янг.

Эта парочка попросила, чтобы он пришел вечером к ним, еще утром, и Арен обещал вырваться. Раз просят — наверное, что-то обнаружили.

Из секретной комнаты доносились возбужденные голоса, которые разом смолкли, когда император перешагнул порог.

— Добрый вечер, ваше величество, — хором сказали Эн и Рон, выпрямляясь над столом, а Арен изумленно оглядывал то, что лежало там — листки бумаги, испещренные каким-то рисунком.

— Что это? Вы нашли?..

— Если бы, — фыркнул Янг. — В ваших закромах мы пока находим только пыль и пауков.

— Рон!

— Ладно, ладно, больше не буду, не нервничай так, Энни. Это я сделал магпортрет Венца, когда вы его приносили, и зарисовал сплетение формул на артефакте.

Арен перевел взгляд на рисунки и пару секунд пытался понять, что там изображено, но безуспешно — формулы так переплетались, что он никак не мог распознать, где кончается одна и начинается другая.

— Это грандиозно, — продолжал между тем Рон, тыкая пальцем в центральный листок бумаги. — Смотрите. Вот это — константа, то есть, неизменяемая величина, необходимая для правильного функционирования формулы заклинания и это самое заклинание поддерживающая. Практически все остальные части формул можно изменить — кроме константы.

— Я в курсе, что такое константа, айл Янг, — перебил Рона Арен. — То, что я не артефактор, не значит, что я неуч. И какую же константу вы обнаружили на Венце?

— А вот это действительно интересно, — продолжал мальчишка с энтузиазмом, ничуть не уязвленный замечанием. — И даже странно, что никому раньше в голову не пришло Константа «ус», что значит — связь. Здорово, правда? Ведь каждая аристократическая фамилия в Альганне заканчивается на «ус»!

— Кроме моей.

— Кроме вашей, — кивнул Рон, усмехнувшись. — Но вас связали кровью, поэтому вам не нужна константа.

Арен нахмурился, пытаясь понять, о чем говорит артефактор, и в этот момент Эн чуть раздраженно сказала:

— Давай-ка я объясню, а то ты так рассказываешь, что я сама уже начинаю сомневаться в своих умственных способностях. А ты, если что, меня дополнишь. Ага?

— Угу, — махнул рукой Рон, опять же не обидевшись, и Эн, склонившись над тем же центральным листком, обвела пальцами рисунок по кругу.

— Вот это — самый большой из рубинов в вашем Венце. Зарисовывая формулу, мы обнаружили, что все ее концы замыкаются на нем, а в самом рубине — знак «ус», усиленный в несколько раз, что означает — это именно константа. «Ус» всегда обеспечивает связь между объектами. Какие у нас объекты?

— Аристократические рода.

— Погоди, Рон. От знака «ус» идут лучи с формулами, в которые, во-первых, заключена фамилия определенного рода, а во-вторых — там же записана формула тождественного родовой магии заклинания. То есть, например, у Арманиусов это формула заклинания, которое называется «хозяин дома», у Валлиусов — «усыпляющий взгляд», и так далее.

— Получается, родовые особенности записаны на Венце, — протянул император. — И мои тоже?

— Ваши — нет, — ответил Рон, прежде чем Эн открыла рот. — И это то в-третьих, которое еще не упомянула Эн. Фамилия Альго идет в каждой формуле каждого аристократического рода, так же, как и константа «ус». То есть, ваша фамилия — это по сути вторая константа. Из чего можно сделать однозначный вывод, — хмыкнул Янг, — что родовая магия существует, пока Венец носят Альго.

Арен ощутил резкое желание срочно присесть, но оба стула были заняты какими-то папками и бумагами, поэтому пришлось остаться на ногах.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — произнес император медленно. — Много лет назад, когда открылась Бездна, начала расширяться и из нее в наш мир хлынули демоны, группа из нескольких сотен или даже тысяч магов пожертвовала своими жизнями, чтобы закрыть Бездну, и в результате их действий возникла стена из огня, названная Геенной. Вы предполагаете, что эта стена — множество абсолютных энергетических щитов, которые по какой-то причине не исчезают. И видимо, по этой же самой причине у аристократии существует родовая магия, которая записана в формулах на Венце.

— Причин может быть несколько, — сказала Эн. — Но в остальном все верно. Поэтому в Альганне есть родовая магия, а в других странах ее нет, и поэтому же она есть только у тех фамилий, которые записаны на Венце.

— Я, кстати, думаю, что они были изменены, — заметил Рон задумчиво. — Раньше они все звучали несколько иначе, но пришлось менять — чтобы связь между родами была крепче, в фамилии вписали «ус».

— А тремя буквами алфавита их почему ограничили? — поинтересовался Арэн. — С «ус» я понял. Но зачем было такие рамки рисовать?

Янг и Эн мгновение потрясенно смотрели на императора, а затем, улыбнувшись, переглянулись.

— Ваше величество, — выпалил Рон восхищенно, — вы гений. Мы с Эн ломали над этим голову, ломали, а вы бац — и поставили все на место одним своим вопросом!

— В таком случае я бы желал услышать ответ на него.

— Рамки, — выдохнула Эн, не переставая улыбаться, — вы сами сказали про рамки. А ведь действительно — чем обширнее используемые в формулах знаки, тем сильнее она расплзается и тем проще ее сломать. Получается, создателям этого заклинания нужно было максимально унифицировать фамилии. Чтобы они как можно крепче держались друг за друга.

— Тот, кто это все придумал, был великим магом, — добавил Янг с грустью. — Хотел бы я с ним пообщаться...

— Я только не понял, почему в моей фамилии нет «ус», — перебил артефактора Арен. — Как обеспечивается связь между остальными аристократическими родами и Альго?

— А я не сказал? — слегка изумился Рон. — Венец — кровный артефакт, это первое. Сделан на крови вашего предка, а кровь — это лучшая связь. Второй момент я уже упоминал — ваша фамилия вписана в каждую из формул каждого аристократического рода. Венец весь ею изрезан.

Арен смотрел на листки бумаги, лежащие на столе, и пытался уместить в собственной голове все сказанное. Помещалось оно туда с трудом, и через пару мгновений император понял, почему.

— И зачем было нужно записывать на Венце заклинания, ставшие родовыми? Я уже понял, что вы считаете императора Альганны связным-артефактом между Геенной и аристократией. Но при чем здесь родовая магия? Без этих заклинаний, что, связь бы не работала?

— Мы пока не знаем, — ответила Эн извиняющимся тоном. — Но узнаем.

— Зато мы поняли главное, — победно хмыкнул Рон. — У детей, рожденных от браков между титулованными и нетитулованными магами, будет родовая магия. Эн, я тебя поздравляю!

— Вот когда будет, тогда и поздравить. Рано еще...

Покинув Рона и Эн, Арен, не колеблясь, построил лифт в комнату Софии — очень хотелось увидеть ее и обнять.

Она еще не спала — стремительно бросилась навстречу, когда император вышел из камина, и прижалась, опалая его любовью так, что на секунду возникло искушение никуда не уходить, а Виктории сказать, что не было сил или он забыл.

— Я думала, ты не придешь, — прошептала София, утыкаясь в него и глубоко вздыхая.

— Ты не рада? — Арен улыбнулся, ласково целуя ее волосы.

— Ты же знаешь, что рада. Просто ты устал, и я бы хотела, чтобы ты отдохнул.

— Вот я и отдохну сейчас. С тобой.

Арен донес Софию до кровати, лег с ней вместе поверх покрывала и застыл, обнимая девушку и ощущая, как в него сплошным потоком льется ее горькое счастье, которое придавало ему сил несмотря ни на что.

Они молчали, только вжимались друг в друга, но время неумолимо шагало вперед, и минут через десять Арен, вздохнув, тихо сказал:

— Я пойду.

— Да, — ответила София глухо, и эмоции ее зазвенели от отчаяния. — Конечно, иди.

Это было почти невыносимо — вставать, отходить в сторону, глядя в тоскливые глаза любимой женщины, отворачиваться и, стиснув зубы, шагать в камин.

Императору казалось, что его на части распиливают, сжигая при этом в пламени Геенны, и все его существо будто бы кричало и выло от отчаяния и безысходности — что же ты делаешь, дурак, что? Зачем мучаешь ее, зачем? Отпусти, если любишь, ты ведь сам хотел этого, но не смог, не выдержал, сдался.

Теперь, когда Виктория беременна, разве ты сможешь с ней развестись? После того, как узнал о проклятье? После того, как понял, что сам во всем виноват?

Ты же клялся, клялся перед алтарем. Защищать, заботиться, быть рядом. А теперь мечтаешь бросить свою жену, которая виновата только в том, что вышла за тебя замуж, которая родила тебе двоих прекрасных детей и беременна третьим ребенком, которая хочет, чтобы ты был с ней, и не смотрит ни на кого другого.

Да, любовь — это очень много... но долг — это все-таки чуть больше.

После ухода Арена София долго сидела на постели, не двигаясь, и ей казалось, что она сейчас умрет от боли и отчаяния. Сердце в груди почти не билось, а когда все же ударилось о грудную клетку, то дыхания не хватало, и София чувствовала себя так, будто тонет в собственных эмоциях.

В конце концов она вновь рухнула на кровать и, сжав ладонями покрывало, разрыдалась, оплакивая их всех, втроем, и уже понимая, что должно случиться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Виктория проснулась посреди ночи оттого, что захотела пить. Она осторожно и очень медленно встала, подошла к столику, налила в стакан воды и сделала несколько глотков.

Арен не пошевелился. Он спал лицом к окну, и тусклый лунный свет падал на его лоб и щеки, оставляя в тени глаза и рот, делая его похожим на мертвеца, и Виктории от этого ощущения стало не по себе.

Когда он вернулся накануне — грустный, даже почти мрачный, — она пыталась спросить, в чем дело, но муж по обыкновению не поделился с ней ничем. Виктория понимала, почему так, она и сама бы на его месте не захотела делиться своими проблемами с человеком, который только добавляет их еще и никогда не сочувствует.

Может ли она исправить все то, что творила в годы их брака? Способна ли стать для Арена чем-то большим, чем просто долг перед обществом и законом? Виктории очень этого хотелось, но в голову лезла настойчивая мысль, что уже вполне может быть слишком поздно. Говорят, лучше поздно, чем никогда, но это несуразная глупость — «поздно» по сути и есть «никогда».

Виктория следила за реакцией мужа на свои прикосновения и поцелуи, но следить толком было и не за чем — Арен не реагировал. Он спокойно принимал все, но она не замечала в нем ни трепета, ни ответной нежности. Каждый раз, когда муж прикасался к ней, Виктории казалось, будто он пересиливает себя, преодолевает собственное нежелание трогать ее. Раньше она этого не замечала... или не хотела замечать?

Как же сложно анализировать свои поступки, особенно теперь, когда вскрылась правда о проклятье! Что можно списать на его действие, а что нет? Да, проклятье делало ее взрывной и вспыльчивой, но не оно повесило шоры на глаза, не оно делало равнодушной к измотанности мужа.

Виктория слишком громко вздохнула от сожалений о прошлом — и замерла, испугавшись, что Арен проснется. Но император не шелохнулся, продолжая лежать в той же позе и размеренно дышать, как любой глубоко спящий человек.

Она вновь вспомнила, как раздевала Арена вечером, и немного смутилась — впервые за годы брака Виктории захотелось прикоснуться к мужу ниже пояса, и вспомнился совет Несс, и руки невольно потянулись туда...

«Не надо», — сказал Арен кратко, покачав головой, и Виктория не посмела перечить.

Теперь ей было интересно, испытывал ли он хотя бы раз такое же удовольствие в постели, как она. И в то же время Виктория боялась услышать ответ на этот вопрос, понимая, что он вполне может оказаться отрицательным.

Она всегда наслаждалась близостью с мужем, забыв про старые страхи. Она знала, что супружеская постель не обязательно несет в себе радость и удовольствие, но у нее подобного опыта не было, Арен все время доводил ее до состояния какой-то невесомости, когда чудилось, что ты — не человек, а облако в небе, так легко и замечательно было.

Было ли ему так же?

Был ли он вообще счастлив с ней, как она с ним?

Виктория вновь вздохнула, но уже едва слышно. Да, она действительно была счастлива с Ареном все эти годы — несмотря на проклятье, ревность и собственные истерики, несмотря ни на что. А вот он...

Императрица мгновение смотрела на его лицо, но быстро отвернулась, не в силах выносить черные провалы на месте глаз и рта. Она вспоминала, насколько часто Арен говорил ей, что устал, вспоминала, как он быстро засыпал, едва коснувшись головой подушки — иногда даже не накрывшись одеялом, — и Виктории было больно и стыдно.

«Неважно, что говорить, — подумала она, потерев заслезившиеся глаза. — Можно утверждать, что любишь на словах, а на деле мучить, как я мучила Арена. Нет в

мучениях никакой любви! Когда любишь, не хочешь, чтобы мучился тот, кого любишь».

Виктория тихо подошла к кровати и вновь легла. Медленно подползла к мужу, осторожно обняла его одной рукой и уткнулась носом в спину.

«Я больше не буду тебя мучить, — обещала она самой себе так твердо, как могла. — Никогда».

Арен встал и ушел в свой кабинет раньше обычного — сон рядом с Викторией был беспокойным, и если в начале ночи он уснул просто потому что устал, то ближе к утру находиться в ее спальне стало невыносимо.

К Софии император не пошел, хотя очень хотелось, но ему нужно было подумать обо всем еще раз. Думалось, правда, плохо, и Арен чувствовал себя человеком, запертым в комнате без дверей и окон — оставалось только биться лбом об стену.

Ощущение разорванности преследовало его с вечера, когда он уходил от Софии, и до сих пор не отпускало. И Арен не представлял, как лучше поступить, чтобы уменьшить боль. Не свою — Софии. Он бы хотел, чтобы она была счастлива, а не мучилась, не страдала от их тайной связи.

Но разве ей будет легче, если он ее отпустит? Если бы Арен понимал, что да, будет — он бы попросил Софию уехать из дворца тут же. Но увы — подобный поступок не сулит ни ей, ни ему ничего, кроме боли и переживаний.

От этих рассуждений мутило и саднило в сердце, и император усилием воли заставил себя перестать думать об отношениях с Софией, переключившись на проблемы родовой магии.

Да, Рон и Эн молодцы — за такой короткий срок умудрились разобраться в вопросе, на который не могла ответить специально созданная комиссия более десяти лет. Они, конечно, еще не до конца разобрались, но продвинулись уже гораздо дальше. Хотя Арен и снабдил их секретной информацией, ее ведь нужно было правильно использовать, а уж догадка о роли Венца в этой истории — и вовсе заслуга этих двоих изыскателей.

На протяжении многих столетий Альганна — крупнейшая в мире страна, единственная империя, — считалась уникальной не только по причине обширной территории, но и потому что правящая семья Альго чтилась, как прямые потомки богов, спасших Альганну в частности и мир в целом. Защитник и Защитница наградили жителей империи, магов-аристократов, помогавших им в борьбе с демонами, родовой магией, оставили на троне своего сына — и растворились в небесной вышине. Так было записано в легендах, давно ставших канонами истинной веры, и это возносило альганцев над жителями других стран как избранный богами народ. Легенду об этом подтверждала родовая магия, которой больше ни у кого не было. И магия эта обладала удивительным свойством не передаваться бастардам. Даже в тех случаях, когда женщина беременела не от мужа, а от другого аристократа, ребенок рождался пустышкой, не перенимая родовую магию ни по фамилии «приемного отца», ни по крови родного. Теперь Арен понимал, почему так происходило. Необходимо было, чтобы сошлись оба условия — и фамилия, записанная на Венце, и кровь, что текла в жилах. Впрочем, женщин, которые изменяли бы своим мужьям и при этом беременели, в Альганне практически не водилось — родство по крови легко устанавливалось, да и про чудеса с родовой магией всем было известно, вот и старались не изменять, а уж если изменяли, то без незапланированных беременностей.

Рон и Эн полагали, что связь между фамилией рода и Венцом устанавливалась во время заключения брака. Испокон веков брачующихся благословляли вечным огнем, что горел в каждом храме Защитника и был частью пламени Геенны. В него опускались кольца, говорились ритуальные слова — и это, по-видимому, срабатывало как привязка к определенному роду для рожденных в будущем детей. Ритуал не считался магическим, так как никаких заклинаний не произносилось, но если учесть, что Геенна и сама — заклинание, магическим он все же был.

«И он был не просто магическим — он был связующим, — объяснял Рон накануне. — Обеспечивал связь между отцом и детьми. Но это работает только с теми родами, которые записаны на Венце, естественно. Связь между Геенной, Венцом, заключением

брака и родной кровью дает нам родовую магию».

Значит, Арен все сделал правильно, когда прописал в законе передачу титулованной фамилии супругу независимо от пола. В том случае, если не-аристократ женился на аристократке, в свидетельстве о браке должна была указываться титулованная фамилия. Правда, таких браков за прошедшие месяцы зарегистрировано не было, пока все боялись, зная, что родовая магия передается по отцу, но все когда-нибудь случается в первый раз. Во время ритуала в храме Защитника произносятся обе фамилии, но всегда уточняется, какую именно будет носить будущий ребенок, и если она записана на Венце, это должно сработать как признание рода. И у ребенка, рожденного у подобной пары, должна быть кровная магия, если Рон и Эн ни в чем не ошиблись.

«Мы не нашли на Венце никакого указания на то, что родовые заклинания передаются именно по отцу, — сказал Янг. — Значит, можно и по матери передать, надо только соблюсти остальные условия».

Но все-таки интересно — почему родовая магия пробудилась у Софии? Это Арен с Роном и Эн обсудить не успел. Впрочем, не страшно — сегодня вечером он с ними опять увидится.

Чтобы уснуть, София выпила успокоительную микстуру, но она ей почти не помогла — полночи девушка ворочалась, перекалывала подушку из угла в угол, переворачивала ее, стояла сначала у окна, а затем — у камина, и уснула только ближе к утру, доведя себя до полного изнеможения.

Больше всего она боялась, что Арен решит отказаться от их отношений, и корила себя за грустные эмоции, которые не смогла сдержать, когда он лежал здесь, рядом с ней. Она пыталась, изо всех сил пыталась думать о чем-то хорошем, но в голову все равно лезло одно и то же.

«Он сейчас уйдет к своей жене, и неизвестно, когда ты увидишь его опять».

Это не было ревностью или злостью, даже досадой не было — только грустью, но этой грусти Арену должно было хватить, чтобы вновь решить, будто он ее мучает. И как объяснить, что это не так? Как сделать так, чтобы он не терзался сам?..

Когда прозвонил будильник, Софии показалось, что она и вовсе не спала, настолько разбитой себя ощущала. Девушка встала с постели, умылась, но вместо того, чтобы спуститься к завтраку в столовую, шагнула в камин и начала строить пространственный лифт в кабинет императора, зная, что по утрам Арен находится там примерно полтора часа — с половины седьмого до восьми.

София не ошиблась — он был в кабинете, и как только она вышла из камина, поднялся, хмурясь, и от эмоций его веяло ледяным отчаянием, которое кололо ей грудь, резало, словно кинжалами.

Она подошла ближе и обняла его, прижавшись щекой к груди и прислушиваясь к стуку сильного сердца.

— Софи, — шепнул Арен, и его ладонь коснулась ее волос на затылке, погладила и переместилась на шею, — что случилось?

София улыбнулась, вздыхая. Теперь, когда она обнимала императора, все тревоги ушли, будто и не было их.

— Я хотела сказать тебе кое-что. — Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Знаешь, когда жена провожает мужа-охранителя на бой с демонами Геенны, она тоже страдает. Но кто виноват в этих страданиях? Муж? Или все-таки Геенна?

— Софи...

— Подожди, — она прижала пальцы к губам Арена и продолжила: — Ни одна любящая жена не согласится бросить любимого мужа-охранителя ради кого-то еще, просто потому что он не хочет причинять ей боль, не желает, чтобы она ждала его, не зная, вернется он сегодня или погибнет. Это предательство, Арен. Я никогда не предаю тебя. И ты не предавай меня.

От эмоций императора в голове у нее звенело, будто рядом кто-то громко кричал.

— Это не то же самое, Софи, — сказал он со спокойной горечью. — Я не охранитель и не воюю с демонами. И моя жена по закону — не ты.

— Может, ты и не воюешь с демонами Геенны, но ты — охранитель. Ты хранишь мир в Альганне. И каждый день борешься с теми, кто на него посягает. А я... — София приподнялась и, целуя императора, негромко произнесла: — Я люблю тебя и считаю своим мужем. Ты сам сказал — не перед людьми, но перед богом.

Она продолжала целовать его, ощущая, как эмоции постепенно перестают горчить, наполняясь совершенно другими чувствами — нежностью и благодарностью.

— Я не предаю тебя, счастье мое. Просто мне невыносимо тебя мучить.

— Мучаешь не ты, а обстоятельства, которые ты изменить не в силах.

Арен наконец улыбнулся, и София с радостью улыбнулась ему в ответ, вновь приподнимаясь и целуя его, и вспыхивая от удовольствия, когда он ответил на поцелуй, сжав ладонями ее лицо.

— Я постараюсь прийти сегодня.

— Хорошо. Но если не выйдет, не обвиняй себя ни в чем. Никогда, Арэн.

— Вряд ли у меня это получится, — он засмеялся, и София совсем обрадовалась, поняв, что смогла улучшить ему настроение.

— Получится-получится, — кивнула она с важной многозначительностью. — Я тебя научу.

Через несколько минут София покинула кабинет императора, вернувшись к себе, и уже оттуда поспешила на завтрак в столовую для слуг. С тех пор, как она практически вернулась с того света, по утрам к ней постоянно кто-то подсаживался и пытался поговорить, любопытствуя, как же так получилось, но София строго следила за языком и вообще старалась поскорее сменить тему.

Сегодня к ней тоже подсели, и она, подняв глаза на человека, загремевшего подносом, расплылась в улыбке.

— Мэл!

— Неужели кто-то рад меня видеть, — вздохнула служанка Ванессы и Анастасии. — Доброе утро, Софи.

— Доброе. Что-то я тебя не замечала последние два дня в столовой, а вы вроде с моря в понедельник вернулись?

— Вернулись, — ответила Мэл уныло, размешивая ложкой сахар в чашке с какао. — Я просто завтракала позже, чем ты, вот и не виделась.

София понимала, что девушке, скорее всего, запрещено говорить об аресте ее высочества Ванессы, и не стала задавать никаких вопросов по этому поводу. В участие Мэл в заговоре она не верила, но на всякий случай решила быть осторожной, поэтому лишь поинтересовалась:

— Как тебе море?

— Прекрасно, — Мэл чуть улыбнулась, будто бы вспомнив о приятном. — Там обстановка была другая, и все, кто туда поехал, забыли, что меня презирать надо, поэтому вдвойне прекрасно. Жаль было возвращаться.

— Понимаю. Меня как-то раз брали с собой на море император и императрица, до сих пор помню этот чудесный день.

— По правде говоря, я толком не успевала купаться, — фыркнула Мэл, принимаясь за кашу. — Днем дел было по горло, а вечером не всегда силы были на то, чтобы куда-то идти. Знаешь... — Она в нерешительности закусил губу. — Я хотела у тебя совета спросить. Только ты не говори никому, пожалуйста!

— Конечно, не скажу.

— Ее высочество Анастасия, скорее всего, где-то через полгода уедет в Альтаку минимум на год, а то и дольше, как получится. Зовет меня с собой. Как ты думаешь... стоит ли ехать?

В Альтаку? Интересно, зачем? Об этом Арен не рассказывал, видимо, забыл, потому что не слишком важно и заговорщиков не касается.

— Конечно, стоит, почему нет? Там точно на тебя никто не будет косо смотреть, а не понравится — вернешься. Кстати, — София понизила голос, — ты вроде говорила, что влюблена в кого-то из охранников, который тоже должен был поехать с вами. И как?

— А, — махнула рукой Мэл, смешливо поморщившись, — не романтичный он оказался. Мне прогулок и цветочков хочется, а ему сразу постель подавай. Не интересно! Может, мне в Альтаке больше повезет...

— Вполне может быть.

Эта среда оказалась такой же сумасшедшей, как и все прошлые — Арен даже на обед вырваться не успел. Совещание с Судебным комитетом длилось с утра до двух часов, и император понял, что возможностью пойти в столовую нужно пожертвовать — иначе придется встречаться с Гектором ночью, а ночью он все-таки предпочитал спать. Так что Арен попросил принести в кабинет обед на двоих персон и вызвал к себе Дайда.

Дознаватель выглядел немного посвежевшим, будто наконец выспался, но на поднос, уставленный тарелками с едой, посмотрел очень голодным взглядом.

— Спасибо, ваше величество, — пробормотал Гектор, сразу с энтузиазмом утаскивая себе горшочек жаркого. — Только вы меня и кормите.

— А ты женись, — посоветовал Арен, и Дайд от неожиданности уронил крышечку на стол. Она громко стукнулась о деревянную поверхность, но не раскололась, и Гектор, придерживав ее ладонью, покосился на императора с укоризной.

— Зачем же вы мне зла желаете? И не только мне, но и жене моей будущей. Какой из меня муж? Я вообще не помню, когда последний раз дома был.

Арен прекрасно знал, что Дайд частенько остается ночевать в комитете, поэтому не удивился.

— Вот женишься — и начнешь чаще бывать дома.

— Или наоборот, — хмыкнул Гектор, вылавливая из горшочка большой кусок мяса. — Ну-с, давайте по порядку... — Он прожевал мясо, проглотил и продолжил: — Начнем с наших арестованных. Арвен Асириус молчит, как рыба, и с его стороны информации никакой, зато кое-что все-таки выяснилось в Императорском театре, куда он регулярно наведывался. Ходят слухи, что у него была связь с их примой Элен Льер, но это пока только слухи, будем выяснять.

— Я видел эту актрису, — прищурился Арен, вспоминая свой последний визит в Императорский театр. — Очень яркая женщина и играла хорошо. Думаешь, она может что-то знать?

— Не факт, но вероятность есть. Арвен, конечно, умеет молчать, но не факт, что он умеет молчать в постели. Застенки Дознавательского комитета и теплая кровать — это разные вещи, и второе способствует расслаблению, следовательно, что-то брякнуть ей он мог. Я хочу понять, как это все связано — работа Виго Вамиуса под поддельными документами в Императорском театре, его убийство и постоянное посещение театра Асириусом. Здесь есть общая ниточка, какой-то человек, который знает их обоих и, возможно, именно он убил бывшего начальника охраны дворца.

— Почему ты думаешь, что есть кто-то еще? Допустим, Асириус просто любит театр, и он, посещая спектакли, решил использовать его как прикрытие для Виго. Это ведь удобно — столько народу вокруг и площадка для переноса имеется. А на охранника, который дал Вамииусу ключ от особняка в Ритайле, сам Виго и воздействовал ментально.

— Не клеится, ваше величество, — покачал головой Гектор. — Откуда Вамииус, устроившийся туда простым техником, мог знать, на какого именно охранника нужно воздействовать? Или откуда они оба — и Асириус, и Виго, — знали про особняк в Ритайле? Им нужен был информатор среди других служащих театра. Так что есть кто-то еще.

— Да, пожалуй, ты прав.

— Теперь то, что касается вашей просьбы выяснить насчет шамана, который приходил во дворец восемь лет назад, — Дайд вздохнул, и уже по этому вздоху Арен понял, что результат неутешительный. — Практически никакой документации не осталось, дело не заводили, и единственное, что Аарон зарегистрировал — это имя и фамилию в журнале учета посетителей вместе с номером браслета связи для выдачи пропуска. При этом посещение было по упрощенной схеме, то есть, без подтверждающих документов. Я проверил — имя, указанное в журнале, вымышленное, такого человека не существует. Что же касается номера браслета связи... Он был зарегистрирован в Хозяйственном комитете на вашего же брата и заблокирован сразу после посещения дворца шаманом.

— Дрянь, — Арен поморщился. — И ведь если бы это выяснилось еще тогда...

— Если бы это выяснилось еще тогда, Аарон нашел бы, что вам ответить, — резко возразил Гектор. — Вы забыли, каким он был? Он сказал бы, что у настоящих шаманов браслетов связи не водится, например, по религиозным соображениям, и поди докажи, что это не так. Вот он, добрая душа, и зарегистрировал браслет на себя, чтобы вам помочь, а вы его тут демоны знаете в чем обвиняете.

— Думаешь, я не смог бы докопаться до правды в то время? Если бы пригласил других шаманов, например.

Дайд бросил на императора мимолетный взгляд, но что дознаватель чувствовал в данный момент, Арен не знал — эмпатический щит он не снимал с момента начала совещания с Судебным комитетом.

— Я спросил об этом Ив, когда переносил ее обратно домой, — произнес Гектор, невозмутимо продолжая есть свое жаркое. — Она ответила вот что. «Не факт, что эти шаманы были бы настоящими, но даже если были бы, они вряд ли ответили бы правду».

— Это еще почему?

— Потому что каждый человек хочет жить, ваше величество, — усмехнулся дознаватель. — Если бы Ив пришла во дворец, когда Аарон был еще жив, она бы ощутила, кто именно поставил проклятье на вашу супругу, потому что этот человек был бы рядом. Как вы считаете, кому в этих условиях скорее поверят — собственному брату или какому-то непонятному шаману? Даже Ив призналась, что вряд ли осмелилась бы говорить императору о проклятье, побоявшись за собственную жизнь.

— Резонно, — протянул Арен понимающе. — Тогда, восемь лет назад, я бы даже рассердился, если бы какой-то шаман стал доказывать мне подобное. Но если бы он был не один...

— Ваше величество! — взорвался Гектор, напомнив императору в этот момент Софию. — Да хватит уже обвинять себя! Если бы вы решили пригласить еще одного шамана, Аарону ничего не стоило бы заставить его соврать при помощи шантажа. И так до бесконечности! Точнее, до того, как ваш брат сдох. — Дайд запнулся, вздохнул и добавил без особого раскаяния: — Извините.

— Извиняю. — Арен несколько мгновений молчал, ощущая себя бездомной собакой, которой только что бросили кость, а потом погладили по голове. — Спасибо, Гектор.

— Не за что.

София немного расстроилась из-за того, что Арен не пришел на обед. Она все понимала, но очень хотела его видеть, скучала и переживала, стараясь не надеяться на то, что у них получится встретиться вечером.

Забавно, но она прекрасно замечала, что и Виктория тоже волнуется о муже, и Софии было жаль императрицу. Она понимала, что ее величество, скорее всего, испытывает к Арену теплые чувства — если не любовь, то очень сильную симпатию, — но ответных чувств не встречает, и уже никогда не встретит. Это все было печально, а главное — никто ведь не виноват... ну, если не считать Аарона. Если бы не он, у Арена с Викторией все было бы хорошо, они были бы счастливы, и никакая София ему не понадобилась бы.

Если бы существовала возможность повернуть время вспять... София вздохнула, понимая — она все бы отдала, чтобы на Виктории никогда не было проклятья, чтобы у них с Ареном был шанс узнать и полюбить друг друга. Но что она может? Да и теперь уже поздно.

Но больше, чем императрицу, Софии было жаль Агату с Александром, которые, разумеется, когда-нибудь все-все поймут. Иногда ей казалось, что Агата уже понимает, просто не может осознать до конца и правильно сформулировать мысль, но пройдет немного времени — и у нее получится. Она осознает, что отношения между родителями носят оттенок формальности, а София любит ее отца не как работодателя, а как мужчину. Что она тогда подумает, к каким выводам придет? Пока оставалось только гадать.

После обеда София позанималась с Агатой и Александром игрой на фортепиано — Виктория в это время сидела рядом и с интересом следила за занятием, — а потом предложила выбрать пьесу для маленького спектакля и прочла несколько вслух. Наследники и их мама были единомышленны и выбрали историю про ежика, который заблудился в лесу, но разные звери помогли ему вернуться домой и спастись от злого волка.

— И кто же у нас будет волком? — задумчиво спросила София и вздрогнула, когда от двери раздался голос принца Арчибальда:

— Я буду!

Пока дети обнимались с дядей, который пришел к ним в гости, Виктория тихонько поинтересовалась:

— А как же Геенна?

— Да, завтра я уеду, — кивнул его высочество, и Агата с Александром хором провыли «у-у-у», — но я же приеду обратно. Чур роль волка — за мной! Съем вас всех, если отдадите.

Арчибальд по очереди подбрасывал в воздух хохочущих детей, а София неожиданно подумала — видимо, каждый раз накануне пробуждения Геенны он приходит, чтобы попрощаться. Хотя прощанием это не выглядело, но тем не менее, встретившись с братом императора на мгновение взглядом, София поняла, что это все же оно. Арчибальд понимал, что может не вернуться.

Девушку передернуло — она не представляла, как он так живет. И почему Арен до сих пор не запретил ему? Он ведь любит Арчибальда.

— Договорились, Софи? — спросил его высочество, улыбнувшись ей. — Оставишь мне роль волка?

— Да, конечно.

— А я постараюсь добыть где-нибудь отличные волчьи уши...

После ухода Арчибальда София около часа рисовала вместе с Агатой, Александром и Викторией, а потом императрица освободила ее, сказав, что она может идти отдыхать и заниматься своими делами.

— Но еще только пять часов вечера, — удивилась София.

— Это неважно. Ты постоянно перерабатываешь. Иди, отдохни, — проговорила Виктория и чуть покраснела, когда Алекс добавил:

— Папа утлом пlosил маму тебя не сильно заделживать. Сказал, нельзя так, как вчела, допоздна, без... без...

— Веской причины, — закончила за брата Агата. — Да, Софи, папа просил — значит, надо!

— Хорошо. Тогда я, пожалуй, сегодня навещу маму с сестрами. — София запнулась, заметив, с какими лицами посмотрели на нее в этот момент дети и даже Виктория. — А-а-а... Пойдемте со мной? В гости.

— Да-а-а! — тут же восторженно завопили Агата с Александром, и императрица, поглядев на детей, засмеялась и кивнула.

— Мы с радостью вырвемся из дворца, Софи! Только я сейчас у Арена спрошу. Не знаю, разрешит ли...

— Там будет Ваню, — улыбнулась София — она прекрасно знала, что Вагариус теперь наведывается к маме и девочкам каждый вечер.

— Прекрасно! Тогда Арен точно разрешит.

Вопрос от Виктории, можно ли ей и детям пойти в гости к Софии (с уточнением, что Ваню тоже будет присутствовать) пришел на браслет связи, когда Арен проводил совещание с Финансовым комитетом, и от изумления император на пару мгновений перестал понимать, что ему докладывают.

По-видимому, София решила навестить родных и не смогла отказать Агате и Александру в просьбе пойти с ней. А где наследники — там и Виктория. В принципе логично, но... Защитник! Софии и так тяжело, зачем она еще дополнительно над собой издевается? Это уж слишком.

«Я не разрешаю», — ответил Арен и тяжело вздохнул, когда через несколько мгновений Виктория написала: «Почему?»

«Потому что Софии надо отдыхать от работы». Он ожидал нового вопроса, но браслет связи молчал, и императору было гадко от собственного поступка. Конечно, Агата и Александр расстроятся, да и Виктории было бы полезно пообщаться с семьей Софии, но — нет, так нельзя. Получается, если он разрешит, всем будет хорошо и замечательно за счет Софии. Пусть лучше поговорит со своей мамой, Ваню и сестрами наедине, расслабится и отдохнет от его детей и жены. И так только их и видит.

Но на сердце у Арена все равно было тяжело, и он с трудом вернул себе концентрацию на делах Финансового комитета. Совещание закончилось около шести вечера, и сразу после него император принял у себя троих психотерапевтов, которых подобрал Брайон Валлиус по его просьбе. Двое врачей даже прибыли из других городов, третий же был коллегой Силвана Неста.

Быстро изложив проблему, Арен выслушал мнения специалистов и вздохнул с облегчением — никаких сюрпризов не было, все врачи сходились в мысли, что при грамотно построенной психотерапии Виктория полностью справится с последствиями эмпатического проклятья. Это не могло не радовать, хотя в глубине души император все равно опасался, что поступок Аарона разрушил жене психику и восстановиться она уже не сможет. Однако события последних дней доказывали, что Виктория справляется, и Арен немного успокоился.

Когда он вышел из камина в детской около семи вечера, жена и дети грустно играли, сидя на полу, и, подняв головы, уставились на него тремя укоризненными взглядами.

— Обиделись, — кивнул император, понимая, что так и есть, ведь Агата и Александр не бросились ему навстречу по своему обыкновению. — И не стыдно вам?

Алекс надулся, а Агата воинственно поинтересовалась:

— Почему нам должно быть стыдно, папа?

— Потому что от перемены мест слагаемых сумма не меняется, — ответил Арен, наблюдая за дочерью, которая явно пыталась понять, что он имеет в виду. — Ты ведь уже проходила это по математике, моя радость.

— Проходила. Но при чем тут слагаемые? — проворчала Агата. — Мы не слагаемые! — Она замерла, а потом чуть порозовела, смутившись. — А-а-а...

— Вот именно, — подтвердил Арен, а Александр уже дергал сестру за рукав:

— Объясни, объясни!

— Это значит, что неважно, где София будет с нами сидеть — во дворце или у себя дома, — Агата шмыгнула носом. — Она все равно при этом будет на работе. Папа, но что же делать? Мы хотим в гости!

— Я поговорю с Софией, и мы решим насчет гостей. А теперь идем ужинать.

Несмотря на то, что вечер начался с обиженных детей, в дальнейшем он прошел спокойно. Агата и Алекс, осознав, в чем заключалась их ошибка — хотя Александр вряд ли понимал до конца, просто повторял за сестрой, — и обрадовавшись, потому что Арен обещал обсудить с Софией поход в гости, успокоились и мирно играли весь вечер.

А вот Виктория выглядела немного встревоженной, и император невольно подумал, что она могла опять его приревновать. Ну как же — вместо того, чтобы позаботиться о детях и посодействовать их капризу, он подумал о Софии и ее отдыхе. Так оказалось бы раньше, но сейчас Арен уже был не уверен в собственных выводах. Может, вовсе и не в ревности дело?

После того как дети уснули, император перенес Викторию в ее комнату и сообщил, поставив жену на пол:

— Вик, я сегодня к себе. Очень устал.

Она кивнула, но на щеках появились два красных пятна, и глаза Виктория опустила, поэтому Арен добавил:

— Я завтра останусь.

— Хорошо, — она кивнула, и пятна увеличились. — Прости меня за сегодняшнее.

— За что? Ты ничего не сделала.

— Надо было сразу сказать детям насчет Софии, — почти прошептала жена. — А я поддержала, потому что мне тоже хочется в гости к ней. У нее прекрасная мама и сестры.

— Я понимаю. Все, Вик, перестань переживать на пустом месте, никто ни на кого не обиделся. Я уже говорил, что пообщаюсь с Софией и решим насчет гостей так, чтобы это было максимально комфортно и ей, и ее родным.

— Спасибо, Арен.

Император быстро поцеловал жену в щеку, погладил по плечу и вернулся в камин, сразу начав строить пространственный лифт в кабинет, где уже должны были находиться Рон и Эн.

Там они и находились, но ничего не обсуждали, а молчали, разбирая какие-то очередные древние бумаги, и синхронно подняли головы, когда Арен зашел в комнату.

— Добрый вечер, ваше величество, — сказали хором, не вставая, лишь кивнули. Встать им было проблематично из-за заваленного документами стола.

— Добрый. Как успехи?

— Со вчерашнего дня практически ничего не изменилось, — ответил Янг, потянувшись к бумаге, лежавшей возле его левого локтя. — Мы только узнали, кто был автором того заклинания, которое превратило Бездну в Геенну, благодаря этому письму. — Артефактор взял листок и протянул его Арену. — Вот, можете прочитать.

Император усмехнулся этому «можете прочитать» и начал разбирать пляшущий почерк — буквы были размыты и стерты временем, а возможно, и чьими-то слезами, и понять, что за слова здесь написаны, оказалось нелегко.

«Дорогой мой сын, я оставляю тебе это письмо вдобавок к тем бумагам, которые ты должен хранить и оберегать, как зеницу ока, потому что нет на свете ничего важнее защиты страны нашей от порождений Бездны. Знаю я, что время сотрет черты моего лица из твоей памяти, забудешь ты и мой голос, и как я качала тебя на руках, когда ты маленьким был, и как играла с тобой, и как читала тебе и учила писать буквы. Может, и к лучшему — не хочу, чтобы ты себя истязал и винился, это был мой выбор — за отцом твоим последовать. Мы вместе должны были уйти, парой супружеской, это связь укрепляет. Тяжело мне было выбирать между тобой и отцом твоим, обоих я люблю безмерно, но любовь лишь пыль по сравнению с долгом.

Помни: заклинание, что я разработала, будет держаться, пока кровь наша Венцом обладает. Прервется род — падет защита. Не допусти! И пусть тебя хранит Создатель.

С любовью к тебе, Алаистер.

Анна Альго».

— Создатель... — прошептал Арен, дочитав последнюю строчку письма.

— Да-а-а, — протянула Эн, вздыхая, — я помню из курса древней истории, что раньше, до существования Альганны, люди верили во множество богов, а главным считали Создателя. Не знаю, насколько это правда, возможно, бог все-таки был один, а про множество уже потом придумали. Но то, что заклинание разработала Анна Альго — это ясно.

— Видимо, поэтому и в законе о престолонаследии указано, что император обязан быть женат или жениться в течение года после коронации, — добавил Рон, откладывая в сторону очередную бумажку. — Чтобы связь крепче была.

— Скажите мне, айл Янг, — Арен сложил руки на груди, внимательно глядя на артефактора, — при всех данных, которые нам уже известны, смогли бы вы попробовать разработать заклинание, создавшее Геенну? Возможно, это будет быстрее, чем рыться в документах.

— В принципе — да, — Рон задумчиво взъерошил шевелюру на затылке, — я могу попытаться составить несколько алгоритмов формулировок, но... во-первых, как понять, будут ли мои формулы рабочими или нет? А во-вторых, вы уверены, что это необходимо? В принципе, с самой родовой магией уже более-менее понятно...

— Что я слышу, Рон? — изумилась Эн. — Ты не хочешь разгадать тайну Геенны?!

— Хочу, — буркнул артефактор. — И разгадаю постепенно. Но на мой взгляд, это не так, чтобы очень срочно нужно. А вот объяснить аристократишкам, что они могут смело заключать браки, плодиться и размножаться — вот это нужно срочно. А Геенна подождет.

— Резонно, — согласился Арен. — Но мне, чтобы понять, какую легенду представлять народу, необходим подробный отчет от вас с Эн. Я лично до сих пор не очень понимаю, почему проснулась родовая магия у Софии. Как так получилось? Мне нужно описание принципа передачи кровных способностей, а у вас там пока пробел на пробеле.

— Пробелы, конечно, есть, но не сплошные, — возразила Эн. — Про Софию как раз все ясно. Давайте я попробую объяснить... Помните цепочку связей? Геенна — Венец — заключение брака — родная кровь — равно родовая магия. У нетитулованных магов родовой магии нет, поскольку нет связи с Геенной, что сразу разрывает цепочку. София

получила эту связь благодаря тому, что мы с Брайоном пришили девушку к вам. А само по себе возвращение тела, сознания и души из контура абсолютного щита сработало как перерождение.

— Но заключения брака не было.

— А оно и не обязательно должно быть, — вмешался Рон. — Обязательно — включение в род, признание связи с родной кровью, а это далеко не один магический ритуал. То, что Вану Вагариус дал кровь для связных игл, стало его признанием родства.

— И мать кровь дала, — продолжила Эн, — это связь укрепило. Бумажки бумажками, на них может быть написано и София Тали. Главное, что перед Геенной подтвердилось ее родство с Вагариусами.

— Ну хорошо, — кивнул император, — это я вроде бы понял. А теперь мне хотелось бы понять, можно ли сделать так, чтобы родовая магия передавалась бастардам без заключения брака. Вы ведь только что сказали, айл Янг, что брак не обязателен.

— Угу. Признавать родство можно не только посредством брака, но обязательно до рождения ребенка, потому что после рождения уже ничего невозможно изменить. А вот если, допустим, аристократишка, обрюхативший девушку, привел бы ее в храм Защитника, перед огнем Геенны признал бы ребенка своим, а после опустил бы в пламя какой-либо предмет и отдал девушке — я полагаю, это сработало бы, как принятие в род, и связало бы рожденного младенца с Геенной.

— Но это теория, непроверенная практикой, — хмыкнула Эн, и Арен невольно поморщился. Если бы хоть кто-то из его предшественников разрешил аристократам признавать бастардов через храм без заключения брака, никакой проблемы давно бы не было. Но нет — аристократия так боялась потери своей исключительности — ведь бастарды-то все как один рождались без родовой магии, — что собственному незаконному отпрыску можно было назначить только отличное содержание, признать его наследником состояния и вообще всячески обеспечивать, но не передать фамилию. Бред, многовековая дурь, которая чуть в гражданскую войну не вылилась!

— Мне интересно, до какого колена это работает... — пробормотал Рон, и Арен, оставив досаду на прежних императоров позади, уточнил:

— Вы о чем?

— О себе, допустим, — фыркнул Янг. — И своих детях. Сейчас, конечно, крайне сложно установить, какой именно род повлиял на мой магический дар — бастардом был не я, а мой дед, но он родился не магом, — однако если я найду своих родственников-аристократов, есть ли шанс, что мой ребенок будет обладать кровной магией?

— Вот уж не знаю, — пожал плечами Арен. — Но этот вопрос крайне просто решить, если вы женитесь на аристократке.

Рона передернуло, и Эн расхохоталась, да так заливисто, что император тоже улыбнулся.

— Ни за что в жизни! — почти рявкнул артефактор, протестуя помотав головой.

София немного ругала себя за малодушие, потому что на самом деле она обрадовалась, когда Арен не разрешил Виктории и детям уйти из дворца вместе с ней. Иначе она была бы вынуждена полдня стараться держать лицо, а так хоть смогла расслабиться и провела отличный вечер с мамой, сестрами и Ваном. Мама, правда, была слегка не в духе — оказалось, что Вагариус накануне осторожно заговорил с Синтией на тему переезда в его дом, и это вызвало волну негодования и протестов. Вану сник, но, судя по блеску в глазах, сдаваться не собирался. А София решила во все это не вмешиваться и предоставить возможность своим матери и деду самим разбираться и принимать решение.

Вернувшись во дворец ближе к ночи, она села за рисование, и с помощью быстрых движений простого карандаша на листке бумаги появлялись родные лица — улыбающиеся Вану, Синтия, Элиза и Роза, — а затем — мордашки Агаты и Александра, и наконец — руки Арена.

Она уже не первый раз рисовала его руки, которые ей безумно нравились — впрочем, в Арене Софии нравилось абсолютно все, но руки особенно. Сильные и в то же время нежные, крепкие и надежные, с длинными подвижными пальцами и маленькой родинкой возле большого пальца на правой ладони...

София так замечталась и зарисовалась, что вспыхнувшего в камине огня даже не заметила. И когда эти самые руки, которые она рисовала, обняли ее, замерла от неожиданности и через секунду засмеялась, ощутив горячие губы Арена на своей шее.

— Ты пришел!..

— Да, счастье мое, — ответил он, улыбаясь, — сегодня я твой. Это чьи ты руки рисуешь?

— Ты не узнаешь? Это же твои руки.

— Серьезно? — Арен присмотрелся и хмыкнул. — Да, теперь узнал.

— И вот, — София перелистнула альбом, — еще тут эскизы...

Император с удовольствием разглядывал рисунки, поглаживая девушку по плечам и спине, и от него к Софии шли волны покоя. Как замечательно, что он больше не переживает!

— Насчет моего запрета, Софи...

— Я поняла, почему ты не разрешил, не беспокойся.

— Я знаю, что ты поняла. — Арен ласково потерся носом о ее щеку. — Ты всегда все понимаешь, мое счастье. Поговори с мамой и Ваню, пусть выберут день. И возможно, лучше не в гости, а на море отправиться. Я думаю, эта перспектива обрадует и Агату с Александром, и твоих сестер. Но не переусердствуй, пожалуйста, тебе тоже нужно отдыхать.

— И тебе.

Он усмехнулся и, подняв Софию на руки, понес к постели. Сел и, усадив девушку к себе на колени, произнес:

— Помнишь, я говорил, что все мои родственники-эмпаты с недавних пор ощущают твои эмоции менее четко? Все, кроме Агаты.

— Да, помню. — София подняла руки и начала расстегивать рубашку Арена.

— Я сегодня спросил у Эн, отчего так получилось, и ответ оказался очевидным. «Потому что ваша аньян отдала Агате свою жизнь».

— Ясно. — София вздохнула, думая о том, как бы намекнуть Арена, чего ей сейчас хочется. — Вроде как я принадлежу вам обоим, поэтому вы оба меня слышите нормально, а другие слышат будто через подушку. — Она, достигнув последней пуговицы, запустила ладонь под ткань, погладила грудь и твердый живот и улыбнулась, когда император вспыхнул пламенем. — Арен...

— Что? — он лукаво поднял брови. Губы его дрожали.

— М-м-м... Ну...

— Будем спать, да? — И голос невинный. — Ты же устала? И я устал.

София фыркнула и попыталась встать с его колен, но он не дал, крепче прижав к себе.

— Ты же устал, — передразнила она его и тихо охнула, когда Арен опустил ее на постель и лег сверху, задрав ей юбку.

— Ничего, Софи, — усмехнулся он, склоняясь к ее губам. — Я найду силы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пробуждение Геенны всегда похоже на взрыв, особенно когда оно случается ночью, что происходит чаще, нежели днем. Но взрыв не снаружи, а изнутри — все органы внезапно сжимаются, а затем разжимаются, и ни о каком сне не может быть и речи.

Арен сел на постели и потер кончиками пальцев занывшие веки. Защитник, он и раньше понимал, что в этот раз пробуждение будет мощнее, чем в предыдущий, но насколько, стало понятно лишь сейчас.

— Что это? — простонала София, тоже садясь, и уткнулась лбом Арену в спину. — Меня как будто только что вырвало...

— Это Геенна, — ответил император кратко. — Скорее всего, ты почувствовала не только мои эмоции, но и ее пробуждение.

— Из-за того, что я к тебе пришита?

— Вероятно. Это сейчас пройдет, так остро только в первые полчаса, не дольше.

София обняла Арена обеими руками, тихо вздохнула и сказала:

— Арчибальд вчера приходил, играл с Агатой и Алексом, и я подумала... Арен, почему он? Ты ведь любишь его. Неужели не боишься?

— Люблю, — подтвердил он спокойно, перехватил руки девушки и, повернувшись к ней лицом, продолжил: — И боюсь. Но любовь — это прежде всего свобода, Софи. Я никогда не заставлял Арчи становиться охранителем, он сам это выбрал, и я не собираюсь лишать его этого права только потому что беспокоюсь.

— Сам... — протянула София. — Тогда я понимаю.

— Ты думала, это приказ? — удивился Арен. — Нет. Арчи, так же, как и я, учился на охранителя. Но ему повезло больше. — Император усмехнулся, вспомнив ощущение разбитой мечты в тот миг, когда на него опустился Венец. — Он может позволить себе заниматься тем, что выбрал сам, а не тем, что само свалилось на голову, и это благо, Софи, несмотря на риск.

Она улыбнулась и погладила его по щеке.

— Я уже говорила, что люблю тебя?

Арен засмеялся и легко поцеловал ее в губы.

Чуть позже, когда София уже уснула, на браслет связи пришел отчет от Арчибальда.

«Пространственные координаты... размер квадрата около 3 километров... Демоны класса А, огненного вида, очень много».

Что ж, раз «очень много» — значит, на севере сейчас очень горячо, и брату не до отчетов. Но то, что Арчи смог определить класс и вид демонов — это хорошо, значит, нечто подобное уже было, и как их уничтожить, в целом известно. Проблема может быть лишь в количестве, но в любом случае брат знает, что делать.

Арен вновь лег рядом с Софией, закрыл глаза и тут же провалился в сон, не обращая внимание на тяжесть в сердце, появляющуюся каждый раз после пробуждения Геенны и давно ставшую привычкой.

Домашним заданием Силвана в этот раз стало нечто настолько интересное, что Виктория не сразу поняла, как к этому подойти.

— Нарисуйте себя, — попросил психотерапевт, прежде чем уйти, назначив следующую встречу на вторник. — Себя до и после начала нашей с вами терапии. А во время сеанса обсудим, что получилось.

— Я не очень хорошо рисую, — пробормотала Виктория, вспоминая уроки рисования с Софией.

— Ваше величество, это не художественное задание, а психологическое. Вы можете использовать только пятна краски, или карандашную штриховку — что угодно. Я не требую портретной достоверности, я хочу увидеть ваше эмоциональное состояние до и после.

— То есть, я могу взять лист бумаги и просто заляпать его краской? — развеселилась Виктория, внезапно вспомнив одну из последних выставок, куда она приезжала с официальным визитом. Там было немало подобных пятнообразных картин, которые казались императрице просто испачканными краской холстами, но выразить свое настоящее мнение Виктория не могла. Секретарь Арена, составлявшая расписание и для нее, приносила еще и указания, что именно она должна говорить. Не всегда Виктория с этим справлялась, но до откровенных скандалов не доходило, и после каждой ее оплошности Арен повторял: «Вик, дипломатия — это не искусство, а наука. Помни об этом и говори только то, что требуется, даже если ты с этим не согласна. Свое несогласие можешь выражать мне, но больше никому».

Хоть в этом она почти не подводила мужа...

— Да, можете взять и заляпать, — подтвердил Силван, улыбнувшись в ответ. — Но помните, в чем смысл — вы рисуете себя до и после начала терапии, а не просто цветочные пятна.

— Хорошо, я попробую.

Виктория занималась портретом «до» накануне вечером, после ухода Арена, но успехов не достигла. Пока рисовала, ей казалось, что все хорошо, но стоило только закончить портрет, и Виктория понимала — нет, это вообще не она. Ни до, ни после. Не она, и все!

Мешали сосредоточиться на задании психотерапевта и другие настойчивые и навязчивые мысли, которые напоминали Виктории себя прежнюю. «Я не разрешаю... потому что Софии надо отдыхать от работы», — написал Арен в ответ на просьбу сходить в гости к их аньян, и с одной стороны это было справедливо, а с другой... почему он поставил интересы Софии выше желаний собственных детей? Неужели все-таки...

Виктория, закусив губу одновременно от досады на себя и понимания, что в этих рассуждениях может быть доля истины, вспоминала и другие моменты, которые ее недавно смущали: ласковые и обеспокоенные взгляды Софии, направленные на Арена, его улыбку в ответ, их уважительное взаимопонимание. Виктория редко видела мужа и Софию рядом, но когда видела, сердце ее невольно сжималось, если она замечала между ними то, что казалось ей похожим на нежность. Это вполне могла быть и нежность, но она ведь не преступление, да и вообще — разве София не заслуживает хорошего отношения к себе?..

Хорошего — да, заслуживает, но у Виктории было ощущение, что Арен относится к их аньян не просто хорошо, а... очень-очень хорошо. Трепетно. С огромной теплотой. В общем, с любовью.

Может, ей все-таки кажется? Или нет? Как же это трудно — анализировать чувства, и свои-то нелегко, а чужие особенно. Конечно, Арен хорошо относится к Софии, а она — к нему, но есть ли там что-то большее? То, о чем мечтает сама Виктория?..

«Я хочу, чтобы муж меня любил». Силван, когда они обсуждали ее список желаний, попросил отметить, какие из них исполнимы, а какие нет, и если желание исполнимо, то что можно сделать, чтобы оно исполнилось?

Обсудить все они не успели, застопорившись на первом и самом главном желании.

— Что можно сделать, чтобы оно исполнилось? — удивленно повторила Виктория, глядя на надпись на листке бумаги. — А... кому? Мне?

— Да, вам.

«Я хочу, чтобы муж меня любил».

Она нахмурилась, перекатывая в сознании эту мысль, и молчала. И когда прошла минута, Силван мягко сказал:

— Я не прошу у вас план действий. Ответьте на вопрос — можете ли вы что-то сделать, чтобы муж вас любил? Или нет?

— Наверное, могу, — вздохнула Виктория, поднимая голову и глядя на психотерапевта с неуверенностью. — Вести себя нормально, не скандалить, проявлять сочувствие и понимание. Правда, мне кажется, что к любви это не имеет отношения.

— Почему вы так думаете?

— Ну любовь ведь не растение, которое можно просто полить смесью удобрений — и оно вырастет. Если в земле пусто, сколько ее ни поливай — ничего не получится. Арен... — Она на секунду вспыхнула одновременно от стыда и смущения, а после призналась: — Да, он не любит меня. Вы можете не верить, считать это блажью, но это правда. И мне кажется, даже если я стану сейчас идеальной женой, это не поможет, потому что любить не заставишь.

— Я не считаю блажью ничего из того, что вы говорите, — произнес Силван спокойно. — Я работаю с вами и с тем, что вас тревожит, что важно для вас. Если для вас что-то важно — мы будем это обсуждать и рассматривать. Даже в том случае, — он ободряюще улыбнулся ей, — если это чувства императора.

Силван верно понял — Виктории было безумно сложно и неловко говорить обо всем, что касалось Арена, но именно он волновал ее больше всего, на нем замыкались все ее рассуждения и проблемы.

И сейчас, вспоминая этот разговор, Виктория грустно улыбалась, понимая — вполне возможно, то, о чем она мечтала и мечтает, получила София. А возможно, она ошибается, и ничего там нет, кроме обычной теплой симпатии, а в ней говорит застарелая ревность. Но как это проверить? Спрашивать Арена бесполезно и даже вредно, а София... она ведь все равно не скажет правду.

Остается только наблюдать.

Второй отчет Арчибальда, в котором он писал, что вызвал подкрепление из-за огромного количества демонов и человеческих потерь, поступил около семи утра, когда Арен уже перебирал документы в своем кабинете. Ситуация действительно была тяжелой, и Арчи сообщил, что отправляется к Геенне сам, а связь с императором будет поддерживать его заместитель. Это было разумно, брат всегда делал так, чтобы минимизировать потери — его сила и умения на поле боя были незаменимы, — но у Арена каждый раз после подобных отчетов что-то саднило в груди, скреблось, как котенок в закрытую дверь. Наверное, это был страх.

Сразу после завтрака, когда Виктория отправилась в оранжерею, а в детскую уже пришла София, секретарь сообщила императору, что его и Агату ждет Вольф Ассиус и несколько его сотрудников.

— Да, точно, интервью, — пробормотал Арен, понимая, что за тревогами об Арчибальде умудрился забыть о задании, которое он давал мужу сестры. — Софи, останься с Алексом, а мы с Агатой ненадолго отлучимся.

Она кивнула, кольнув его тревогой, а Алекс уже вопил:

— А я-а-а-а?!

— Тебе там будет скучно, моя радость, — улыбнулся Арен, потрепав сына по волосам. — Лучше займитесь с Софи чем-нибудь интересным.

— Без Агаты все не интелесно! — заявил ребенок, надувшись. — Я хочу с вами! — В этот момент София наклонилась к уху наследника, что-то прошептала, и лицо Александра заинтересованно вытянулось. — Да-а-а?!

— Ага, — серьезно кивнула маленькая аньян и, подняв голову, подмигнула Агате с Ареном. — Идите-идите. Мы тут без вас справимся.

Император хмыкнул и, подхватив дочь на руки, понес к камину.

— Потом расскажете! — крикнула Агата перед тем, как они скрылись в огне.

Наследницы не было около получаса, но сразу после прихода Агату вновь забрали — теперь уже на ее обычные уроки. София с Алексом тоже сели за занятия по окружающему миру — и мальчик, обожавший животных, некоторое время с удовольствием слушал про них, выполнял задания и смотрел на небольшие иллюзии, которые создавала София по примеру императора.

Потом они играли в железную дорогу — Александр деловито заполнял вагоны разными «товарами» — и когда ребенок уже начал скучать и канючить «когда-а-а велнется Агата-а-а», она как раз вернулась — и все сразу вновь стало хорошо. А после обеда, на который у императора получилось вырваться к радости Софии, стало еще лучше, потому что они все, вместе с присоединившимися к ним Викторией и Анастасией, начали репетировать постановку спектакля. И дети, и императрица с принцессой были в восторге, с радостью читали текст по ролям, хихикая в смешных местах, но наибольший восторг вызвало придумывание костюмов, особенно — костюма ежика для Алекса.

— Может, попросить тетю Анну сшить что-нибудь? — неуверенно предложила Анастасия.

— Тогда сюрприза не будет! — возразила Агата, с надеждой глядя на Софию. — А мы можем сделать сами?

— Конечно, — подтвердила она. — Все костюмы сами сделаем с вами из бумаги или ткани. Чтобы уж точно был сюрприз. И чур, не болтать! — София пригрозила пальцем детям, и они засмеялись, по своему обыкновению сразу начав прыгать от радости.

Ближе к вечеру ей показалось, что Агата плохо себя чувствует — она вдруг стала зевать и чесать глаза, будто хотела спать, но на все вопросы девочка только отмахивалась:

— Это меня айл Братиус сегодня просто утомил своей математикой! Скучота!

Около шести София освободилась и отправилась в город, к маме, сестрам и Вагариусу, думая о том, что, возможно, стоит остаться сегодня на ночь дома, все равно ведь Арен не сможет прийти. Он ничего не говорил по этому поводу, но София понимала и так: это было бы слишком часто.

Сегодня он должен остаться с Викторией.

Гектор зашел к Арену ближе к вечеру, после того как император провел несколько часов сначала с Дипломатическим комитетом, а потом с Торговым, и попросил у Адны чаю, желая хоть десять минут посидеть в одиночестве перед тем, как возвращаться в детскую. Его желание побыть одному вообще часто заканчивалось полнейшим фиаско — обязательно кто-нибудь либо пытался связаться по браслету, либо приходил на аудиенцию.

— Рассказывай, — вздохнул Арен, кивая Гектору на диван. — Чай будешь?

— Чай... — Дайд задумчиво почесал подбородок. — Пожалуй. Может, хоть аппетит перебьет...

— Скоро ужин. Если хочешь, присоединяйся, — предложил император, но дознаватель покачал головой.

— Не стоит.

Арен с удивлением смотрел на помрачневшего Гектора, не понимая, в чем дело. Он бы подумал, что отказ связан с его императорством, но это было глупо — слишком уж давно Арен был знаком с Дайдом, поэтому понимал, что титулованность не может быть причиной.

— Я не приглашал тебя раньше из-за Виктории, — сказал Арен, снимая эмпатический щит и невольно удивляясь, потому что Гектору было неловко. — Эта ее нетерпимость к не-аристократам могла вылиться в истерику, но сейчас все неплохо.

— Я понимаю, — буркнул Дайд. Смущение его усиливалось. — Но все же не стоит. Я поем дома или в комитете.

Арен чуть нахмурился.

— Гектор, если бы ты с этого начал и не так сильно переживал, я бы ничего больше не спрашивал. Но теперь мне любопытно. В чем дело? Объяснись.

Дознаватель устало вздохнул, закатив глаза.

— Да ничего страшного. Я просто не хотел вам говорить, это все неважно. Мне лучше поменьше контактировать с ее высочеством Анастасией.

— Что? — Арен поднял брови, не уверенный, что верно понял услышанное.

— У ее высочества есть на мой счет романтические представления, — пробурчал Гектор, сцепив руки на коленях перед собой. — Я не желаю их подпитывать.

Император не выдержал и засмеялся, но поперхнулся смешком, заметив хмурый взгляд Дайда.

— Стараешься избегать мою племянницу, в общем, — фыркнул Арен весело. — Она тебе не нравится?

— Ее высочество прекрасная девушка, — произнес дознаватель сдержанно. — И будет кому-нибудь прекрасной женой.

— Это был вопрос, Гектор.

— Я понимаю. Просто не хочу озвучивать обидные ответы.

Арен кивнул.

— Что ж, я это учту. А теперь давай-ка к делу...

Император проговорил с Дайдом не более получаса — новостей было немного, и информация касалась в основном расследований, связанных с театром, а еще — с шаманом, учившим Аарона. Гектор просмотрел часть документации, касающейся того периода, когда старший брат Арена был подростком, и теперь пытался понять, когда и где Аарон познакомился с шаманом.

— Его высочество не мог учить какой-то дилетант, а значит — в то время и в тех местах он должен был практиковать свое шаманство, где-то жить, на что-то существовать и быть с кем-то знакомым.

— А что насчет поселка, который ты увидел в шаре?

— Мои видения или карты Ив — не доказательство, — покачал головой Гектор. — Я отправил туда агента для получения информации и выяснилось, что шаманов в этом Тиле двое — это если мужчин, еще девушка есть. Я хочу собрать как можно больше сведений о прошлом Аарона и в целом о шаманстве прежде, чем что-либо предъявлять кому-то из этих людей.

— А если арестовать и устроить очную ставку со мной?

Дайд усмехнулся.

— Однажды этот человек уже солгал, глядя вам в глаза. Что мешает ему сделать это еще раз?

За ужином Арен заметил, что Агата выглядит вялой, и встревожился — у всех Альго было отменное здоровье, и недомогания были связаны в основном с чем-то магическим.

— Все хорошо, пап! — ответила дочь упрямо. — Я просто устала от математики. Давай у меня ее завтра не будет?

— А-а-а, — протянул он, рассматривая Агату в магическом спектре. Все было в порядке. — Что ж, раз такой разговор, значит, у тебя все и правда хорошо. И математике быть.

— Ну па-а-ап...

«Возможно, дело в эмпатии», — подумал Арен, вспоминая себя в этом возрасте. Пробуждение эмпатического дара могло сопровождаться недомоганиями, особенно если малолетний эмпат пренебрегал щитами и напивался чужими эмоциями до расшатывания собственных. Видимо, это с Агатой и произошло. Надо будет вновь прочитать ей лекцию об эмпатии, но это уже утром — сейчас дочь слишком хотела спать, пришлось укладывать их с Алексом пораньше.

— Я опять отлучусь, — сказал Арен, быстро глянув на браслет связи. — На час-полтора, Вик. Потом вернусь к тебе.

Жена просияла так, что императору на мгновение даже стыдно стало за собственное равнодушие — он-то никакой радости по этому поводу не испытывал. Но Арен заставил себя улыбнуться в ответ, поцеловал Викторию в щеку, зашел в камин — и через полминуты уже выходил из огня в своем кабинете.

— Ваше величество! — воскликнул выглянувший из секретной комнаты Рон. Он выглядел взъерошенным и взволнованным. — Хорошо, что вы пришли раньше. Идите сюда скорее!

— Что-то нашли? — поинтересовался Арен, быстро пересекая кабинет. Ждали они его, что ли? Раз даже перенос караулили.

— Да. Наконец-то!

На столе лежала большая папка из плотного темно-бежевого картона — завязки были развязаны, обнажая содержимое из множества листков бумаги, исписанных или изрисованных чем-либо.

— Это полное описание формулы заклинания, создавшего Геенну, — сказала Эн, не поднимая глаз от одного из документов. — Нам повезло — на папке не было охранных чар, поэтому мы смогли ее открыть. Каждый листок пронумерован, зачарован от внешних воздействий и на каждом стоит личная печать той самой Анны Альго.

— Вы успели хоть что-то просмотреть? — спросил Арен, наблюдая за Роном, который сразу бросился к папке и принялся перебирать лежащие в ней листки.

— Да, конечно, — кивнул артефактор, не прерывая своего занятия. — Еще не все, но многое.

— Тогда рассказывайте.

— Эн, — к удивлению императора, Янг похлопал девушку по плечу, — давай, может, лучше ты? А то я слишком волнуюсь.

— Ладно, — она хмыкнула, откладывая в сторону документ, который рассматривала, и взглянула на Арена. Глаза ее были серьезными и почему-то немного печальными. — Их было пять тысяч четыреста пятьдесят два человека — по четверо из каждого рода. Все имена здесь есть, — она указала на папку, — и не только имена. Возраст, уровень дара. Так же, как Анна Альго пошла на это вместе со своим мужем, остальные тоже... погибали парами.

— Прежние фамилии, кстати, указываются, они действительно были изменены, — продолжал Рон. — И прежде чем... в общем, все маги совершили ритуал, который Анна Альго назвала ритуалом создания рода. Это был ритуал передачи новой фамилии, записанной на Венце, путем вживления под кожу двоих наследников каждого рода кровных связанных артефактов. По типу связанных игл.

— Наследниками были только мальчики?

— Нет, мальчик и девочка, — ответил Янг. — Не удивляйтесь, это все было сделано для того, чтобы связь шла по принципу парности. На самом деле наследниками рода и носителями родовой магии были, конечно, не только владельцы артефактов, а вообще все родственники. Однако, судя по тому, что я просмотрел и прочел, ни о какой родовой магии в то время речи не шло.

— Мы не нашли в документах подтверждения, что заклинания наносились на Венец с учетом передачи именно этих свойств крови будущим поколениям, — подтвердила Эн. — Они были нужны для другого, а это... что-то вроде побочного эффекта, видимо. Мы еще посмотрим бумаги, но скорее всего, Анна Альго не учла этот момент.

— Ты сказала, что они были нужны для другого, — произнес Арен, наклоняясь, и прикоснулся к одному из листков. — Я имею в виду заклинания. Для чего?

Бумага на ощупь была как новая, и только по чуть желтоватому цвету становилось понятно, что ей уже очень много лет.

Эн молчала, и император поднял голову и посмотрел на нее. Она морщилась и кривила губы.

— Это было не очень приятно читать, — сказал Рон тихо и протянул Арену несколько листков. — Вот, здесь она объясняет принцип действия того, что придумала. Вечный живой щит.

— Живой?

Император посмотрел на то, что отдал ему Янг. Строчки перед глазами отчего-то плясали, виски сдавило, как тогда, после гибели Софии, но Арен все-таки разобрал слова.

«Пока Альго носят Венец, мы не умрем, вечно будем гореть, не сгорая, не давая Бездне шириться и защищая своих потомков от ее порождений. Мы станем живым щитом, стеной между жизнью и смертью, и никогда не умрем, пока горит огонь наших душ».

Мурашки бежали по телу, и хотелось то ли выругаться, то ли выпить.

— Они читали эти заклинания все одновременно. Выбирали сами, то, что им хотелось, что угодно, главным условием была краткость и простота формулы, которую Анна записала на Венец. Эти формулы нужны были только для связи, для связи между родами, чтобы им было за что цепляться, и связь эта была как можно крепче. Они прочли эти заклинания, а потом совершили ритуальное самопожертвование — все вместе, одновременно, сожгли самих себя. Этот огонь мы и видим до сих пор.

Арен так и не понял, кто из них сказал это, Рон или Эн, да и неважно — он просто уперся кулаками в стол, глубоко дыша и пытаясь успокоить бешеный стук сердца.

Конечно, они и раньше предполагали, что Геенна — множество абсолютных энергетических щитов, но что это значит по-настоящему, до императора дошло только сейчас.

— Защитник...

— Мне кажется, поэтому все кровные артефакты, закаленные пламенем Геенны, имеют подобие сознания, — почти прошептала Эн. — Они связывают нас... с ними. Со всеми ними.

— Значит, вот почему мне иногда при пробуждении Геенны кажется, будто я слышу чей-то шепот, — проговорил Арен глухо. — Но я никогда не могу разобрать слова.

— Вы связаны с ними напрямую, больше, чем кто-либо другой, — сказал Янг. — Они стали щитом. Назначение щита — защита, и когда границы нарушают, они предупреждают вас об этом.

— Не понимаю, почему у меня в таком случае глаза не огненные, а черные, — грустно

усмехнулся император и с удивлением посмотрел на Рона, когда он ответил:

— Это Бездна. — Артефактор вытащил из папки еще одну бумагу и передал ее Арену. — Она была когда-то такой.

На листке оказалось нарисовано... нечто. Другого слова император и подобрать-то не мог. Расщелина в форме вытянутого овала — как озеро, только наполненное абсолютно черной водой.

— Анна Альго описывала Бездну как провал, дырку в земле, — произнесла Эн. — Этот провал будто бы светился, но свет этот словно был черным, то есть, он не создавал его, а поглощал окружающее.

— Не свет, а тьма, — пробормотал Арен, возвращая листок Янгу. — Значит, ее частичка отражается в моих глазах.

— По-видимому, это так, ваше величество.

После разговора с Роном и Эн Арен не выдержал и все-таки перенесся к Софии. Пусть всего на несколько минут, но он должен ее увидеть.

Она кинулась ему навстречу, как только он вышел из камина, обнимая и целуя одинаково крепко, и с нежностью прошептала:

— Пришел...

— Я ненадолго, Софи. — Арен сжал ее талию, вдыхая носом воздух возле виска и наслаждаясь чудесным, теплым и свежим ароматом девушки. — Всего на пару минут.

— Я понимаю, но я все равно рада.

София целовала его, дрожа от радостного нетерпения, и император не удержал пламя, ярко и страстно вспыхнув. Она засмеялась, погладив его по плечам и груди, посмотрела лукаво, призывно — и Арен едва не застонал от желания и досады на то, что вскоре нужно будет уйти.

— Что ты сказала сегодня Алексу, чтобы он не капризничал? — спросил император, склоняясь к бархатной шее девушки, и коснулся губами мягкой кожи. — И не просился на интервью вместе с Агатой?

— Ах, вот что тебя интересует, — протянула София весело. Ладони ее легко скользили по его спине, и хотелось, безумно хотелось забыть о данном Виктории обещании и остаться здесь. — А я-то думала...

— Меня интересует все, что касается тебя, мое счастье, — произнес Арен, прижимаясь губами к ямке в основании шеи. — Абсолютно все.

— Я сказала: «Пусть идут. У них свои секреты, а у нас с тобой — свои».

— Вот, значит, как, — император усмехнулся. — Секреты у них. От нас с Агатой, но главное — от меня! Безобразие.

— Да... — выдохнула София, и от этого вздоха Арен вновь вспыхнул, опуская руки с талии ниже и ощущая, как кровь в его жилах начинает гореть.

— Я приду позже, — сказал он тихо и хрипло, полыхая пламенем и сжимая упругие полукружия. — Позже, когда Виктория уснет.

— Да, — выдохнула София еще раз. — Конечно, приходи.

Арен вышел из камина, когда Виктория уже легла, но уснуть не успела — лежала и думала о том, куда ее муж может отлучаться по вечерам.

Раньше она непременно спросила бы его об этом, но не теперь. Теперь она понимала, что ни к чему хорошему этот вопрос не приведет: куда бы ни ходил Арен, ему это в

любом случае не понравится. Даже если Виктория скажет, что не имеет в виду плохое и просто любопытствует — супруг воспримет подобный вопрос как возвращение к ее прошлому поведению и почти наверняка ответит резко. Императрица не хотела злить мужа, поэтому промолчала, чуть приподнявшись на постели и наблюдая, как Арен раздевается, по своему обыкновению аккуратно складывая одежду.

Он мог бы и не стараться так — завтра эта одежда все равно отправится в стирку, — но был приучен к аккуратности и внимательности, и его движения были привычными, механическими, но при этом — плавными и завораживающими, и Виктория невольно залюбовалась мужем.

— Знаешь, — сказала она очень тихо, рассматривая его смуглую спину, — я помню, как однажды, когда мы только поженились, я бродила по дворцу, изучая его, и зашла на твой рабочий этаж.

Арен выпрямился, оставшись в одних трусах, и внимательно посмотрел на нее. Кажется, он не мог понять, к чему Виктория это вспомнила.

— Ты тогда прошел мимо вместе с кем-то из советников, не помню, с кем конкретно, я смотрела только на тебя. И меня как ударило. Я вдруг подумала — Защитница, а ведь этот мужчина — мой. Такой замечательный, сильный, красивый... и мой. Мне это ужасно понравилось. — Она засмеялась и потеряла слезлившиеся глаза. Было горько. — Какая же я была глупая!

— Не вижу ничего глупого, — ответил Арен спокойно, но в голосе его было столько сочувствия, что Виктория перестала тереть глаза и взглянула на мужа. — Ты влюбилась, Вик. Это не глупо, а хорошо.

— А ты... — Она вздохнула, закусив губу. — Ты чувствовал, что я?..

— Чувствовал. — Муж подошел к кровати, откинул одеяло и залез под него. Виктория тут же прижалась и обняла, ощущая, как сразу становится тепло и хорошо. — Мне было очень приятно. Влюбленность — она мягкая и теплая, как котенок.

— А потом моя влюбленность захлебнулась в ревности... — пробормотала Виктория, положив голову Арена на грудь. — И ты перестал ее замечать.

— Сильные негативные эмоции всегда выходят на первый план. Твои эмоции были усилены проклятьем.

— Не только им, — сказала она почти неслышно и зажмурилась от неловкости. — Аарон... он много говорил...

— Я представляю. — В голосе мужа слышалась ирония, но она не была злой. — На вранье мой брат был горазд, как я теперь понимаю.

— В том-то и дело, что это было не совсем вранье, Арен. Это была правда, но вывернутая наизнанку.

— Интересное сравнение. Приведи-ка пример, Вик.

Кажется, ему и правда было интересно, и Виктория, приободрившись — как же давно они последний раз вот так беседовали! — призналась:

— Агата. Когда ты сообщил мне, что собираешься назвать так нашу дочь, Аарон, узнав это, хмыкнул и сказал: «Неудивительно, так ведь звали погибшую невесту Арена».

Муж словно закаменел, и она слегка испугалась.

— Я знаю, это глупо...

— Не то слово, — произнес Арен негромко. — Это не глупо, это гениально, Вик. Да, Агатой звали мою невесту. Но еще так звали мою мать. А Александром — отца.

— Я помню. Не сердись, я...

— Я не сержусь. Ты была под проклятьем, которое сам Аарон и поставил, и умело этим

пользовался. Даже если бы ты рассказала мне об этих его словах, он смог бы оправдаться, заявив, что ты не так его поняла и вообще он совсем не то имел в виду.

— Арен... — Виктория, почувствовав, что мужу неприятно и больно, потянулась к нему, прижалась губами к подбородку, щеке, и наконец — коснулась крепко сжатых губ.

Несколько секунд император не двигался, а потом, вздохнув, словно приняв какое-то решение, ответил на поцелуй, и Виктория вспыхнула от радостного удовольствия, что он здесь, с ней, и отвечает на ее чувства. Что его руки нежно ласкают ее тело, и от каждого прикосновения жар внизу живота усиливается, разгорается, как пламя Геенны.

— Я тебя люблю, — выдохнула Виктория, обнимая мужа, и он замер, застыл, и ей вдруг показалось, что он даже слегка похолодел. — Арен?.. — Она встревожилась, но больше ничего спросить не успела, потому что император шепнул:

— Все хорошо. Лежи, Вик. — А через минуту стало не до разговоров, да и мысли в голове не оформлялись, полностью вытесненные страстью и желанием.

И Виктория совершенно не заметила, как уснула.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

София проснулась резко, и ей на мгновение показалось, что она находится не в собственной постели, а в ледяной воде. Было мерзко и гадко, и хотелось смыть с себя все, снять вместе с кожей, выпотрошить внутренности и остаться одной лишь оболочкой, и желательно, без памяти и чувств.

— Арен... — всхлипнула София, обнимая его обеими руками как можно крепче. Пальцы коснулись волос — мокрые и холодные пряди. Но запах, душный запах другой женщины все равно на них оставался.

— Не хотел идти, но не смог, — прошептал Арен, утыкаясь лбом ей в плечо. — Прости, что разбудил и сделал больно.

— Твоя боль — моя боль, — ответила София, поглаживая влажные плечи, которые казались ей напряженными, каменными. — Все хорошо. С чем бы ты ни пришел ко мне, главное, что пришел. С тобой лучше, чем без тебя.

Она не стала спрашивать, почему ему так мерзко — догадалась и сама. И почему прежде, чем перенестись к ней, он пошел в душ, София тоже прекрасно понимала, да и чувствовала. Арена тошнило от самого себя. Но ее — нет, и она медленно, осторожно начала целовать его. Сначала щеки, потом шею, после приподняла голову, коснулась губ, и он выдохнул:

— Софи, я...

— Не надо. — Она прижалась теснее, потерлась бедрами. — Это не важно и ничего не меняет.

— Я не спал с ней, — сказал он все же с горечью. — Не смог. Усыпил и ушел.

— Арен, послушай. — София обхватила ладонями его лицо, горячо шепча прямо в губы: — Я люблю тебя и никогда не стану осуждать. Я понимаю, что Виктория твоя жена, и не буду упрекать за близость с ней. Я люблю тебя, — повторила она, с радостью ощущая, как светлеют его эмоции, становятся легче и прозрачнее. — И знаю, что ты любишь меня. Мы справимся.

Он наконец поцеловал ее сам, одновременно с этим вспыхивая пламенем — и эта вспышка уничтожила остатки запаха Виктории.

Остались только они вдвоем. Их ласковые слова, руки и губы, их торопливое дыхание и сбивчивые стоны, и бьющиеся в унисон сердца, и невероятное чувство единения, когда один продолжает другого, и оба в равной степени и берут, и отдают.

И каждый раз — как последний.

Уснуть по-настоящему крепко так и не получилось. Несмотря на то, что говорила и делала София этой ночью, Арену было мерзко, и он понимал, что это «мерзко» может растянуться на долгие годы. Он будет вынужден быть с Викторией, не желая причинять ей боль, и тем самым истязать Софию, потому что не способен отказаться от нее, да и если откажется — вряд ли это станет для нее великой радостью.

Со всех сторон был тупик, и от ощущения запертой клетки саднило в сердце. И это признание в любви... Виктория, произнося его, верила, что говорит правду, и от этого тоже было тошно. Арен не понимал, как можно говорить «люблю», совершенно не интересуясь жизнью человека, желая только, чтобы он был рядом, и неважно, по своей воле или насильно. Для него это слово было не просто словом, которое можно бросить в горячке, и он никогда не стал бы говорить его, не осознавая, что действительно любит. И что же — Виктория думает, будто любит его? Что это не влюбленность, не симпатия, не желание сделать своим, а именно любовь?

Все внутри Арена восставало против такого утверждения. Защитник, было бы гораздо проще, если бы Виктория не говорила ничего подобного! Хотя «проще» — это слово сюда не подходит. Но слово «любовь» не подходит еще больше, и не надо трогать это святое чувство. Но и объяснить это жене тоже невозможно — она лишь обидится, расстроится,

начнет переживать и плакать. Конечно, кому приятно будет услышать, что твой собственный муж не желает слышать из твоих уст «люблю»?

А Арен и правда не желал. И не только потому что не верил в любовь Виктории по отношению к себе, но и потому что ему казалось, будто он предает Софию еще сильнее, когда молча слушает такие признания и ничего не отвечает, словно соглашается с супругой.

Мерзко.

София рядом зашевелилась, потянулась и, обняв его, шепнула:

— Опять ты рассуждаешь обо всяких гадостях.

— И не даю тебе спать, — хмыкнул Арен, целуя ее и замирая от совместной нежности, в который раз не способный отделить себя от Софии.

— Да что я, ты себе спать не даешь. — Она вздохнула и погладила его по груди. — Как Агата чувствовала себя вечером? Днем она почему-то была немного вялой.

— Вечером тоже. Возможно, это из-за эмпатии, так бывает, если слишком долго ощущать чужие эмоции в большом количестве. Посмотрим, что будет сегодня. А у тебя так и не получается создать родовой щит?

— Нет, но Ваню пока не теряет надежды.

— Это правильно. Давай я расскажу о родовой магии то, что недавно выяснилось, вдруг поможет. Все равно ведь не спим.

— И сил нет на что-то более интересное? — протянула София со смешком, и Арен даже в темноте рассмотрел ее лукавую улыбку и блеск ласковых глаз.

— Боюсь, что да, — признался он, тоже улыбнувшись. — Иначе мне завтра придется весь день провести в обнимку с подушкой. Слушай и запоминай, Софи. Я не буду запечатывать это знание, но о нем, конечно, никому нельзя рассказывать. Даже Ваню и твоей маме.

— Я понимаю.

Арен быстро поведал Софии про письмо, доставшееся ему в наследство, где рассказывалось о Бездне, про поиски Рона и Эн, про Венец и про Геенну, оказавшуюся множеством абсолютных энергетических щитов.

София слушала молча, и лишь легкая дрожь и похолодевшие эмоции выдавали ее волнение.

— Это действительно ужасно, — произнесла она негромко, когда император закончил. — Такая жертва... Я понимаю, но становится не по себе. Они, получается, не живы, но и не мертвы до конца. Помнишь гимн охранителей? «Горит, не погаснет огонь наших душ, горит это пламя навечно. Мы — щит, мы — граница, мы — смелость и дух, мы — братья и сестры, мы — вечность».

— Помню.

— Он ведь такой древний, этот гимн. Может, его сочинили, еще когда помнили о том, что такое Геенна? Кстати, — София нахмурилась, — а почему об этом все забыли? Все-таки столько погибших...

— Теперь можно лишь предполагать, но я думаю, действительно почти все знающие пожертвовали собой. А оставшиеся стремились побыстрее внедрить легенду о Защитнике и Защитнице, и об Альго — потомках богов. И земли объединили, чтобы легче было с демонами бороться. Возможно, лет сто после тех событий еще были люди, что-то помнившие, и сочиняли какие-то сказки и истории, но прошло уже больше тысячи лет, Софи. Кроме того, я не исключаю, что Алаистер поставил на всех оставшихся в живых и посвященных в тайну печать молчания. Это даже скорее всего.

— Да, ты прав. Знаешь, что я еще не понимаю? Почему было не использовать одно и то же заклинание. Я про формулы на Венце, которые читались перед самосожжением. Благодаря им аристократы и получили свою родовую магию, как я понимаю — закрепившись на Венце, они со временем закрепились и в крови. Но почему это было не одно и то же заклинание?

— Я задавал этот вопрос Рону. Все очень просто, Софи. Формула, записанная на артефакте множество раз, будет настолько усилена, что он просто не выдержит, взорвется. Поэтому одно и то же заклинание не писалось больше пяти раз.

— Ага. А твоя родовая магия? Почему эмпатия и возможность заходить в огонь? Ведь, как сказал Рон, формулы кровной магии Альго на Венце не записаны.

— Зато наша фамилия там повсюду, — усмехнулся Арен, любуясь очертаниями лица Софии в темноте. Даже сейчас, когда почти ничего было не разглядеть, ему казалось, что он видит каждую ее веснушку. — Огонь — из-за связи с энергетическими щитами, то есть, с Геенной, и эмпатия — из-за связи со всеми остальными родами и главенства над ними. Поэтому мы и друг друга не чувствуем — между собой-то связи нет.

— Мудрено, — пробормотала София. — Голова кругом. Из меня точно не вышел бы нормальный артефактор, я все это с трудом поняла. И совершенно не понимаю, что нужно сделать, чтобы у меня получился кровный щит.

— Ты разберешься, счастье мое. — Арен обнял ее и с наслаждением втянул носом воздух возле виска, ощущая знакомый аромат цветущей вишни, который теперь вечно будет ассоциироваться у него с весной, любовью и Софией. — Я уверен.

Утром, когда император уже был в кабинете, пришел отчет от заместителя Арчибальда. Положение на севере пока оставалось напряженным, и брат с поля боя еще не возвращался, но он был жив, Арен чувствовал это.

В обычном режиме именно сегодня, в пятницу, на совещание приходили охранители, но пока заседание было отменено — до стабилизации ситуации на севере. Впрочем, у императора и без охранителей хватало дел.

Перебрав документы, оставленные секретарем, Арен перенесся в детскую, решив не заходить за Викторией. Ночью он ее сильно усыпил, и теперь она должна проспать как минимум до полудня, если не будить. Будить он не собирался, и предупредил Тадеуша по браслету, чтобы зашел к императрице позже.

Надо бы отправить Викторию на море, и лучше бы не на день, а на неделю. Но это чуть позже, а то Агата все никак не вернется к учебе — то одни каникулы, то другие.

Арен зашел в спальню к детям и направился к кровати дочери. Склонился, вглядываясь в родное лицо, и сразу понял — что-то не так. Слишком бледное. Пригляделся к Агате в магическом спектре и нахмурился — энергетический контур девочки не светился ровным светом, как должно быть, а чуть пульсировал. Так всегда бывало у магов в случае какой-либо болезни.

Арен осторожно коснулся ее лба — немного холоднее, чем обычно. В чем же дело? Неужели действительно из-за эмпатии?

— Радость моя, — произнес император, погладив Агату по плечу, — просыпайся, котенок.

Девочка открыла глаза и улыбнулась.

— Папа...

— Как ты себя чувствуешь?

Она облизнула губы.

— Как тогда, после отравления. Тошнит немного. Может, — дочь порозовела, —

математики сегодня не будет?

— Скорее всего, — кивнул Арен и улыбнулся, когда Агата счастливо расцвела и хлопнула в ладоши. — Встать можешь, голова не кружится?

Она медленно приподнялась и села, сразу вновь став бледной.

— Кру-у-ужится... Ой.

— Оставайся в кровати, — обеспокоенно сказал император и вызвал по браслету Тадеуша, а заодно и Софию.

Врач пришел почти тут же, Арен даже не успел решить, будить Алекса или пока подождать. Но с появлением Тадеуша проблема отпала сама собой — как только он зашуршал содержимым своего чемоданчика, мальчик проснулся сам и тут же вскочил, с любопытством выглядывая из кровати поверх бортика.

— Побудь пока тут, — сказал Арен, погладив сына по голове. — Подожди немного, Тадеушу надо посмотреть Агату.

Алекс серьезно кивнул, глядя на сестру внимательными глазами, и шепотом спросил:

— Это потому что Агата вчела плохо себя чувствовала?

— Да. А ты как себя чувствуешь?

— Я хочу кушать. А мама где?

— Мама еще спит, попозже придет.

Защитник, как же хорошо, что он не стал будить Викторию, она бы сейчас от беспокойства сама с ума сошла и всех вокруг заодно свела.

Тадеуш смотрел Агату несколько минут, а когда закончил, попросил разрешения выйти, чтобы отчитаться. В этот момент в детскую как раз пришла София, и Арен, оставив с ней наследников, вышел в соседнюю комнату.

— У ее высочества признаки анемии, — проговорил врач озабоченно. — Это удивительно, потому что анемия за такое время развивается только в случае большой кровопотери, которой сейчас не было. В остальном все нормально, я не вижу симптомов каких-либо заболеваний, отравления тоже нет. Но это странно, ваше величество, даже более чем.

— По какой причине это могло произойти? — спросил Арен, стараясь сохранять спокойствие, хотя это было сложно.

— Анемия развивается вследствие различных болезней, это так называемый сопутствующий симптом, но у ее высочества нет отклонений в состоянии здоровья. Она бывает у беременных, тут уж сами понимаете. И, как я уже сказал, третий вариант — кровопотеря, которой мы тоже не наблюдали. Я не представляю, что это, — выдохнул врач и слегка побледнел. — Простите, ваше величество.

— Что ты рекомендуешь делать сейчас?

— Отдыхать, хорошо питаться и принимать кое-какие препараты. — Тадеуш протянул Арену листок, на котором были написаны назначения. — Я сейчас вам расскажу, а потом Агате, если позволите. И надо следить за анализом крови. Я бы хотел посмотреть изменения часов через шесть.

— Да, обязательно, — кивнул Арен. — Как считаешь, не могло такое состояние развиться из-за родовой магии? Когда у меня проснулась эмпатия и я пренебрегал щитом, мне потом было плохо.

— Я служу вашей семье уже более пятидесяти лет, — ответил Тадеуш серьезно. — Но ничего подобного сегодняшнему случаю ранее не наблюдал. По причине родовой эмпатии обычно развиваются лихорадочные состояния. Сильная температура, слабость, тошнота.

— Сейчас тошнота тоже есть.

— Это из-за анемии. У ее высочества пониженная температура тела и железо в крови ниже нормы. Что ж, возможно, это действительно из-за пробуждения родового дара, но... такое я вижу впервые.

— Ясно. Спасибо, Тадеуш.

Пока врач рассказывал Агате, что и как следует пить, Арен напряженно размышлял. Вся эта ситуация ему демонски не нравилась, и в груди было тесно от беспокойства и страха за дочь. Неужели вновь покушение? Но как?! Шаманское проклятье? Вот только Ив Иша говорила, что их проклятья одним прикосновением не накладываются, нужны определенные ритуалы и обязательный постоянный контакт с тем, кого проклинаешь. Агата не общалась постоянно ни с кем из подозреваемых.

Хотя... Недавно дочь виделась с Вольфом Ассиусом. Но он ее даже не касался. Мог ли он что-то сделать с ребенком во время интервью?

Арен поймал взволнованный взгляд Софии и постарался улыбнуться ей. Пока рано паниковать, надо ждать обеда и второго анализа крови, а там уже думать, что делать дальше. Может, к обеду Агате станет лучше, а к вечеру эта проблема вообще забудется.

Хотелось бы, чтобы это было так.

Сонная императрица пришла в детскую около полудня, когда София второй час читала Агате и Александру интересную книгу про приключения мореплавателей. Наследники слушали очень внимательно, да и вообще они сегодня были на редкость тихими и спокойными. У Агаты не было ни на что сил, а Александр, как всегда, повторял за сестрой.

София постоянно отчитывалась Арену о состоянии девочки, но ей не казалось, что оно меняется. Наследница была вялой, тошнота ее не проходила, и из-за нее есть она не хотела. Лекарства пила исправно, а вот при виде овсяной каши скривилась, и даже к пирожному осталась равнодушной. Съела два яблока, и все.

— Арен сообщил о случившемся, — пробормотала императрица, обнимая разом обоих детей и с тревогой вглядываясь в лицо Агаты. Девочка была настолько белой, что больше не казалась смуглой, ее кожу словно белилами замазали. — Как ты себя чувствуешь, моя радость?

— Не волнуйся, мама, — ответил ребенок с серьезной важностью. — Папа объяснил, что это может быть из-за эмпатии и наверняка пройдет. Хочешь послушать про морского разбойника по имени Штурвал? Нам Софи читает, так интересно!

— Хочу, — кивнула Виктория, забираясь с ногами на диван и прижимая к себе Агату и Александра. — Я тоже любила эту книжку, когда была маленькой.

Арену с трудом удавалось сосредоточиться на делах — все мысли были только о дочери. Не совершил ли он ошибку, решив подождать до обеда и не проверив Агату на возможные шаманские проклятья еще с утра, сразу после того как девочку посмотрел Тадеуш? Впрочем, до Ив Иши следует проконсультироваться с другим врачом. Конечно, вряд ли Тадеуш обманывает, он не может быть замешан в заговоре, но убедиться в честности семейного доктора все же нужно.

Отчеты с севера добавляли беспокойства. Количество демонов почти не уменьшалось, они лезли и лезли, и Арчибальд по-прежнему сражался с ними вместе с другими охранителями. Арен понимал: брат хочет хоть какой-то стабильности перед возвращением в штаб, но не беспокоиться не мог.

Поэтому просителей император сегодня слушал в пол-уха. И когда около часа дня наконец удалился последний посетитель — градоначальник Грааги, — Арен немедленно перенесся в детскую и попросил явиться туда и Тадеуша.

Виктория, София и наследники вчетвером сидели на диване. Точнее, это София сидела, а остальные почти лежали в обнимку, и император бы улыбнулся, если бы не сильнейшая тревога за дочь.

— Арен... — Жена потянулась к нему, и он машинально поцеловал ей руку, глядя при этом только на Агату. Она была такой же бледной, как и утром.

Спустя пару минут Тадеуш подтвердил — состояние наследницы не улучшилось, даже наоборот, анализ крови был чуть хуже утреннего, хотя от прописанных препаратов, как уверял врач, должен быть обратный эффект. Тадеуш явно был в растерянности, не понимая, что происходит, и Арен, попросив его остаться в детской, немедленно связался с Эн Арманиус. Она специализировалась на энергетических контурах, но все же была терапевтом, кроме того, экспериментатором — может, хотя бы она поймет, что происходит?

У Эн был выходной, поэтому она перенеслась во дворец сразу после просьбы императора. Агата, увидев ее, слегка порозовела и, воскликнув: «Энни-и-и!» — протянула к ней руки.

— Я тоже рада тебя видеть, солнышко, — улыбнулась Эн, обнимая девочку, и невольно покосилась на Викторию, которая с любопытством наблюдала за этой сценой. — Здравствуйте, ваше величество. Привет, Софи. И...

— А я знаю, кто ты! — громко воскликнул Алекс. — Агата говорила. Ты лечила Софи!

— Верно, — кивнула Эн, но Арен ее перебил.

— Я прошу тебя посмотреть мою дочь, Эн, — сказал он резко. — Тадеуш сейчас все объяснит.

Старый врач, представившись, быстро и четко описал ситуацию, однако, не вдаваясь в подробности, чтобы не пугать детей. Эн, выслушав его, достала из своей медицинской сумки анализатор и с улыбкой обратилась к Агате:

— Ну-ка, милая, давай пальчик.

Минуту она изучала анализ крови наследницы, потом заглядывала в горло, нос и уши, слушала легкие — Тадеуш утром делал то же самое, — и наконец попросила императора выйти в другую комнату, чтобы отчитаться.

— Идем в спальню, — решил Арен. — Тадеуш, ты с нами.

— Мне тоже интересно послушать, — пробурчала Агата, надувшись, и Алекс тут же сказал: «Да!». — В конце концов, вы ведь обо мне будете говорить.

— Я тебе потом все расскажу, — обещала Эн, погладив девочку по плечу. — Попонятнее. А сейчас я не очень понятно буду говорить.

— Тогда ладно...

Выйдя в соседнюю комнату, Эн сразу сказала, посмотрев Арену в глаза:

— Я солидарна с айлом Родери, ваше величество. Для анемии нет никаких причин, но она тем не менее есть, и анализ по сравнению с утренним стал хуже несмотря на препараты. Не бывает симптомов без причины, однако мы почему-то не видим ее. Но она есть, об этом в первую очередь говорит пульсация энергетического контура. Значит, скорее всего, эта причина находится в области того, что скрыто от классических магов. Попробуйте пригласить шамана.

— Согласен, — кивнул Тадеуш. — Еще утром я сомневался, но теперь точно понятно — такие изменения в анализе крови не могут быть из-за вашего родового дара. Лекарства должны были подействовать.

— Спасибо, Эн, — поблагодарил Арен, чувствуя себя раздавленной гусеницей на дороге. — Благодарю, Тадеуш. — И набрал номер Гектора Дайда на браслете связи.

Главный дознаватель и Ив Иша прибыли через полчаса, когда Тадеуш и Эн уже ушли. Эн перед уходом немного поболтала с Агатой и Александром, легко и не страшно объяснив детям, что происходит с девочкой. Виктория тоже задавала ей вопросы, и Эн каждый раз

чуть напрягалась, глядя на императрицу, но отвечала вежливо и доброжелательно. Правда, не шутила, тогда как обращаясь к Софии или детям, постоянно произносила что-нибудь веселое, пытаясь их подбодрить.

Гектор привел шаманку в салон, и Арен, получив от Дайда сообщение на браслет, оставил Александра с Викторией и Софией, а сам, взяв Агату на руки, перенесся в салон.

Ив и дознаватель сидели на диване, и когда император вышел из камина, встали и поклонились, настороженно глядя на них с Агатой. Они не могли не понимать, что он не позвал бы их просто попить чаю и поесть пирожных, и теперь напряженно ждали дальнейших указаний.

— Знакомься, моя радость, — произнес Арен, садясь на соседний диван. — Это айла Ив Иша. Она сейчас тебя тоже посмотрит.

— Здравствуйте, ваше высочество, — сказала шаманка, улыбнувшись. — Вы очень похожи на своего отца.

Агата расцвела и гордо вздернула нос.

— Здравствуйте! Мне все это говорят. Я рада!

— Быть может, вы что-нибудь разглядите, Ив, — продолжал император, погладив свою девочку по голове. — Врачи не смогли нам помочь. У Агаты анемия. Без всякой причины.

— Без причины ничего не бывает, — пробормотала женщина, доставая из сумки уже знакомые Арену глиняную миску, флягу из темного стекла и нож с деревянной рукояткой. Налила воду в миску, наклонилась над ней, прошептала что-то, а после, выпрямившись, обратилась к Агате: — Сейчас надо будет пальчик уколоть.

— Мне сегодня уже три раза кололи пальчик, — ответила девочка смело и протянула левую ладошку. — Я не боюсь.

— Молодец, — кивнула шаманка, легко касаясь кончиком ножа безымянного пальца наследницы. — А теперь опусти его в воду и поддержи чуть-чуть, пока она розовой не станет.

Агата послушно сделала то, что ей велели, с интересом рассматривая то чашу, то саму Ив. Она явно сдерживала любопытство, понимая, что сейчас ей никто не будет отвечать на вопросы нормально, поэтому только молча смотрела на качающиеся в ушах шаманки серьги из трех разноцветных перьев.

— Можешь убирать.

Наследница вынула палец из воды, и Арен перехватил ладонь дочери, моментально заживив ранку. Шаманка между тем мешала содержимое миски ножом, попутно подбрасывая туда какие-то семена, и что-то негромко бормотала. Бормотание становилось все резче, настойчивее, но в конце концов оборвалось, и император, взглянув женщине в лицо, увидел, что она внезапно побледнела.

Не говоря ни слова, Ив достала из сумки карты и, перемешав колоду, быстрыми движениями, которые показались Арену нервными, сделала расклад. Она выкладывала на стол карту за картой, и руки ее слегка тряслись, как в лихорадке.

— Ваше величество... — прошептала шаманка, поднимая голову, и в глазах ее было столько ужаса, что Арен, не мешкая, коснулся ладонью виска Агаты, усыпляя дочь. Девочка обмякла в его руках, и император, перехватив ее поудобнее, спросил:

— Рассказывай, что увидела. Она уснула, не услышит, а Гектору я доверяю.

Арен бросил короткий взгляд на дознавателя — Дайд смотрел на разложенные карты, хмурясь и кривя рот. Точно такое же выражение лица было у него накануне Дня Альганны, когда Арен сказал, что в случае его гибели надо не бороться с новым императором, а бежать прочь из столицы. Гектору эти инструкции демонски не понравились.

— На девочке проклятье, — пробормотала Ив, потерев ладонями побледневшие щеки. Говоря это, она словно вдруг постарела. — Не такое, как было на вашей жене, а гораздо хуже. Оно... смертельное.

В груди стало холодно и больно.

— Ты можешь его снять?

— Ваше величество... — Она вновь потерла щеки. — Наши проклятья имеют множество особенностей...

— Можешь или нет?

— Могу, — она сглотнула, а Арен резко выдохнул. — При определенных условиях...

— При каких?

— Ваше величество! — вмешался Дайд, положив ладонь шаманке на плечо, словно желая успокоить. — Мне кажется, нужно позволить Ив рассказать все с самого начала, иначе она запутается, и будет только хуже.

— Согласен, — кивнул император, прижимаясь подбородком к макушке Агаты. Бедный его ребенок! Столько испытаний выпало на ее долю. — Рассказывай все по порядку. Что за проклятье, кто поставил, как снять.

Ив Иша тяжело вздохнула, с жалостью глядя на Агату.

— Наши смертельные проклятья всегда парные. Я знаю, у классических магов не так, а у нас невозможно поставить проклятье на человека, не убив при этом кого-то еще. И не просто кого-то — этот кто-то обязательно должен быть дорог проклиняющему, кто попало не пойдет, плата должна быть равноценной твоей собственной жизни. Именно поэтому чаще всего, накладывая подобные проклятья, убивают себя. — Она вновь вздохнула. — Но это не наш случай. В нашем случае тот, кто проклинал, не мог воздействовать необходимым образом на вашу дочь — там надо трижды поить специально подготовленной водой, а она горькая, так просто не проглотишь. Это еще один камень преткновения для шаманских проклятий, но его можно обойти, если воздействовать на проклиняемого через родную кровь.

— Через родную кровь? — переспросил Арен. — Ты вроде говорила, что на Альго невозможно поставить проклятье. А тут и Агата, и еще кто-то.

— Гектор спрашивал про вас, я имела в виду взрослых Альго.

— Значит...

— Да, на Агату воздействовали через другого ребенка, — подтвердила Ив догадку императора. — И этот ребенок, как я поняла по картам, еще не родился.

От изумления Арен потерял дар речи, и вместо него вопрос задал Гектор. Голосом, дрожащим от злости.

— Второй ребенок тоже должен умереть?

— Верно, он — плата за смерть ее высочества. И он дорог тому, кто проклинал.

— Аарон сдох четыре месяца назад, Ив, — сказал Дайд резко, и глаза его от ярости казались налившимися кровью. — Он с того света проклиняет, или это кто-то другой?

— Нет, — шаманка покачала головой. — Это он. Но он думал, что не умрет и успеет снять проклятье, поставил временную петлю. Это как... ну... как будильник, который должен позвонить в определенное время.

— Четыре месяца? — прохрипел император с трудом. — Почему?!

Вместо Ив ответил Гектор.

— Потому что Аарон надеялся, что за это время его соратники сумеют убить Агату.

Правильно ли я понимаю, что в этом случае проклятье со второго ребенка было бы снято?

— Да. Но не четыре месяца, нельзя так зачаровать. Всегда нужно какое-то природное условие. Карты говорят, он замкнул петлю на пробуждения Геенны. Я не знаю, сколько точно их было, карты не могут показать число, но проклятье он поставил еще до Праздника перемены года.

— Хотел отомстить хоть так в случае своей смерти, — процедил Гектор, сжав зубы. — Собственного ребенка не пожалел, дерьмо собачье.

— Как снять проклятье? — перебил дознавателя Арен. — Ты сказала — при определенных условиях.

Ив Иша закусила губу.

— Честно говоря, мне не очень хочется в этом участвовать, — призналась она. — При всем моем к вам уважении, и дело не в деньгах, я понимаю, что вы будете щедры. Просто наши смертельные проклятья... они не снимаемы. Тот, кто наложил, снять-то может, но я не ваш брат. Проклятье можно только перебросить на кого-то другого. И, как я уже говорила, этот другой должен быть дорог вам. Дорог, как Агата.

Арену казалось, что мир вокруг вращается, словно он только что слез с карусели. И тошнило почти так же.

Дорог, как Агата. Таких всего-то двое — Александр и София.

Хотя... нет.

— Если я... покажу тебе, на кого можно перекинуть проклятье с Агаты, ты точно сможешь?

— Смогу, — ответила шаманка, в который раз вздохнув. Арен ее понимал — конечно, ей не хотелось быть детоубийцей.

— Это мое решение, — сказал он ровно. — Ты будешь не виновата.

— Вы тоже, — вмешался Гектор. — Проклятье Аарон накладывал, а не вы и не Ив.

— Он хотел отомстить мне, убив моего ребенка, — произнес Арен, вглядываясь в бледное лицо спящей дочери. — И у него это в любом случае получилось.

Пока Арена и Агаты не было в детской, Виктория места себе не находила, и если бы не София, она, наверное, сорвалась бы в истерику впервые за последние недели. Но аньян словно была фундаментом, на котором сейчас держалась ее психика, и Виктория отчаянно цеплялась за Софию — и в прямом, и в переносном смысле. Сжимала ее руку, слушала голос, казавшийся спокойным, но была не в силах разобрать слова — София читала Алексу какую-то сказку, — и думала о том, что вновь может потерять Агату. И почему-то императрице казалось, что теперь шанс даже больше, чем в прошлые два раза. Наверное, потому что тогда все было понятно, а что творится сейчас?

Когда Арен с Агатой на руках вышел из камина, Виктория едва не вскочила и не бросилась к нему на грудь с требованиями поскорее все рассказать. Наверное, она бы так и сделала, но... его лицо...

Похожее было у мужа в тот день, когда возле Императорского музея активировалась порталная ловушка.

— Мама, Софи... — шептала Агата, хлопая сонными глазами.

— Побудь с детьми, — обратился Арен к Софии, укладывая дочь рядом с аньян. — Пообедайте. А мне нужно поговорить с супругой.

Она кивнула, тревожно глядя на него, а потом...

Виктория моргнула, не в силах осознать увиденное, но будучи уверенной в том, что ей не показалось — ее муж и София одновременно потянулись друг к другу, соприкоснувшись

кончиками пальцев, не размыкая взглядов. И это движение, длившееся всего несколько секунд, но наполненное абсолютным взаимопониманием, объяснило Виктории все.

Стало нечем дышать, грудь как невидимыми тисками сжало, и окружающее внезапно поплыло перед глазами. Что это, обморок?

Нет. Это были слезы.

— Пойдем, Вик, — сказал Арен, отворачиваясь от Софии. Виктория послушно встала, радуясь, что муж явно закрыт эмпатическим щитом, поэтому не может почувствовать ее отчаяние, и шагнула навстречу. Император подхватил ее на руки и быстро зашел в камин.

Через минуту они уже выходили в гостиной покоев Виктории. Арен, не выпуская жену из рук, прошел к окну и усадил ее в кресло, сам опустившись напротив. Потер пальцами висок, будто там болело, и сказал, глядя прямо на Викторию:

— Четыре месяца назад Аарон поставил на Агату смертельное проклятье.

Она похолодела.

— Оно проявилось только сейчас, потому что он его зачаровал, замкнув на определенное количество пробуждений Геенны. Каждое пробуждение сопровождается выбросом энергии, и с каждым разом запирающее заклятье истончалось. Если ничего не предпринять, Агата умрет в течение двух суток.

— Арен... — выдохнула Виктория с ужасом, не представляя, что хочет сказать. Да и говорить она могла с трудом — горло скрутило от страха.

— Предпринять можно, и если у Ив все получится, наша дочь останется жива, — продолжал император ледяным голосом. — Но чтобы добраться до Агаты, Аарон был вынужден проклясть ребенка, которого носит Ванесса, потому что у шаманов такие правила — чтобы убить кого-то другого, надо убить при этом то, что дорого тебе самому.

— Защитница... — прошептала Виктория, сглатывая. — Несс...

— Она плохо себя чувствовала со вчерашнего дня, Тадеуш мне передавал. Но не так, как Агата, проклятье же не на ней, а на ребенке. Поэтому с кровью у Ванессы все нормально, только слабость.

— А она...

— Насчет этого покушения, я полагаю, она не в курсе. А вот в прошлых двух Несс участвовала.

Спрашивать что-либо после этих слов Виктория была не в силах — от изумления ей показалось, что у нее во рту камень вместо языка.

— Я не рассказывал тебе, чтобы ты не переживала, — вздохнул Арен, вновь потеряв висок и поморщившись. — Но сейчас у меня нет сил придумывать легенды. Несс была информатором, кроме того, именно она изготовила ту конфету.

Услышав это, Виктория отмерла.

— Да я ее!.. — процедила она, сжимая кулаки, но, заметив усталый взгляд мужа, замолчала. — Арен...

— Чтобы Агата осталась жива, проклятье нужно перебросить с нее на кого-то другого, — продолжал император. — Иного способа нет. И этот человек должен быть дорог мне так же, как дочь. — Арен на мгновение замолчал, глядя на Викторию глазами, в которых не осталось белков. — Я принял решение, Вик. Оно только мое, и ничье больше. Я хочу, чтобы ты помнила об этом и не винила себя. Я так решил. Только я.

И тут она поняла.

— Аре-е-ен... — простонала Виктория, разрыдавшись. Он встал с кресла, подошел к ней, опустился на колени и обнял, поглаживая по спине и целуя мокрую щеку.

— Прости.

Она не могла говорить, только выла и всхлипывала, обнимая его. Ее словно уносил бурный речной поток, и все, о чем она была способна сейчас думать — как же так, ну как, почему, за что?..

Они сидели так несколько минут и молчали — лишь плакала Виктория, но и ее рыдания постепенно стихли.

— Как это... будет? — прошептала она, когда слез больше не осталось.

— Я усыплю Агату и приду сюда вместе с ней, Тадеушем и Ив. Шаманка проведет ритуал, перебросив проклятье. От ее действий оно почти наверняка катализируется, и уйдет... в течение пары часов.

— А ребенок... Ванессы? Он... тоже?

— Да.

— Вот и хорошо, — пробормотала Виктория и почувствовала щекой, как Арен поморщился. — Прости, я...

Она хотела сказать, что совсем не то имела в виду — хотя, конечно, это было бы неправдой, — но муж ее перебил.

— Посиди пока здесь, ладно? Гектор перенес Ив обратно на север, чтобы она взяла все необходимое, они обещали вернуться в течение часа. Ни к чему тебе сейчас быть с детьми, ты слишком переживаешь.

«А сам пойдешь к Софии», — подумала Виктория, но ревности не ощутила. Только боль.

— Хорошо, Арен.

Он надеялся, что хотя бы ребенка Ванессы удастся сберечь, но шаманка разочаровала, объяснив, что после активации проклятье должно убить двоих, иначе никак.

Интересно, знали ли последователи брата обо всем этом? Пытались ли они убить Агату, потому что Аарон оставил такие инструкции, или нет? В любом случае — и в этом Арен больше не сомневался, — ему явно гораздо больше было жалко ребенка брата, чем самому Аарону.

К Несс он не пошел, хотя Ив сказала, что выкидыш у нее будет болезненным, как и у Виктории. Только договорился с Тадеушем, чтобы тот вызвал своих коллег из госпиталя. Сам же Тадеуш должен быть у Виктории, как и Арен.

София, когда он вышел из камина, посмотрела на него огромными испуганными глазами, обнимая обоих детей. Агата и Александр прижимались к ней, как два котенка к маме-кошке, заглядывая в большую книжку с цветными картинками. На столе перед ними стояла почти пустая посуда, оставшаяся после обеда.

— Папа! — радостно, но гораздо тише, чем обычно, воскликнула Агата, и Александр тут же повторил за ней. — А я съела все-все, как ты просил. Можно нам сахарный леденец? Очень хочется.

— Да! — кивнул Алекс.

— Сахарный леденец? — повторил Арен. Он, оглушенный новостями, никак не мог сообразить, что это такое.

— Леденец из жженного сахара, — пояснила София. — На палочке. Тут в книжке герои такие сосут.

— А-а-а. Можно, — кивнул император и распорядился, чтобы принесли эти леденцы. Минут через пять все было исполнено, и Агата с Александром увлеченно засунули лакомства за щеки, громко причмокивая, но Арен не напоминал им о манерах, а просто сидел рядом и смотрел.

Защитник, хоть бы у Ив все получилось.

София подняла голову от книги и посмотрела на него. Она продолжала говорить — видимо, знала эту историю наизусть, — но смотрела при этом на императора, тревожно и вопросительно. Арен понимал, что она переживает, но объяснить сейчас что-либо было невозможно.

«Я зайду вечером», — обещал он ей мысленно и сразу заметил, как плечи Софии чуть расслабились, и во взгляде появилась радость.

Хорошо, что она еще не знает, какое решение он недавно принял. Хотя София, конечно, скажет, что он ни в чем не виноват.

Вот только Арен считал иначе.

Через полчаса, вновь оставив Софию вместе с Алексом, император перенесся в покои Виктории, усыпив дочь еще перед построением пространственного лифта.

Жена сидела там же, где он ее оставил — в кресле возле окна, и Арен попросил ее перейти в спальню, а после запустил в гостиную уже ждавших за дверью шаманку и Тадеуша. Лица у них были печальные, траурные, они казались даже какими-то помрачневшими, потемневшими, словно впитали в себя часть его тьмы.

Дальнейшее слилось для Арена в один большой комок душевной боли. Он сидел в изголовье кровати, держа за руку Викторию, которая была бледной и постоянно всхлипывала, безмолвно плача и прижимая к себе уснувшую Агату. Тадеуш сидел с одной стороны постели, постоянно проверяя физическое состояние обеих по датчикам подключенных аппаратов, а Ив...

Шаманка проводила ритуал. Изрисовала кожу на животах Агаты и Виктории, усыпав их какими-то цветками и семенами, пускала кровь и почти все время пела, играя на дудочке. А в конце налила воду в две глиняные чаши, поколдовала-попела над обеими, добавила в одну кровь Агаты, а в другую — Виктории, и попросила выпить. Жене — чаша с кровью Агаты, девочке — с кровью Виктории.

— Горько, — прошептала императрица, морщась и отдавая Ив опустевшую чашу, пока Тадеуш осторожно, понемногу, поил уснувшую Агату.

— Горько, — отозвалась шаманка с грустью и повернулась к Арену. — Вы можете уносить девочку. Нет на ней больше проклятья. А то, что должно случиться, произойдет в течение нескольких часов.

— А... я?... — негромко спросила Виктория. Император не понял, о чем она, но зато поняла Ив.

— Не умрешь ты. И детей сможешь еще родить, и родишь.

Виктория вздохнула, и по этому тяжелому вздоху Арен неожиданно понял, что жена была готова к другому исходу. Она была готова принести себя в жертву ради Агаты, поэтому до конца не спрашивала, чем это грозит для нее.

И впервые за последние несколько месяцев Арен ощутил к Виктории что-то вроде нежности.

Спустя два с половиной часа началась агония. Это было похоже на роды, но они несли в себе не жизнь, а смерть, и болезненную.

Тадеуш колдовал Виктории обезболивающее, но действие его заканчивалось очень быстро. Арен пытался повлиять на жену ментально, но ментальная магия — хрупкая субстанция, и его внушение легко разрушалась сильнейшими приступами. Больше никак помочь жене он не мог, поэтому просто сидел рядом и держал за руку, как и раньше.

Это продолжалось всего чуть больше часа, но Арену показалось, что он за это время постарел на несколько десятилетий.

И когда Тадеуш, мокрый от пота и с белым как мел лицом, усыпил наконец Викторию, у императора появился соблазн усыпить заодно и себя, и желательно, навечно. Но у него еще оставались дела. Много дел.

— Зайди к Ванессе, — попросил он старого врача. — Ив говорила, что с ней должно было быть то же самое, если не хуже.

— Да, ваше величество.

Сам же Арен, сунув голову под ледяную воду и постояв так пять минут, отправился в детскую. На часах было восемь вечера, и император надеялся, что София догадалась покормить детей, потому что идти с ними сейчас на ужин он был не в состоянии.

Арену казалось, что этот день сломал его, прихлопнул, раздавил, как надоедливое насекомое, оставив лишь пятно из крови, переломанных костей и размазанных по стене внутренностей.

«Если не можешь ничего сделать, надо ждать», — так говорила мама Софии, и сейчас она старалась выполнять этот завет. И поменьше нервничать, хотя творящееся вокруг безумие очень давило на психику, и Софии временами хотелось вскочить и побежать туда, где находился Арен, помочь ему хоть чем-то. Она понимала, что и так помогает, находясь с его детьми, но неведение порой сводило с ума.

После того как император около пяти часов вечера в очередной раз вернул в детскую сонную Агату, девочка преобразилась — стала не то, что есть, а даже лопать, громко смеялась, порозовела, — в общем, превратилась из большого ребенка если не в здорового, то по крайней мере в выздоравливающего. Вместе с ней повеселел и Александр.

Арен вновь пришел в детскую около восьми, когда София и дети уже поужинали. Он был бледным, очень уставшим и почти неживым, и от его эмоций сжималось сердце, такими они были безнадежно-отчаянными. Но, несмотря на измотанность, император все равно играл с наследниками больше часа — пока заглянувший Тадеуш не проверил кровь Агаты и не заявил, что анализ почти в норме, однако их высочествам лучше бы лечь спать пораньше.

— У-у-у, — завывали дети, но Арен прервал их жалобы тихим и спокойным:

— Надо.

Агата и Александр вздохнули и отправились умываться, но после водных процедур долго в бодрствующем состоянии не продержались — уснули минут через десять после того, как Арен уложил их по кроватям.

— Наконец этот день закончился, — пробормотал он глухо, выходя из камина с Софией на руках. Она огляделась и обнаружила, что перенесся он в свои покои, а не в ее комнату. Ну и хорошо — Софии нравилось у Арена. Здесь было просторно, и не только из-за больших окон, но и из-за малого количества мебели. Конечно, императору толком и не была нужна здесь никакая мебель, он ведь тут только спал. И обстановка вокруг была лаконичной, строгой, как и сам Арен, и если бы София точно не знала, что эти покои принадлежат императору, ни за что не догадалась бы. Слишком уж простой темно-синий ковер — да, красивый, но не помпезный, а главное — не бело-золотой, как принято у Альго. Обычные книжные шкафы из темного дерева, под завязку забитые книгами, расставленными в строгом порядке, и гардероб в тот же тон. Пожалуй, самым вычурным в гостиной императора было зеркало, стоявшее рядом с гардеробом, в серебряной витиеватой раме, изображающей цветы, фрукты и птиц.

София подвела Арена к окну — туда, где стояли кресла, и усадила в одно из них, опускаясь к нему на колени. Он не отреагировал на подобную наглость, даже не улыбнулся, только привлек ее к себе и положил голову на плечо.

И если бы эмоции были музыкой, то София слушала бы сейчас печальный скрипичный концерт.

— Что случилось? — Она ласково погладила Арена ладонью по груди, вновь ощущая безумное желание помочь. — Расскажи.

Несколько секунд он молчал, сжимая ее талию, и дыхание его возле ключицы почему-то казалось Софии не таким горячим, как обычно. Да и сам Арен... был гораздо холоднее, будто только что вылез из проруби.

Но когда он заговорил и рассказал ей все, она и сама заледенела от ужаса.

— Как же можно так ненавидеть...

— Раньше я тоже не понимал.

— Нет, Арен! — София помотала головой, обнимая его крепче. — Ты ненавидишь Аарона за дело, за поступки. А он ненавидел тебя просто за существование. Это совсем другое! И ты никогда не стал бы убивать ребенка брата.

— Я убил. Только что, Софи.

— Ну что ты такое говоришь! — застонала она, обхватывая ладонями лицо императора. — Это ведь не ты проклятье накладывал. Ты никого не убивал. Только спас! Агату спас.

— Агату спас, — согласился он спокойно и безжизненно. — И двоих детей убил.

— Ребенок Ванессы умер бы в любом случае, — возразила София, понимая, что непременно должна вытянуть Арена из этого болота самоистязаний. — Но никто бы не умер, если бы не твой брат.

— Софи, — Арен усмехнулся, но в этой усмешке ей почудилось что-то почти безумное, — знаешь, чего я не могу понять? Венец. Почему он выбрал меня? Почему не Аарона? Тогда бы ничего не было. Я никогда не мечтал о троне, я мог бы работать вместе с Арчибальдом. А старший брат получил бы то, чего так страстно желал.

— Не только это. Еще он получил бы войну. Если Геенна действительно обладает чем-то вроде сознания, она сделала так, как было лучше для страны.

— Но не для меня лично.

— Да, но они ведь тоже убили себя ради будущего. И, Арен... — София ласково прижалась губами к его щеке. — Знаешь, мне кажется, они тебя ждали.

— Что? — удивленно переспросил он, посмотрев ей в глаза, и София ответила, не отводя взгляда:

— Я так думаю, и ты меня не переубедишь. Они ждали много столетий. Ждали человека, который сможет все исправить. Который не побоится рисковать собой ради мирного будущего. Как они. Твой брат не был истинным потомком Анны Альго и остальных древних магов. А ты — истинный и единственный, кто может выдержать эту ношу.

Арен едва заметно улыбнулся, и София обрадовалась, ощутив, как потеплели его эмоции.

— Ты тоже, — ответил он негромко и провел ладонью по ее щеке. — Единственная.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Проснувшись посреди ночи, Арен поставил эмпатический щит, чтобы не разбудить Софию своими смятенными эмоциями, и посмотрел на девушку, которую сжимал в объятиях.

София спала спиной к нему, и в ночном полумраке император мог разглядеть только маленькое ушко, растрепавшиеся возле него кудри и тонкую линию щеки. Впрочем, ему вовсе не нужно было смотреть на Софию, чтобы видеть ее. Арен давно успел впитать в себя все, что было ею — очертания тела с трогательной россыпью веснушек, блеск понимающих глаз, искреннюю улыбку, звенящий от счастья смех, тепло рук и губ, чудесный запах цветущей вишни... Он мог продолжать так бесконечно, потому что София успела стать для него всем. Она была во всем, что его окружало, в том числе — в нем самом. И всегда будет.

Он счастлив рядом с ней. Наслаждается эмоциями, греется светом. Но что он может дать ей взамен? После случившегося накануне и известия об эмпатическом проклятье о разводе с Викторией не может быть и речи. Так что он может дать Софии? Отсутствующую семью? Презрение в чужих глазах, когда информация об их отношениях выйдет наружу, невозможность родить ребенка, золотую клетку вместо свободы? Кроме того, и Арен понимал это особенно ясно — если продолжать то, что они с Софией неосторожно начали, однажды ее убьют. Убьют несмотря на все меры предосторожности и амулеты — найдут способ. С Агатой ему повезло уже трижды, но повезет ли так с Софией, если заговорщики поменяют цель? Поняв, что она дорога императору, они могут логично решить, что убить обычную девушку гораздо проще, чем кого-то из Альго, и переметнутся на нее. Да, возможно, Гектор в скором времени переловит тех, кто замешан в заговоре сейчас, но... Арен никогда не окажется в безопасности из-за своей противоречивой политики. Рядом с ним жизнь Софии всегда будет висеть на волоске. А он не сможет жить, если ее убьют. Если она уйдет из дворца, выйдет замуж за другого, заведет семью — сможет. А смерти ее он не вынесет.

«Пусть просто будет жива», — подумал Арен, закрывая глаза и глубоко вздыхая. Она встретит кого-нибудь, обязательно встретит, в Альганне много достойных мужчин. Да, не полюбит, но сможет завести семью, родить детей. И она будет жива.

Он все выдержит. Только бы София была жива.

София поняла, что хочет сказать ей Арен, как только проснулась. Это случилось на рассвете, когда в комнате уже появились тени — еще не от света, скорее, от его преддверия, и предметы вытянулись, удлиннились, как будто у них внезапно появились ноги.

Она смотрела ему в глаза несколько секунд, ощущая бешеный стук сердца и горечь во рту, и собиралась с мыслями, при этом зная, что все бесполезно — он принял решение.

И выбрала то единственное, что могло заставить императора изменить его.

— Ты ведь обещал, что не предашь меня.

Он вздрогнул, как от удара.

— Так будет лучше, — ответил глухо, обреченно. — Прости, Софи, но я должен попросить тебя об этом.

Горько, как же горько, и глаза колет.

— Я не смогу без тебя.

— Сможешь. Пройдет время... и сможешь. У тебя будут прекрасные дети, внуки и правнуки. Семья. Но главное — ты будешь жива.

— Я понимаю, ты боишься за меня, Арен. Но...

— Не надо спорить, — пресек он ее слабые попытки возражения. — Я не передумаю.

София зажмурилась на мгновение, пытаясь сдержать слезы, но они все равно покатались по щекам.

— А как же... Агата и Алекс?

Да, еще одно слабое место в его плане.

— Они привыкнут и смирятся. Постепенно, как и ты.

Защитница, как же ужасно, когда ты совсем ничего не можешь сделать.

— Арен... — прошептала София, потянувшись к нему, и не успела сказать больше ни слова — он резко поцеловал ее, сминая губы с отчаянностью человека, который знает, что на рассвете его поведут на казнь.

Накануне вечером Тадеуш ввел ей такую дозу снотворного и обезболивающего, что Виктория спокойно проспала до утра, а проснувшись, обнаружила, что чувствует себя гораздо лучше. Хотя вчера ей казалось, она не доживет до рассвета, но острой боли больше не было, и события минувшего дня отзывались лишь ноющими мышцами и ощущением сухости в глазах.

О случившемся Виктория старалась не думать, опасаясь сорваться в истерику, как прежде. Она прекрасно понимала Арена и всецело поддерживала его решение, желая спасти Агату, но нерожденного ребенка было жаль. А еще в голову, как назло, лезли предательские мысли про то, что она больше не сможет использовать беременность как причину для удерживания мужа. И Арен уйдет к Софии.

От таких рассуждений было мерзко, и Виктория вздохнула, переворачиваясь на другой бок и морщась от боли внизу живота. Но сосредоточиться на ней не успела — вспыхнул огонь в камине.

Император вышел из огня, когда Виктория уже сидела на постели. За окном давно разгорался рассвет, поэтому она смогла рассмотреть лицо Арена. Оно было таким мрачным, что Виктория даже испугалась.

— Что-то случилось? — пробормотала она, глядя на тени под глазами мужа и складки возле губ. — Агата?..

— Все в порядке, — ответил Арен, садясь рядом с ней. Примерно таким же голосом он когда-то рассказывал о случившемся на Дворцовой площади. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. А... — Она хотела спросить: «А ты?» — но не решилась. Да и разве он ответит? Муж никогда не делился с ней переживаниями.

— Лежи пока, Вик, — продолжал Арен. — Часов до одиннадцати хотя бы. Но еще у Тадеуша спроси, как правильнее, он зайдет через час. А ты спи. Детей я сам разбуду и покормлю.

— Я... — Она подалась вперед, но тут же поморщилась — внутренности будто кто-то рукой сжал.

— Еще рано двигаться, лежи. Завтрак тебе принесут. А как Тадеуш разрешит встать — пойдешь в детскую, к Софии и детям. — Арен встал и, сильнее помрачнев, произнес подчеркнуто равнодушно: — С завтрашнего дня она перестанет исполнять обязанности анян.

— Что?.. — пискнула Виктория, чувствуя себя человеком, которому на голову свалился потолок. — Как?..

— Я так решил. Пока нам поможет анян Анны, а потом найдем новую. Не волнуйся.

Он развернулся и быстро пересек спальню, запрыгнув в камин настолько стремительно, будто пытался убежать от возможных расспросов.

Арен продолжал двигаться и что-то делать по привычке — внутри было пусто. Безумно хотелось передумать и все отменить, поэтому он и сообщил Виктории о своем решении,

чтобы не дать себе ни малейшего шанса.

Перед завтраком Тадеуш посмотрел Агату, а заодно и Александра — с детьми все было отлично, они сияли и хохотали, но Арену, когда он смотрел на них, становилось тошно и стыдно. За то, что придется огорчать. И за то, что не удержался от связи с Софией — возможно, если бы удержался, ее не пришлось бы удалять из дворца. Хотя... нет, зачем лгать самому себе? Софию надо убирать из своей жизни независимо от того, есть между ними отношения или нет. Одно то, что он любит эту девушку, уже ставит ее под удар. Нельзя этого допустить. А Агата и Александр привыкнут и переживут, к отсутствию Вирджинии они ведь тоже привыкли, а любили ее не меньше.

София была грустной и бледной, когда Арен передавал ей детей, и эмоции ее казались тусклыми, неживыми. Защитник, расцеловать бы ее, попросить прощения за все и рассказать, что передумал — останься, пожалуйста, останься со мной!

Но нельзя.

Чуть позже к Арену в кабинет пришел Тадеуш, доложил сначала о состоянии Виктории, которое счел удовлетворительным, а потом...

— Ваше величество... Ее высочество Ванесса... — Старый врач выглядел нерешительным. — У нее вчера все прошло гораздо хуже, чем у вашей жены, и...

— Живая? — бросил Арен резко. Смерти супруги брата он не желал, и совсем не потому что считал это слишком милосердным. Просто многовато смертей за последние сутки.

— Да, но она очень плоха, — сказал Тадеуш извиняющимся тоном. — Мучается от боли и потери крови, кровотечение с трудом остановили. Ее высочеству было бы легче, если бы у нее была разблокирована магия... Хотя бы родовая.

— Ты с ума сошел? — Император поднял брови. — Родовая магия Несс смертоносна. Кроме того, она преступница.

— Простите, ваше величество. — Тадеуш покорно наклонил голову. — Тогда позвольте ей немного погулять на свежем воздухе. Пусть ее вывезут на каталке в сад вечером. Ну или хотя бы на балкон...

— Хорошо. Я распоряжусь.

После ухода врача Арен какое-то время сидел над бумагами, задумавшись. Надо ли идти к Ванессе? Надо ли говорить ей о том, что именно убило ее ребенка? Или оставить в неведении?

«Неведение милосерднее», — подумал император, вставая из-за стола, и сделал шаг к камину.

В покоях Несс пахло кровью. Арен понимал, что все уже должны были убрать и почистить, но запах еще оставался в воздухе, оседая в носу и на языке неприятным привкусом железа.

Ванесса лежала в кровати и была настолько бледной, что император поначалу даже не рассмотрел ее на фоне постельного белья.

— Арен... — прошептала она почти неслышно, даже не прошептала — прошелестела, и он наконец увидел. И ее поблекшие, погасшие голубые глаза, и тонкую ниточку пересохших губ, и волосы, которые показались ему не светлыми, а седыми.

Подожел ближе. Ванесса дышала тяжело, будто на груди у нее лежал огромный камень, и походила сейчас на умирающую старуху.

Спрашивать, как она себя чувствует, Арен не стал.

— У тебя вчера был выкидыш, Несс, но тебе не сказали, по какой причине. — Ванесса дернулась, но тут же застыла. — Четыре месяца назад Аарон поставил шаманское

проклятье на вашего ребенка, а заодно и на Агату. Иначе никак не мог достать мою дочь — только через кровного родственника. Дети должны были умереть одновременно.

— Ты-ы-ы... — прохрипела Ванесса. — Лжешь...

Арен усмехнулся и покачал головой.

— Верь во что хочешь, Несс, мне все равно. Я не вижу особой разницы между этим поступком и попыткой убить меня. Ваш ребенок — да, его родная кровь. А я разве нет? Я брат твоего мужа. Однако это не помешало ему в День Альганны. И ты это видела.

Грудь ее шумно вздымалась, а глаза наполнялись слезами.

— По... чему? — просипела вдруг Ванесса, и слезы все-таки полились по щекам. — Он так... со мной?

Арен даже немного удивился. Неужели Несс ему поверила? Он думал, она будет до последнего обелять мужа.

— Аарон просто был предателем, вот и все.

— Нет...

— Да, Несс. Взгляни правде в глаза. Он предал меня, попытавшись убить. Он предал нашу страну, собираясь устроить государственный переворот, грозивший гражданской войной. И он предал тебя. И вашего ребенка.

Она молчала, только плакала.

— Ты спросила, почему. Потому что ненависть Аарона ко мне была сильнейшим чувством в его жизни. Он ненавидел меня больше, чем любил тебя.

Ванесса всхлипнула, и Арен вдруг вспомнил, как увидел ее впервые.

Сколько ему было лет тогда? Кажется, десять. Он гулял по дворцовому парку вместе с матерью, и тут в конце аллеи появились Аарон и Ванесса. Они держались за руки, смотрели друг на друга, а не на дорогу, и дальнейшее было неизбежно — Несс споткнулась, с ее ноги слетела туфелька, приземлившись возле Арена. Он поднял ее и помог незнакомой девушке обуться.

«Какой у тебя галантный брат, Аарон, — смеялась Несс, глядя вовсе не на Арена, а на перекошенное ревностью лицо жениха. — Эх, будь я лет на пятнадцать моложе...»

Забавно, но ведь уже тогда Аарон видел в нем не своего брата, маленького мальчика, а конкурента. Уже тогда ненавидел всей душой.

Император поморщился и, наклонившись, коснулся плеча Ванессы, снимая блокировку родовой магии. В тот же миг женщина вздохнула гораздо свободнее и чуть порозовела, перестав наконец сливаться с собственной подушкой.

— До завтрашнего утра, — сказал Арен, выпрямляясь. — И только потому что я прекрасно знаю, что на всем твоём окружении есть защитные амулеты. Надеюсь, ты не станешь делать глупостей, Несс. Родовые молнии убьют тебя саму быстрее, чем хотя бы одна долетит до выбранной цели.

Она молчала, глядя на него непонимающими глазами, и спросила, когда Арен уже почти дошел до камина:

— Почему?

— Потому что я не похож на твоего мужа, — ответил император, заходя в огонь.

С самого утра София чувствовала себя мертвой и беспомощной, но приходилось улыбаться и придумывать занятия для детей. Придумывалось с трудом, потому что ничего не хотелось — только лечь и умереть поскорее.

Сердце ее рвалось на части, когда она думала о том, что придется уехать из дворца в

течение суток. И отговорить Арена не получится: он слишком боится за ее жизнь и не станет рисковать.

Защитница, зачем ей эта жизнь, если его в ней не будет?!

— Софи, — Агата, которой было разрешено сегодня и завтра не учиться, а играть и выздоравливать, заглянула ей в глаза с детской серьезностью. — Что с тобой? Тебе плохо. Почему тебе плохо?

— Опять не удержала щит, — пожурила ее София без злости, но наследница покачала головой.

— Я специально его сняла. Хочу разобраться, что случилось.

— Твой папа будет ругаться.

— Папа сам так делает, — фыркнула девочка. — Расскажи, что произошло, мы с Алексом переживаем.

— Да, — кивнул мальчик, тоже глядя на Софию. Конечно, он ничего не чувствовал, но безоговорочно доверял сестре во всех без исключения вопросах.

Они с Ареном не обсуждали, как она будет прощаться с детьми, потому что при мысли об этом им обоим было тошно. Так что София приняла решение сама, усадив обоих воспитанников себе на колени и погладив их по волосам.

Очень хотелось заплакать.

— Мне нужно уехать. И я, скорее всего, не вернусь.

Агата и Александр молчали, серьезно глядя на нее, похожие на Арена в этот момент так же сильно, как она походила на Вану.

— Поэтому мне грустно, — продолжала София, сжимая ладошки обеих малышек.

— А ты можешь не уезжать? — спросила Агата с печалью и шмыгнула носом. — А?

— Не могу.

— Совсем-совсем? — всхлипнул Алекс.

— Совсем.

Дети были очень расстроены, но пока не плакали.

— Мы не хотим, чтобы ты уезжала, — сказала Агата тихо, и ее брат сразу закивал. — У Вирджинии родились внуки. А у тебя что случилось, Софи?

— Ничего страшного. Но я должна уехать, — повторила она, не в силах придумывать легенды. — Просто... должна.

Алекс выпятил губу, явно готовясь разрыдаться, а Агата, помешкав, произнесла:

— Я понимаю. Ты уезжаешь, потому что любишь папу.

В голосе девочки звучала недетская серьезность, и София, пораженная до глубины души, не сразу нашлась с ответом.

— Да, — прошептала она в конце концов. — Только не говори об этом никому, Агата.

— Не буду, — помотала головой девочка. — Но ты же нас не забудешь, да, Софи?

— Ни за что, — уверила их София, и тут Александр не выдержал — разревелся в голос, широко открывая рот и прижимая к глазам маленькие кулачки.

Вернувшись от Ванессы, Арен позвал к себе Гектора, и пришедший на совещание Дайд в

первые мгновения смотрел на императора так, будто ожидал, что он собирается немедленно умирать.

— Со мной все в порядке, — сказал Арен на всякий случай, и дознаватель скептически дернул губой.

— Ваше величество... — проскрипел Гектор негромко. — Вы можете меня уволить, если я ошибаюсь, но я более чем уверен, что в ближайшее время покушений на вашу семью не будет. Ни на кого, особенно на детей. Это проклятье было последним отголоском деятельности Аарона.

— Сомневаюсь.

— Это не удивительно. Но послушайте, пожалуйста, что получается. В прошлом году, незадолго до Дня Альганны, ваш брат поставил на Агату и своего ребенка проклятье — на тот случай, если все же проиграет. Я полагаю, в подробности этого он никого не посвящал, скрывая шаманский дар и от своих соратников, но вполне вероятно, попросил их в случае его гибели попытаться достать девочку. Это предположение, но я думаю, оно верное, и собираюсь использовать эту информацию для того, чтобы расколоть наконец Арвена Асириуса. Аарон погибает, известных членов его шайки арестовывают, остаются последователи второй волны. Пока мы можем сказать со стопроцентной вероятностью, что в эту волну входил Виго Вамиус, ныне покойный, остальные — под вопросом. Я считаю, Асириус был ведущим специалистом по артефакторике и изготовителем всех тех чудес, с которыми мы столкнулись во время расследования. Еще кто-то должен работать или просто быть связан с Императорским театром. И наконец, глава второй волны заговорщиков, отдававший приказы Вамиусу и обладающий влиянием как в обществе, так и во дворце. Круг людей, подходящих под это определение, довольно-таки узок.

— Это минимум участников, Гектор. Их может быть больше.

— Может быть, но ненамного, я упоминал, почему — иначе информация уже просочилась бы. В этих направлениях мы сейчас и работаем. Разрабатываем Асириуса, выясняем, кто и где мог убить Виго, следим за служащими Императорского театра и за всеми более-менее влиятельными людьми, входящими во дворец. Кроме того, я собираюсь плотно заняться темой шаманства вашего брата. Ив сказала, что сейчас в заговоре никаких шаманов нет, и это не так, чтобы очень важно, но необходимо. Нужно идти по всем следам, не пропуская ни одного, и вычистить всю сплетенную паутину...

Арен слушал отчет Гектора, и когда главный дознаватель закончил, попросил:

— Еще я хотел бы, чтобы ты нашел Адриана. Это тоже не так, чтобы первоочередная задача, но его все же необходимо вернуть. Не хотел бы я, чтобы племянник сколотил против меня новый заговор.

— Будет сделано, ваше величество.

Успокоить детей удалось с трудом, да и спокойствием это сложно было назвать — Агата и Александр больше не плакали, но и не веселились, молчали и постоянно лезли обниматься. И пришедшую ближе к полудню Викторию встретили жалобами на то, что София уезжает.

— Арен сообщил мне утром, — сказала она, избегая встречаться с ней взглядом. — Мне очень жаль, что ты нас покидаешь.

София на секунду почувствовала укол неприязни. Она не могла до конца поверить в то, что Виктории действительно жаль. Если только совсем немного, а в остальном она наверняка рада, что никто больше не будет отнимать у нее мужа.

Неприятные и неправильные мысли. Нельзя так думать.

— Ты теперь не будешь учиться лисовать, мама, — вздохнул Алекс горестно, и София поспешила сказать, пока он не разрыдался:

— Ну почему же? Я могу учить твою маму на расстоянии, через почтомаг. Виктория, вы... ты можешь посылать мне рисунки, я буду править и писать сопроводительные записки. Агата и Алекс, и вы тоже можете так делать.

— Правда? — Агата улыбнулась впервые с того момента, как София сказала о своем отъезде. — Мы можем тебе писать? И ты нам тоже будешь?!

— Конечно, буду.

Охрана передала, что император на обед вырваться не сможет, и София с детьми и Викторией решили устроить прощальный пикник в саду. Императрица распорядилась, чтобы слуги все подготовили, и пока на кухне собирали корзинки, София усадила своих подопечных рисовать.

Было невыносимо грустно, но все, даже Алекс, старались не огорчать остальных, однако иногда печаль все же прорывалась — всхлипами, закушенными губами, глазами, полными отчаяния. Викторией, кажется, тоже было не по себе, и София подумала, что ошиблась насчет императрицы, и она, как и дети, не хочет, чтобы их аньян уезжала.

В восемь рук они рисовали на больших листах бумаги, скрепленных вместе, императорский дворец. Точнее, София нарисовала эскиз карандашом, а потом дети и Виктория раскрашивали все красками, наполняя цветом, и она смотрела на них, пытаясь запомнить как можно лучше. Защитница, неужели она никогда больше не увидит Агату с Александром?..

— Все готово, — объявил зашедший в детскую слуга и поклонился Викторией и детям. — Можно спускаться в сад.

Положение на севере стабилизировалось, и сегодня был первый день, когда Арен ближе к обеду получил отчет не от заместителя Арчибальда, а от брата. Очень подробный отчет и по видам демонов, и по их количеству, и по пострадавшим, в том числе по жертвам, без которых на этот раз не обошлось. «Вернусь завтра», — сообщал Арчибальд. Он мог бы вернуться и сегодня, Геенна уснула и половину демонов уничтожили, но брат предпочитал оставаться на месте до последнего.

На обед Арен не вырвался из-за нескольких непредвиденных посетителей, да не очень-то и хотел, понимая, какой кошмар его там ждет. София наверняка успела сообщить детям о своем отъезде. Она, разумеется, сможет погасить их истерику, но совсем без переживаний не обойдется. Особенно когда ее уже не будет во дворце.

Кстати, об этом...

Арен отправил Вану Вагариусу на браслет связи сигнал о немедленной встрече, и через несколько минут безопасник вошел в кабинет императора, чеканя шаг и выпрямляясь, как по струнке. Арен на мгновение приподнял эмпатический щит — нет, Вану, судя по эмоциям, еще не в курсе, София не рассказывала. Это усложняет дело.

— Вчера на Агату было совершено очередное покушение, — начал Арен после того, как Вагариус поздоровался и поклонился. Услышав это, безопасник нахмурился. — И я принял решение, Вану. Дворцовый управляющий уже подготавливает документы. С завтрашнего дня София перестанет числиться моей аньян.

Глаза Вагариуса медленно поползли на лоб.

— Ваше?..

— Я не хочу рисковать ее жизнью, — пояснил Арен устало, ощущая себя человеком с дырой вместо сердца. — Поэтому у меня к тебе просьба. Во-первых, поддержи Софию, ей будет тяжело. Во-вторых, постарайся уговорить ее переехать в твой дом, мне так было бы спокойнее, он гораздо надежнее дома Синтии Тали. И в-третьих... — Император залез ладонью в нагрудный карман, достал маленький пузырек с темно-красной жидкостью и протянул его Вану. — Возьми. Это понадобится, чтобы сделать порталные блокираторы. Я хочу, чтобы ты установил их там, где будет жить София.

Судя по лицу Вагариуса, он потерял дар речи от всех этих новостей.

— Иначе я когда-нибудь не выдержу и перенесусь к ней, — продолжил император и невольно поморщился — Защитник, какая жалкая слабость! — Этого нельзя допустить.

Возьми кровь и попроси... Рона Янга сделать такие артефакты.

Несколько секунд Ваню молчал.

— Янга? — прохрипел наконец. Кашлянул и переспросил: — Почему именно?..

— Я ему доверяю. И, кстати, раз уж зашла речь о Янге... Включи его и Эн Арманиус в список тех, кто получит орден Славы в ближайшее время. Когда ты планируешь объявить награждение?

— Хотел через неделю...

— Прекрасно. Все, Ваню. Можешь идти.

Вагариус открыл рот, намереваясь что-то сказать, но не успел — браслет императора завибрировал и засветился красным.

Погода стояла чудесная, и Софии от этого было даже немного странно — ей казалось, на улице должен идти проливной дождь, нещадно поливая землю и барабанив по листьям, и небо должно быть черным и мрачным, без единого проблеска солнечного луча. Но все было не так. И солнце светило ласковое, теплое, и ветерок дул приятный и мягкий, и на небе были только пушистые белые облака, похожие на маленьких барашков на гребне морской волны.

София, Виктория и дети в сопровождении четырех охранников, оставшихся стоять неподалеку, расположились на траве в полутени деревьев. Это были яблони, и они как раз цвели, и с каждым порывом ветра вниз летели лепестки, создавая иллюзию цветочного дождя. И, несмотря на грустное настроение, Агата и Алекс открывали рты, вскакивали и начинали прыгать и кружиться среди трепещущих белых лепестков.

— А вы знаете, что именно из плодов этого дерева делают вашу любимую яблочную пастилу? — сказала София, и наследники застыли, глядя на нее и так и не закрыв рты. — Хотя не только из нее. Пастилу можно делать из чего угодно, даже из клубники.

— Из клубники-и-и?!

София рассказывала детям про пастилу из клубники, пока они обедали вкуснейшими пирожками и фруктами, и на душе постепенно становилось легче и светлее.

Нет, не может быть, чтобы она больше не увидела их. Арэн передумает. Пройдет немного времени, и он обязательно передумает...

— Несс! — воскликнула вдруг Виктория нервно, вскакивая с покрывала и глядя куда-то в сторону. София обернулась — по дорожке, находившейся метрах в двадцати от них, шла ее высочество Ванесса, опираясь на руку охранника. Еще двое шли следом за ними. — Постой! — Императрица опустила голову и сказала детям: — Побудьте здесь, я на минуту. — И почти побежала по направлению к женщине. Следом за Викторией отправился один из охранников.

— Агата, Алекс, — произнесла София, ощущая небольшую тревогу. — Посидите тут, ладно? Никуда не уходите. — Дети закивали, и она поглядела на охранников. — Проследите, пожалуйста.

— Вы куда, айла Тали? — поинтересовался Картер, заменивший Дэйва, как только София поднялась. — Не стоило бы...

— Я ненадолго.

Конечно, не стоило бы. Но Виктория помчалась разговаривать с женщиной, которая хотела убить ее дочь. Ванессу София не боялась — она опасалась только за Викторю. Сейчас растреплет самой себе нервы, расстроится, еще и разозлится наверняка. Надо ее оттуда вытаскивать. Охранники-то не будут пресекать разговор императрицы с женой брата Арена, а вот София может.

— Как ты себя чувствуешь? — услышала она вопрос Виктории. — После вчерашнего...

— Живая.

София подошла совсем близко и встала рядом с императрицей, покосившейся на нее с удивлением.

— Софи?..

— Пойдемте-ка обратно, ваше величество, — произнесла девушка, дотрагиваясь до локтя Виктории. — Надо вернуться. Император будет недоволен.

Ванесса хрипло засмеялась, неприязненно глядя на Софию.

— Говорящая комнатная собачка беспокоится за сохранность хозяйки.

— Софи не комнатная собачка, — пробурчала Виктория с обидой. — Зачем ты так говоришь, Несс? И зачем ты... все это... Мы ведь дружили!

— Я никогда с тобой не дружила. Ты истеричная дура, как с тобой можно дружить? — фыркнула Ванесса, заставив императрицу отшатнуться. Охрана напрягалась и переглянулась, и тот мужчина, на руку которого опиралась принцесса, холодно сказал:

— Хватит, возвращаемся во дворец. Извините, ваше величество.

— Пойдемте, — попросила София тверже, сильнее цепляясь за локоть Виктории и потянув ее в сторону. — Не надо с ней разговаривать.

— Я просто хотела узнать, почему... — почти прошептала Виктория, беспомощно посмотрев на Софию. — Защитница, она ведь тоже мать...

— Пойдемте, — повторила девушка и хотела сказать, что их ждут Агата и Александр, но не успела.

— И чего ты ее тянешь? — хмыкнула Ванесса, не реагируя на попытки охранника мягко повернуть ее в противоположную сторону. — Думаешь, я что-нибудь могу ей сделать? Глупости. Она совершенно не дорога Арену. А вот ты...

В следующую секунду произошло сразу несколько событий.

Ванесса резко вскинула свободную от захвата руку, и кончики ее пальцев, задрожав, заискрили.

Виктория закричала: «Нет!» и загородила собой Софию, вцепляясь в ее плечи, а с ладони жены Аарона, Аарона-предателя, вдруг сорвалась большая извитая молния и полетела императрице в спину.

Мыслей никаких не было. Только вкус железа во рту, ощущение текущей по венам и артериям горячей крови, стремительно поднятая вверх правая рука — и за Викторией, обнимающей Софию, возникла стена из плотного воздуха. Молния Ванессы увязла в ней, как муха в варенье, вспыхнула и исчезла, оставив после себя лишь немного дыма и несколько нервно дрожащих искр.

— С ума сошла, — сказала София тихо, погладив жену Арена по спине. — У тебя же дети.

Виктория смотрела на нее изумленно округлившимися глазами. Точно такие же глаза были сейчас и у Ванессы, и у всех охранников — впрочем, это не помешало им скрутить женщину, заломив ей руки и надев на них наручники — блокираторы магии.

Конечно, они должны были почувствовать, что щит из родовой магии Ване Вагариуса возник не из амулета — его сотворила сама София.

— Я не хотела, чтобы она тебя убила, — пробормотала Виктория обескураженно. — Но как?..

— Вряд ли у нее получилось бы убить хоть кого-то, — улыбнулась София. — Даже если бы не этот щит, появился бы другой, амулетный. Просто я успела раньше. А теперь давай все-таки вернемся к детям.

Арен был в ярости, когда начальник охраны дворца сообщил ему о случившемся, и в очередной раз убедился в том, что Софии надо срочно покидать замок и никогда не общаться ни с кем из его семьи.

Демонова Ванесса! Чего она добивалась, пуляясь в Софию родовой молнией? Надеялась, что на аньян нет кровного амулета? На всех охранниках есть, а на Софии нет. Ерунда какая-то! А убить ее она могла только при отсутствии амулета, иначе никак — чтобы разбить щитовые чары, нужно больше одной молнии, но никто не позволил бы их создавать. Да и силы единственной созданной молнии было недостаточно для убийства, София максимум упала бы в обморок. Для того, чтобы причинить кому-то вред, Ванесса еще недостаточно восстановилась.

И охрана хороша. Всем по выговору. Почему пустили Викторию?! Да, Арэн не давал указаний не подпускать императрицу к жене брата, но неужели нельзя было догадаться?!

А уж Виктория... Зачем пошла разговаривать с Ванессой? О чем хотела узнать? Не стыдно ли той было участвовать в покушениях на Агату? Бессмыслица.

По какой причине София последовала за его женой, Арэн прекрасно понимал. Хотела поскорее увести ее обратно к детям. Но лучше бы уж не вмешивалась. Теперь придется ставить на охрану печати молчания, причем с запретом разговаривать об этом и в пределах дворца.

Но больше остальных виноват он сам. Пожалел, снял блокировку родовой силы, позволил прогуляться по саду. И вот что из этого получилось. Дурак сентиментальный!

«Вы жалеете родственников своего брата, ваше величество, — вспомнил он вдруг слова Гектора. — А они вас — нет».

Вот уж точно. Но демона с два он теперь кого-то из них пожалеет. Адриана — в охранители, Анастасию — в Альтаку, а Ванессу в тюрьму на вечное поселение. Заслужила.

Около шести вечера, освободившись, Арэн перенесся в детскую, перед этим минут десять посидев в одиночестве и собравшись с мыслями и духом. Он понимал, что собственными руками уничтожает свою жизнь, но так было необходимо — иначе рано или поздно его жизнь и судьба уничтожат Софию.

Жена, дети и аньян рисовали, сидя на полу, в окружении листков бумаги, и Арэн, приглядевшись, понял, что они пытаются изобразить императорский дворец. Получалось неплохо, хоть и по-детски аляповато, и в другой день он обязательно улыбнулся бы и похвалил, но не сегодня.

Хмурые и печальные Агата с Александром вскочили с пола, вцепляясь в Софию — Агата с одной стороны, Александр с другой, — и хором завопили:

— Папа-а-а-а, не на-а-а-адо-о-о!

— Прощайтесь, — сказал он строго, стараясь не смотреть на Софию. — Вашей аньян нужно еще зайти в кадровую службу. Поэтому прощайтесь.

Дети истошно разрыдались, и София тут же присела на корточки, обнимая и утешая обоих, и они вешались на нее, прижимались, но не слушали, крича все громче и громче.

— Арэн... — шепнула Виктория, коснувшись его руки. — Может, все же...

— Нет, — он покачал головой и громко приказал: — Хватит. Софи, вставай.

Она не расслышала, продолжая обнимать Агату и Александра, и Арэн вдруг заметил, что она тоже плачет.

Его резко затошнило. Защитник, что он делает? Зачем убивает их обоих, причиняет боль детям? София все время говорила, что они справятся — так, может...

«Нет».

Император с трудом вздохнул — легкие как в огне горели, — и сказал еще громче:

— Софи, вставай.

Она вздрогнула, посмотрела на него измученными заплаканными глазами, с трудом отцепила от себя ручки детей и поднялась, чуть покачиваясь, словно собиралась упасть в обморок. Лицо ее было белым.

— Пойдем. — Арен взял Софию за руку и повел к камину. Позади вновь разрыдались Агата с Александром, но на этот раз их стала утешать Виктория, приговаривая какие-то ничего не значащие глупости.

Вспышка огня, засветившиеся стены пространственного лифта — и Арен шагнул из камина в комнату Софии, держа на руках съжившуюся в отчаянии девушку.

— Зачем ты с ними так жестоко? — прошептала она, вытерев кулаками мокрые глаза. — Плачут, бедные...

— Они не перестанут плакать, пока ты не уйдешь, — ответил Арен, поставив Софию на пол. — Да и после того, как уйдешь, еще долго будут. Но постепенно им придется привыкнуть.

— Арен... — Она потянулась к нему, и он покачал головой.

— Не надо, счастье мое. Я и так с трудом держусь. Сейчас сходишь в кадровую службу, заберешь документы. Браслет связи останется у тебя, я распорядился. Кольцо тоже оставь, это отличный защитный амулет, да и в моих чувствах к тебе ничего не изменилось. После того, как сложишь вещи, доложи об этом охране, они тебя доставят домой. Вагариуса я предупредил.

— Арен... — София все-таки шагнула вперед, прижалась и обняла его. — Пожалуйста, передумай. Мне не будет лучше без тебя, и тебе без меня тоже.

— Зато ты останешься жива, — произнес он упрямо и, не выдержав, быстро и крепко поцеловал ее в губы. — Все, Софи. Я пойду.

Он с огромным трудом и с замершим от безысходности сердцем, казавшимся ему похожим на тяжелый камень, отцепил от себя руки Софии и, коснувшись губами родных ладоней, шагнул в пламя.

Нужно было отвлечься, поэтому Арен перенесся в собственный кабинет, где, как ему было известно, уже работали Рон Янг и Эн Арманиус. Они предупредили его утром, что придут сегодня пораньше — хотели подольше посидеть над документами и начать сводить их в единый отчет для императора.

Когда Арен зашел в секретную комнату, Эн и Рон посмотрели на него с удивлением — видимо, не ждали.

— Добрый вечер, — сказали оба, склонив головы, а затем Янг поинтересовался: — Вы что-то хотели уточнить? У нас пока нет новой информации.

— Да я все думаю, — произнес Арен глухо, потеряв сухие и колкие, будто наждак, глаза. — Как это рассказывать народу, что говорить, а что нет.

— Решите, когда мы сделаем подробный отчет, — заметила Эн, глядя на него почему-то с сочувствием. Хотя эмоций ее император не ощущал — он весь день не снимал эмпатический щит, даже когда был с Софией. Опасался, что может передумать. — Мы с Роном предложим какой-нибудь вариант. По крайней мере постараемся.

— Однозначно легенду о Защитнике и Защитнице необходимо оставить, — задумчиво протянул Янг. — Иначе обязательно найдутся желающие поменять династию, мало ли у нас сумасшедших.

— Они и с легендой о богах находятся, — пробормотал Арен, и Рон хмыкнул.

— Разумеется, идиотов-то много. Но все же без этой легенды их количество резко возрастет, это нам не надо. Конечно, открыть правду было бы проще, ведь она — лучшее доказательство того, что аристократия может жениться на нетитулованных. Так было бы легче решить проблему связанных дыр...

— Какую проблему? — не понял Арен, и Эн пояснила:

— Геенна, то есть, живой щит, слабеет с каждым вымершим аристократическим родом. Пока их мало, но если количество будет увеличиваться... думаю, Геенна в таком случае может исчезнуть. Нужно как-то вернуть вымершие рода, найти нетитулованных наследников, провести ритуалы признания...

— Думаешь, это возможно? — Император нахмурился. — Целое расследование необходимо проводить.

— Да уж, Дайд будет в восторге, — фыркнул Рон. — Копаться в родственном дер... то есть, в родственных связях — то еще удовольствие. Но придется. Я так прикинул... Если выродятся еще примерно пятьдесят фамилий — а как раз столько родов в империи сейчас находятся в критическом состоянии, — мы рискуем остаться без Геенны.

— Для решения этого вопроса целый комитет нужно создавать, — пробормотал Арен задумчиво. — Там ведь не только расследования требуются, много чего еще. И закон о передаче титулов необходимо переписывать...

— Как это? — хором спросили Рон и Эн, и Арен уточнил:

— Закон планировалось принимать в несколько этапов. С первым — заключение браков, — мы чудом угадали, решив передавать аристократическую фамилию независимо от пола, не только от мужа к жене, но и наоборот. А вот второй этап — награждение титулом за заслуги перед империей, — в таком ключе, как он написан сейчас, будет не только не полезен, но даже вреден.

— Это верно, — кивнул Янг. — Титул нельзя просто присвоить, награждаемый должен быть родственником. И ритуал по включению в род тогда нужен. Да, ваше величество, — артефактор усмехнулся, — вы создали сами себе много проблем, когда решили разобраться с социальным неравенством.

— Кто-то же должен был с этим разобраться, — пожал плечами Арен. — Если бы не решился я, решился бы кто-нибудь другой.

— Сомневаюсь, — пробормотал Рон, и Эн едва заметно улыбнулась, опустив глаза.

Император не хотел идти к Ванессе и всерьез думал отложить этот визит на потом, но решил, что все неприятное лучше по возможности оставить в сегодняшнем дне, и завтра заниматься только детьми. Арен даже попросил Адну перенести все дела на следующую неделю, собираясь провести воскресенье с семьей.

И без Софии.

Когда он подумал об этом, стало так больно, что он несколько минут стоял в огне посреди камина, пытаясь вернуть себе дыхание. Пытаясь открыть глаза и жить дальше — так, как жил раньше, до Софии, ведь всего два месяца назад ее не было в его жизни.

Впрочем, жизни тогда тоже не было.

Ванесса сидела в кресле у окна и смотрела на постепенно сгущающуюся за окном тьму, в которой маленькими светлячками мерцали огни вечерней Грааги.

Собиралась гроза.

Арен встал возле жены брата, скрестив руки на груди, и поинтересовался, прорезав

пространство погруженной в тишину комнаты резким звуком своего голоса:

— Ну и зачем?

Она не взглянула на него, только ответила, пожав плечами:

— Просто.

На ее руках Арен заметил черные антимагические браслеты — кровные, они блокировали в том числе и родовую магию.

— Протяни руки.

Вот теперь Ванесса посмотрела на него, и в ее глазах Арен увидел отражение своего отчаяния. Пусть они были голубыми — ему все равно казалось, что он смотрит в Бездну, в непроглядную черноту, из которой не суждено выбраться.

— Поставишь блок в сознании? — прошептала Ванесса. — Правильно, зачем переводить на меня ценный артефакт.

Он криво усмехнулся.

— Руки, Несс.

Она послушалась, и Арен, коснувшись обоих браслетов, по очереди снял их, а затем убрал и блок на обычную магию с сознания Ванессы. Она охнула, зажмуриваясь — энергетический контур вспыхнул, — и порозовела, и даже волосы стали менее тусклыми.

— Зачем? — выдохнула она с непониманием, распахивая глаза. — Ты не боишься, что я...

— Попытаешься меня убить? — Арен поднял брови. — Ну, можешь попробовать. Даже если бы твой магический резерв был сейчас полон, ты вряд ли смогла бы меня прикончить. Если у тебя не получилось тогда, после смерти Аарона, то сейчас тем более не выйдет.

Ванесса всхлипнула.

— Не понимаю.

— Неудивительно. Я объясню, если ты расскажешь, зачем швырнулась молнией в Софию, и почему именно в нее.

Она отвела взгляд, не спеша что-либо объяснять. Впрочем, Арен уже не нуждался в объяснениях — он, остыв, осознал все и сам пару часов назад. Это было совсем не сложно.

— Что ж, раз ты не хочешь рассказывать, я сам это сделаю. Ты, Несс, мечтаешь о смерти, но единственный способ получить ее — заставить меня убить тебя. Вот ты и запульнула родовой магией в Софию, полагая, что я рассержусь и сделаю то, о чем ты мечтаешь. Или я ошибаюсь?

Она сглотнула и сжала кулаки.

— Нет.

— Почему именно в Софию?

На этот раз Ванесса все же ответила.

— Не знаю. Это было спонтанное решение. Я подумала, что из-за Виктории ты не рассердишься — ты никогда ее не любил, даже София вызывает у тебя больше эмоций. Мне иногда казалось, что она тебе нравится. И я решила... — Жена брата подняла голову и взглянула на императора. — Как у нее получилось создать родовой щит Вагариуса? Она ведь нетитулованная.

В голосе Несс было неподдельное удивление.

Арен смотрел на нее, пытаясь понять, говорит ли она правду про Софию и спонтанное решение. Не знает ли об их связи? Впрочем, неважно — ее воспоминания о последних месяцах записаны в кристалл, и он всегда может попросить Гектора проверить, что и кому говорила Ванесса о Софии и императоре. Хотя все же вряд ли она лжет. Знала бы правду — попыталась бы разозлить его, бросив обвинение в лицо.

— Очень просто. София — внучка Ване Вагариуса.

Жена брата нахмурилась.

— Это ничего не объясняет.

— А ты хочешь, чтобы я объяснил? — Арен фыркнул. — Этого не будет. Не твое дело. — Он развернулся и пошел к камину. — Я поставлю блок на магию обратно завтра утром.

— Арен! — она вскочила и кинулась к нему. — Нет, пожалуйста!

Так он и знал.

Ванесса на мгновение коснулась его спины, но тут же отдернула руку, словно боялась обжечься. Арен остановился и, развернувшись, взгляделся в побледневшее лицо.

— Ты даже сейчас хочешь этого? — Он покачал головой. — Даже после того, как я рассказал о проклятье? Аарон предал тебя, как и меня, Несс.

Она вдруг зажмурилась и заплакала. Молча и не открывая глаз, только слезы текли по щекам.

— Поэтому и... — выдохнула она сипло. — Ты ничего не понимаешь...

— Да куда уж мне.

— Я его так любила, — бормотала она, продолжая плакать. — С первой встречи. Очень. Я верила ему, я злилась и ненавидела тебя, что ты не оставил ему хотя бы жизнь... А он предал меня. Убил нашего ребенка. Я ведь ждала... — Несс открыла глаза и посмотрела на Арена с отчаянием. — Я ждала, когда он появится на свет, думала, что смогу жить ради... и ты... ты бы не отнял его у меня, я знаю.

— Я не стал бы отнимать ребенка у родной матери, — произнес Арен и замер, перестав дышать, потому что Ванесса вдруг сделала стремительный шаг вперед и прижалась к нему, обнимая обеими руками и утыкаясь в грудь мокрым лицом.

— Прости, — прорыдала она, и Арен даже сквозь рубашку ощущал тепло ее слез. — Прости, пожалуйста!

Он молчал, не двигаясь, и постепенно рыдания Несс стихали. Однако она продолжала обнимать его и дрожать, пряча лицо у него на груди, будто не могла смотреть в глаза.

Арен поднял руку и коснулся пальцами подбородка Ванессы, заставляя ее приподнять голову.

— Подумай. Конечно, жизнь не будет прежней, но она все же будет.

Она всхлипнула.

— Не хочу. Зная о предательстве... Пожалуйста, Арен...

Он поморщился.

— С Тасси ты поговорить не хочешь?

— Нет. Мы с ней виделись, я все сказала. Не надо. Иначе мне... иначе я...

Император не стал переспрашивать, что это значит. Он прекрасно понимал — Ванесса боялась передумать.

— Закрой глаза, Несс.

Наверное, следовало позвать Анастасию — быть может, она отговорила бы мать. Хотя вряд ли. Аарон для Ванессы значил то же, что для императора значила София, а предательство собственного сердца невозможно вынести.

Он осторожно обхватил ладонью шею Несс и, на секунду коснувшись ее лба сухими губами, выпустил из себя пламя Геенны, превратив жену брата в горстку серого пепла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Словно в каком-то дурном сне, София сходила в кадровую службу, получила документы об увольнении с прекрасными характеристиками, а после долго собирала вещи, хотя собирать-то было почти нечего — вещей у нее было немного. Но руки с трудом поднимались, ноги с трудом ходили, а глаза кололо и резало, и голова кружилась так, что София постоянно садилась на постель, тяжело дыша и пытаясь справиться с собой. Наверное, было бы легче заплакать, но глаза оставались сухими — слезы собирались где-то в горле, распирая грудь и вырываясь наружу тяжелым, сиплым дыханием.

Но когда огонь в камине ярко вспыхнул, взволнованно заискрившись, София вскочила с постели, неизвестно откуда взяв силы, и бросилась навстречу императору.

— Арен! — выдохнула она, прижавшись к нему. Сердце колотилось, как после долгого изнурительного бега. Неужели передумал?..

Она взглянула ему в лицо и охнула. Почерневшие, ничего не выражавшие глаза, поджатые до тонкой линии губы, резко очерченные скулы — восковая посмертная маска, а не лицо.

— Что-то случилось?.. Арен?

Он запустил ладони ей в волосы, распуская косу и молча вглядываясь в глаза.

— Нет, — ответил безжизненно, и София сразу поняла — врет. — Просто хотел проститься. Пока ты здесь, еще можно. Но как только уйдешь...

— Я могу не уходить.

— Нет, — повторил он, качнув головой и, наклонившись, прижался лбом к ключице девушки. — Тебе лучше будет держаться от меня подальше.

— Да не будет это лучше! — воскликнула София, начиная целовать его, и вдруг замерла. — Арен... а почему я тебя не чувствую? Ты?..

— Закрылся.

Она понимала, почему, но все равно было обидно.

— Я не смогу без тебя, — прошептала она с отчаянием. — Неужели ты не понимаешь...

— Софи, — Арен обхватил ладонями ее лицо и посмотрел в глаза, — ты сможешь все. Без меня, но ради меня. Я делаю это для того, чтобы ты жила, и прошу тебя продолжать жить. Только это, и больше ничего. Живи, мое счастье, и мне будет достаточно.

— Арен...

Он поцеловал ее, прервав новую попытку отговорить, с обреченной безысходностью лаская губы, в последний раз провел руками по спине, сжав талию — и отпустил.

Секунду он еще смотрел на нее, жадно и отчаянно, а потом развернулся и запрыгнул в камин. София метнулась следом, не представляя, что собирается предпринять, но наткнулась на непроходимую стену.

Перенос был заблокирован.

Она покинула дворец поздно вечером.

Охрана молча довезла ее до дома, где ждали предупрежденные Синтия и Ваню, но София, даже не взглянув на них и не сказав ни слова, сразу поднялась вверх, в свою комнату, где рухнула на постель и застыла, глядя в потолок.

Она пролежала так всю ночь — не думая, не плача и почти ничего не чувствуя. И если бы не открытые глаза, наполненные жизнью, и не неслышное дыхание, можно было бы

подумать, что она мертва.

Но она была жива. И знала, что будет жить дальше. Потому что он попросил.

К Виктории Арен не пошел, проведя ночь в спальне детей, понимая, что только Агата и Александр смогут помочь ему. Только они способны удержать на месте его рассудок, не дать сойти с ума и потерять Венец. Сейчас ему было нужно сосредоточиться на этом, потому что император ощущал, как сдавливает виски и болит голова.

Он вглядывался в родные лица детей, стараясь ни о чем не думать. Все потом. Потом он продолжит слушать отчеты Гектора о расследовании и вести остальные государственные дела, потом решит, что будет говорить Анастасии о матери, потом разберется и с законом о передаче титулов, и с родовой магией. Все потом. А пока нужно отдыхать и пытаться справиться с отчаянием и чувством вины.

Следующий день напоминал кошмарный сон несмотря на то, что Арен принял решение отправиться всей семьей на море. Агата и Александр капризничали, не хотели ни купаться, ни строить песочный замок, мальчик то и дело срывался в рыдания, требуя вернуть Софию, и к вечеру Арен ужасно устал. Он давно не уставал так, находясь с детьми и в отрыве от совещаний, но в это воскресенье почувствовал себя перемолотым в щепки старым деревом. Немного разрядило обстановку возвращение Арчибальда, но ненадолго. Как только Агата и Александр пожаловались ему, что лишились аньян, у него удивленно вытянулось лицо, и дети вновь начали капризничать, поняв, что могут склонить на свою сторону одного взрослого.

— Ты же пливез уши-и-и? — плакал Алекс, и Арен нахмурился, не понимая, о каких ушах речь. — Как же мы будем без Софи-и-и!!! Ы-ы-ы-а-а-а!!!

Арчибальду пришлось срочно ретироваться, оправдав это тем, что он очень устал — впрочем, это было правдой. Брат только и успел, что принять душ и поспать пару часов, а затем сразу пришел повидать близких. Вопросительно посмотрел на Арена, но император покачал головой.

— Завтра отчитаешься.

О главном он уже был в курсе — демоны истреблены, погибших охранителей двое, среди мирного населения — пять человек, — а про ход операции и остальное можно послушать и завтра.

— Что за уши, Алекс? — спросил Арен, пытаясь отвлечь сына вопросом, но мальчик только сильнее захныкал.

— Мы хотели поставить спектакль, — вздохнула Агата и жалобно всхлипнула. — Софи должна была играть лисичку, а Алекс — ежика...

— Мы его обязательно поставим, — сказала Виктория, в который раз за день обняв детей. — Обязательно-обязательно!

— Без Софи будет не то, — печально покачала головой Агата.

Арен промолчал, потому что сказать ему было нечего. Он понимал: в конце концов дети привыкнут к отсутствию Софии, но до этого успеют потрепать нервы всем. Причем сейчас ситуация была гораздо хуже, чем после увольнения Вирджинии. Тогда наследникам было грустно, но истерики они начали устраивать позже, когда у них появилась новая аньян, которая их не устраивала. Теперь же о новой аньян не могло быть и речи — пока не утихнет горе, Агата и Александр не примут нового человека.

Впрочем, один плюс в их слезах и капризах все же был, хоть и сомнительный. Из-за того, что пришлось весь день утешать детей, Виктория к вечеру так замучалась, что на фразу Арена: «Я пойду к себе», — отреагировала лишь кивком и широким зевком.

О ее попытке пообщаться с Ванессой они так и не поговорили.

Утром в воскресенье София все же встала с кровати, умылась и решила спуститься вниз.

Делать ничего не хотелось, но она знала, что это необходимо. Арен отпустил ее, чтобы она жила, этим София и собиралась заниматься. Пусть сложно и в груди болит так, словно внутренности огнем пожгло, а от сердца один пепел остался, — надо двигаться. Если с ней случится что-то плохое, Арен не выдержит, значит, она должна постараться.

С кухни доносились голоса, и София, прислушавшись, поняла, что разговаривают мама и Ваню. Странно, всего-то восемь утра, неужели Вагариус ночевал здесь?

— Послушай, Син, — говорил Ваню слегка рассерженно, — я ведь ничего неприличного не предлагаю, просто хочу, чтобы ты и девочки жили в комфорте. У меня хороший дом, и он недалеко отсюда.

— Нам и здесь отлично, — буркнула Синтия. — Я не собираюсь становиться содержанкой.

— Ну почему содержанкой? Ты можешь продолжать держать цветочную лавку.

— Спасибо за разрешение.

— Перестань. Я хочу как лучше.

— Да что ты знаешь о том, что лучше для нас?! — возмутилась мама Софии. — Ты вообще ничего не знаешь! Месяц назад вдруг проявился и решил, что можешь командовать!

— Я не командую. Я пытаюсь уговорить тебя. В конце концов, ты же ничего не потеряешь, если...

— Я потеряю самоуважение!

В другой день София улыбнулась бы, но не теперь. Сегодня она просто стояла, застыв возле кухонной двери и не имея сил вмешаться в диалог.

— Перестань, — повторил Ваню и, кажется, встал с табуретки. — При чем здесь самоуважение?

— При том, — ответила она обиженно. — Мы с девочками не имеем отношения к твоему дому.

— Это мой дом, и мне решать, кто имеет к нему отношение, а кто нет, — сказал Вагариус твердо. — Я считаю тебя, Софию, Элизу и Розу своей семьей и стараюсь сделать так, чтобы и вы меня считали родным человеком. Это разве плохо?

— Нет, но...

— Не надо «но». Давай я хотя бы покажу тебе свой дом? Хочешь, сходим туда сегодня?

— Защитница! — прошипела Синтия. — Ну что ты мне такое предлагаешь? Не может незамужняя женщина жить в одном доме с неженатым мужчиной, если они не родственники!

— Син...

На кухне резко воцарилась тишина, и София забеспокоилась. Осторожно выглянула из-за дверного косяка — Ваню и мама стояли вплотную, глядя друг на друга, и рука Вагариуса лежала у Синтии на талии.

— Нет, — произнесла женщина тихо, отворачиваясь. — Мне не нужны подобные предложения.

— Если ты считаешь, что я делаю это только из-за долга перед тобой, из-за поступка Атора, то это не так.

Синтия слегка покраснела.

— Пусти.

— Я не держу тебя. И никогда не буду ни к чему принуждать. — Голос Ваню был

спокойным и уверенным, и София с внезапной болью подумала, что эта сцена напоминает ей момент из собственной жизни, когда она уговаривала Арена на отношения. — Обещаю.

— Не надо обещать. — Синтия грустно усмехнулась. — Все равно не получится. У вас, мужчин, это в крови. Эйнар, знаешь ли, тоже много чего мне обещал. И не пить, и по девкам не гулять, и не...

— Не суди обо мне по своему мужу.

— А по твоему сыну?

Это было жестоко, и София поморщилась, заметив, как напрягся Ваню.

— Если ты думаешь, что я похож на него, скажи это, глядя мне в глаза.

Несколько секунд Синтия молчала, а затем, вздохнув, все же посмотрела на Вагариуса.

— Только внешне. Как София. — Ваню чуть наклонился, будто желая поцеловать ее, но был остановлен быстро поднятой рукой. — Не надо. Хорошо, давай попробуем посмотреть твой дом, вдруг девочкам понравится. Но остальное не надо.

Мужчина усмехнулся, а затем все же склонился и поцеловал — не губы, а распахнутую ладонь.

— Я сделаю все, чтобы ты согласилась.

Синтия вздрогнула и отдернула руку, испуганно делая шаг назад, и София решила помочь маме, которой никогда не нравилось настойчивое мужское внимание. Вернулась к лестнице, громко затопала по полу и крикнула:

— Мам, есть у нас сегодняшний «Золотой орел»?

Когда София вошла на кухню, Синтия и Ваню уже не стояли, а сидели на табуретках далеко друг от друга, и во взглядах обоих была напряженность, направленная на Софию.

— Родная, ты как? — спросила Синтия встревоженно, вскакивая с места, подошла и обняла дочь. — Я так переживаю...

— Все в порядке, — ответила София тусклым голосом. — Так что насчет «Золотого орла»?

— Да, есть. А... зачем?

— Хочу найти работу.

Кажется, маме и Ваню это понравилось. Она понимала их, и изо всех сил старалась быть поживее, чтобы родные меньше волновались. Удавалось все, кроме улыбок, и даже проснувшиеся сестры, пока уверенные в том, что у Софии всего лишь выходной, не смогли помочь.

Последние дни были так насыщены событиями, причем настолько ошеломляющими, что Виктории казалось, она находится посреди бушующего моря — и то ли оно выбросит на берег ее тонущий корабль, то ли потопит его.

Потерять нерожденного ребенка было больно, но не настолько, как потерять Агату, и к боли от этой потери примешивалась радость за спасение. Главное, что ее золотая девочка цела и здорова, и в этом есть заслуга не только Арена, Софии или кого-то другого, а ее, Виктории. Она наконец не только мешала и устраивала истерики, но и смогла сделать что-то полезное. И немного гордилась собой за то, что выдержала.

София... ее стремительное удаление из дворца повергло Викторию в шок. Первое время она толком не могла об этом думать — все мысли были о потерянном малыше, — но после, когда София уже уехала, Агата и Александр страшно истерили, а Арен был похож на покойника — вот тогда Виктория задумалась.

София ведь ничего плохого не сделала, ее уволили не за проступок, иначе отношение к

ней мужа стало бы иным. И выглядело это так, будто Арен просто убирает из дворца дорогого для себя человека, потому что боится за него.

«Может, они будут видаться вне этих стен?» — подумала Виктория, но, взглянув на мрачного супруга, отбросила в сторону эту мысль. Счастливого влюбленного, который решил проблему встреч с любовницей, Арен не напоминал. Он напоминал мужчину, вынужденного расстаться с любимой, и Викторию мутило от этого предположения. Но чем еще мог быть такой внезапный отъезд Софии из дворца? При том, что ни Виктория, ни дети, ни Арен — никто не хотел, чтобы София уезжала.

«Я так решил», — единственное, что он сказал об этой ситуации. А больше — ни слова. Будто это нормально — увольнять без повода любимую аньян, которая, к тому же, спасла Агате жизнь. Виктория знала, что Арен никогда не стал бы огорчать детей без веской причины — значит, сейчас причина все же была, и она была существенной. И какой же?

Как императрица ни старалась — ей в голову не приходило ничего, кроме самого болезненного. Арен отпустил Софию, удалил ее от себя, и сделал он это после третьего покушения на Агату и смерти их нерожденного ребенка, потому что испугался. Испугался, что следующее покушение может вновь коснуться Софии и спасти ее у него на этот раз не получится. Ведь это именно Арен спас Софию тогда, после порталной ловушки.

Виктория морщилась и кусала губы, не представляя, верно ли рассуждает или ошибается, до сих пор отравленная ревностью. Хотя сейчас она не ощущала никакой ревности. Ей просто было горько и хотелось знать правду.

Чтобы как-то отвлечь себя, Виктория в который раз села за задание Силвана. Долго смотрела на белый лист бумаги, а потом взяла и раскрасила его целиком ярко-алой краской, похожей на поток хлещущей из раны крови.

Насчет работы София решила быстро — вновь устраиваться аньян она не хотела, не желая сейчас работать вплотную с другими детьми, а не с Агатой и Александром, поэтому связалась с ближайшим детским садом, куда срочно требовался воспитатель в одну из групп. С рекомендациями из дворца, которые София послала директору по почтомагу, ее приняли тут же, без собеседования и лишних вопросов. Поинтересовались только, действительно ли она готова работать за их скромную зарплату, на что София кратко ответила: «Конечно».

По правде говоря, на счете у нее было столько денег, что она могла бы не работать несколько лет, но не работать — значит, погрузиться в пучину собственного отчаяния, и поэтому София собиралась начать выполнять обязанности воспитателя как можно скорее, а именно — с завтрашнего дня.

После завтрака Ваню отвел их в свой дом, от которого Элиза и Розы пришли в такой восторг, что Синтия окончательно сдалась и согласилась переехать туда в течение недели. Двухэтажный особняк на границе Новой и Старой Грааги был очень красивым — белые стены, красная черепица со свисающим с нее плющом, маленькие витые балкончики на втором этаже и уютные резные ставни на окнах, — кроме того, он оказался расположен недалеко и от их нынешнего дома, и от школы Элизы и детского сада Розы, и от новой работы Софии. И внутри дом Вагариуса не был пустым, там была вся необходимая мебель, а уж от огромной библиотеки Лиз пицчала, как сотни мышей, и радостно подпрыгивала, до боли напоминая Софии Агату с Александром.

Она выдержала первый день без Арена только благодаря своей семье: громким и счастливым голосам сестер, мягкой маминой улыбке, серьезному голосу Ваню и их обеспокоенным взглядам, направленным на нее. Никто ничего не спрашивал, даже Элиза и Розы — видимо, мама с ними хорошенько поговорила перед возвращением Софии, — и ей не нужно было придумывать легенды и что-либо сочинять. Близкие щадили ее чувства, и ради них София старалась держать лицо и изображать на нем хоть немного энтузиазма.

Но вечером, как только они поужинали, Ваню попросил ее подняться наверх, чтобы поговорить, и София напряглась, опасаясь, что Вагариус хочет провести с ней профилактическую беседу и объяснить, насколько правильно и благородно поступил император. Слушать подобное она совсем не желала, но сил спорить не было, и София

пригласила Вану в свою комнату.

— Его величество сказал, у тебя получилось создать кровный щит нашего рода, — произнес Вагариус, как только они вошли внутрь и сели — София на кровать, а Вану на стул возле письменного стола. — Покажешь?

Она кивнула, не представляя, сможет ли сотворить щит сейчас — тогда-то она просто испугалась за Викторину, и все вышло само собой. Но теперь угрозы нет. Хотя и вчера она была сомнительной, но все же...

София медленно подняла руку, пытаясь вспомнить, что ощущала в ту секунду, когда ее высочество Ванесса швырнула свою молнию, и замерла, почувствовав вкус железа во рту. Кровь в венах и артериях в тот же миг будто бы стала горячее, вскипела, и София раскрыла ладонь, выпуская из себя то, что стремилось на волю, и любуясь прозрачной, чуть волнующейся, как море, стеной родового щита Вагариусов.

— Прекрасно, — выдохнул Вану, улыбнувшись. — Я очень рад, Софи. Ты... такая умница. — Он вдруг встал и, подойдя к ней, опустил на колени. — Я горжусь тобой. — Он обнял ее, и в глазах зашипало, запульсировало, и все вокруг поплыло, словно София внезапно попала в воду.

— Не надо, — прошептала она, закрывая глаза, чтобы не заплакать. — Не говори ничего.

— Не буду, родная. — Вану в последний раз провел ладонью по ее волосам, а затем отошел и сел на прежнее место. — Ты ведь слышала мой утренний разговор с Синтией? — спросил он будто непринужденно, но София все равно услышала в голосе напряжение.

— Слышала, — не стала отрицать она.

— И... что ты думаешь?

— Тебе понадобится несколько лет, чтобы уговорить мою маму выйти за тебя замуж, — ответила София честно. — Но, если ты правда этого хочешь...

— Хочу, Софи.

— Тогда оставь ее в покое. — Посмотрев в удивленные глаза Вану, она пояснила: — Чем сильнее ты будешь настаивать, тем больше мама будет сопротивляться. Я ее знаю. Просто живи, ухаживай, проявляй заботу, но не разговаривай с ней о сегодняшнем предложении. Она должна созреть.

— Хорошо. Я так и сделаю.

Понедельник для Арена оказался не менее ужасным, чем воскресенье, только что работа отвлекала от мыслей о Софии. Хотя не вся работа. Избегающий взгляда императора Вану Вагариус, наоборот, добавлял отчаяния.

Арен ничего не спрашивал у Вану, он все знал и так — во-первых, за Софией следили (хотя больше не прослушивали), а во-вторых — Вагариус должен был отчитываться ему письменно, и он эту обязанность исправно выполнял. Поэтому император был в курсе, что София устроилась на работу воспитателем в детский сад — пятидневная неделя, график с восьми утра до шести вечера. И он не знал, радуется ли его или больше угнетает тот факт, что она послушалась, стараясь жить дальше, а не рыдая у себя в комнате, отказываясь от еды и питья. Арен понимал, что та София, которую он полюбил, будет вести себя именно так, но все же при мысли о том, что она может существовать и без него, было по-эгоистичному обидно. Хотя он и сам делал то же самое: дышал, ходил и работал.

Агата и Александр истерики днем не устраивали, но это было временно. Император осознавал: дети понимают, что это нужно делать в присутствии папы, маму мучить бесполезно, вот и ждали вечера, и отыгрались по полной — капризничали, дулись, не слушались и отказывались отвечать на вопросы. Его маленькие ангелы превратились в маленьких демонов и терзали души родителей, как могли, не желая ни успокаиваться,

ни укладываться спать. Уснули они ближе к полуночи, когда Арен уже был готов усыплять всех, в том числе самого себя, насильно, но это все же не понадобилось — наследники, утомившись от собственных капризов, слез и криков, отключились посреди ковра в детской, в окружении игрушек и книг, которые им весь вечер подсовывали утомившиеся родители.

Виктория выглядела бледной, поэтому Арен, оказавшись в комнате жены, произнес, изучая супругу в магическом спектре:

— Завтра попрошу Анну провести день вместе с вами. Пусть приведет и Адель, и свою анян. Надеюсь, это хоть немного их отвлечет.

Энергетический контур был в полном порядке — значит, Виктория просто устала.

— Да, это хорошая идея, — вздохнула жена и, подняв руку, коснулась кончиками пальцев его груди. — Ты... останешься?

Очень хотелось уйти, но Арен понимал — рано или поздно придется остаться. Так зачем откладывать?

Император кивнул, и она просияла, как ребенок, увидевший подарок под елкой на Праздник перемены года.

— Только я сам разденусь, Вик. Так будет быстрее.

— Да-да, конечно...

Он отвернулся и принялся снимать с себя одежду, по привычке аккуратно складывая ее, и как только остался в одном нижнем белье, жена вдруг прижалась к нему сзади, обнимая обеими руками и утыкаясь лицом между лопаток.

Арен чувствовал, что она совершенно голая, и желание отодвинуться от этого было еще острее.

— Вик, ты не забыла, что Тадеуш нам запретил? — спросил он спокойно, застыв на месте. — Месяц никакой близости. Тебе нельзя.

— Но тебе-то можно, — шепнула она с неуверенностью в голосе. — Арен, пожалуйста. Я...

— Я устал, Вик. Давай лучше просто поспим. — Не дожидаясь, пока супруга приступит к более решительным действиям, Арен развернулся, подхватил ее на руки и понес к кровати. Он прекрасно знал, что Виктория, несмотря на восьмилетний брак с ним, в вопросах соблазнения мужчины не слишком опытна. В постели она всегда исполняла пассивную роль, и сейчас это его полностью устраивало — Арен понимал, что настаивать жена не решится.

Так и получилось. Как только Виктория оказалась под одеялом, она лишь прильнула к нему, обнимая, и замерла, нерешительно заглядывая в глаза.

— Спи, — сказал он, погладив ее по плечу, и усмехнулся с горечью. — Успеешь еще меня потрогать. Вся жизнь впереди.

В первый рабочий день в детском саду София устала так, что вечером отправилась спать сразу после ужина. Ничего особенного не случилось, но смена обстановки и количество детей — пятнадцать вместо двоих, — повлияли на нее чрезвычайно силовым образом. Но была в такой усталости и обратная, положительная сторона: Софии оказалось почти некогда думать об Арене. Конечно, она все равно думала о нем, особенно утром и перед сном, но днем не успевала, полностью загруженная работой.

— Чуть не забыла. Тебе пришло письмо, — сказала Синтия, как только София встала из-за стола и сообщила, что пойдет к себе. — Днем почтомаг запищал, я вытащила. Судя по штемпелю, оно из дворца.

Вагариус, в этот момент увлеченный ужином, немедленно положил вилку и с тревогой

посмотрел на Софию, чье сердце вдруг забилося, как шальное, подпрыгнув к самому горлу.

Она взяла конверт из рук Синтии, взгляделась в надпись — строчки расплывались перед глазами, растекаясь, как акварельные краски по бумаге, но она все же смогла различить буквы и выдохнула, не понимая, чего в ней сейчас больше — радости или разочарования.

— Это от Агаты с Александром, — произнесла София тихо, погладив ладонью корявенькие буквы в собственном имени. — Спасибо, мама. Я пойду.

— Софи... — начал Ваню, кажется, намереваясь встать из-за стола, но она качнула головой, и Вагариус остался на месте.

— Не надо. Все хорошо.

У себя в комнате София дрожащими руками открыла конверт и, увидев внутри рисунки Агаты и Александра, не выдержала — беззвучно разрыдалась, зажмурившись и закрыв лицо руками.

Она сидела так несколько минут, пытаясь успокоиться, и когда наконец поток слез иссяк и дыхание немного выровнялось, стала смотреть рисунки. И тут же вновь заплакала, улыбаясь одновременно от боли и умиления.

Агата нарисовала Александра, а Александр — Агату, и несмотря на то, что рисунки были совсем простые, особенно у мальчика, София смогла узнать их обоих. И улыбалась, разглядывая знакомые и любимые черты, и всхлипывала, обводя пальцем линии и представляя, как могла бы учить их сейчас...

Третьим листком было письмо, написанное Агатой.

«Софи!

Мы очень скучаем! Пытаемся уговорить папу вернуть тебя! Но он вредничает!

У меня сегодня была математика и история. Алекс весь день был с мамой. Без тебя скучно! Пожалуйста, напиши нам!

Агата и Алекс».

София рассматривала каждую букву, представляя, как девочка писала это письмо, пытаясь от усердия, и вновь плакала и улыбалась. Защитница, неужели настанет день, когда они забудут ее, перестанут писать и скучать?

Она знала, что настанет. И хорошо бы он настал поскорее, чтобы они больше не мучились, не страдали. Пусть живут дальше, пусть радуются и растут счастливыми.

Взяв листок бумаги и ручку, София села за ответное письмо.

«Дорогие и любимые мои дети!..»

В ночь с понедельника на вторник Виктория почти не спала. Сон никак не шел, и она все смотрела на мужа, который лежал рядом, распластавшись на постели лицом вниз, словно убитый, и думала, вспоминая. Как Арен день за днем, раз за разом в последнее время отталкивал ее, пресекая попытки приласкать себя, как замирал, когда она его обнимала — будто в камень превращался. Он не хотел ее, Виктория это видела и чувствовала. И выкидыш здесь ни при чем. Арен и до него был холоден, и даже в ту ночь, когда она сказала, что любит его, он не слишком разогрелся. Теперь Виктория была уверена, что муж ее тогда и вовсе усыпил. Не могла же она упасть в обморок от его прикосновений? Она помнила, как он ласково трогал живот и грудь, но на этом моменте все заканчивалось, дальше был провал. Значит, Арен ее усыпил. Зачем?

Захотелось немедленно разбудить его и спросить прямо. Но Виктория не стала этого делать, понимая, что насчет усталости муж точно не врал. Если уж разговаривать о таком, то по крайней мере не ночью, но в любом случае Виктория была не готова к подобным разговорам. Она даже не знала, как следует сформулировать вопрос. Да и... разве Арен скажет правду? Она бы на его месте тоже не стала признаваться, что любит

другого человека. А в том, что это так, Виктория уже почти не сомневалась.

Потому что иначе София не вернулась бы обратно в свое тело, оставшись абсолютным щитом. Потому что иначе Арен не стал бы увольнять ее, причиняя боль детям. Потому что иначе он не выглядел бы восставшим из гроба покойником после ее отъезда.

Да, Арен любит Софию. А София любит его. Все очень просто.

Вот только что Виктории теперь делать с этой своей догадкой?

Очередной сеанс с психотерапевтом был назначен на полдень, как обычно, и Виктория все утро ждала его. С тех пор, как она виделась со своим врачом в последний раз, столько всего случилось, что ей казалось, они теперь век будут это обсуждать. Кроме того, ей хотелось посоветоваться.

Дети немного повеселели, получив письмо от Софии, и Виктория спокойно оставила Александра с Анной, Аделью и их аньян — хотя еще накануне не представляла, как будет это делать, если он начнет капризничать. Однако письмо Софии, все разрисованное цветочками, солнышками, птичками и бабочками, вызвало такой восторг, что наследники временно забыли о своих истериках. Агата спокойно ушла заниматься с учителем, а Александр уселся играть с Аделью.

Силван уже ждал Викторию в салоне и улыбнулся, как только она вошла в комнату.

— Доброе утро, ваше величество. — Он встал и поклонился, внимательно глядя на нее, и Виктория вспомнила, что ему должно быть известно о выкидыше — Арен попросил сообщить об этом Тадеуша. — Как вы себя чувствуете?

Он сел, и она опустилась рядом, отвечая:

— Физически сносно, морально... даже не знаю. Нальете нам чаю?

— Да, конечно. — Силван потянулся за заварочным чайником, а Виктория — за конфетой, грустно усмехаясь при мысли о том, что теперь больше не нужно стараться есть поменьше сладкого и побольше фруктов. Конфета из-за таких мыслей показалась на редкость горькой. — А как поживает наше домашнее задание?

— Мне кажется, я справилась. Вот, посмотрите. — Виктория протянула врачу два листка бумаги, которые она захватила с собой перед тем, как идти в салон. — Это — до, а вот это — после.

— Интересно. — Силван положил листки перед собой, переводя взгляд с одного на другой. — А почему вы сделали именно так? Сможете объяснить?

— Попробую. Насчет изображения моего состояния до терапии — когда я вспоминаю прошлое, у меня идет ассоциация с открытой раной. Больно и кровь течет. Поэтому я и зарисовала весь лист алой краской. Алый для меня — цвет боли.

— Что ж, ясно. А второй листок?

— Я оставила его чистым оттого, что кажусь самой себе таким листком. Чистым. И на нем сейчас что угодно можно написать или нарисовать, остается только выбрать, что именно.

— Выбрать? — переспросил Силван с интересом. — А кто будет выбирать?

— Я, разумеется. Это же мой листок. Листок судьбы, можно сказать. — Виктория улыбнулась, глотнув чаю с ярким вкусом мяты. — Я сама вольна решать, что буду рисовать на нем.

— Тогда позже мы еще вернемся к этому заданию, — произнес врач, улыбнувшись в ответ. — Когда вы сами захотите что-нибудь нарисовать на этом листке.

— Вот об этом я и думала с вами поговорить, — вздохнула Виктория, нерешительно теребя фантик от конфеты. — Точнее, не совсем об этом...

— Я вас внимательно слушаю.

Было безумно сложно сформулировать то, что она хотела сказать. И если бы не острое желание получить хоть какой-то совет, Виктория вряд ли решилась бы на такое. Но за прошедшие пару дней она настолько запуталась в собственных мыслях и ощущениях, что уже не могла это выносить.

— Скажите, айл Нест... Что бы вы стали делать, если бы узнали, что ваша жена любит другого человека?

Врач ни капли не удивился, будто ждал подобного вопроса. Отставил в сторону чашку с чаем, так и не сделав глоток, и спокойно проговорил:

— Я не могу ответить на этот вопрос, ваше величество. Вы, задавая мне его, хотите получить не столько совет, сколько правильное решение. Но я не должен решать за вас, и не только я — любой другой человек. Вы только что сказали: «Я сама вольна решать, что буду рисовать на нем». И если я отвечу, то я, получается, нарисую за вас.

Виктория беспомощно всхлипнула, чувствуя себя запертым в клетке животным.

— Но что же мне делать? Я запуталась.

— Давайте попробуем порассуждать, — предложил Силван. — Как мы обычно с вами рассуждаем. Только немного переформулируем вопрос, чтобы он был адресован не мне, а вам. Что вы хотите сделать, узнав...

— Я поняла, — перебила его Виктория, не желая слушать из уст врача то, что она сама недавно сказала. — Вот только... — Она нервно рассмеялась. — Я боюсь это озвучивать.

— Понимаю. Но озвучить нужно, если вы хотите попробовать разобраться с проблемой.

— Да. — Она закусила губу, решаясь. — Есть два варианта. Я могу сделать вид, что ничего не заметила. Могу притвориться, что все в порядке, я ничего не знаю, и продолжать жить дальше. Арен никогда не оставит меня, не бросит, и не только ради детей, но и потому что он — человек долга. И если я сделаю вид, что не в курсе, то все останется по-прежнему. И второй вариант... Я могу не делать вид. Могу попытаться поговорить, узнать правду и принять совместное решение. Я могу... — Виктория запнулась, ощущая, как сжалось сердце в груди. — Могу попробовать отпустить его. Не держать возле себя силой и притворством.

Она замолчала, и врач тоже молчал несколько мгновений, внимательно глядя на нее.

— И к какому варианту вы склоняетесь? — спросил он мягко. — Какой больше нравится?

— Я бы очень хотела сказать, что второй, — грустно усмехнулась Виктория. — Потому что он честный и, наверное, все-таки правильный. А первый малодушен. Но при втором варианте я буду более несчастной, тогда как при первом... Арен останется со мной. Он продолжит заботиться обо мне, будет рядом. Да, он не полюбит меня никогда, но при этом он будет моим. — Виктория почувствовала жадность в собственном голосе и поморщилась. — Да, я понимаю, что это плохо — так рассуждать, но... вы ведь просили говорить правду. Я очень хочу, чтобы муж был моим.

— Как человек или как вещь, ваше величество?

Силван спросил это спокойно и тихо, но Виктории показалось, что он ее ударил своими словами.

— Что?..

— Вы хотите, чтобы муж был вашим. Я спросил — вашим как человек или как вещь?

— Конечно, как человек, — пробормотала она, почему-то ощущая себя гадко. — Конечно...

— У людей, в отличие от вещей, есть мысли и желания, — продолжал Силван невозмутимо. — Вы сказали только что: «Я хочу, чтобы муж был моим». А чего хочет

император? Вы знаете? Вы говорили с ним об этом?

— Нет, — шепнула Виктория, вдруг вспомнив, как Арен сказал однажды: «Ты понятия не имеешь, что мне нужно». — Я действительно ничего не знаю. Я даже не знаю, права ли насчет мужа и... другой женщины.

— Тогда это будет моим домашним заданием. Попробуйте подумать, что нужно вашему супругу. В следующий раз я приду через неделю, и мы обсудим с вами все, что надумаете.

Виктория кивнула, понимая, что это задание — самое сложное из тех, что давал ей Силван.

Во вторник, как только Арен вечером шагнул в детскую, Агата и Александр бросились навстречу, размахивая каким-то листком бумаги и галдя:

— Папа, папа, папа! Папа, папа!

Он сел на корточки, удивляясь их оживлению, но через секунду удивление пропало.

— Нам Софи письмо написала! — сказала Агата с гордостью, протягивая ему листок. — Вот. Смотри!

Письмо...

Арен медленно опустил голову.

«Дорогие и любимые мои дети!..»

Грудь словно ледяным кинжалом пронзило.

Он помнил, что Агата и Александр просили разрешения писать Софии и он дал это разрешение, толком ничего не соображая от боли и даже не подумав, что дети будут использовать письма любимой аньян для шантажа любимого отца. Но он все равно не сможет запретить им переписываться, это уж совсем бесчеловечно получится.

«У меня все хорошо. Я начала работать воспитательницей в детском саду. В моей группе пятнадцать малышей. Ну-ка, посчитайте, на сколько это больше, чем вас с Алексом?»

Не грустите, мои милые, и не пытайтесь отговорить вашего папу. Он не поменяет решение, только расстроится. Давайте не будем его расстраивать! Лучше покажите ему, какие вы замечательные и послушные дети...»

Арен не удержался и прочел письмо, в каждой строчке которого София уговаривала Агату с Александром не капризничать. Она была веселой, шутила и подтрунивала, она разрисовала почти весь листок разными маленькими птичками, насекомыми и цветами — так, что письмо стало похожим на праздничную открытку. И Арен не мог не улыбаться, чувствуя невыносимую гордость за Софию. За то, как светло и благородно она вела себя в этой ситуации. Он сам никогда не смог бы так.

— Папа, папа, ну пожалуйста-а-а! — выли рядом Агата и Александр. — Ну папа-а-а... пожалуйста-а-а... Мы очень хотим, чтобы София вернулась!

«Я тоже», — подумал Арен с мучительной ясностью, но сказал лишь:

— Пойдемте ужинать. — И отдал Агате письмо. Девочка надулась, поджала губы и обиженно выпалила:

— Раз так! Мы больше не будем с тобой разговаривать!

— Да! — повторил Александр, взяв за руку сестру. — Не будем!

— Не разговаривайте, — пожал плечами император, подумав — главное, чтобы от еды не отказывались. Пока Агата не объявляла голодовку, но Арен не сомневался, что это еще впереди.

Дети сдержали слово и за ужином не проронили ни слова, хотя взрослые их активно

провоцировали. Но наследники лишь сильнее надувались и хмуро смотрели исподлобья, невероятно похожие друг на друга. Причем игнорировали они не только Арена, но и Викторину, отчего она тоже расстраивалась и едва ли не плакала.

— Вик, побудь в детской, — попросил император после ужина. — А я пока поговорю с этими врединами в спальне.

— Хорошо, — протянула она удивленно. Он подхватил Агату и Александра на руки, засунув обоих под мышку, и понес в соседнюю комнату. В другой раз дети хохотали бы и веселились, но сегодня лишь пыхтели и пытались вывернуться, чтобы убежать.

В спальне Арена усадил наследников на кровать Агаты и, строго посмотрев на недовольные мордашки, сказал:

— Я понимаю, что вам плохо, но если вы думаете, будто мне хорошо, то вы ошибаетесь. И вы своим безобразным поведением делаете мне хуже. И маме. Если вам не жалко меня, пожалели бы хоть маму.

Александр неуверенно посмотрел на Агату, которая пыхтела, как маленький рассерженный дракончик, но в конце концов не выдержала.

— Мы просто скучаем по Софи, папа!

— Я тоже скучаю по ней.

— Тогда давай она вернется! — воскликнула дочь, и он покачал головой.

— Люди — не вещи, Агата.

— Но Софи хочет вернуться! И мы хотим! И ты, папа, я знаю, тоже хочешь! Ты любишь ее! — Девочка вскочила с кровати и обняла Арена. Алекс тут же повторил за ней, и императору пришлось садиться на корточки, чтобы видеть лица своих детей. — Я знаю, любишь!

— Конечно, люблю, — ответил он, погладив наследников по головам. — И хочу, чтобы она вернулась. Но в жизни, мои прекрасные, не всегда получается делать то, что хочешь. И сейчас как раз такой случай.

— Но почему? — прошептала Агата с отчаянием. — Если все любим и хотим. ПОЧЕМУ?!

Что он мог сказать, чтобы дочь поняла и перестала капризничать? Конечно, Агата очень умная девочка, но то, что происходило сейчас, было для нее все же слишком взрослым.

— Потому что любовь — это прежде всего свобода, — ответил он, сжав ладошки своих малышей. — Она несовместима с клетками, даже если они золотые. Люди счастливы, только если свободны. Здесь, во дворце, Софи никогда не будет свободна, а значит, не будет и счастлива. Я желаю ей счастья.

— Мы тоже желаем, — вздохнула Агата. — Но...

— Ты поймешь. Чуть позже, моя радость. Когда немного подрастешь. И ты, Алекс, тоже.

Дети молчали, расстроено глядя на него.

— Значит... Софи не вернется? — Агата всхлипнула и потерла глаза свободной рукой.

— Не вернется. Но она будет свободна и счастлива.

— Папа...

Дети все-таки расплакались, и он обнял обоих, утешая.

— Ну перестаньте. Не рвите мне сердце. Да, мы будем скучать, но мы справимся. — Это была фраза Софии, и Арена на секунду замер, не в силах сделать вдох. — Все будет хорошо, — закончил он глухо, ощущая себя бессовестным мерзавцем.

Остаток вечера прошел сносно — дети, хоть и были грустными, но вели себя нормально, начали разговаривать и перестали капризничать. Уныло пособирали мозаику, потом послушали сказку и отправились спать, печально вздыхая.

Виктория все это время тоже молчала, и Арен иногда ловил на себе ее задумчивые взгляды. В них не было ревности или злости, только жалобная обида, и император с усталым равнодушием подумал — наверное, жена подслушала его разговор с детьми. Какие выводы она сделала из его ответа «Конечно, люблю» — догадаться нетрудно. И упрекнуть не в чем, потому что выводы-то правильные. Но говорить на эту тему с Викторией Арен не собирался. Настроение только ей портить, да и себе заодно.

Но жена заговорила сама, как только они вышли из камина в ее покоях.

— Детям плохо без Софии, — сказала Виктория нерешительно. — Ты же видишь, они мучаются. И она была совсем не рада отъезду. Может, все-таки...

Защитник, еще не хватает сейчас обсуждать то же самое и с женой.

— Нет, Вик, — отрезал Арен, поставив ее на пол рядом с собой. — Не волнуйся, все будет в порядке. Я поговорил с детьми, они постараются больше не трепать тебе нервы.

— Дело не в моих нервах, — пробормотала жена, опуская глаза. — Я просто не понимаю, зачем...

— Не думай об этом. Агата и Александр скоро успокоятся, тогда найдем им новую аньян. Не переживай. — Арен взял ее руку и поцеловал чуть дрожащие пальцы. — В воскресенье опять перенесемся на море, это их немного отвлечет.

— Я... — шепнула Виктория, но он перебил ее.

— Сегодня я к себе, Вик. Не думай о плохом. — Он отпустил ладонь жены. — Все образуется. Доброй ночи.

Арену показалось, Виктория вновь хотела заговорить, но он отвернулся и шагнул в пламя, оставшись наконец в желанном одиночестве.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Дни летели за днями, стремительно проносясь мимо, и София исправно и старательно делала то, что должна была делать: дышала, двигалась, ходила на работу и общалась с близкими. Каждый день она писала письма Агате с Александром, и только дней через пять вдруг обнаружила, что не рисует больше нигде, кроме этих листков бумаги, да и не хочет рисовать. Желание делать это умерло в ней и возродиться не собиралось.

Свои старые рисунки София тоже не смотрела, чтобы не плакать и не отчаиваться лишний раз. На них было слишком много человека, которого она по-настоящему любила. Да и зачем смотреть на его изображение, если он постоянно стоял у нее перед глазами и так? Ей даже закрывать их было не нужно — она все равно видела Арена. И порой Софии казалось, что она слышит его голос — рядом, близко-близко, возле уха, и этот голос шепчет что-то невинно-ласковое, родное и любимое. Иногда это было так явно и невероятно ясно, что София думала, будто сходит с ума.

Через неделю после ее увольнения из дворца они с мамой и девочками переехали в дом Ваню, и это событие тоже отвлекло от переживаний. Необходимо было разобрать вещи, освоиться на новом месте, утихомиривая чересчур возбужденных сестер и успокаивая изрядно нервничавшую маму. Синтия, прожившая всю жизнь без всяких слуг, была поражена и возмущена, обнаружив в особняке Вагариуса, во-первых, управляющего, во-вторых, горничную, а в-третьих — и это было самым возмутительным — кухарку!

— Да если бы я знала! — бушевала она, рассерженно побагровев. — Я бы в жизни не согласилась сюда переехать!

В итоге Ваню пришлось пойти навстречу, убрав кухарку и управляющего вовсе, а горничную сделав приходящей два раза в неделю.

— Четыре женщины в доме! — бурчала мама Софии, вызывая у Вагариуса веселую улыбку. — Мы сами неспособны убраться, что ли?!

— Вы с Софией работаете, а Лиз и Розы слишком маленькие, — возражал Ваню, и Синтия раздвинулась от возмущения.

— Одной шесть, другой двенадцать! Для того, чтобы убираться, они достаточно большие! — отрезала она, на этом поставив точку в вопросе.

Комната Софии была теперь в два раза больше прежней, и пока оставалась пустой, но Ваню, по-видимому, решил постараться исправить этот маленький недостаток, а заодно отыграть за двадцать шесть прошедших без него лет. Каждый день он что-нибудь дарил, и не только Софии, но и ее маме, и сестрам, расцветая от радости, когда они со смущенной неловкостью благодарили его. Даже Синтия не могла ругаться на Ваню за подарки, покорно принимая их, а уж когда Вагариус подарил Элизе то, о чем она мечтала пару лет — магтелескоп, — и вовсе посмотрела влюбленными глазами. Если бы Ваню догадался в тот момент повторить предложение руки и сердца, она наверняка приняла бы его, но он промолчал.

София же, поздравив сестру, поспешила уйти к себе, прячась от этого телескопа, который напоминал ей об Арене.

Ее император тоже любил звезды и другие планеты, как и Лиз. Он показал ей две прекрасные кометы, тогда еще не зная, что они и сами станут ими — разлученными влюбленными, которым если и суждено встретиться, то очень нескоро.

Однажды утром запищал почтомаг Софии, как всегда, оповещая ее об ответе Агаты и Александра. Со дня переезда в дом Ваню у нее появился личный почтомаг — Вагариус сам купил, — и София вздохнула с облегчением. Каждый раз, когда приходило письмо, мама смотрела на нее с такой тревогой, что девушке хотелось где-нибудь спрятаться. Теперь она получала письма сама, и Синтия не имела возможности видеть, как дрожат пальцы дочери, когда она вытаскивает конверт из почтомага.

Но на этот раз внутри были не только рисунки наследников и письмо Агаты. На

четвертом листке бумаги неумелой рукой, которую София сразу узнала, оказался изображен купол оранжереи, а на обратной стороне было написано: «Мне кажется, или мой рисунок больше похож на мыльный пузырь? Агата и Александр тоже так думают».

По правде говоря, София была солидарна с детьми — рисунок Виктории действительно напоминал обычный мыльный пузырь среди травы и деревьев, нежели купол прекрасной оранжереи. И это явно было из-за того, что императрица рисовала не с натуры.

София села за стол, взяла несколько листов бумаги, ручку, карандаши и краски, и принялась за ответное письмо.

В тот вечер, когда Арен разговаривал с детьми, Виктория действительно не выдержала и подслушала их диалог, и окончательно уверилась в том, что ревность ни при чем и она не может ошибаться — иначе муж говорил бы все совсем иначе. Рассуждения про свободу и золотую клетку не имеют никакого отношения к работе аньян, а уж его слова «я тоже скучаю по ней» и «конечно, люблю» — тем более. Так говорят о любимых, которых вынуждены отпустить, а вовсе не о чужой женщине.

Да и разве выглядел бы Арен настолько печальным, если бы относился к Софии просто хорошо, а не любил ее? Виктория допускала, что муж может быть расстроен еще и из-за умершего ребенка, точнее, двоих нерожденных детей, но Арен никак не приходил в нормальное состояние, и это было странно — Агата ведь осталась жива, это главное. Даже Виктория уже справилась со своим горем, а император все ходил мрачнее тучи, и глаза его казались двумя черными провалами на застывшем, как у покойника, лице.

Виктории было больно смотреть на него, но еще больнее было оттого, что она ничего не могла поделать. Она не могла помочь, хотя очень старалась. С ее точки зрения, она вела себя идеально — не капризничала, не задавала вопросов, была предупредительной и ласковой. И она видела, что Арен ценит это. Он благодарил и хвалил ее, но при этом оставался равнодушным, неживым.

Виктория чувствовала себя беспомощной. Первое время она злилась на Софию — за то, что та отняла у нее любовь мужа, — но продолжалось это недолго. Сеансы с Силваном что-то переломили в ней, позволив смотреть на все под другим углом, и Виктория с неожиданной и горькой ясностью поняла, что София не могла у нее ничего отнять. Потому что у нее ничего не было. Арен никогда не любил ее.

«Получается, это не она отнимает у меня, — подумала Виктория, усмехнувшись. — А я — у нее. И у Арена. Я не даю им возможности любить друг друга».

Нет. Это несправедливо. Она ничего плохого не делала, не разлучала их, не просила Софию уехать из дворца, не обвиняла и не обличала. В их разрыве ее вины не больше, чем вины Арена — в том, что он так и не смог полюбить жену. Они просто сделали то, что должны были сделать, раз не могут быть вместе. Расстались. И теперь страдали. Виктория видела это по мужу и понимала, что с Софией наверняка происходит то же самое.

Но она ничем не может помочь им. Разве не так?

Поневоле вспоминались слова шаманки про выбор и две дороги, одна из которых приведет к счастью, а другая — к несчастью. Виктории казалось, что это все относится к сложившейся ситуации, но... выбор? Никто не предлагал ей что-то выбирать, поставив перед фактом. Арен сам выбрал жену, а не Софию.

Но действительно ли он хотел делать такой выбор? Силван на последнем сеансе спросил, знает ли она, чего хочет император — и Виктория не знала. Был ли выбор Арена сделан от чистого сердца? Или он был всего лишь велением долга?

Глядя на мужа, Виктория понимала, что, скорее всего, обманывает себя. Когда выбираешь от чистого сердца, не выглядишь настолько убитым. Арен выбрал чем угодно другим — силой воли, например, — но только не сердцем. Оно осталось с Софией.

Затишье было недолгим. Через несколько дней после отъезда аньян Агата вдруг сказала:

— Мама, а давай в выходные ходим к Софии в гости?

Было это утром — Арен уже ушел на совещания, — и Виктория растерялась, не зная, что ответить. Разрешит ли муж подобное? Или посчитает, что им вообще нельзя видеться?

— Я раньше не спрашивала, потому что боялась, папа откажет, — продолжала Агата под многозначительные кивки Алекса. — Как думаешь, теперь можно спросить? Или еще подождать?

Виктория озадаченно почесала нос. Дети иногда удивляли ее донельзя, и сейчас особенно.

— А почему ты вообще решила подождать? — пробормотала она, глядя на серьезную дочь.

— Потому что папа очень переживал. Ты разве не заметила? — ответила Агата. — Очень-очень. Он и сейчас переживает, конечно. Но он говорил мне, что со временем становится легче. Может, ему стало, и он разрешит?

Защитница, даже дочь заметила, что Арену плохо. Хотя почему «даже»? Агата всегда была наблюдательной, а вот Виктория...

— Я не знаю, радость моя. Давай попробуем спросить вечером. Но... — Она запнулась, не зная, говорить или нет, и в итоге все же сказала: — Если не разрешит, вы с Алексом не расстраивайтесь.

— Как тут не расстраиваться, мам, — вздохнула Агата, опуская глаза, и прошептала едва слышно: — Ты не любишь Софию так, как мы с Алексом и папой. Ты ревнуешь. Но, мам, от того, что мы любим Софию, мы не любим тебя меньше! — Девочка вновь подняла голову и продолжила говорить ошарашенной Виктории: — Любовь нельзя разрезать, как торт, и поделить по кусочкам! София — наш друг, а ты — наша мама!

— Я знаю, — произнесла императрица удивленно, и удивилась еще больше, когда Агата возразила:

— Нет. Не знаешь!

Виктория не стала переспрашивать, почему — побоялась услышать нечто еще более удивительное.

И только оставшись одна и хорошенько подумав над тем, что сказала дочь, она поняла. Любовь нельзя разрезать, как торт, и поделить по кусочкам. И от того, что Софии нет во дворце — или даже в жизни Арена, — он не будет любить Викторию. И от того, что Софии нет рядом, он не станет принадлежать Виктории.

Она сказала Силвану: «Я хочу, чтобы муж был моим», — но теперь понимала, что это невозможно, и от наличия или отсутствия Софии под боком ничего не зависит. Арен никогда не будет ее.

И с этим уже ничего нельзя было поделать.

Дни утекали, как вода сквозь пальцы, похожие друг на друга, как две капли — унылые, заполненные бесконечными делами и проблемами, просителями и совещаниями, документами и письмами. Единственной отрадой были дети, как и раньше, и Арен погружался в них утром, вечером и по возможности за обедом, продолжая не жить, а существовать.

Агата и Александр по-прежнему грустили, но больше не доводили родителей, и Виктория вела себя прекрасно, даже совершенно. Что она при этом чувствует, император не имел понятия — эмпатический щит он теперь снимал только находясь в одиночестве, а это случалось нечасто.

Дети продолжали переписываться с Софией, а Арен — читать эти письма. Он знал, что это неправильно, но не мог отказаться от этой, пусть горькой, но радости. Хоть

ненадолго, но прикоснуться к своему счастью.

— Папа, а мы с Алексом можем как-нибудь сходить в гости к Софии? — спросила Агата робко, пока он читал одно из таких писем. — Пожа-а-алуйста...

И отказать император не смог. Хотя стоило бы. Но это уже было выше его сил, поэтому он только уточнил:

— Не чаще раза в месяц. — И дети не стали канючить, а кивнули, обрадовавшись даже такой малости.

Вечером в тот день он вновь остался у Виктории — слишком уж умоляющими были глаза жены, и Арену не хотелось огорчать ее отказами. Он понимал, что она наверняка начнет вновь его соблазнять, и заранее приготовился к этому, но ошибся. Виктория просто легла рядом, обняла, с нежностью погладив по груди, и так горестно вздохнула, что император спросил сам:

— В чем дело, Вик?

Она еще раз вздохнула и неуверенно поглядела на него.

— Тебе правда интересно?

— Если бы мне не было интересно, я бы не спрашивал. Я вижу, тебя что-то гнетет.

Она закусила губу и прошептала:

— Тебя тоже.

Надо же, заметила. Все восемь лет брака Виктория не замечала, когда он падал с ног, мертвецки устав — всегда гнула свою линию. Конечно, он сейчас не совсем справедлив — пару месяцев, до того, как Аарон поставил проклятье, она все замечала и была очень милой и ласковой девочкой. Проклятье заставляло ее ничего не замечать и думать об одной себе.

— Не волнуйся за меня. Лучше расскажи, что тебя беспокоит, — ответил он мягко и поразился, когда Виктория сказала:

— В том-то и дело. Меня беспокоишь ты. — Она чуть покраснела, словно смутившись, но продолжила: — С тех пор, как... как уехала София, ты ходишь сам не свой. Не говори мне, что это ревность, пожалуйста! — Жена замотала головой. — Если тебе так кажется, сними щит и сам поймешь — я не ревную. Я переживаю.

Щит снимать Арен не стал, решив верить на слово. Он знал, как выглядит ревность, слишком хорошо, и сейчас Виктория была не похожа на ревнующую женщину.

Но ответить ему было нечего. Правду говорить нельзя — она уничтожит супругу, — а нагромождать ложь не хотелось, да и незачем.

— Не переживай, — произнес Арен, решив воспользоваться старым способом успокоения, и поцеловал Викторию в губы. Он ничего не почувствовал, а вот жена, на секунду замерев, застонала, обнимая его обеими руками и прижимаясь крепче.

— Арен... — шепнула она, когда он спустился с губ на шею, — только не усыплай меня больше, пожалуйста...

Он на мгновение замер, а потом усмехнулся.

— Не буду.

Снял с нее ночную рубашку — кожа была совершенно белой, сливочной, совсем не веснушчатой, — и стал целовать повсюду, пресекая любые попытки перехватить инициативу. И вскоре Виктория сдалась — лишь лежала и тихонько стонала, вздрагивая от особенно приятных прикосновений, и пронзительно вскрикнула, когда он довел ее до края.

— Спи, Вик, — сказал Арен, ложась рядом и накрывая жену и себя одеялом. — Не думай

ни о чем.

Виктория смотрела на него блестящими, как в лихорадке, глазами, и чуть дрожала. Император погладил ее по щеке, отвернулся и уснул себя, не желая больше чувствовать удушающую тошноту, в которую он погружался все сильнее с каждым днем, прошедшим после отъезда Софии.

Полночи Виктория не могла уснуть и даже пожалела, что попросила Арена не усыплять ее. Сердце колотилось, в горле стоял комок, и она все смотрела на мужа, не понимая — разве он смог бы целовать и ласкать ее так, если бы любил другую женщину?

«А как он меня целовал? — подумала она и даже всхлипнула от остроты воспоминаний. — Да, мне было приятно, очень-очень хорошо, но сам Арен... в нем не было ни страсти, ни желания. Он просто целовал, выполнял действия. Как ходьба или плавание...»

Было обидно и гадко. Но обижалась Виктория не на мужа, а на себя — за то, что не имела сил оттолкнуть, хотя понимала еще тогда, когда он только начал, что это не физическое влечение, а желание успокоить. Он успокаивал ее так и раньше, если она истеричила. И сейчас Арен просто не хотел продолжать неудобный разговор.

А она? Что при этом делала она? Зная и понимая, что мужу не слишком-то приятно, продолжала наслаждаться. Ей было хорошо, а ему? Судя по выражению лица, в лучшем случае Арену было безразлично, а в худшем... ему было плохо.

И что же это получается — теперь так будет всегда? Виктория будет получать удовольствие, она будет счастлива, а муж?

«Я больше не буду тебя мучить», — вспомнила она вдруг собственное обещание и едва не зарыдала, осознав, что для Арена мучением станет все, что бы она ни делала. Она сама — мучение. Она мучила его восемь лет, и будет продолжать мучить дальше, даже не желая этого. Защитница! Но что она может сделать? На ум приходил только еще один ребенок, но... нет, дети не способны повлиять на отношения между взрослыми.

«Ты сама сказала это Силвану. Сказала, что можешь попробовать отпустить Арена».

Виктория покосилась на мужа и всхлипнула, зажмуриваясь. Нет, нет, нет. Потерять его? Отдать другой женщине? Нет, нет, нет. Да, она сказала так Силвану, но сказать не значит сделать. Она не сможет потерять Арена. Он ей нужен.

«Значит, ты будешь продолжать мучить его».

Нет. Нет, нет, нет! Это тоже не выход.

А где же тогда выход?!

... Выход нашелся утром. Как-то сам собой.

Наверное, так бывает всегда, когда слишком долго переживаешь из-за чего-либо — одна случайная фраза может расставить все точки по местам и заставить принять решение. Пусть решение это было полным боли, но оно же оказалось полным и освобождения.

— А мне снилась Софи, — произнесла Агата за завтраком, мечтательно улыбаясь. — Она сидела здесь, с нами. Я спросила ее, что она тут делает, разве она не ушла из дворца? София засмеялась и ответила: «Я не могла уйти. Мое место рядом с вами».

Арен молчал, и Виктория, посмотрев на него, ничего не увидела, кроме застывшей маски вместо лица.

— Прекрасный сон, Агата, — сказал он в конце концов глухо. — Мне в твоём возрасте чаще снились кошмары, демоны и чудовища. Они меня ели, а я потом искал выход. Пробирался по кишкам...

— Фу, папа, — скривилась наследница, перебив его, и Александр повторил за сестрой. —

Гадость какая!

Что они говорили дальше, Виктория не слушала.

«Мое место рядом с вами».

Сразу после завтрака она впервые села писать Софии вместе с детьми.

Чем больше проходило времени, тем меньше она чувствовала, словно отупев от боли. Почти постоянным спутником Софии стало равнодушие, ненадолго отступавшее в сторону, когда приходили письма из дворца, или при общении с родными. Нет, она не радовалась так, как радовалась бы раньше — просто была чуть менее замороженной.

На письма она отвечала, поначалу дивившись тому, что императрица рисует и пишет каждый день, причем объем текста все увеличивался и увеличивался, и через неделю София с удивлением осознала, что сочиняет для Виктории отдельное письмо. И если в начале причиной были инструкции и указания по технике рисования, то потом...

Жена Арена задавала вопросы. Ничего не значащие, отвлеченные — про работу в детском саду, прочитанные книги, спектакли и выставки. София, получив такой вопрос в первый раз, оторопела, а потом сообразила — наверное, у ее величества такая терапия. Может, психотерапевт учит ее, например, контролировать эмоции. Непонятно, при чем тут София, но мало ли.

И она отвечала. Вежливо и сдержанно. По крайней мере поначалу. Но шли дни, Виктория писала все объемнее и объемнее, а потом...

В тот вечер София вытащила из конверта больше листков, чем обычно. Рисунки Агаты и Александра, письмо от них же, а... это что такое?

Она не выдержала и прыснула, захлебываясь смехом, разглядывая забавные рожицы знакомых ей людей из дворца — Тадеуша Родери, дворцового управляющего Бруно Валатериуса, Матильды, служанки Виктории, и самих Агаты с Александром. Все рожицы были нарисованы в карикатурной технике — вытянутые или раздутые лица с гипертрофированными чертами и дурацкими ухмылочками. Удивительно, но императрица, у которой не очень хорошо получалось рисовать реалистичные картины, оказалась наделена талантом к карикатурам.

«Тебе нравится, Софи? Агата и Алекс скакали от восторга и очень просили показать эти рисунки тем, кто на них нарисован, но я побоялась массовых увольнений».

София улыбнулась, впервые ощутив желание увидеть не только Арена и его детей, но и Викторию. Кажется, императрица счастлива. Это хорошо — теперь, когда на ней нет проклятья, а во дворце нет Софии, они с Ареном могут попробовать построить нормальные отношения. Будет замечательно, если у них получится — всем тогда окажется легче и проще, и Виктории, и детям, и Арену.

Всем, кроме Софии.

Виктория не очень хорошо понимала, что делает. Она лишь хотела вернуть Софию во дворец, но как это осуществить, не знала. Уговаривать Арена бесполезно, значит, остается воздействовать на Софию. Писать письма, присылать рисунки, но в гости не ходить и детей не пускать, чтобы она как следует соскучилась без них. София добрая и жалостливая — быть может, если она поймет, что соскучилась, вернется?

Виктории самой было смешно от таких рассуждений, но что еще можно предпринять, она не представляла. И у Силвана совета больше не спрашивала, понимая, что должна решить сама. Он помогал ей в другом. Благодаря сеансам с психотерапевтом Виктория держала свое решение при себе и не передумывала, хотя и очень хотелось. Да, ей действительно хотелось сдать и забыть обо всем, продолжая жить с Ареном, как жили раньше. Нет, лучше, ведь теперь не будет истерик! Она ведет себя идеально — так, может...

Но стоило Виктории посмотреть на мрачное лицо мужа, как она понимала — нет, нельзя отступать. Нельзя сдаваться. Она хочет, чтобы он был счастлив — значит, должна вернуть Софию во дворец.

Теперь она знала: любить — значит хотеть, чтобы твой любимый был счастлив. Даже если в этом счастье нет места для тебя самого.

Арену иногда казалось, что он превратился в ледяную скульптуру. Если раньше холод был лишь на месте сердца, то чем больше проходило времени, тем сильнее он расползлся повсюду, захватывая все его существо. Отступал ненадолго в присутствии детей, когда император играл с ними или читал письма Софии, а затем вновь обрушивался, вымораживая даже душу.

Его мало что радовало, хотя он остался еще способен на удивление. Слабое, невнятное, но все-таки удивление. И удивлялся Арен в основном поведению Виктории. Конечно, оно изменилось, как только проклятье спало, но сейчас дело было не в этих изменениях. Даже восемь лет назад, когда они едва поженились, Виктория не особенно интересовалась жизнью Арена. Возможно, она просто стеснялась задавать ему лишние вопросы, но так или иначе — разговаривали они тогда большей частью о проблемах супруги. Императора это устраивало, он совершенно не желал обсуждать дела еще и в спальне, и теперь удивлялся тому, что у Виктории это желание неожиданно появилось.

Она стала интересоваться его работой — ходом расследования, законом о передаче титулов, вопросами наследования родовой магии. И несмотря на то, что щит Арена не снимал, он видел — жена спрашивает искренне. Виктория не подлизывалась к нему, пытаясь наладить отношения, она действительно интересовалась, потому что хотела понимать, что происходит, и желала помочь. В итоге Арен рассказал ей про открытия Рона Янга и Эн Арманиус, и был поражен, когда Виктория робко спросила:

— Если ты все же организуешь какую-то комиссию или даже комитет, который будет заниматься вопросами передачи родовой магии, можно, я буду в этом участвовать?

— Зачем? — поднял брови император.

— Все думают, будто я не люблю нетитулованных, — пробормотала жена сконфуженно. — Это справедливо, конечно. Я бы хотела доказать, что это не так, а заодно помочь тебе. У тебя не будет времени курировать этот комитет, а у меня есть время. Да и вообще это хорошо — показать, что ты не один, что тебя поддерживают близкие.

— Это и правда хорошо, Вик, — кивнул Арен, задумчиво глядя на супругу. — Что ж, пока я не против, а там посмотрим. Может, тебе это не понравится, и ты сбежишь к своим растениям.

— Не сбегу, — сказала Виктория неожиданно твердо. — Можно подумать, тебе нравится сидеть на совещаниях с комитетами. Ты же никуда не убегаешь? Вот и я не буду.

Пока императору с трудом в это верилось — Виктория все же не слишком представляла, о чем говорит и какой там будет пласт работы, — но он не спешил ей отказывать. Она имеет право хотя бы попробовать.

Арен оставался в ее спальне примерно через день. Жена больше не пыталась его соблазнить, лишь разговаривала, расспрашивая о делах и сама рассказывая о том, чем занималась вместе с детьми, а потом нежно и ненастойчиво обнимала и засыпала.

Что ж, если Виктория будет вести себя так и дальше, их семейная жизнь перестанет быть кошмаром. Арен очень на это надеялся.

Вот так постепенно прошли три недели с отъезда Софии. Закончив дела, император перенесся к Виктории, чтобы остаться с ней на ночь, и когда вышел из камина в спальне, обнаружил супругу сидящей возле туалетного столика и увлеченно что-то рисующей на листке бумаги.

— Что это ты делаешь? — поинтересовался он, подходя ближе, и замер, увидев собственный портрет в карикатурном стиле, выполненный простым карандашом. — Вик?..

Она оглянулась на него и улыбнулась, заметив удивление на лице.

— Рисую. По-моему, это очевидно. София считает, что у меня талант к карикатурам. Что думаешь?

Имя отозвалось дрожью в измученном разлукой сердце.

— Думаю, она права. Ты показываешь ей свои рисунки?

— Да, она меня учит, — кивнула Виктория. — Смотри! — И достала из ящика туалетного столика целую стопку бумаг; на верхней оказались изображены карикатурные Агата с Александром. — Вот!

Арен принялся перебирать рисунки и не мог не отметить, что жена действительно многому научилась за последнее время. Но кроме ее карикатур здесь были и рисунки Софии — он узнал знакомую руку.

И не только рисунки.

«Мне всегда казалось: для того, чтобы рисовать карикатуры, нужен особенный кураж. Ты считаешь, что все наоборот, карикатуры рисовать проще, чем реальность, но это не так. Когда рисуешь карикатуру, ты должен за что-то зацепиться, за какую-то особенность во внешности или характере, и преувеличить ее или приуменьшить. У меня получалось, но отнюдь не легко и непринужденно, а настоящий талант — он всегда такой, легкий и непринужденный...»

— Что это? — еле выдавил из себя Арен. Перед глазами плясали черные мушки.

— Письмо Софии. — Голос Виктории звенел от смущения. — Она пишет отдельно детям, отдельно мне. Ты видел письма для Агаты с Александром, а это для меня.

Больно. Как же больно, Защитник.

— Могу я... прочитать?

— Конечно.

Арен сел на кровать, положив на колени листки бумаги, и принялся перебирать их, вчитываясь в каждое слово, каждую букву. Ему казалось, что он даже слышит голос Софии и видит ее ласковую понимающую улыбку.

В груди стало тесно и жарко, и Арен схватился за занывшие виски. Зря он стал читать все это, так и Венец потерять недолго.

Он поднял голову и обнаружил, что все это время Виктория смотрела на него, сидя за туалетным столиком, и во взгляде ее были боль и жалость.

— Зачем тебе это? — спросил он глухо, откладывая в сторону письма и рисунки Софии. — Зачем, Вик?

— Я хочу вернуть ее во дворец, — ответила жена, и Арен от неожиданности сжал кулаки, не веря в то, что услышал. А Виктория продолжала: — Ее место здесь, Агата правильно сказала.

— Ты... — Грудь вновь сдавило, и император, кашлянув, с трудом выдохнул: — Зачем?

— Я ведь уже сказала. Хочу вернуть Софию во дворец.

Она замолчала, и Арен тоже молчал несколько мгновений, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Он ничего не мог понять, и мысли путались, перебивая друг друга.

— Что это за ерунда, Вик? София ушла не по своей прихоти, а потому что я так решил. И ты не объяснила, зачем. Тебе без нее разве плохо живется?

— Главное, что без нее плохо живется тебе, — сказала жена едва слышно, вновь поразив императора до глубины души. — Тебе и детям. Да и мне не очень-то хорошо, когда вам плохо.

— Дети справятся и забудут.

— А ты?

Защитник! Она говорила и спрашивала так, словно все знала и понимала. Но как и откуда? София ведь не могла рассказать.

— А я — тем более.

— Ну перестань обманывать! — простила Виктория, закатывая глаза. — Ты думаешь, я слепая? А заодно глухая и бестолковая! Я же вижу — ты любишь Софию. Любишь! И не смей говорить, что я просто ревную.

— А не ревнуешь? — перебил жену Арен, складывая руки на груди. Он ощущал себя моряком, неожиданно попавшим в сильнейший шторм.

— Я не знаю, — вздохнула она. — Поначалу, когда я только осознала это, больше злилась и обижалась, чем ревновала. А может, и ревновала тоже. Конечно, мне бы хотелось, чтобы ты любил меня, а не ее. Но все равно — не то. Когда я ревновала раньше, я желала уничтожить воображаемую соперницу. Сейчас не желаю. Знаю, что это ничего не изменит. Любовь же не зависит от того, жив человек или мертв, рядом он или вдали, отвечает взаимностью или не отвечает. Понимаешь?

Почему-то после этих слов обманывать Викторию Арен больше не мог.

Он встал с постели, подошел к жене и, взяв ее на руки, прижал к себе, укачивая, как маленькую девочку.

— Прости.

Она всхлипнула.

— Не надо. Я знаю, ты скажешь — я виноват, потому что изменил, не сдержал брачные клятвы. Я бы тоже на твоем месте не сдержала, если бы ты вел себя так ужасно, как я все эти годы.

— Ты была под проклятьем.

— Я не боролась, — возразила она горячо. — Вместо того, чтобы пытаться выполоть сорняки, я взращивала их, слушая Аарона, и...

— Перестань, — Арен поморщился, не собираясь слушать эти самообвинения. — Тебе было восемнадцать лет. Это я должен был помочь тебе разобраться, я должен был настоять на психотерапии, пригласить другого шамана и...

— Нет, это ты перестань! — возмутилась Виктория и даже дернулась, пытаясь высвободиться и встать, но император не позволил. — У тебя и так забот было по уши, думаешь, я не помню? А тут еще я со своими истериками. Ты сделал все, что мог!

Он покачал головой, но спорить не стал. Конечно, для нее он всегда будет ни в чем не виноват, как и для Софии. Но для себя — нет.

— Пойдем спать, Вик, — сказал он устало и понес жену к кровати. — Пора уже.

— Ты... — прошептала она, когда он положил ее на постель. — Вернешь Софию во дворец?

— Нет.

— Вредина, — буркнула Виктория и нахмурилась. — Я все равно тебя уговорю.

В это мгновение она была так похожа на Агату, что Арен улыбнулся, неожиданно подумав о том, что все-таки любит ее. Не как женщину и возлюбленную, а как ребенка, о котором необходимо заботиться и которого надо оберегать от опасностей.

Легко сказать — трудно сделать, теперь Виктория как никогда хорошо понимала смысл этой фразы. И дело было даже не в том, что Арен тот еще упрямец, а в ее собственных сомнениях. В ней все еще сильно было желание удержать мужа подле себя, слишком сильно для того, чтобы идти вперед с чистым сердцем. По ночам она часто просыпалась

и, если Арен был рядом, лежала и смотрела на него, ощущая безумную тоску и отчаянную жажду, необходимость в его любви. Знала, что невозможно — и от этого было еще мучительнее.

Если бы не Силван, она бы сломалась, как хрупкая и сухая веточка. Но он поддерживал в ней все то, чем Виктория могла гордиться — мужество и смелость, чувство собственного достоинства, понимание своих возможностей, но главное — желание сделать счастливой не только себя, но и окружающих.

И теперь Виктории казалось, что шаманка имела в виду вот это. Разве можно быть счастливой, если все вокруг тебя несчастны? Если муж похож на тень, живого мертвеца, даже хуже — покойники и то краше. Счастье за чужой счет — не счастье вовсе.

Она понимала: если сможет добиться своего и София вернется во дворец, им всем придется нелегко. Особенно Виктории. Она-то будет одна, в отличие от Арена и его возлюбленной. Но со временем и она найдет свое счастье. А вот если София не вернется, Виктория навсегда потеряет такую возможность, заперев себя и мужа в клетку. Пусть желанную, но все-таки — в клетку.

Арен и сам не ожидал, но этот разговор с Викторией что-то изменил в нем, и теперь он стал задумываться о возможности вернуть Софию. Одергивал себя и ругал за глупые мысли, но они возникали все чаще и чаще, волнуя его и заставляя просчитывать варианты и способы, и он скрежетал зубами от досады и злости на себя. Ведь он убрал Софию из дворца не ради Виктории, а ради нее самой, чтобы никто и никогда не покушался на ее жизнь, чтобы у нее была свобода и возможность создать семью. И что изменилось? Разве София вне опасности? Нет. Просто ему настолько невыносимо без нее, что он уже готов сдаться.

Кстати, а хочет ли она сама, чтобы он сдавался? Хочет ли вернуться? Прошел уже почти месяц, и Арен был не уверен, что София за это время не передумала, решив, будто император поступил правильно и разумно. Там еще и Вагариус под боком, наверняка говорил такое любимой внучке. Может, София и не собирается возвращаться. Да, разлюбить она не могла, но могла осознать, что все к лучшему.

Император бы забил в себе эти мысли куда-нибудь поглубже, но не давали дети и Виктория. Агата и Александр постоянно вспоминали Софию, каждый день приносили папе ее письма, вздыхали и смотрели умоляющими глазами. Но с женой было еще хуже. Она больше не разговаривала с ним о Софии, но оставляла на туалетном столике ее письма, не читая которые Арен был не способен.

«Ну почему же вы не поставили спектакль?! Попроси аньян ее высочества Анны помочь вам с постановкой и костюмами, она все это тоже умеет. Порадуйте императора и друг друга».

«Как так — нет настроения? Оно появится во время репетиций! И вообще — давай я сама сделаю вам костюмы? Волчьи уши для его высочества Арчибальда у вас уже есть, осталась самая малость!»

«А лисичкой вместо меня пусть будет Тасси. Или Мэл Руди, ее служанка, я немного общалась с ней, она очень милая. И думаю, она будет рада».

По письмам Софии создавалось впечатление, что ее никто не выпихивал из дворца за сутки, а она сама была вынуждена уйти и теперь утешала всех, что так получилось. И в этом была она вся. Его великодушная девочка, его радость и счастье.

— Не надо, — сказала Виктория вдруг однажды вечером, после того как Арен сообщил, что сегодня будет ночевать с ней. И пояснила, решительно глядя ему в глаза: — Ты не хочешь быть со мной. Поэтому не надо.

— Ну и что ты опять придумала? — спросил он с безнадежностью и на мгновение онемел, услышав:

— Ты должен быть с той, которую любишь, а это не я.

Она молчала, явно не собираясь больше ничего говорить, а Арен вспомнил, что сегодня днем у жены был очередной сеанс с психотерапевтом.

— Может, хватит с тебя психотерапии? — протянул он, глядя на упрямо скрещенные на груди руки Виктории. — А то я уже начинаю бояться.

— Не хватит. Силван мне нужен.

— Для чего?

— Он помогает мне чувствовать себя счастливой, — объяснила Виктория. — Счастливой несмотря ни на что и даже вопреки. Просто потому что погода хорошая или слова приятные услышала. Он помогает мне не обвинять себя во всем бесконечно, крутятся в негативных эмоциях, а искать выход, анализируя ситуацию. Но главное — он помогает мне любить саму себя.

— Звучит двусмысленно, — улыбнулся Арен и, наткнувшись на хмурый взгляд жены, поправился: — Я шучу, Вик. Я рад за тебя. Но почему ты не хочешь, чтобы я оставался сегодня с тобой?

— Не только сегодня, — сказала она тихо и опустила глаза, слегка побледнев и упрямо поджав губы. — А вообще никогда. Так будет правильно. Ты любишь Софию и должен быть с ней.

— Моя жена — ты.

— Это неважно. Ты любишь Софию.

— Вик, ну перестань, — он поднял руку и погладил ее по плечу. — Ты же на самом деле хочешь, чтобы я остался.

Она вздрогнула и подняла голову. В глазах ее застыли слезы, и Арену внезапно стало до безумия жаль жену.

— Уходи, — выдохнула она резко и сделала шаг назад. — Конечно, я хочу, чтобы ты остался. Очень хочу. Но это неправильно. Ты не желаешь быть со мной. Ты любишь Софию.

— Софии нет во дворце, — возразил Арен, оставаясь на месте и внимательно глядя на Викторию. — И в моей жизни ее тоже нет.

— Она есть в твоём сердце, — прошептала Виктория, губы ее задрожали, и она разрыдалась, оседая на пол, будто ее перестали держать ноги.

Император подхватил супругу на руки и понес к постели. Он чувствовал отчаянное желание утешить Викторию, при этом понимая, что абсолютно бессилён. Он был не способен дать ей то, о чем она мечтала.

— Нет. — Жена отвернулась, когда он попытался поцеловать ее. — Не нужно, Арен. И уходи, пожалуйста, уходи, пока я не передумала и не сдалась. Иначе я перестану уважать себя.

Если бы не последняя фраза, он бы все равно поцеловал ее. И остался бы на ночь, и сделал бы так, чтобы Виктория забыла свои безнадежные идеи. Он доводил бы ее до иступления множество раз, вынуждая кричать, срывая горло и царапая ему спину — но Виктория сказала: «Иначе я перестану уважать себя», и Арен остановился. Вот уж чего бы он по-настоящему не хотел.

— Вик, — проговорил он серьезно, отстраняясь и садясь на постели рядом с ней, — ты хорошо понимаешь, о чем просишь меня?

— Конечно, — кивнула она не менее серьезно. — Я хочу, чтобы ты был с женщиной, которую любишь.

— Этой женщины здесь нет.

— Так верни ее.

— И что дальше? — чуть не заорал Арен, сдержавшись в последнюю секунду. На Викторину он не злился — он злился на ситуацию и на себя: вместо того, чтобы пресечь этот разговор, он слушает и отвечает. — Ты предлагаешь мне развестись с тобой и жениться на Софии? Чтобы тебя пинали в каждом аристократическом доме? Чтобы ты виделась с детьми только по выходным? Или не виделась вообще?

Виктория сглотнула и побледнела сильнее.

— И это я только про тебя сказал. Как при этом начнут полоскать мое имя, я молчу. Как будут смотреть на Софию — тем более. Сейчас не время для разводов.

— Не сейчас, — шепнула жена, умоляюще глядя на него. — Позже. Через несколько лет, например. А пока... я буду исполнять формальные обязанности. А ты... будешь жить с Софией.

Арен молчал. Его тошнило.

— Это же лучше, чем ложь! — воскликнула Виктория, приподнимаясь, и обняла его. — Ну, Арен! Мы все знаем правду. И ты, и я, и София. А остальных это не касается!

— Защитник, — пробормотал император, погладив супругу по голове, — почему это не казалось таким сложным, когда я собирался лгать тебе?

— Потому что ложь легче, чем правда. Мне так Силван на сеансе сказал. — Виктория положила руку Арену на грудь и продолжила с той же горячностью: — Но ложь — это грязь, а правда не может быть грязной, даже если она болезненная.

Они сидели, обнявшись, несколько минут, и молчали, но в этом молчании и легких движениях их ладоней, которыми они продолжали касаться друг друга, было больше любви, чем во всех прошедших годах брака.

— Я убрал Софию из дворца, чтобы не рисковать ее жизнью, — признался Арен негромко. — Я устал от покушений и боялся за нее.

— Понимаю. Но это не выход. Иначе надо убирать отсюда всех, кого ты любишь, в том числе Агату с Александром. А Арчибальд? Ему в таком случае нельзя быть охранителем, он же может погибнуть раза по два в месяц, если не чаще.

— Ты права. — Император склонил голову и невесомо поцеловал жену в лоб. — Вик... Ты уверена? Мы сейчас неплохо понимаем друг друга, можно попробовать построить нормальную семью. Я буду заботиться о тебе, и клянусь, ты никогда не будешь несчастной.

Она улыбнулась с горечью и, подняв голову, ответила, глядя ему в глаза:

— Уверена, Арен.

ЭПИЛОГ

Все это случилось в один день. Вернувшись с работы, София обнаружила на кровати белую лилию. Этот цветок члены императорской семьи дарили своим избранницам в том случае, если собирались жениться.

Пальцы ее заскользили по бархатным лепесткам, усиливая мягкий и пряный аромат, и сердце забило быстрее. Неужели он все-таки передумал? Спустя полтора месяца — передумал? Или этот подарок значит что-то другое? Нет, а что еще он может значить?

София боялась поверить. Сидела на постели, сжимала в ладонях стебель цветка, и почти не дышала. И тихий писк почтомага с трудом слышала.

Письмо! Может, Арен оставил ей не только цветок, но и записку?

Однако письмо было не от императора, а от его жены.

«Я давно хотела написать тебе это, но боялась. Теперь не боюсь, потому что Арен меня поддерживает. Я все знаю, Софи. Знаю, и прошу тебя вернуться во дворец. Больше между нами не будет лжи, не будет обмана, и вы сможете быть вместе...»

Строчки плясали перед глазами, расплывались, дрожали, и София никак не могла осознать то, что действительно читает все это. Виктория, к которой она в последние недели начала относиться с огромной нежностью, мягко уговаривала вернуться, уверяла, что не против, хоть это и будет сложно, но они справятся. Справятся, потому что не лгут и уважают друг друга.

Дочитывая письмо, София уже с трудом дышала. И когда перевернула листок и увидела не карикатуру, а обычный рисунок, на котором она обнимала радостных Агату и Александра — дышать стало невозможно вовсе. Она хлопала ртом, как рыба, обливаясь слезами и чувствуя себя одновременно и счастливой, и несчастной.

— Ваню! — воскликнула София, когда наконец смогла и дышать, и говорить, и распахнула дверь комнаты. — Ваню!

— Что? — раздался его голос с первого этажа, и она попросила:

— Подойди, пожалуйста.

Через минуту Вагариус, полюбовавшись на красное и заплаканное лицо внучки, уже читал письмо императрицы. Закончив, он вздохнул и, отложив в сторону листок, обнял Софию.

— Я могу перенести тебя во дворец прямо сейчас, — сказал он с грустью. — Попрошу Ральфа сделать допуск, он не откажет.

— Ты... не против? — прошептала София, прижимаясь к груди своего дедушки и глотая слезы. — Не против?..

— Как я могу быть против, если все это время я наблюдал, как вы оба медленно умираете? — ответил Ваню, сжав ее плечи. — Император ходил весь почерневший и так похудел, что ему пришлось срочно менять гардероб. А ты? Ты сколько раз улыбалась за последние недели? Меньше, чем пальцев на одной руке. Я не хочу хоронить ни его, ни тебя.

София вздрогнула и подняла голову.

— Тогда пойдем. Пойдем скорее!

Они перенеслись во дворец через несколько минут из собственной прихожей, но прежде чем идти к Арену, София направилась в парк. Именно там гуляли сейчас наследники и Виктория.

Агата и Александр увидели ее издалека и так завизжали, кинувшись навстречу, что со всех окрестных деревьев срочно улетели все без исключения птицы.

— Софи-и-и-и!!! — визжали дети, обнимая ее, опустившуюся на колени, и прыгая от восторга, но вскоре этот восторг сменился слезами.

— Мы тебя так ждали-и-и-и! — разрыдался Александр, и тут же заплакала и Агата.

— Ты же не уйдешь больше? — захныкала девочка, вцепляясь в рукав платья Софии. — Не уйдешь же?!

Она подняла голову и посмотрела на Викторию, которая стояла тут же, рядом — запыхавшаяся от стремительного бега, потому что тоже бежала к ней, и с такой счастливой теплой улыбкой, что София невольно улыбнулась в ответ.

— Она не уйдет, — ответила Виктория уверенно и протянула руку, помогая ей подняться с колен. — Никогда-никогда не уйдет.

Дети радостно завизжали, а София, ощутив внезапную волну сочувствия и неловкости, прошептала, делая шаг вперед и сжимая пальцы императрицы.

— Если ты попросишь, я уйду.

— Не попрошу. — Виктория, по-прежнему счастливо улыбаясь, кивнула на дворец. — Иди к нему скорее. Дети, Софии надо отлучиться к папе, но она скоро придет!

— Мы будем ждать, Софи! — ответили наследники хором, и она, развернувшись, почти побежала ко входу, уже не услышав, как Агата спросила у Виктории:

— Мам, ты что-то такое интересное чувствуешь, я не понимаю, что. Как это называется?

— Искупление, моя радость, — сказала она тихо, прижав ладони к груди — там, где билось ее сердце, оказавшееся полным силы и мужества. — Это называется искупление.

Охрана впустила Софию в кабинет императора без лишних вопросов, просто открыв перед ней дверь. Девушка стремительно пересекла приемную, где уже не было секретаря — рабочий день Адны давно кончился, — и, распахнув дверь кабинета, влетела внутрь, чуть не столкнувшись с Гектором, который, судя по всему, уже собирался уходить.

Дайд, увидев ее, хмыкнул, подняв брови, а потом быстро удалился, не произнеся ни слова. Но София на него и не посмотрела — она смотрела лишь на Арена. Император, поднявшись с дивана, шел ей навстречу, глядя на нее с любовью и надеждой, и эмоции его, открытые для нее, как и раньше, полыхали радостным огнем.

Он опустился на колени прежде, чем она успела его обнять, и прижался лицом к животу — как тогда, после ее возвращения из абсолютного щита.

— Наверное, я не должен быть рад, — сказал он хрипло, — но я рад.

София запустила ладони в его волосы и чуть не застонала. Как же она соскучилась!

— Я тоже, — шепнула она, закрывая глаза на мгновение. — Я даже не уверена, что поступила правильно.

Арен понял все без объяснений.

— Мы справимся, — произнес он, поднимаясь с колен, и обнял ее. — Мы с тобой сделаем все, чтобы Виктория была счастлива. Она и сама хочет этого — значит, должно получиться.

— Обязательно получится. — София улыбнулась, потянувшись к его губам. — Раз уж у нее получилось то, благодаря чему мы сейчас вместе. Это гораздо сложнее.

Арен поцеловал ее, крепко прижав к себе, и София обхватила его руками, прижимаясь в

ответ и наконец ощутив то, чего ей так не хватало эти полтора месяца. Она обнимала императора, словно проникая в него, перетекая, и ощущала, как он делает то же самое, принимая ее свет и одаривая своим.

Они вновь стали единым целым.